Иннокентий ЧЕРЕМНЫХ

Разведчики

Военная повесть
с дополнениями автора, которые он внес незадолго
до своей кончины

ББК 84
Ч-46

Эта книга посвящается 90-летию со дня рождения писателя-фронтовика Иннокентия Захаровича Черемных (1922-2004)

Воплощение замысла проходило под патронатом Братского государственного университета, имеющего большой опыт по изданию военно-патриотической литературы, при активном содействии Братского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Черемных И. З.
Ч-46 Разведчики: Повесть /И. З. Черемных; Сост. М. М. Исакова. - Братск: Издательский дом Братск, 2013. - 366 с.

Оргкомитет: ректор БрГУ С.В.Белокобыльский (председатель), председатель президиума совета Братского городского отделения ВООПИК Г.Е.Ступак (сопредседатель, ведущий координатор проекта), заместитель проректора по учебной работе БрГУ О. В. Тищенко, руководитель поискового отряда «Братск» С.М.Чулков, директор Братской центральной городской библиотеки им. И.З.Черемных Р.И.Кучмук, главный редактор газеты «Братский университет» М.М.Исакова, ведущий редактор этой же газеты С.Д.Степыко.

Оргкомитет благодарит за творческое сотрудничество типографию «Издательский дом «Братск», редакцию газеты «Знамя», журналистов Е.А.Урукова, В.Т.Степанова, Е.Ю.Подскочину, Л.В.Вржежевскую, О. Ю. Артюхову, телерадиокомпанию «Братск», директора Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары Е.Н.Гинзбург, специалиста этого же музея Л.А.Шевгенину и др.

Особая благодарность родной сестре писателя Александре Захаровне Черемных, внукам Дмитрию Владимировичу Бибанаеву и Яне Владимировне Хариной.

Составление и литературное редактирование – М.М.Исакова

ISBN 978-5-98270-071-1

© БрГУ, 2013
© Оформление.
ООО «Издательский дом «Братск», 2013

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Первым командиром, которого я узнал в армии, был лейтенант Королев. Он прошел вдоль строя. Мы стояли перед ним, одетые кто во что горазд. Одни были в длинных шубах, другие - в полушубках, дохах из собачьего и медвежьего меха, шкур дикой козы. На ногах - самотканые валенки, унты, ичиги, чирки. Уши шапок у одних висели, у других торчали вверх. Ростом неодинаковы, но все одного, 1922 года рождения, бывшие колхозники из сел и деревень Братского района. Мы смотрели на коренастого, плечистого Королева, на его белый, как снег, полушубок, опоясанный широким ремнем. Пристально оглядывая нас, он спросил:

- Кто желает быть разведчиком? Служба веселая, почетная, всегда впереди. Разведчик должен быть смелым, решительным, сильным и вертким! Такому бойцу всегда почет. У кого же гайка слабовата, тому лучше в другую часть идти. Подумайте!

И пошел от нас к зданию, обнесенному штакетником. Там был расположен штаб дивизии. Лейтенант, по-видимому, давал нам возможность посоветоваться между собой - идти в разведку или нет. Но мы болтали о другом:

- Нас бы так одели, как его.

- Надо спросить, как кормят.

Лейтенант вышел из штаба вместе с писарем.

- Хорошо подумали? - издали спросил Королев.

Все молчали, и он, помедлив, скомандовал:

- Желающие быть разведчиками - два шага вперед... марш!

У меня получилось три, и я встал вплотную перед ним.

- Ты кто? Охотник или рыбак? - спросил Королев.

- Рыбачил с тятей и один, на удочку за полдня по ведру пескарей надергивал. Охотился…

- Значит, смекалка есть? Стреляешь хорошо? Плавать умеешь? Как подкрадывался? В рост, ползком?

- Всяко разно и на карачках.

- Ты покажи, как, - встрял в разговор Пронька Каймонов.

- Ну и чо, покажу! - встав на четвереньки, я тут же почувствовал тяжесть руки командира.

- Ниже, ниже держать ее надо! Немец не утка, с ходу клюнет! - И писарю: - Запиши, научится!

Тех, кто вышел, переписали, а к поредевшему строю подошел другой, в черном полушубке командир и сразу скомандовал:

- Сомкнуть ряды! Кто больной - два шага вперед... арш!

Никто не шелохнулся.

- Больных направляем в санчасть, а там, глядишь, и домой отпустят. Больные не нужны в армии, а колхозы и больным будут рады, пахать некому... Последний раз спрашиваю - кто больной?!

Из строя вышли три парня.

- В артиллерии хворым не гоже быть, - сказал командир. - Пойдете в пехоту, там вылечат вас.

Артиллеристов и пехотинцев увели куда-то, а наш командир, все еще расхаживая вдоль строя, оглядывал нас, спрашивал то одного, то другого:

- Родители есть? Почему мать пуговку не пришила? Ты что, на зимовку собрался? Что тебе натолкали в мешок?

- Телятина, хлеб!

- У кого есть козлятина, медвежатина?

Все молчали. Глаза командира уставились в серую дохушку Пашки Тельнова:

- Сам настрелял коз?

- Нет! – честно признался парень.

- Братск - таежный район, я думал, что все вы охотники, со смекалкой люди, стрелки хорошие, сразу можно в разведку отправлять, а вы? Мамкиных телят понапихали в мешки...

- Козу выслеживать надо, - сказал Прокопий Каймонов, - а телка во дворе колотушкой... бух - и в чугун.

- Почему у тебя переднего зуба нет?

- Трактор заводил, рукояткой выбило.

- А я думал, ты боксер, драчун, ловкач. Почему ты пожелал в разведку? Ни охотник, ни боксер и в разведку?

- Научусь! Вы говорите - служба веселая, всегда впереди, ну я и согласился.

- Он пляшет, поет, на гармошке играет, - подсказал коренастый, в медвежьей дохушке парень.

- Кто тебя за язык тянет? Разведчик должен быть глух и нем. А вы все как базарные бабы. Ну ничего, через месяц-другой прикусите... Командиры научат вас... как шапки носить.

Каймонов, подняв висевшее ухо шапки, стал завязывать тесемки.

- Будешь ротным запевалой, - определил ему командир. И неожиданно для строя подал команду: - Равняйсь!

Мешки, торбы с харчами лежали, стояли впереди и позади нас. Боясь, что командир уведет строй без мешков, мы давай хватать их, а он еще зычнее:

- Равняйсь!

Какое равнение с мешками на плечах, соседа по строю не видно.

- Смирно-о! Справа налево по порядку... рассчитайсь!

- Один! - выкрикнул я.

Пашка тихим голосом:

- Два-а!

- Отставить! Не один-два, а первый-второй! - пояснил командир, отшагивая от строя назад. - Справа налево по порядку номеров... рассчитайсь!

- Первый!

- Второй!

- Третий!

- Четвертый! - выкрикивали парни.

Выкрики удалялись и удалялись от нас с Пашкой, и голос замыкающего едва был слышен:

- Семьдесят пятый!

Командир выстроил нас в две шеренги, прошелся вдоль строя, скомандовал:

- В баню с песней! Шаго-ом... ма-а-рш!

Прокопий Каймонов запел:

Отец мой был природный пахарь,
А я работал вместе с ним...

- Отставить, отставить! - закричал Королев. - Ты что, в арбе едешь? Строевую давай! Под ногу, чтоб шаг тверже был! Запевай «Выпрягайте, хлопцы, коней!»

Прокопий запел... Мы вяло, невпопад, подхватили, и Королев, морщась, опять крикнул:

- Отставить! Вы что, хором никогда не пели?

- Как не пели!

- А в чем же дело?!

- Пели с девчонками, а с ними чо не петь!

- «С девчонками»! – передразнил командир. - О них забыть надо.

- Шутишь, дядя, - вырвалось у кого-то, - о них не забудешь.

- А нас скоро на фронт? - спросил Каймонов.

- На фронт... Ходить научитесь!

В бане остригли нас, выдали обмундирование. На улице мы сразу же почувствовали, что такое солдатская закалка - шинели третьей категории насквозь пронизывались ветром. Не скользил мороз и по надраенным до блеска сапогам, пробираясь через широкие голенища.

Начались занятия. Ночами - тревога за тревогой, дальние броски на лыжах. Солдатского пайка не хватало, подводило живот. У меня стала кружиться голова, и я пошел в санчасть.

- На что жалуетесь? - спросил серолицый доктор.

- Голова ходуном ходит, когда наклонюсь. Еды не хватат, - объяснил я.

- Наверное, до армии по ведру картошки съедал? Распустил брюхо... Тут паек, лишнего не съешь. Молока крынку не выпьешь.

- Молока и дома не всегда перепадало, у нас семья большая, коровенка плохо доится.

- Подойди ближе!

Четко шагаю.

- Та-ак! - произнес доктор, прикасаясь ледяными пальцами к моим горящим от жгучего ветра щекам.

Смотрим друг на друга. У него на горбинке носа синие прожилки.

- Не похоже... не похоже, - бурчал он. - Меньше думай о жратве, голова перестанет кружиться. От симуляции она у тебя ходуном ходит! Кру-угом!

Ошарашенный, я повернулся через правое плечо и без его команды «марш!» вышел из кабинета.

Через два месяца военной подготовки нам заменили шинели полушубками, буденновские шлемы – шапками. В общем, обмундировали во все теплое - и на фронт.

Третьего марта 1942 года прибыли в Калугу. Только мы из вагонов - бомбежка! Рота - врассыпную. Я действовал по наставлению отца: «Сын, держись за бывалым солдатом!» Какой-то миг глазами отыскиваю бывалого, чтобы увязаться за ним. И тут замполит под машину нырнул. Я сразу «сообразил»: в кузове снаряды, а они железные, их бомба не возьмет, - урезал к машине и залез под нее. Замполит голову сует к диску баллона. «Ишь ты, совсем молодой, а хитрый», - тычусь головой в другой диск. Бомбежка - вовсю! Полуторка ходуном ходит. Замполит вдруг мыкнул и потянулся. Глядя на него, я тоже вытянулся.

Вот уже утих визг бомб, взрывы прекратились, командиры взводов окликают солдат, на построение зовут, а мы лежим. «Замполит знает, что делать, видно, ишо будут бомбить», - думал я.

Оказывается, его осколком в бок шваркнуло, вот он и притих. Потом, где-то в развалинах Калуги, командир выстроил роту и строго спросил:

- Кто под машиной был?

Я выступил из строя и не без гордости ткнул себя пальцем в грудь:

- Я и ишо замполит!

Ротный подошел ко мне:

- Садовая твоя голова! Стоило бы осколку попасть в снаряды и от тебя бы - пшик!

Тут я задумался. «Замполит-то замполит, в политике разбирается, а вот куда голову совать при бомбежке - не знает, как и я. За кем же держаться, все не обстреляны?» Я поглядел в оспенное лицо Павла Тельнова и шепотом спросил:

- Ты в бомбежку где был?

- В старой воронке.

- А если бы бомба на тебя упала?

- Куда уже попадала, вряд ли может угадать, в Свердловске раненый рассказывал. Да я и сам размыслил. В одну точку из ружья не попасть, а с самолета и подавно.

- Двигаться будем колонной, - говорил командир, - с разрывом машина от машины сто метров. - Он взглянул в облачное небо: - Зорко следите за воздухом. В случае налета - врассыпную. Ни в коем случае не ныряйте под кузов. - Глазами отыскал меня: - Понял? По машинам!

Строй разлетелся.

- Пашка, я за тобой буду держаться! - на бегу кричал я Тельнову в затылок. - Ты ушлый! Не трус!

В кузове полуторки сели с ним спина к спине, и я через плечо говорил ему:

- Мы с тобой боронили, пахали вместе и теперь должны - не разлей вода! Вместе и умереть не так страшно...

Пашка был задумчив и нехотя слушал меня. Я напомнил ему, как мы с ним вместе с охотниками колхоза гнали табун жеребят и старых кобыл на покос, а он в ответ зло пробурчал:

- Выбрось дурь из головы!

- Не дурь! Ты тогда уже был отчаянным, а я тайги боялся...

Есть здорово хотелось, и невольно вспомнилась двойная уха, что мы с ним варили на Казербе, суп из сохатиного мяса, песни парней и девчонок, баловство на крыше зимовья...

- Воздух! - закричал вдруг Пашка.

Я настолько был углублен в прошлое, что не сразу понял, что за «воздух». Люди прыгали с машины, а мне казалось - с крыши зимовья, и, уже оглушенный звуком мотора и трескотней пулемета, я вывалился через борт кузова с мыслью: «Где Пашка?!» Тут второй самолет врезал из пулемета по колонне, и я сиганул от полуторки. Падая в сугроб, глазами отыскал старые воронки, думая, что Пашка опять, как в Калуге, укрылся в них... И наткнулся на Петра Большешапова с окровавленной рукой.

- Петя! - бросился я к нему и тут на пути - Пашка.

- Перевяжи! - крикнул он мне, стягивая полушубок.

У меня екнуло сердце: «Ранило!» Я встал перед ним на колени, он был мертвенно бледен, но произнес спокойно:

- В подмышку угадило.

- По машинам! - раздался голос Королева. - Раненых - в Козельск!

- Прощай, Паша! Петя, прощай! - с подкатившим к горлу комком я полез в кузов своей полуторки.

- Куда?! Оглазел, что ли?! - орал на меня шофер. - Машина вышла из строя! Дуй на третью!

Побежал к третьей машине, сел. Тут был Леня Крамынин из нашего отделения. «Теперь за ним буду держаться, - в отчаянии думал я. - Он умный. Был бы дурак, комсомольским секретарем не избрали бы...»

Чем ближе передовая, тем хуже дороги. Машины буксовали в снегу, выходили из строя, и мы становились на лыжи, шли по проселочным дорогам. Противник, обнаружив передвижение частей нашей дивизии, бомбил и обстреливал большак из дальнобойных орудий. «Мессершмитты» сверху огнем давили пехоту. Вблизи Сухиничей зенитчики подбили «мессера» и взяли в плен летчика. Комиссар говорил нам:

- Немцы по шубам узнали, что идут сибиряки.

Наш командир Федор Ефимович Королев вел нас по заснеженной местности с помощью компаса – напрямик. Как говорится, «через леса, через поля»: мы то взбирались в гору, то катились с нее. И вот наш первый взвод полетел с откоса кубарем, повтыкался в сугроб. Проня Каймонов - удачнее всех. Надо было предупредить второй взвод, шедший за нами, и он оглашенно орал:

- Правее, правее! - Но было уже поздно. Однако никто из роты не свернул шею. Королев вывел роту на дорогу, по ней нескончаемым потоком шла пехота, и тут где-то трахнуло, провизжало, грохнуло в лесу.

- Ложись! Ложись! - заорали командиры, и опять будто бахнуло по барабану, и следом - визг, взрывы. Чтобы выйти из-под обстрела, пехотинцы и разведчики пустились кто куда, перемешались... Мы с Гошей Марченко потеряли своих. Кричать «разведчики, где вы?!» нельзя, это название воинской части, военная тайна, и мы, путаясь между солдатами, спрашивали:

- Вы не из Братска? Вы откуда? Ты, паря, откуда?

- Из Слюдянки я! – ответил один.

- Из Слюдянки?! Я тоже жил в Слюдянке! Ты случаем не знавал Гришу Ермакова? Такой длинношеий, головастый, «якут» его называли.

- «Якут»?! - переспросил он и тут же побежал к дороге, я - за ним, Гошка Марченко следом. Пристроились в хвост колонны.

- Ты чо, паря, так зычно спросил «якут»!? Видно, знавал его?

- Да! Его теперя называют товарищ замполит Григорий Иванович Ермаков. Он помощник комиссара роты.

- Во-о! - обрадовался я. - Как его найти?

- Тише, не ори! Он, видно, впереди идет. Кто ты ему?

- Друг детства, - прошептал я.

И этот солдат в черном полушубке сказал в затылок другому солдату:

- Ермакова в хвост строя!

- Ермакова в хвост строя! - передал тот дальше.

Тихий говор несся по колонне, я с радостью на душе вспоминал. «Черемша соленая! Черемша в пучках!» - наперебой кричали мы с Гришей Ермаковым на базаре в Слюдянке. У него шея была тонкая, длинная, а на ней большая, круглая голова, лицо скуластое от худобы. Чумазые мальчишки-беспризорники прозвали его «якут». Налупят меня, говорят: «Пошли дубасить «якута». Мне бы подружиться с «якутом» и вместе давать отпор, но мы с ним соперничали. Я злился на него, когда он больше распродавал черемши или орехов. Он за это же злился на меня. Время было голодное, мы с братишкой Мишей ходили в железнодорожную столовую собирать со столов недоедки, и он ходил туда же. Как-то пробрались в красноармейский летний лагерь, и «якут» тут как тут! Живо подставлял картуз под котелок с рассыпчатой гречневой кашей, окунал лицо в картуз, хватал ртом кашу, жадно глотал. Красноармейцы беззлобно тешились над ним, валили ему каши больше, чем мне и Мишке. И мы за жадность хотели проучить его, а он предложил:

- Я согласен собранные куски валить в одну кучу, потом делить поровну на троих. Каша сама собой, кто сколько успеет съесть.

Отец мой за булку хлеба ночами колол дрова для пекарни, а я складывал их в поленницу. Смотрю, «якут» расхаживает по территории как хозяин... «Ты что, выслеживаешь меня?» - начинаю разбираться, а он отвечает: «Дедушка отдыхает, а я за него присматриваю». Оказалось, что его дед,

Яков Степанович, сторож пекарни. Так мы подружились с «якутом» - Гришей Ермаковым.

- Теперь, значит, «якут» ваш замполит? - переспросил я пехотинца.

- Разговоры! - предупредил идущий навстречу колонне человек. - Кому Ермакова?

- «Якут»?! - окликнул я его. И к нему: - Ты жил в Слюдянке? Ты Гриша Ермаков? Ты продавал черемшу, орехи?

- Ну... Кто ты? - он схватил меня за борт полушубка, уставился мне в глаза, а я в его. Хоть и темно было, но по блеску глаз я определил, что они у него большие.

- Неужто ты, Гриша?

- Ну-ну! Гришка Ермаков! «Якут»! А ты кто?!

От нахлынувшего волнения я задохнулся:

- Боже!.. Опять свели дорожки! Я тот самый... с кем ты в Слюдянке куски собирал в столовой.

- Кешка?! У тебя братишка еще был?!

- Ага! Он умер! Дома в деревне, мы же уехали из Слюдянки.

- У меня тоже брат в Слюдянке умер. Восемнадцать лет ему было, старше меня. Работал грузчиком, надорвался, заболел и умер. Тяжелое время, брат, выпало на нашу с тобой долю! Голод, холод, война...

Напоминание о войне подавило во мне радость случайной встречи. Семь лет не виделись - было о чем вспомнить, поговорить, а язык перестал ворочаться. И у Григория, видимо, было такое же состояние - не до воспоминаний, и мы шли с ним замыкающими в строю пехоты молча. Шли долго. На Грише была портупея, полевая сумка. Я прервал тяжелое молчание:

- Ты все же выучился, а я нет - рядовой разведчик.

- А как ты с нами оказался? - спросил он.

- При обстреле мы с другом перемешались с пехотой. Ежели завтра не найдем своих... дезертирство припишут! - и у меня по спине пробежали холодные мурашки.

- Меня найдите, - сказал Гриша. - Первая рота первого батальона шестьсот пятьдесят шестого полка. Ни пуха ни пера тебе, друг! - и он, размахнув рукой, звучно шлепнул ладонью о мою ладонь. - До свидания! - и побежал в голову колонны.

...Днем, как мы с Гошей Марченко ни метались туда-сюда, не нашли свою роту. Опять пристали к пехоте, отыскали Ермакова, он привел нас в избу... По команде «смирно» стоим перед низкорослым, чернявым, по выправке похожим на деревенского мужика политруком роты Черночубом.

- Ничего страшного! - успокаивал он нас. - Вы идете на фронт, а не с фронта в тыл, - оглядел избу, - располагайтесь, отдыхайте.

На душе полегчало. Над головой - крыша. У русской печки на соломе вольготно лежали два маленьких ягненка, и мы с Гошей потеснили их. Гриша Ермаков устроился спать на лавке. Черночуб долго сидел за столом, словно прислушиваясь к чему-то или ожидая чего-то. Мне показалось, что я его где-то видел, этого приземистого, с черной головой человека. И вспомнил...

-Я вас знаю! Вы из Слюдянки! Машинист паровоза! Вы завсегда в столовой не дохлебывали суп и не доедали кашу! И мы с братишкой Мишей подчищали ваши тарелки.

- Те парнишки выросли, а я, видно, не изменился, так и похож на паровозника, - сказал Черночуб. Посмотрел на Ермакова, на меня: - Значит, вы опять вместе голодаете? Ничего, все наладится, - и он уткнулся головой в стол, хотел подремать.

Чертовски хотелось есть, и я окликнул Ермакова:

- Гриша, ты не спишь? Вот сейчас бы нам ту гречневую кашу, что у красноармейцев в лагере ели...

- Я и теперь не постеснялся бы своих бойцов, подставил бы шапку под ту кашу. Спи, не трави душу! Не дай бог, и завтра наши тылы не подойдут.

От пустоты в животе, от волнения, что мы потеряли свою роту, я никак не мог заснуть... А тут еще хозяйка вздумала дрова колоть, носить их в избу, со скрипом и стуком захлопывая дверь. Наконец дошло до нее, что мешает нам спать. Она притихла на минутку где-то недалеко от нас, а потом, шаркая о пол ногами, вышла из избы, не прикрыв путем дверь, и я спрятал от холода голову под шубу.

...Тылы полка так и не подошли. То ли их разбомбили, то ли они сбились с маршрута. Пехота голодной пришла на передовую.

Ночь, нигде ни одного выстрела. Мы с Гошей Марченко, словно телохранители политрука Черночуба и Гриши Ермакова, не отставали от них.

Командир роты, красивый на загляденье лейтенант Руденко говорил командирам взводов, светя на карту фонариком:

- Смотрите сюда. Вот речка, за ней - немцы. Нам приказано занять оборону вдоль деревни, она в одну длинную улицу. Ориентиры - русские печи с уцелевшими трубами. Рассредотачивайтесь повзводно, тихо, без стука, крика. Тебе, Гриша, - сказал Ермакову, - взять кого-нибудь из ребят, удалиться от роты метров на пятьдесят и осторожно патрулировать вдоль фронта. Все будут заняты работой, не услышат, как и немцы подойдут.

Ермаков взял себе в напарники толстяка Кувырзина, и они пошли. Мы с Гошкой Марченко потянулись за ними.

На востоке обелялось небо. Ходим по краешку нейтральной полосы. Тишина кругом. Не похоже, что где-то недалеко противник. Наша пехота расползлась - никого не видно и ничего не слышно. Вдруг Ермаков резко махнул рукой, упал, бухнулись рядом с ним и мы.

- Смотрите, кто-то ползет!

Смотрю в сторону немцев, там полосой тянется кустарник. Догадываюсь, что это речка, а больше ничего не могу рассмотреть.

- Где ползет? - спрашиваю, и тут же замечаю на белом снегу что-то черное, шевелящееся.

- Может, разведчик - наш или немецкий? - предположил Гриша. - Стрелять, окликать нельзя, себя выдадим. Надо командира спросить! - и он побежал в сторону деревни.

Тем временем «разведчик», приближаясь, становился все больше. Взял его на мушку. Рядом со мной замер Гошка. Кувырзин весь дрожал: то ли от холода, то ли этот ползущий нагонял на него страх. И он вдруг выстрелил, завился вьюном, мыча... будто сам себя ранил.

«Разведчик» лежал неподвижно.

- Убил! - решил Гошка. - Кто он? А ты убил!

Прибежал Ермаков и командир роты Руденко. Кувырзин вскочил:

- Не я, палец сам нажал. Я нечаянно!

Руденко рукой отстранил его. Подошел к убитому, наклонился, ощупал рукой, вынул из кармана документы... Убитый оказался в русской шинельке, надетой на телогрейку. По одежде он был не нашей дивизии. Кто он, почему со стороны немцев полз, было непонятно. Кувырзин тихо выл, причитая:

- Расстреляют... Я смерть предчувствую, - и словно накаркал. Его выстрел привлек внимание немцев. Послышались хлопки и визг мин, похожий на поросячий.

- Ложись! - крикнул Руденко. И тут с треском заплясали на снегу взрывы. - За мной, в укрытие!

Побежали за командиром роты к деревне.

Над головой грохотало, визжало, взрывы бросали нас на землю. Жьюх, жью-юх! - врезалось в землю что-то тяжелое. Взрывной волной нас подхватило, поволокло вперед. И вдруг Руденко как в землю провалился. «В подполье нырнул», - догадался я и тут же увидел пасть погреба.

- Помогите! - раздался позади меня голос Гриши Ермакова. Он волочил вниз массивного человека в полушубке.

- Кувырзин?!

- Да!.. шага три... не добежал, - задыхающимся голосом ответил Ермаков.

Кувырзина положили на спину. Лицо его, испорченное оспой, было безжизненным. Из головы струилась кровь. Тело еще конвульсивно вздрагивало. Руденко снял со своей черноволосой головы шапку...

По приказу командира мы вынесли с нейтральной полосы труп в русской шинели. Хотели похоронить в одну могилу с телом Кувырзина, но Руденко пробурчал:

- Не надо вместе. Драться будут. Присыпьте его снегом. Попытаемся найти его часть, пусть опознают. - Взглянув на нас с Гошкой Марченко, добавил: - Рота ваша должна где-то тут недалеко быть. Ищите, а то так же вот, - кивнул головой на убитого, - кто-нибудь прихлопнет вас, будете значиться без вести пропавшими или как дезертиры. – И написал записку на имя командира разведроты Королева с подписью: командир 1-й роты 1-го батальона 656-го с.п. лейтенант Руденко.

Нашли мы свою роту.

Пять дней голодаем. Шесть ложек сухарных крошек лишь тем, кто шел в разведку. Днем и ночью - бомбежка и обстрел. Лежа на дне тесной землянки, мы вздрагивали от толчков земли. Гриша Доброхотов вдруг схватил топор и выскочил на улицу.

- Куда? Наряд вне очереди! - только и успел крикнуть командир отделения Прокопий Каймонов. И вынырнул из землянки: - Федька, куда убежал Гришка?

Голос Федьки Черных едва был слышен, и мы ничего не поняли.

- Ты чо, путем ответить не можешь? - командир сел в проходе. - Видали? Три дня каптерочником, а уже заелся!

- Чо там ись-то, мешки пусты! - заступился за Федьку Михаил Московских.

Бомбежка прекратилась, скоро вернулся Доброхотов.

- Куда носился? Почему без спроса! - накинулся на него Каймонов.

- Тише ты! Думал, немцы будут конный парк бомбить, а они - пушки. Только из пулеметов стрельнули по коням и улетели. Ни одной клячи не убило, - он втянул в землянку тяжелый вещмешок.

- Украл, чо ли?

- Убил!

- Кого, где?

- Убил! Впервой убил! Черт возьми, на что только не пойдешь с голодухи, - рукавом шубы Гришка смахнул капельки пота со лба. - Даже жарко стало!

- Да говори ты! – не понимали мы.

Гришка воровато взглянул на выход землянки, пригнулся к нам:

- Слышу, потрескивает в ельнике! Ну, я подкрался и с ходу - бух в лоб!

- Кого в лоб?!

- Кобылу, кого! Хоть исхудал, но одним махом убил. Она, бедняга, не хуже нас изголодала. Кору на елке грызла.

- Ну, балда! Я думал, ты человека убил, - облегченно произнес Прокопий Каймонов. И тут же распорядился: - Дрова, воду, ребята! Варить!

- Кострить-то нельзя!

- Мы за дорогой, в степи! Кто-то один пусть варит на весь наш взвод. Да ты и вари, Гриша!

- Нет! - вмешался Крамынин. - Иди к старшине, покажи, где остальное мясо, пускай заберет, кормит роту.

- Нет там мяса, - сообщил повеселевший Доброхотов. - Солдаты из химроты забрали...

Как немного нам надо было! За пять суток впервые наелись досыта, и гармонь принесли в землянку. Иван Хромовских пел, а мы будто впервой слышали частушки - хохотали, наперебой подпевали...

Утром зашел к нам в землянку комиссар Колесников. Присел в выходе:

- Ох, как темно! Душно! Объелись, что ли?

- Это Мишка «подвез»! - пошутил Доброхотов.

- Вот ты, товарищ боец, вчера громче всех хохотал! Голос твой и посейчас звенит у меня в ушах. Какое у вас сегодня настроение?

- Как вчера с обеда, - ответил Каймонов.

- Ну и отлично! Кто в вашем отделении самый сильный?

- Гришка! Он одним ударом - кобылу! - ответил Московских.

- Понятно, - сказал Колесников. - Вот в чем дело, ребята. Сегодня мы должны идти на боевое задание, взять «языка», надо подобрать отчаянного бойца для захвата. - Кивнул головой на Доброхотова: - Как ты, первым ворвешься в немецкую траншею?

- Наперво бы в поддерживающей группе сходить, - ответил Доброхотов, - узнать, что почем.

- Кому-то надо, все еще новички в этом сложном деле...

- Ну я так я! – согласился Гриша.

- Вот и молодец! Чувствуется, что не из робкого десятка. Приводите себя в боевой порядок, скоро выход. - И ушел.

Вечером бывший учитель, помкомвзвода Павлов хаживал вдоль строя и, потрясая противотанковой гранатой, рассуждал:

- Кому же вручить?.. Кто у нас сможет быть главным бомбардиром? - И вручил мне. Я хоть и был таким же воякой, как все мои земляки, но гранату РГД бросал далеко и метко, а эту вот «колотушку» взял впервой. По неопытности подвесил ее на запальный хомутик. Теперь от одного воспоминания становится жутко. Предохранительные усики могли на ходу в любую секунду выдернуться, и меня бы разнесло в клочья.

Из расположения роты вышли мы на лесную плешину. Помкомвзвода двигался впереди солдатской цепи, но вдруг отступил в сугроб и давай оглядывать нас. Ну и увидел, как у меня на ремне граната висит... Как заорет:

- Взвод, разбегайсь!

Я тоже рванул, а он кричит мне:

- Ложись!

Бухнулся, смотрю - ребята в разные стороны бегут. Вскочил, да как хватану за ефрейтором, чтобы спросить, в чем дело: я - ложись, а они - беги?! А ефрейтор Саша Сидоров оглянулся и еще сильней припустил от меня.

- Ложись! Ложись! - слышу рев Павлова.

Подчиняюсь и снова падаю.

- Снять ремень!

Вот, думаю, нашел время, когда учения проводить.

- Ко мне! - кричит.

«К тебе так к тебе», - думаю. Но ремень не оставишь в снегу, на нем снаряжение, хвать - и к нему. Он попятился:

- Стой! Стой! Брось ремень! Ко мне! Граната взорвется!

Эх, как я шмыганул! Мимо Павлова пробежал... И когда уже правильно была подвешена граната, ребята все равно смотрели на меня как на «взрывчатку». И хохотали! Будто им смешно было! А драпали так, что на хорошем рысаке не догнать.

...После смеха и ругани пришли к ровикам нашей пехоты. Не дожидаясь темноты, выползаем на нейтральную полосу. Ползем неумело, без всякой осторожности. Не очень-то следим за Доброхотовым и Решетниковым, быстро оторвавшихся от нашей поддерживающей группы. Не сразу дошло до сознания и то, что впереди оказалось вдруг не два, а четыре человека. Позади застрочил «максим», впереди - немецкий пулемет. Градом полетели в лоб трассирующие пули. Вдруг я услышал надрывный крик:

- Немцы Гришу схватили!

Не могу различить, в кого стрелять. Те и другие в маскхалатах. Двое - один за другим - бегут в нашу сторону, двое барахтаются. Палю в белый свет, как в копейку. Из тех, что бежали, задний упал. Помкомвзвода преградил путь переднему:

- Куда! Назад! За мной! - бросился вперед, но взмахнул руками, выронил автомат и рухнул.

Взводом бьем из винтовок туда, где в снегу переваливались два человека. Один вскочил, бросился к нам. Я узнал приземистую фигуру Гриши Доброхотова. Ефрейтор, за которым я час назад гонялся с противотанковой гранатой, привстал:

- Взвод, слушай мою команду: назад, отползать! Быстро! Назад!

Так закончилась наша первая вылазка за «языком». Едва сами не оказались добычей немцев. В расположение роты вернулись с двумя убитыми и двумя ранеными.

Лежа в землянке, осмысливали роковой исход:

- Пошто водку на пусты кишки дают? – начал Хромовских.

- Наркомовский паек, - сказал Леня Крамынин. – Была бы каша, кашей накормили.

- Хорошо, что Гришка сильный, руками задавил фрица! А ты с пьяных глаз в него стрелял.

- У меня в голове ходуном ходило, - виновато глядя в поцарапанное лицо Гриши Доброхотова, оправдывался Иван Хромовских. – Не мог понять, ну и по нечайности...

- М-м-да! Очухаться не могу, - говорил Доброхотов. – В глазах, гад, стоит. Как хватану я его в охапку, да как жиману - переломил ему спину, и коленом... кы-ык садану в брюхо, передавил глотку - и тягу.

- Здорово ты его! – заметил Хромовских.

- Давай на тебе покажу, чтоб ты боле не стрелял по своим.

- Тревога! Тревога! – как с перепугу, закричал кто-то наверху.

Пулей вылетели мы из землянки, побежали к лесной проталине, пристроились к командиру роты. Он, как и мы, солдаты, от голодухи бледнолицый, чем-то взволнован.

Без команды «равняйсь» и «смирно» повернул строй налево и повел в сторону заснеженного пустыря. Там, подле уродливой березы стояли трое...

Поравнявшись с ними, командир остановил роту. Смотрю на Решетникова. Его осунувшееся, изнуренное лицо заплакано. Тревожно топчась в снегу, он стискивал заскорузлые пальцы до треска. Поясного ремня на нем не было. Младший лейтенант особого отдела дивизии Яков Дубовихин с автоматом на высокой груди неторопливо вынимал из планшета лист бумаги.

Еще не представляя, что сейчас произойдет, я оторопело глядел на Решетникова, вдруг оказавшегося спиной к строю, и слышал голос Дубовихина, последние слова которого запомнились мне на всю жизнь: «Вследствие паникерства Решетникова был схвачен врагом его напарник Доброхотов... Погибли коммунист Павлов, комсомолец Макаров... Сорван поиск... На основании вышеизложенного Решетникова приговорить к расстрелу. Приговор привести в исполнение», - и тут же из автомата прострочил спину Решетникова.

- Мы-мы-ы! - в испуге промычал я, хватаясь за руку Крамынина.

Дубовихин резко обернулся:

- За паникерство - смерть! – ожег взглядом. - Смерть!

Командир повел нас в расположение роты. Ноги подсекались, не слушались, строй растянулся.

Забравшись в землянку, мы пролежали до позднего вечера молча. Хотелось есть, а есть было нечего, и мы жевали серу. Небо с утра было покрыто тучами, можно бы и печурку растопить, но ни у кого не поднимались руки. И не затопили бы на ночь, если бы не зашел к нам комиссар.

- Морозище, морозище-то! Вы что, почему не топите? А чавканье-то какое! Что вы жуете?

- Вчера серу наколупали, - ответил Каймонов. - Попробуйте! - он вынул из-под козырька шапки жвачку. - Она ишо нова, я мало жевал.

- Да нет!.. Грустите? - тихо спросил комиссар. Облокотившись о колени, положил голову на ладони. - Мать, отец есть у Макарова?

- У Макарова есть, у Решетникова - не знаю, - ответил Каймонов.

- Надо отомстить фашистам за смерть земляка!

- Чем отомстить-то? Винтовкой? – вступил в разговор Крамынин. - Мы вчера взводом, наверное, и сотни патронов не выстрелили, а немцы в нас - тысячи. У них автоматы. Если б не пехота, лежали бы все там. Подсумки тряпочные - как расстегнул, так патроны посыпались.

- У меня тоже, - подтвердил я.

- Один автомат в роте! Ползешь с этой длиннющей, во что-нибудь уткнешься штыком. Острога - на Ангаре рыбу колоть.

- Высказывайтесь все, не стесняйтесь, слушаю вас.

Мы все глядели на Крамынина, хотели, чтобы он говорил. Он был рассудительным и смелым, не робел перед командирами, но и он умолк.

- Жалко Решетникова, - почти шепотом проговорил Доброхотов. - Можно бы в тюрьму посадить, не расстреливать.

- Хорошенькое дело! Ты воюй, а паникер будет сидеть, ждать, когда война кончится? Неплохое наказание...

- Какой он паникер! Мог и другой сдрейфить! Немцы - как из-под земли, и давай хватать нас, он и испугался.

- Если бы ты в беде бросил товарища, сорвал поиск, тебя бы расстреляли! Но ты же не побежал. Думаете, мне не жалко его как человека? Молодой, необстрелянный, но... – комиссар упорно гнул свою линию.

- Почему у нас со жратвой так плохо?

Комиссар немного помедлил, словно собираясь с мыслями.

- Да, положение у нас не из легких, - заговорил он. - Немцы разбомбили эшелон с продовольствием, конечная железнодорожная станция далеко. Шоссейные и проселочные дороги заносятся снегом. На машинах не проехать. На лошадях - медленно. К тому же самолеты противника день и ночь патрулируют дороги, бомбят.

- Так-то оно так, - вроде согласился Крамынин. - Эшелон разбомбили... Вдребезги разлетелись сухари, а водка - нет! - Леня уставился на комиссара, глядевшего на него. - Загадка!.. Не вредительство ли тут! Голодных напоить - и в разведку. И вот он, исход. Смерть, расстрел! - он нервно заерзал на пихтовом настиле. - Мгновение - и человека нет! Мне лично понятно, почему так быстро разделались с Решетниковым. Расстрел - бич по трусости. - Леня окинул взглядом нас, сидевших плотно у торцевой стены землянки. - Теперь мы все сразу, без словесной морали поняли, что такое война. Убивают и расстреливают. Почему наших самолетов нет? И где те танки, что в кино самураев давили гусеницами?

- Защита Москвы, разгром немцев нам нелегко дались, - со вздохом произнес комиссар. - Много полегло людей, погорело самолетов, танков, много разбито пушек, минометов. И где все это так быстро взять? Давайте вместе поразмыслим о положении дел в стране. Большая часть оккупи-

рована врагом. Где хлеб, заводы? - Иван Максимович сел поудобнее. - Те заводы, что вблизи передовой, надо быстро демонтировать, перевезти на Урал, в Сибирь. Нужны люди, транспорт. Потом смонтировать, пустить в ход. А это не так просто. Кроме эвакуаций заводов нужно перевезти войска, технику, боеприпасы, продовольствие, эвакуировать беженцев, оставшихся без крова, без крошки хлеба! Много всяких других бед. Большая нехватка кадровых офицеров в дивизии, нашей роте. Командиры - учителя, председатели колхозов. Вы – вчерашние пахари, не обучены ремеслу разведчика. Некогда было учить. Немцы засели на укрепленном рубеже, высотах, а нам выбить их нечем. Кони на ходу подохли, снаряды не на чем подвезти, артиллерия бездействует. Сегодня вашему взводу предстоит идти на железнодорожную станцию Борятинск за снарядами. Вот такие дела, братцы-сибиряки. Не падайте духом! Все наладится! А вот почему водка не разлетелась вдребезги, как сухари?! Не знаю, как она уцелела... - развел руками комиссар. - До свидания, - и он вылез из землянки.

...Идем ночь, захватываем утро, получаем по два 76-миллиметровых снаряда, связываем их обмотками, переваливаем через плечо, торопимся в лес - в нем уже тут и там в кустах расположились гаубичники, пушкари. Одни вповалку лежат, другие кружком сидят. Возле них валяются разного калибра снаряды.

До вечера мы отсыпаемся, а ночью снова отправляемся в путь за боеприпасами. И если кто из соседних дивизий со стороны видел солдатскую вереницу, думал, что в 116-ю идет пополнение, а на другую ночь подумали бы, что 116-я уходит на отдых. Так мы несколько дней ходили то на станцию Борятинск, то на передовую линию фронта.

В аховом положении находилась в те дни наша дивизия...

Конец апреля 1942 года. Слякотная погода. У каждой землянки пылали костры. Вокруг них толпились разведчики: сушили портянки, валенки, шубы - всей ротой готовились на боевое задание. Проня Каймонов раздал дополнительно еще по одной гранате РГД, себе взял противотанковую.

Старшина выдал на пять штук урючин больше, чем было раньше.

- О-о, наладилось с продовольствием?! - бросил в шутку Каймонов.

- Завтра высчитаю, - пробурчал наш «кормилец» и, сутулясь, пошел к другому костру.

После ужина из шалаша вышли командир, комиссар роты и командиры взводов - все в полушубках. Последовали одна за другой команды:

- Потушить костры!.. Рота, ста-анови-ись! Ра-авняйсь... Смирно!

- Задание командира дивизии: взять «языка» и село Фомино, и там закрепиться, - Королев прошел вдоль строя, вернулся на прежнее место. - Кое-кто из разведчиков из-за простудной болезни не бывал на передовой, не знает, где находится село Фомино... Слушайте внимательно! Фомино сгорело, одни печные трубы торчат. Ночью при вспышке ракет трубы будут видны. Чуть дальше - высота 169, а там - Варшавское шоссе. Правее от Фомино - километра два, три - Заячья гора, высота 179. Днем немцы с этих высот видят, что делается у нас. Наша пехота только вынырнет из ровиков, как они тут же грохнут из пушек! Снайперы выбивают командиров. Ночью они стреляют вслепую - для страховки. Сегодня погода для нас что надо, ветер со снегом, - командир замолчал, отшагнул от строя роты назад, а комиссар Колесников шагнул к строю.

- Кто болен, кого чирьи мучают, без стеснения - два шага вперед марш! - и Колесников, давая дорогу больным, отступил к Королеву.

Строй зашатался, чирьи были у многих, но никто не вышел, и только кто-то на левом фланге неестественно кашлянул.

- У кого кашель? - спросил Колесников. - Кашлем можно выдать роту противнику. - Выйти из строя!

Вышел самый щуплый в роте Коля Токарев.

- Хы! - усмехнулся в затылок мне земляк Митя Распутин. - Толку-то из него! Он совсем дошел.

Токарев сам из себя сделал доходягу. Его буквально заедали вши, но он никогда не снимал нательную рубаху, чтобы обиходить себя. Не умывался, глаза у него были словно трахомные, красные, лицо чумазое.

Комиссар оглядел такого «бойца» с ног до головы:

- За ночь прокашляться, утром как следует умыться, а как мы вернемся, ко мне подойдешь...

Идем, меся грязь. Ветер с дождем и снегом пронзительно свистел и хлестал в лицо. Шубы раскисли, намокшая одежда холодила тело от шеи до пяток; в валенках зачавкала вода, они становились тяжелее. Спотыкаясь и падая, поднимали друг друга, ругались, проклиная непогоду...

На передовой ракеты раздвигали ночную темноту, трассирующие пули осыпали черную пашню. Рота развернутым фронтом пошла вперед.

Впереди грохнули орудия, прошуршали в вышине снаряды.

- Ложи-ись! - передали по цепи команду Королева. - Попластунски... вперед!

Опускаюсь на колени, вязну в слякоти, валюсь на левый бок, подаюсь вперед, бросаю взгляд вправо на Распутина, влево на Доброхотова, чтобы не отстать от них.

- Встать, вперед!

Едва встал, одеревеневшие ноги не слушались. Покачиваясь с боку на бок, с трудом сделал шаг, другой, увидел, как Распутин упал. «Видно, тоже идти не может», - подумал я и хотел было двинуть к нему на помощь, но он поднялся. Доброхотов шел чуть впереди нас.

Ротой идем и идем, теперь при свете ракет видны печные трубы сгоревшего села. Траншеи противника скрадывались сплошной чернотой поля и обозначались лишь при стрельбе пулеметов и взлете ракет. «Метров сто до них, - мысленно определил я, - лишь бы не заметили... не заметили, хотя бы уснули!»

Но заметили... За селом раздались звуки, похожие на выхлопы автомашин, и тут же завизжали мины. Вскрикнули сразу несколько раненых. Немцы застрочили из пулеметов. Разорвался снаряд, воздушной волной меня опрокинуло навзничь, оглушило, но я тут же вскочил, никого не видя и не понимая, куда вдруг все делись. Чья-то сильная рука цапнула меня за плечо, повернула, толкнула, и я опять увидел мелькающие силуэты.

Вскочил я спиной к фронту, потому и не увидел никого. Перед глазами, как наяву, расстрел Решетникова. Страх,

что сочтут за труса, бросил вперед, а ноги предательски не слушались, подсекались. Схвативший меня был уже впереди, и я узнал комиссара Колесникова.

Немцы светили ракетами, били из пулеметов. Сверкающие трассирующие пули со свистом летели густо, казалось, что вот-вот отхлестнет уши или раздробит голову. Вскрики раненых множились... Королев очутился рядом с Колесниковым, они бежали к траншеям противника, падали, вскакивали, бежали вперед и вдруг разом упали.

- Ложись! - услышал я голос Королева. - Назад!

Я крутнулся волчком. Кидаю взгляды влево, вправо - Гриша Доброхотов и Митя Распутин на четвереньках, подставляя зады под град свистящих пуль, отползают...

Под минометным, пулеметно-ружейным огнем мы волокли за собой раненых. И уже где-то перед рассветом едва-едва приплелись в расположение роты.

В землянке холодно. Валенки не стянуть с ног. Мы выглядели так, будто нас только что выволокли из грязи. Чертовски хотелось есть, а кухня не топилась. Старшина с шапкой в руках ходил от землянки к землянке, раздавая на завтрак сухой урюк по десять штук.

- Почему не пятнадцать, как вчера? - подставляя ладони, спросил Каймонов.

- Задание не выполнили, людей потеряли! - зло ответил старшина.

Из леса вылетел коротыш каптенармус.

- Арестовали! Увели! - панически кричал он, махая руками. - Туда обоих - командира и комиссара! Вон они! Ишо видно!

Впереди Королева и Колесникова шел рослый особист Яков Дубовихин. Позади следовали два конвоира. Они подходили к той уродливой березе, возле которой был расстрелян ефрейтор Решетников. Рота оторопела. Но они миновали березу.

- Куда, куда это их?!

- Судить! - отозвался каптенармус.

Его вмиг окружили, а он с испугом в округлившихся глазах, вертясь, рассказывал:

- Значится, так. Я проснулся, как они в шалаш вошли. Королев и говорит Колесникову: «Иван Максимович, до-

кладывать надо. Что говорить - почему приказ не выполнили, роту с передовой сняли? Докладывай как комиссар». А тот ему: «Нет, Федя, ты командир, докладывай. Причина одна - не смогли, не хотели понапрасну людей губить. Звони». Заговорил Королев по телефону, и тут я слышу ругань в трубке, потом запищало. Они жалобно посмотрели друг на друга. Я подбросил дров в печурку. Королев опять к Колесникову: «Осудят!» А тот ему: «Мы же с тобой еще на передовой о том говорили, что же - ответим». Не успели они и портянки подсушить, как особый отдел...

Батальон пехотинцев не раз пытался вышибить немцев из траншей, овладеть селом, но не мог. И почему вдруг вздумалось командиру дивизии Самсонову бросить на штурм разведроту?..

Командир и комиссар понимали, что рота не в силах без поддержки артиллерии занять село. Можно было уложить бойцов, самим умереть, а успеха не достичь. И они из-за нас, солдат, рискнули, увели роту из-под огня...

...Снабжение продовольствием не улучшалось. Старшина по-прежнему вечерами ходил с шапкой в руках и раздавал урюк, и мы прозвали его «нищим», а он злился:

- И урюка не будет! Тридцать автомашин уходило в Калугу, а вернулось только восемь! Остальные увязли в грязи, потонули в речках. Тракторов в дивизии нет. Да и на них не проедешь. Речушки, озера, болота везде разлились, все затопило.

На промысел за едой ходить было некуда. В сожженных селах мы все подполья перерыли. Перетаскали с конного парка конскую кожу, пережарили на кострах и съели за милые шашлыки.

Мы с Доброхотовым пошли к артиллеристам, там у меня земляк Вася Власов. В роще пахло мясом. В каждом пихтовом балагане солдаты варили конину.

- Вас хорошо кормят, ты жирный, - позавидовал я Васе. - У тебя не лицо - будка.

Он расквасил губы, как ребенок:

- Не-е, я от голодухи опух. Только сегодня повезло, хромую кобылу забили.

- Кожу, лытки никто ишо не утащил? – живо заинтересовался я.

- Не-е, там была, - махнул рукой в сторону Вася.

И нам с Гришкой повезло. Очищая кишки, мы нашли в них селезенку и большой кусок шеины. Наверное, убойщики для себя припрятали, чтобы потом взять, а мы их опередили...

У нашей землянки закипела работа: одни пороли кишки, рубили на кусочки шеину, другие готовили дрова, разводили костер.

И вот наше варево забурлило в ведре и котелке...

На ужин к нам пришел каптенармус Федька Черных и сразу поддел кусок мяса.

- Стряхни! - прикрикнул на него Каймонов. - Выхлебаем жижу, начнем мясо.

Тот вроде хотел стряхнуть и - раз! - сунул кусок в рот. Не прожевав, опять потянул из ведра мясо. Пронька своей ложкой выбил черныховскую.

Каптенармус вскочил. Вертя головой, стал отыскивать глазами бог знает куда улетевшую ложку.

- Ешьте быстрее, пока он ищет!

- Второпях смак не тот, - смеясь над Федькой, говорили мы.

Ведро освободили мигом.

- Кишки, может, на завтра оставим? - спросил кто-то.

- Да ну! Какая разница, в брюхе или котелке, - возразил Доброхотов.

Принялись за кишки - съели. Попили чаю, забрались в землянку и развалились на ельниковой подстилке. Я не мог заснуть. Бурлило в животе. Доброхотов тоже ворочался.

- Ты чо, паря, не спишь? - спрашиваю его.

- Однако объелся, - промычал он.

Заговорил Хромовских:

- Кишки я через силу ел, - признался он.

Проснулись Каймонов и Крамынин.

Всю ночь мы не спали, сначала по одному ходили до ветра, потом друг за другом пулей выскакивали из землянки. Утром командир взвода кричал на нас:

- Вы не разведчики! Вы утки! Все расположение загадили! Убрать!

- Нам бы порошка от брюха, заварку чая погуще, - просили мы.

- Марш в санчасть!

Приходим в село Кирсанова Пятница - в палатах шум, гам.

- Где больных принимают? - спрашиваю.

- В операционно-перевязочном пункте, - ответила медсестра, указав на избу.

Возле нее много раненых. Хромые, прильнув к стене, дремали. Ходячие топтались в грязи. Тяжелораненые лежали на носилках. Только перед утром всем отделением ввалились мы в перевязочную. В ней теснота, сестрички в белых халатах одних раздевали, других перевязывали, за простынной занавеской делали операции.

- Мы объелись! - сообщил Каймонов.

- Где это так кормят? - поинтересовался кто-то.

- В разведроте! От конских кишок запоносили. Командир «пришил» нам дизентерию.

- Этого еще не хватало!

- В том-то и дело! - согласился Каймонов. - Вам и так невпродых. Дайте справку и мы уйдем.

- Нет, нет!.. - возразили медики.

И нас поселили в сарай, что был за огородами. Дали каждому по жестяной банке из-под консервов: «Завтра заберем банки, отправим на анализ...» Но животы у нас уже были пустые, и мы ничего не могли выдавить для анализа, доказывая, что мы просто-напросто объелись, напились некипяченого чая... Но нас все равно не выпускали и не разрешали ходить по селу.

Ночью мы зарывались в солому, спали. Днем на крыше сарая сушили на солнце портянки, снимали нательные рубахи, били вшей, загорали. Заметив в небе самолеты противника, орали на всю Кирсанову Пятницу:

- Во-оздух! Расходи-ись!

Гражданские шарахались, бежали в разные стороны, раненые только озирались.

С крыши мы видели все, что происходило вокруг. По потоку раненых понимали, что бои идут кровопролитные. Удивлялись работе хирургов, медсестер - через их руки проходили сотни искалеченных бойцов. С верхотуры мы видели взвод санитаров с вещмешками на плечах. Они куда-то далеко ходили за едой. И когда появлялись на улице, то определяли, кто из них нес вещмешок с сухарями, кто с урюком. Всем выдавали по сухарику на день. Нам второй день - ничего. Медсестра пояснила: «Вы еще не состоите на

довольствии, вас рота должна кормить». И лишь на третий день к нам на крышу забрался распотевший, с исхудалым, обветренным лицом Гоша Марченко. В одних кальсонах, мы с радостью окружили его, одетого в полушубок и ватные брюки, сплошь залепленные грязью, подставили шапки под сухой урюк.

- Чему так веселы? - спросил он. - Большая беда в роте. Командира и комиссара приговорили к расстрелу.

Мы ахнули... остолбенели. Вспомнили ту злополучную ночь, Королева, Колесникова, как они, жалея нас, уводили с поля боя...

- Ишо не расстреляли, - продолжал Марченко. - В яме сидят, - развязал вещмешок и вмиг разбросал нам трехдневный паек. Получилось по девять урючин на день.

- Десятую я за дорогу съел, - признался Гоша.

- Ах ты обжора! Кусошник! Вор! - понесли мы на него. - В грязи утопим!

- Без вас утону... с урюком... Вы тут с голодухи подохнете! - Засобирался уходить: - Думал, получите по двадцать семь, рады будете, я и подкрепился. На «допе» старшина получат урюк на роту, ташит его мне. - Он спрыгнул с сарая и, ссутулясь, пошагал.

Судя по усталому голосу, истощенному виду, можно было представить его с мешком урюка на горбушке - упади он в грязь, пожалуй, не поднялся бы. Тягловые лошади выбивались из сил, на ходу валились и тут же дохли. Дивизия осталась почти без лошадей. Конский труд переваливался на плечи солдат. Все носили на себе. На оставшихся лошаденках вывозили раненых из санбата в полевой госпиталь. Из двенадцати пароконных фургонов состоял обоз. За эти дни мы видели его уже третий раз. Обоз остановился у палаток. «Сейчас начнется погрузка»,— подумал я. Чертовски хотелось встретить кого-нибудь из земляков, и я, чтобы не попасть на глаза медсестре, навещавшей нас, делаю через огороды крюк, прошмыгиваю в палату, кричу:

- Ребята, кто из Братска?!

Никто не отозвался. Выхожу, пробираюсь в другую палату.

- Кешка! - ударил в уши голос Гриши Ермакова. - Иди сюда!

Раненые лежали валетом, едва не впритык один к другому, и узенький проход вдоль палатки походил на тропинку. Осторожно пробираюсь к растянувшемуся на соломенной подстилке другу детства, присаживаюсь к нему. Глаза у него все такие же большие, яркие. Шея длинная, только совсем стала тонкой, и круглая голова далеко держалась от узких плеч. Нога в гипсе.

- Навоевался? - говорю.

- Да-а!.. – с досадой ответил друг.

- Продвинулись хоть немножко?

- Да ну продвинулись!.. Они нас бомбами, снарядами долбили. А у нас ни самолетов, ни снарядов. Винтовка да сибирский характер, зло, дружное «ура», и так - все дни.

С передовой донеслась пулеметная трескотня, взрывы, приглушенные расстоянием.

- Опять атака! - с тяжелым вздохом сказал Гриша, болезненно сморщился. - Для меня она была вчера последней. Сам комполка водил нас на штурм, с задачей прорваться к Варшавскому шоссе. Раннее утро – холодно, - продолжал он рассказ. - . Перед нами речушка с плывущим льдом. Небольшое замешательство солдат и голос командира Руденко: «За мной, вперед!» - и сам побрел. - Гриша содрогнулся. - Глубина выше пояса. Перебрались на правый берег. Немцы молчат. Мы торопимся, шлепаем по грязи! Скорей, скорей, пока немец не видит! Скорей, пока наша артиллерия стреляет! Идем полком, цепь длинная! Оказалось, они подпускали нас ближе и разом... как грохнули! Как началось! - Он сжал ладонями голову. - Все утонуло в взрывах! В шагах пяти от меня Руденко бросился бегом вперед, машет наганом, а что кричит - не слышно. Понимаю, хочет стремительным рывком вывести роту из-под обстрела, и вдруг остановился, скорчился, наган из рук выпал, ткнулся лицом в грязь... Рота по инерции продолжала бежать. Тут передо мной распластались два брата Константиновых, я остановился. Один с трудом говорит мне: «Напиши... город Иркутск... улица Коминтерна...» - и все. Номер дома уже не смог сказать. Минуту я не простоял над Константиновым, а рота была почти уже у траншей противника. И тут «мессера» один за другим давай утюжить, прижали нас к земле. Многих ранило, побило, в том числе командиров, меня

ранило в ногу. Один помкомвзвода Кудрявцев метался от одного солдата к другому, пытаясь их поднять... Бросался в сторону немцев, возвращался, потом приставил наган к виску и застрелился... Он у меня в глазах стоит: коренастый, белобрысый, в очках. Видно, от физической, психологической нагрузки, от бессилия, что не мог поднять солдат и повести за собой, вцепиться немцам в глотку - не получилось сорвать зло, и он не выдержал. Немцы продолжали долбить нас, одни сплошные взрывы. И так - до темноты. Много погибло людей...

В палату вошел военный врач с одной шпалой в петлицах. Медсестра подала ему журнал. Перелистывая его, он взглядывал на раненых. За брезентом палаты чавкала грязь, ездовые понукали лошадей, скрипели колеса.

Началась погрузка раненых, и мы с Гришей распрощались.

Полковника Самсонова отстранили от командования дивизией, а дивизию сняли с боевых позиций. Наша разведрота, как тягловая сила, была распределена по батареям 406-го артполка для вывоза пушек с передовой.

Дорога разбита, колеса орудий попадали в ямы по лафет, и мы, приморенные сильнее батарейцев, выбились из сил.

- Кухня наша в селе, как-нибудь там поедим! - подбадривали нас артиллеристы.

С трудом добрались до окраины чудом уцелевшего в округе села Серпы. Почти обнаженные босые бабы, ухватившись за дышло сохи, пахали огород. Увидев нас, остановились, кучкой бросились навстречу:

- Ой боже! Отступають! Отступають! - С испугом на изможденных лицах, они преградили нам путь: - Куда? Куда вы?! Опять нас немцам!..

- Вы что? Вы что, напугались?! Нас сменили! Мы на отдых! – объясняли мы.

- Дай бог, дай бог! - взмолилась старушка и бессильно опустилась на колени. - Да чего же вы, бедненькие, на себе-то волокете пушку?

- Немцы коней побили!

- Будь воны прокляты! Антихристы! - И с недоверием в поблекших глазах спросила: - Далече отдыхать-то будете?

- Не-ет! Где-то тут отдохнем и опять на фронт.

- Валяйте с богом! – она облегченно вздохнула. И повернулась лицом к повеселевшим бабам: - Пошли, миленькие, пошли.

Артиллерийской кухни в Серпах не оказалось. Тянуть дальше пушку не было сил, и мы рядком разлеглись вдоль прясла огорода. Бабы опять, ухватившись за дышло сохи, налегая одна на другую, пахали. От жалости к ним сжималось сердце. Вспомнилось, как мы с отцом пахали. Следуя за ним, я то и дело взглядывал на солнце, выходил из борозды и пытался переступить свою тень, чтобы ехать на обед.

- Рано, рано ишо! - кричал отец. «Где ты теперь, тятя? На каком фронте? Жив ли?» - мысленно спрашивал я.

Упряжка баб без передышки делала борозду за бороздой, а мы все лежали у изгороди, ожидая приезда в село Серпы артиллерийского повара. Не дождавшись, впряглись в пушку и в сопровождении детворы двинулись дальше. И так по-бурлацки тянули пушку до Мосальска...

В районе этого города, что в Смоленской области, дивизия встала во второй эшелон. В роту пришли два командира, побывавшие в партизанском отряде. Один, совсем молоденький, в звании младшего лейтенанта, с орденом Красной Звезды на груди, принял третий взвод. Наш первый взвод принял кадровый офицер лейтенант Поляков: невысокий, неширокий в плечах, грудь плоская - он словно стер ее, ползая по-пластунски. Обветренное, дубленое лицо, глаза серые, взгляд строгий.

Расхаживая перед строем, он говорил:

- Ремесло разведчика непростое, даже опасное... Смерть - страшная штука. Сказать, что есть люди, которые не боятся смерти, - неправда! Жить всем хочется. А что поделаешь - война! Родина! За нее стоять надо, идти в бой, на смерть! И вот ты выполз на нейтральную полосу, приложил ладонь к сердцу - забухало! Страх охватил! Ползешь помаленьку, постепенно обвыкаешься, вроде уж и не так-то страшен черт, как его малюют. А траншеи противника все ближе, сердце опять начинает громче и громче постукивать. Самый страшный момент - перед прыжком на головы врага. Не переборол страх - пропал! – Глаза командира вмиг стали суровыми: - Не дай бог, если кто из вас бросит раненого или

не вынесет с поля боя напарника! Заставлю ползти, найти! Не выпущу живым с передовой, пока не вынесешь! И сразу же в три шеи выгоню из взвода! Не нужны шкурники!

Лейтенант каждый день проводил с нами тактическое занятие.

Два других взвода учились ходить строевым шагом, отдавать приветствие командиру - будто это в войну самое главное. Закончив занятия, офицеры уходили в деревню, а наш лейтенант Поляков оставался с нами. Играл на гармони. Смотрел на плясунов и, как на занятиях, покрикивал:

- Чего топчешься, как медведь? Живее, живее, не жалей сапог! – сам выскакивал в круг и, выпирая свою плоскую грудь, шел по кругу.

Веселость Полякова радовала нас, тут мы давали себе волю - дурачились, но не забывали о нем, посматривали на его лицо, словно на барометр, который мог изменить настроение взвода.

...Утром снова тактическое занятие и наставления:

- Разведчик всегда должен действовать смело! Быть скрытым, недоступным глазу врага. Внимательно изучать передний край. Все ощупать глазами: кочку, пенек, кустик, ложбинку, бугорок, чтоб телом потом чувствовать, где ты ползешь. Ну и главное, о чем я уже сказал, смелее действовать. Смелость - это успех в деле, это «язык».

В один из июньских дней дивизия заняла боевые позиции. Нужен был «язык». За ним добровольно ушел молоденький младший лейтенант, что пришел в роту с лейтенантом Поляковым, и его помкомвзвода - здоровяк с внушительными кулачищами, бывший шахтер из Букачачи Кузьма Ельчанинов.

Утром в расположении роты, возле палатки парторга Калугина, сидели Кузьма Ельчанинов, немец в зеленом мундире, а рядом лежал молоденький лейтенант, укрытый плащ-накидкой.

- Убило его, когда ползли по нейтральной с «языком», - плачущим голосом рассказывал Кузьма. - Батарея ударила по нас. - Он резко повернулся лицом к немцу, тот вздрогнул. - Я с ним, змеем, в воронку, а лейтенант не успел. Чтобы вынести его и «языка» не упустить, пришлось лейтенанта взвалить на плечо и этого, - Ельчанинов поднял кулачище, - оглоушить по башке и волочить по земле.

Лейтенант Поляков со слезами на глазах встал на колени перед телом друга, хотел приподнять накидку, посмотреть лицо, но Кузьма тут же схватил его за руку:

- Не надо! Головы... нет... снаряд рядом с ним разорвался.

Поляков прикрыл ладонями посеревшее лицо. На похоронах рота плакала, салютовала из винтовок и автоматов.

Вечером у палатки парторга собралась толпа солдат. Екнуло сердце: опять убило? Срываюсь на бег, к палатке не пробиться. Слышу знакомый голос, признать не могу. Спрашиваю у одного, другого:

- Кто там?

В ответ меня отталкивают. Ныряю вниз, лезу вперед, мне топчут руки, но все равно пробираюсь. Вынырнув из-под ног, стою на четвереньках. Передо мной командир роты Федор Ефимович Королев. Он сидит у входа в палатку, на лице густая черная щетина, рассказывает:

- Решения суда нашей дивизии не утвердили. Нас с комиссаром Колесниковым освободили. Он ушел в пехоту, я вернулся к вам. Отдохну денек и в строй. А сейчас спать, ребята, устал я.

Мы разошлись по своим палаткам. Хромовских играл на гармони, словно убаюкивая нас. Хотел слушать и слушать, но сон брал свое. Проснулся от сотрясающего взрыва снаряда. Воздушной волной сорвало нашу палатку. Мы вскочили.

- Ваньча! - окликнул Прокопий. - Ты где, Ваня?

Ответа не последовало. Едкая пыль носилась в воздухе. Хромовских лежал мертвым. Осколок снаряда прошил гармонь и вышел у Ивана под лопаткой...

Утром - похороны. Второй холмик вырос в березняке.

Вечером едем на передовую изучать обстановку. С нами Королев. Командир взвода Поляков спросил:

- Федор Ефимович, кого возьмете в группу захвата?

- Посмотрю, - уклончиво ответил тот.

Минули сутки, вторые. Королев не говорил, с кем поползет за «языком», все приглядывался, расспрашивал нас о разном.

Нещадно палило солнце. От нагретого воздуха покачивался бурьян, и вместе с ним, впереди нас, словно колыхалось на пригорке полуразрушенное село. У дома, что на отшибе, высился колодезный журавль, и я, взглянув в потное лицо Королева, попросил:

- Попить бы холодной воды.

- А как подобраться, чтоб попить! На чердаке снайпер, - он дал мне бинокль.

Я впервой смотрел в него. Домишко оказался перед глазами. Окна забиты досками. Крыша убогая, на ней скворечник.

- Письма из дома получаешь? - спросил Королев.

- Да... - не отрывая глаз от бинокля, промычал я.

- Как живут?

- Дома чо не жить, пока что все есть. Амбар хлеба. Только мама плачет. Сейчас у нас вечер, она, наверно, корову доит.

-Деревня есть деревня, не город. Хорошо жили?

- Всяко-разно. Плохо и хорошо.

- И я тоже всего испытал.

- А как командиром стали?

- Не вдруг стал. Тут, брат, история.

Я подумал: «Может, возьмет меня в напарники?» А он вдруг окликнул Каймонова:

- На пару со мной пойдешь?

- Конешным делом! - отозвался тот и, расталкивая толпившихся в траншее ребят, подошел к нам. Я с обидой сунул ему бинокль:

- На, глазей! - и вышел из наблюдательной ячейки.

...Наступила июльская теплая ночь. Потянуло свежестью. Мы ползли по редкому бурьяну, казавшемуся с НП густым. Настороженно вглядывались, прислушивались. Время - самый сон. Перестрелка редкая, подстраховочная. Те и другие давали знать разведчикам, что не спят. Не лезьте, дескать, перебьем как мух. Ползли к колодцу. Отсыревший от росы бурьян слегка шелестел. Повлажневшая земля, попадая комочками под колени и локти, глухо давилась. Впереди, раздвигая темноту, то и дело взмывали ракеты.

По мере приближения к передовой колодезный журавль задирался все выше и выше. Поляков, рукой подозвав меня к себе, прошептал:

- Отползите с Московских вправо, ближе к ракетчику. Следите за Королевым и Каймоновым. Как они вскочат, забросайте гранатами ракетчика, давите огонь. Понял?!

Отползая от группы прикрытия вкось, мы попали в глубокую борозду. Затаив дыхание, оглянулись. Левее нас чернели фигуры Королева с Каймоновым. Не зная, поравнялись ли с притихшим ракетчиком, мы ползли, удаляясь от своих вправо. И вдруг вспомнился первый выход за «языком»: «Немцы Гришу схватили!» Колючие мурашки ожгли спину. Оборачиваюсь к Московских, тихо-тихо говорю ему в лицо:

- Может, немцы видят нас? Подпустят ближе и схватят!

Он ошеломленно завертел головой. Но кругом была ровная темнота, только далеко, левее, тарахтел немецкий пулемет, летели морзянкой трассирующие пули.

Взмыла ракета, повисла над нами и, горя в воздухе, осыпала нас искрами. Траншея противника - рукой подать. Блеск над бруствером. «Каска, - понял я, - ракетчик». Тень от каски заслоняла его глаза, остальная часть обращенного к нам лица хорошо виделась. Ракетчик оглядывал нейтральную полосу. Сердце мое колотилось так, что я подумал: «Не услышал бы, гад!» На лице немца что-то засверкало, послышался вздох, он позевывал. И меня вдруг охватила позевотина, с треском в скулах открылся рот... Потухла ракета, и я, находясь еще в состоянии зевоты, облегченно потянулся.

- Наших не видно! - взволнованно прошептал Кешка. - Может, нам... схватить ракетчика, - между словами он переводил дух, сдержанно забирал воздух в себя и словно захлебывался. - Поди, не сумеем... дело испортим!

«Перед броском на голову врага - побороть страх!» - вспомнил я наставления Полякова. Ракета снова взмыла и повисла левее. Из траншеи высунулась голова в каске, повернулась над бруствером и утонула.

Слышался какой-то шорох, но где - не понять. Лежим, глядя в сторону, где должны быть Королев и Каймонов. В бурьяне вырисовалась человеческая фигура. К нам подполз Дмитрий Распутин, задыхаясь, скомандовал:

- За мной! - и пополз в сторону нашей передовой.

Хотелось спросить, почему вдруг назад, сказать о ракетчике, и я цапнул его за ногу. Он дрыгнул ногой, не оглянулся, и лишь когда бурьян стал гуще, чем под носом про-

тивника, приостановился, мы с Кешкой легли с рядом ним.

- Вот как надо брать «языка» - без звука!

Догнали взвод, волочивший за собой здоровенного «языка». Враг далеко позади. По команде Полякова поднялись, Гарипов схватил немца под руку и, что-то говоря ему по-татарски, стал толкать его впереди себя...

И вдруг перед нами засверкал огонек, вместе с ним полетела струя горящих пуль, от чего шарахнулись и тут же свалились Гарипов и «язык», мне прожгло ногу:

- Свои-и! - вскрикнул я и от боли упал.

- Свои! Свои! – отчаянно кричали разведчики.

Пулемет заглох. Ко мне подскочил Георгий Дорофеев:

- Ты ранен?! - и тут же давай разрезать кинжалом штанину.

- Га-ад! Су-у-ка! - с руганью били пулеметчика наши ребята. На шум прибежали пехотинцы, давай разбираться...

- Вздремнул я, - признался испуганный пехотинец. - Очнулся от взрыва мины. Глянул вперед - «немцы»! Екнуло сердце, и я стрельнул.

Он не знал, что мы из их траншеи пошли в разведку. Его напарник при смене не предупредил. Обоих пришлось вести под винтовкой в особый отдел.

...С новым командиром дивизии полковником Иваном Матвеевичем Макаровым дивизия показала свою боеспособность - с первой же попытки прорвала неприступную оборону противника! Освободила села Шахово, Нижне-Павлово, Верхне-Павлово и вышла на Варшавское шоссе.

Федор Ефимович Королев принял под свое командование роту.

Второго сентября 1942 года наша разведрота прибыла в район Кузьмичи - опытное поле Сталинградской области.

Над нами - жгучее солнце и закопченное с одной стороны дымом голубое небо. Вонючий воздух с хлопьями гари. В нем, как саранча, носились и кружились самолеты противника. Местность степная, изрезанная балками. В степи - скудная трава: горькая полынь, полевой хвощ, похожий на елочку, и перекати-поле.

- Обстановка под Сталинградом тяжелая, - говорил Королев. - Двадцать третьего августа немцы прорвались восьмикилометровым коридором к Волге. Находятся в приго-

родных поселках Латошинка и Рынок. Сплошной линии фронта пока еще нет. До прихода дивизии установить, где находится передний край, взять «языка».

Но тут наши танки двинули из низины балки наверх, рев моторов заглушил голос Королева. Он подошел к Полякову, что-то прокричал ему, шагнул назад, с маху развел в стороны руки, и строй, поняв его команду, рассыпался.

- Двести сорок километров протопали и никакой передышки!

- После такого марша ему «языка» давай, - злились мы на командира. - Сил нет, ноги потерты до кровяных мозолей...

У лейтенанта Полякова - плоскостопие, ноги распухли до колен. Идти в разведку он не мог, а нам было страшно идти без него. Боясь за нас, он наказывал:

- Не осрамитесь! Не попадите в лапы немцам! Знайте, они с разведчика шкуру сдерут! Разведчиков они допрашивают не так, как пехотинцев! Поняли?! Разведчик везде ходит, все видит, знает больше, чем любой солдат. Из разведчика жилы вытянут! Для разведчика плен страшнее смерти!

В воздухе появился рамообразный двухмоторный самолет «фокке-вульф». Горя в лучах закатного солнца, встал ребром едва не над самой балкой и пошел в сторону передовой.

Бывший ефрейтор, а теперь сержант помкомвзвода Саша Сидоров вскочил, подал команду:

- В две шеренги - становись!

Поляков досадливо сморщился:

- Забудь, забудь строй! Реденькой цепью, один за другим идите!

- За мной! - махнул рукой Сидоров и хлестко пошел к южному склону балки, потянулись за ним и мы.

- Удачи вам! Глаз не сомкну, буду ждать! - кричал нам вслед Поляков.

Со стороны Гумрака летела туча бомбардировщиков противника, а наши танки, как вкопанные, стояли на месте, и мы бросились к ним, заглядывая в смотровые щели:

- Чо стоите?! Воздух! Разбомбят!

- Приказ ждем! - ответил мне водитель танка.

Подскакиваю к другому - у него верхний люк открыт, с ходу оказываюсь на танке. Слышу тревожный голос:

- Он что, на смерть нас выгнал в степь?!

Самолеты приближались, и я сунул голову в люк, чтобы крикнуть: «Рассредотачивайтесь!» Но тут мне прилетел кулак в лоб, и я, едва не сорвавшись с танка, рванул за разведчиками, бегущими к полынному полю.

На пикирующем самолете душераздирающе завыла сирена, посыпались бомбы, раздались взрывы…

Танкисты видели свою предстоящую смерть, она висела над головой каждого из них: самолеты, один за другим снижаясь, сыпали бомбы, как картошку, а они, конечно же, надеясь на то, что вот-вот получат по рации приказ - вперед или назад, не покидали танки, горели в них заживо.

Мы такого еще не видели и оцепенели, глядя на эту жуткую картину. Ойкали, когда дегтярные купола взлетали в небо. Последний самолет, трепыхнувшись, пошел вниз, сыпанул бомбы.

Дым, расстилаясь по земле, заволакивал нас в густой полыни, обдавая запахом горелого железа и солярки.

Выскочил ли кто из танкистов во время налета, мы не видели. Но если кто и выскочил, то смог ли выйти из такого смертоносного шквала? «Может, кому-то не суждено умереть», - думал я тогда, глядя на пылающие и уцелевшие танки, но людей не видел. Одни черные воронки и бледные языки огня, лизавшие степную траву.

За 15-20 минут больше половины танкового полка было уничтожено. И снова со стороны Гумрака шла другая партия бомбардировщиков. Уцелевшие танкисты не двигались с места - приказа не было. И тоже горели…

Навстречу нам брели пехотинцы, все перебинтованные, в порванных брюках и гимнастерках.

- Впереди есть кто? - спросил Сидоров.

Сержант обернулся назад, махнул рукой:

- Так, прямо идите, наткнетесь на ровики, увидите живых и мертвых.

В конце полынного поля совсем неглубокие, в шахматном порядке ровики вперемежку с глубокими воронками. В одних ровиках лежали убитые, в других по грудь сидели выжившие - лица у всех изнуренные, чумазые.

Я остановился перед рыжеголовым ефрейтором, козырнул ему. Тот устало приподнял с колена руку:

- Только вас тут не хватало…

- Как понять? – опешил я.

- А так! Накликаете беду на пехоту и восвояси смоетесь. Служил в разведке, знаю. Немец не овечка, без звука не возьмешь… - И, глядя на меня, одетого в яркий цветастый маскхалат, добавил раздраженно: - По одежде видно, какой ты разведчик! Что, впервой идешь за «языком»?

Я не ответил.

- Шли б дальше. Нам на сегодня хватит крови, зарыть ребят надо… - устало произнес рыжий.

- Давно тут, какой части? - поинтересовался я.

Ефрейтор резко обернулся:

- Ишь чего захотел, салажонок?! Вдруг ты немцам в лапы попадешь?

- Типун тебе на язык!

- Тебе два! - и он отвернулся от меня.

…Сидоров, вглядываясь в погустевшую от наступавшего вечера полынь, говорил Каймонову:

- Ты с ребятами осмотри левый фланг - есть кто там живой или нет? Мы пройдем вправо.

Втроем ползем строго на юго-запад. Выбрались из полыни в степь. Отблески пожарищ в Сталинграде ослепляли нас. Огляделись вокруг - пусто. Сидоров прилег ухом к земле, прислушался, постучал пальцем в землю, тем самым приказывая нам слушать. Я припал щекой - трава сухая, колючая, земля теплая. Слышны дробные, как на молотьбе хлеба, удары. Кто-то окапывается. Удары слабые и сильные. Почва сбитая, лопатой не выроешь, где-то долбили ломами или киркой. По отдаче глухих, неровных ударов не понять - позади или впереди.

Ползем дальше. Никого и ничего на пути, кроме неподвижных клубов травы перекати-поле. Приткнулись к ней головой, прислушиваемся к гулу самолетов. Гул тяжелый. «Нагрузились, гады! Дороги бомбить летят», - подумал я.

Сидоров на полкорпуса впереди нас с Вампиловым. И тут, словно из-под земли, мелькнул и погас огонек. «Немец прикуривает!» - догадался я.

Двинулись на тусклый, то потухающий, то воспламеняющийся в воздухе отсвет. «Быстрей, быстрей, успеть, пока курят», - мысленно подгоняю себя и друзей. Перед глазами

чернеет земля, выброшенная из ровика. Сидоров взмахивает рукой, мы одновременно вскакиваем и с ходу прыгаем в траншею.

- А-ай! - вскрикнул сидящий на дне траншеи немец.

Сидоров наганом тюкнул его по голове, он обмяк. Мешая друг другу, хватаем немца. Ровик для четверых тесен, выбросить «языка» на бровку не можем. Выбираюсь наверх, хватаю его за одежду, тяну, ребята поднимают. Вдруг фриц локтями сделал распорины. «Очнулся! Бей!» - хотел я сказать Сидорову, но немец с маху сел на дно, оставив в моих руках воротник мундира.

- Ру-ус! - вскрикнул он, вскочил, и от него в разные стороны полетели разведчики. Я схватил его за шею и повис на ней, не доставая ногами дна ровика, а согнуть не смог. Немец болтнулся корпусом, руки мои сорвались с его потной шеи, и я боком врезался в торец ровика.

Оказавшись на бровке, наш несостоявшийся «язык» заорал:

- Рус, рус!..

Я выскочил вслед за Сидоровым.

- Рус, рус, рус! - где-то уже далеко кричал здоровяк. Стрелять ему было не из чего, автомат остался в ровике.

Бежим к полыни, вдруг окрик:

- Стой! Стрелять буду!

По голосу узнаем командира второго отделения Гладких, отзываемся...

Точно говорил пехотинец, накликали мы беду. Немцы из пулеметов буквально косили трассирующими пулями полынь, и мы заползли в воронку, в которой можно было вместиться взводом.

Осторожно, чтобы не зацепила пуля, высовывались из воронки и по взлетающим ракетам, по вспышкам пулеметно-автоматного огня видели переднюю линию немцев на гребне возвышенности. По густоте вспышек мы поняли, что у неприятеля подошла и только окапывалась пехота, потому и не стреляла, пока мы неудачными действиями не вызвали огонь на себя.

Свист пуль постепенно стихал, а позади нарастал какой-то непонятный шум. Высовываясь из воронки повыше и глядя в черноту бурьяна, улавливаю режущий уши мат

и щелканье бича. Ездовой хлещет лошадь. Послышался хруст бурьяна, и в сером воздухе замаячили две конские морды. «Фью-ить, фью-ить!» - посвистывал верховой на лошадей. Они двигались прямо на нас, волоча за собой 45-миллиметровую пушку.

Я вылез из воронки.

- Кто?! - испуганно вскрикнул верховой.

- Тише, козел!

Меня обступили пушкари:

- Мы правильно попали? Какая тут дивизия стоит?

- У злого ефрейтора спросите!

- Гвардейцы, а какой дивизии, не знаем, - выходя из воронки, сообщил Сидоров.

...Возвращаться в роту стыдно. Сидоров сильно хромал, я кособочился, у Вампилова заплыл глаз, он клокочущим голосом бедовал:

- Как буду смотреть в глаза командира?

- Хорошо, что фриц тебе второе очко не вышиб, - «посочувствовал» Гладких.

- Вот леший так леший попал! Не леший, а черт болотный. Надавал по мордам, и дуй не стой, а то догонят.

- Кому догонять-то! Один слепой, другой, как паралич-ный, кособочится, третий вроде блохи прыгает.

- Хватит! - рявкнул Сидоров, и его голос понесся в голую степь. - Тут смех, там допрос учинят - почему из рук немца упустили?

Так и случилось. Поляков вроде и не уходил с того места, откуда провожал нас в разведку:

- «Прогулялись»?!

Подошел Королев:

- Что, пустой выстрел?

- Упустили, товарищ командир, - пробурчал Сидоров.

- Как, кого?!

- Немца! Не смогли совладать, - у Сидорова затряслись губы, лицо исказилось в какую-то нелепую гримасу. - Наподдавал нам и убежал. Сил нет! - скрестил руки на груди. - Выбились мы из сил за дорогу! Ноги не тащат, руки ослабли! Он, как назло, вот такой попался, - развел руки. - Широченный, большой! Бо-оров раскормленный, а мы что?

- Сидоров прослезился. - Передний край немцев установили. Их тут тьма-тьмущая. Пулемет на пулемете и автоматы. Как начали бить по нас, так весь хребет возвышенности засветился. А из пушек не стреляли, видно, как и у нас, только подтягиваются. Только днем дальнобойная била недолго...

Наша 116-я дивизия влилась в состав 1-й гвардейской армии в районе балок Каменная и Яблоневая.

Утром 3 сентября пошли мы с гвардейскими частями в наступление с задачей ликвидировать тот коридор, где немцы прорвались к Волге.

Желтая от пересохшей травы, с черными плешинами гари степь усыпалась пехотой...

Королев говорил: «Малыми группами будем действовать, чередоваться, у вас будут передышки». Но не получилось. Командир дивизии полковник Макаров потребовал от него взвод разведчиков и теперь держал нас при командном пункте как свой личный резерв. И мы, высунувшись из траншеи, видели, как на нашу пехоту, идущую к Волге, обрушился шквал огня. Пехотинцы в одно мгновение утонули в искристо-дымных фонтанах взрывов. В небе хозяйничали вражеские самолеты.

К нам в траншею прыгнул молоденький лейтенант - адъютант комдива Мишка:

- Вы демаскируете КП! Ложись!

И мы растянулись в нить по дну траншеи.

Блиндаж, где находился Макаров с офицерами, выглядел как пуп на ровном месте, выдавал сам себя и, видимо, навлек внимание воздушного разведчика «фокке-вульфа», прозванного «рамой». Самолет сделал несколько витков над нашим районом, удалился вглубь тыла, а через некоторое время вереница одномоторных самолетов двинулась на пехоту. Завизжали бомбы, загрохотали взрывы, заколотилась земля под ногами, словно сердце под гимнастеркой. Распахнулась дверь блиндажа, из него вырвался голос комдива:

- Положили, гады! Положили пехоту!

И только прекратилась бомбежка, Макаров закричал:

- Поднимай солдат! Поднимай!

Мне хотелось видеть, где на КП наш командир взвода Поляков. Я подобрался к двери, сел на кукорки.

- Ты что, твою душу мать! - материл кого-то Макаров. - Я тебе окопаюсь! Поднимай!

Прилегаю щекой на колени, вижу спины людей, стоящих перед длинно-узким смотровым отверстием КП. В глаза бросается бритая голова Макарова с телефонной трубкой у уха.

- У тебя что, там много осталось на земле лежать?! – орал он кому-то. - Убитые?! Может, кто притворился? Отправь проверить! Раненых вынести! - Макаров смотрел в стереотрубу, наблюдая за полем битвы, и одновременно громко говорил по телефону: - Ты, стрелок! Твои гаубицы ни одной батареи не уничтожили! Не видно. А пулеметы?! Вон они! – комдив сунул руку в смотровую щель. - Как черти рычат... Подавить!

Глазами отыскиваю Полякова: с биноклем в руках он от дверей стоит первым. «Слабое место ищет в обороне у немцев, - догадался я. – Найдет - ночью за «языком» пойдем».

- Пошли! Пошли! - говорил командир дивизии, глядя в смотровое отверстие. - Выравниваются с гвардейцами...

А когда Макаров закричал: «Еще, еще немного, еще, и высота в наших руках!» - я хотел вскочить, чтобы взглянуть, но Макаров вышел из блиндажа, и я закрыл глаза, притворившись спящим.

К исходу дня на командном пункте заговорили веселее.

- Черт! - ругался Макаров, - если бы не спалили танковый полк, то соединились с армией Чуйкова.

Части 1-й гвардейской армии, куда входила и наша дивизия, продвинулись в сторону Волги на два-три километра, овладев высотами 112,7 и 130,7.

- На самом хребте высоты, говоришь, залегли? - спрашивал кого-то Макаров по телефону. - Дым, пыль, ни черта не вижу! Пусть солдат вынырнет из окопа, я на карте отмечу стык дивизии с гвардейцами... Ну и что?! Убьют! Высоту брал - не жалел солдат! Подня-ять!..

Я вскочил, уставился в сторону Волги, где дымное небо словно сливалось с землей. Там ни единой души и ни взрыва! Немцы и наши за день навоевались, теперь лежали. И вдруг там замаячила фигура человека.

- Молодец, солдат! - похвалил Макаров.

Солдат выполнил приказ командира - свой последний солдатский долг – вражеский снайпер срезал его.

- За смелость наградить посмертно!

Внутри КП стояла тишина, Макаров бурчал:

- Командир, что жалеет солдат, - слюнтяй! А вы что поостолбенели?! – набросился он на офицеров. Ответа не последовало, и до него, видимо, дошло, что «молодец солдат» прошел через смертоносный огонь, взял высоту, а он выставил его под пулю врага.

Макаров вышел в траншею, а тут мы, солдаты.

- Ф-фу! – громко выдохнул он. - Духота! - торопливо вынул из кармана носовой платок и давай протирать свою наголо бритую голову, одновременно разворачиваясь. И снова нырнул в блиндаж командного пункта...

- Он что, пьяный? - глядя на меня, возмущался Крамынин. - Не сообразил, что стык дивизии с гвардейцами можно было бы ракетой указать.

...На другой день, рано утром, мы проснулись от грохота. Немцы из-за высоток били нам в лоб. Вся степь взялась черными столбами взрывов. Еще толком не рассвело, а самолеты противника уже тут как тут.

По 50-70 пиратов сразу бомбили войска нашей дивизии и гвардейские части. Одна партия, разгрузившись от бомб, ревя сиренами, уходила на свой аэродром. За ней наплывала другая. А на земле - натиск танков, за ними – пехота, атаки, контратаки... И так - с раннего утра до позднего вечера.

Воздух гудел, вибрировал, земля припадочно билась под ногами. Немцы, видимо, получили подкрепление, раз два дня контратаковали нас. И наша пехота кое-где отошла на прежние рубежи.

Командир взвода с почерневшим от гари и пыли лицом, присев к нам, говорил:

- Воздушной разведкой установлено - немцы против нас сосредоточили крупные силы. На передней линии вкопали в землю танки. Приказ комдива Макарова: взять «языка».

...Под прикрытием расстилавшегося по земле дыма и пыли мы дошли до передней линии своих пехотинцев, разместились по два человека в свободные ровики. На высоте, оставленной матушкой-пехотой, строчили уже вражеские

пулеметы, осыпая трассирующими пулями нейтральную полосу. С нашей стороны огрызались ручные и станковые пулеметы, но их было куда меньше. Пожалуй, один против пяти.

Поляков то наблюдал за передним краем немцев, то ходил от ровика к ровику, спрашивая пехотинцев - не заметил ли кто из них слабые места в обороне противника. Ответ был один: «Нет у них слабых мест».

...Слегка пригибаясь, торопливо идем по нейтральной полосе. В воздухе натужный гул самолетов вперемешку с легким тарахтением «кукурузников». Со стороны Сталинграда взмыли к звездам лучи прожекторов противника, и в посветлевшем небе замаячили, как воронья стая, двукрылые - выше них чернели наши бомбардировщики.

Командир взвода, лежа чуть впереди нас с Леней Крамыниным, осторожно перевалился с живота на бок, зашептал:

- Похоже, что снайпер и гранатометчик находятся в одном гнезде. - Взглянул на догоравшие на парашютах ракеты: - Сейчас погаснут! За мной! - и он пополз, Крамынин - за ним.

Ползем один за другим. «Кукурузник» снова тарахтит в воздухе, навешивает ракеты. У него своя работа, у нас своя. Резкий свет освещает трупы, между ними мы, а впереди - ни Крамынина, ни Полякова. «В землю провалились!..» - екнуло сердце. Рядом труп с оскаленными зубами, меня охватывает жуть, ошеломленно оглядываюсь - у ног моих голова Мити Распутина, он смотрит на меня. Торопливо ползу, напарываюсь животом на что-то острое, мычу от боли и сваливаюсь в яму. В ней сидят Поляков и Крамынин.

- Что, как бык, мычишь?! - зло спросил командир.

- На осколок напоролся!

- Ну и что?! Терпеть надо! А ты?! - повернулся к Крамынину. - Ползать не умеешь, пяткой о пятку стучишь. Проследить, изучить поведение гранатометчика, завтра ночью вам брать его. Днем поймать на мушку снайпера, убить! Оставайтесь. Не усните, немцы под носом. Мы с левого фланга попробуем. Трогайте! - подал команду остальным разведчикам. Те один за другим выползали из земляной выемки.

Мы с Крамыниным пошли к западному торцу выемки - она оказалась длинной. На пути попадались трупы в мундирах. Глаза у них блестят, как стеклышки. Может, документы при них? Наклоняюсь, ощупываю карман мундира.

Есть! По солдатской книжке узнаем, какая часть стоит против нас. С поясного ремня срываю фонарик, включаю. Свет ударил в землю. «Утром при атаке кокнули. Мать не знает, что тебе капут». Сгибаюсь еще над одним трупом, на нем русская шинель. «Иван! Как ты попал с ними в эту свалку? В рукопашной драке убили! Ну-ка, кто ты, откуда? Может, земляк?» - в его карманах оказалась только маленькая деревянная иконка.

Подходим к западному торцу выемки - она в глубину по нашему росту. Смотрю поверх земли: тут навалом немецких трупов. Летящие вроссыпь трассирующие пули шлепаются о их каски. Взглядом прокладываю путь дальше, навстречу рою трассирующих пуль, вижу играющий огонек пулемета.

- Немцы от нас - рукой подать, - говорю Крамынину. - Гранатометчик и снайпер не дают о себе знать.

Крамынин повернулся ко мне лицом и по-собачьи, коротким посапыванием, принюхиваясь, зашептал:

- Чуешь, откуда-то нанесло запах супа?

- Может, наши едят? Сползать к ним?

- Да, наши! Аромат чая вдохнулся. Немцы кофе пьют. Давай, только осторожнее.

И я, как ящерка, быстро ползу, мыча от боли от уколов осколков. От бомб они крупные, то и дело попадают то под колено, то под локоть. Хорошо, что хоть не такие колючие, как от мин.

По времени должны уже быть ровики нашей пехоты. Вглядываюсь в темноту, прислушиваюсь - ничего не улавливаю. Ползу дальше. Послышался храп…

- Эй, пехота, - подаю голос, - я свой!

- Кто там? - отозвались.

- Разведчик я! Жрать хочу! Покормите!

На дне траншеи едва угадывались шевелящиеся фигуры солдат, караульный - с винтовкой и котелком в руках.

- Мы тут снайпера… – начал я.

- Убил?! - не дал договорить он. - На котелок! Суп в нише, наливай. Ешь.

- Ты не понял! - говорю. - Снайпера мы должны завтра утром кокнуть.

- Трепач! Давай котелок! – передумал караульный, пехотинцы засмеялись.

- Перестань, дурила! - сказал чей-то сиплый голос. - Макарыч, оставайся, мы пойдем.

Тот, который давал мне котелок, первым выбрался из траншеи. За ним выскочили несколько человек. Я сел на дно. Солдат, которому велено было остаться, звякая кресалом по камню, освещал искрами свое щетинистое лицо.

- Разведчик, говоришь? - заговорил он. - За снайпером охотитесь?

- Ага, - ответил я. - За него могут и награду дать.

- Награду… - вздохнул солдат. - Думал ли кто из наших ребят о наградах? Троих снайпер уложил. Наш взводный весь изранен, а на груди ни одной медалишки. У меня есть, под Москвой наградили. А наградили потому, что я один из взвода уцелел. Вот и носит Макарыч медалишку. Возьми ее! Припрячь. Кончится война - ежели своей не будет, мою надень. Я смертышку свою чую. Возьми!

- Не надо, батя, не надо! Хлеба дай, воды фляжку налей, там у меня друг.

…Наступило утро. Заискрились, завспыхивали на солнце осколки. Начинался новый день. Нарастала оружейно-артиллерийская перестрелка. В воздухе визжало, шуршало, грохотало. Взлетали черно-желтые столбы взрывов.

Мы с Крамыниным, утопая в земляной выемке, выглядывали из нее, напрягая слух, думали, что выстрел оптической винтовки снайпера все равно в какой-то момент прорежется из общего гула и шума. Только бы уловить ту точку, где он находится, и, не спуская глаз, следить… Поймать на мушку и убить!

По артиллерийско-минометному огню с двух сторон не понять, кто готовится к наступлению. Сидим под носом у немцев. В атаку они ходят валом и быстро. Не успеешь убежать - схватят.

- Наши! - вскрикнул Крамынин. - В атаку пошли, нас бы за немцев не сочли! Беги в конец выемки, крикни, что свои.

В бурлящем дыму и пыли едва виделись бойцы нашей пехоты. Выбрасываюсь из выемки, потрясая автоматом над головой:

- Я - свой! Свой!

Жью-юх! - врезался снаряд в землю, и я оборвался с кромки, ударился о дно выемки, но снова - наверх.

- Свой я! - автоматной очередью палю вверх, давая знать, что свой.

Слева и справа рвались снаряды, воздушной волной меня хлестануло. Опять полетел, расстелился в выемке - зашиб лопатки. Превозмогая боль, поднимаюсь. Но тут чьи-то руки хватанули меня, вцепились в глотку. Искаженный рот зашипел мне в лицо:

- Сво-олочь!

- Раз-разведчик, - едва прохрипел я, срывая жесткую руку пехотинца с шеи. - За снайпером охотимся!

- Врешь?!

- Да-а отпусти ты! - изловчившись, я выскользнул из «плена». - Очумел! Пехота!

Но лейтенант уже не глядел на меня, он смотрел поверх выемки, где залегли его люди, и тут же, торопливо расстегнув гимнастерку, сорвал ее вместе с нательной рубахой:

- Ты полоснул?!

- Я не пехота по своим бить!

- А чего строчил?!

- Я вверх налил!

Он подставил мне окровавленный бок:

- Перевяжи быстро!

У меня был медпластырь, и я залепил ему небольшую ранку. Лейтенант, надевая на ходу гимнастерку, выскочил из выемки.

- Вста-ать! – кричал он бойцам. - Ста-ать! За мной! - бросился вперед. Пехота не поднималась. Да и нельзя было поднять головы, кругом рвались снаряды.

Атака наших захлебнулась. Солдаты под огнем окапывались, а немцы пошли в контратаку.

- Валом идут! - переживал Крамынин. - Схватят, бежим к пехоте! - И мы ринулись туда, где я только что видел лейтенанта.

- Куда-а! Ложись! - орал тот на нас из воронки. Едва не через его голову прыгаем к нему. - У страха глаза большие, солдат спаникуете! Огонь!

Из рычания пулеметов Дегтярева и дробного бухания винтовок отчетливо выделялась стрельба «максимов», четко выговаривающих: та-та-та-та. Со стороны нашего тыла нарастал, ширился гул самолетов, сливаясь в единое море звуков с визгом, грохотом и пулеметной стрельбой.

В чугунном небе носились наши истребители; близко к земле развернутым фронтом шли «Илы», по наседающему на нас неприятелю били «катюши». Несущаяся за «Илами» воздушная волна будто вырвала лейтенанта из воронки.

- За мной! Ура-а! - он бросился вперед, за ним побежали солдаты.

Мы с Крамыниным метнулись к земляной выемке, нырнули в нее, а на дне горит земля – попала термитная мина «катюши».

Несемся за нашей пехотой, преследующей убегавших немцев. Перепрыгиваю через убитых, попадаются пока свои, но вот-вот будут немецкие, надо хоть документы взять. Впереди на земле зазеленела вражеская одежда. Может, раненый? Падаю перед немцем! Убит! Второпях не могу расстегнуть пуговку кармана, срываю накладку «с мясом», забираю солдатскую книжку, вскакиваю, а передо мной Леня Крамынин с фрицем на спине. «Язык», - обрадовался я, схватил его за ноги - почувствовал на ладонях кровь. Находясь в шоковом состоянии от ранения в ногу, немец не понял, кто его подхватил и понес, и без движений лежал на горбушке Крамынина.

Бежим под гул самолетов, визг бомб, взрывы снарядов. У земляной выемки вижу убитого со щетинистым лицом. «Макарыч!» - узнал я того самого, что ночью отдавал медаль. У него широко открыт рот: кричал «ура!» - так и застыл.

Навстречу нам Гриша Доброхотов:

- Я на помощь! По маскхалатам вас увидал! Наваливайте его на меня! - Доброхотов подставил под «языка» свою широкую спину.

Услышав русский говор, немец тревожно завозился на Грише, пытаясь вырвать у него свои руки, у меня - здоровую ногу.

- Не бойся, не бойся! - задыхаясь, успокаивал я его. - Капут никс. Никс капут.

У траншеи, где я давеча суп хлебал, встретил нас адъютант полковника Макарова лейтенант Мишка:

- С добычей вас! Быстро его на КП комдива! Там и помощник начальника разведки Баранов. Быстро, пока фрица не пришибло!

- А нас можно? - обиделся Крамынин.

- Да, вас, меня - можно! «Языка» - нет! Он сейчас нужнее, чем мы!

Под шквалом огня волочем на себе фрица. От близких взрывов падаем, он орет от боли, Мишка торопит:

- Быстрей, быстрей, пока все в дыму! Еще, еще немножко, - кособочась впереди нас, манит рукой к себе и прыгает в траншею КП.

Валюсь на бруствер, и тут из траншеи сразу несколько рук хватают немца. Мы с Леней бухаемся на дно окопа.

- О-о, какого носастого взяли! - удивился лейтенант Баранов. - Если у него и язык, как нос, длинный, награду вам!

- Что?! – не поддержал его комдив Макаров. - Награду? «Язык» - хлеб разведчика! - и он заспешил вдоль глубокой траншеи ко входу в блиндаж, где располагался командный пункт. Баранов последовал за ним.

На допросе «язык» показал, что часть, в которой он служил, базировалась в районе Гумрака и ее оттуда перебросили на этот участок, где он и оказался в руках русских.

После допроса комдив приказал нам, чтобы мы доставили немца в расположение разведроты, накормили и отвезли в медсанбат.

Мы несли «языка» по обгорелой степи, он орал:

- Капут, капут! - думал, что его несут расстреливать.

- Найн капут! Никс капут! Госпиталь, госпиталь! - успокаивали мы его.

Фриц не верил, мотал головой. И нам с Леней стало понятно, почему он так тревожился, ведь немцы после допроса русских пленных убивают. Может, видел или приходилось самому расстреливать, потому и боялся... И успокоился только тогда, когда мы принесли его в расположение роты, накормили.

- Рус комрад, гут, рус гут, - казалось, что он совсем не забирал в себя воздух, бормотал и бормотал...

А попади мы с Леней в том бою в руки ему, каково бы нам было?

...Бои, что ни день, усиливались. На нашем участке фронта появились еще две армии: 24-я и 66-я. Но никак не могли прорвать переднюю линию противника.

Мы, что ни ночь, в разведке. Куда ни глянь, голая, ровная степь: ни кустика, ни одного скрытого подхода. Все это осложняло нашу работу. В лобовых действиях мы теряли людей, возвращаясь в роту без «языка». Королев злился, отчитывал нас:

- Вы что, хуже других разведчиков? Соседняя дивизия берет «языков», а вы - нет.

Командир роты по-отечески заботился о нас. Трофейный брезент, что достался роте при освобождении сел на Смоленщине, обменял на зерно, где-то размолол его на ветряной мельнице. За две железные бочки привез из Большеивановского колхоза двух козлов и арбузы. Едим три раза в день: то суп с лапшой, то полтавские галушки. А тут еще на просьбу Королева «усилить разведчикам паек» откликнулся командир дивизии Макаров: нас перевели на курсантскую норму потребления крупы и сахара.

Под Сталинградом наша рота воюет пятнадцать дней. Многие погибли, и к нам прибыло пополнение. Командир отделения Каймонов вел за собой двух новичков. Один весело улыбался налево и направо глазевшим на него разведчикам, будто давно знаком с ними, и покрикивал:

- Привет, «кирюхи», привет!..

Второй следовал мелким шагом, опустив голову. Подойдя к нам, первый еще сильнее расплылся в улыбке, козырнул:

- Привет, «кирюхи»! Борисом звать, фамилия Леготин. Кореш мой - Коваленко! Надо рассупониться, - он быстро снял поясной ремень.

Коваленко медленно, не поднимая головы, снимал заплечный мешок.

- Друг-то твой чо не здоровается?! - спросил Леготина Крамынин.

- Жрать хочет! Натощак весь день шли. Утром похамали и все! Как звать вашего кашевара? Ничего, справный. Видно, добрый «шнырь». От своего пайка брюхо не наешь. - Он повернулся к Каймонову: - Ты, значит, мой «бугор»?

- Не «бугор», а командир отделения! – отозвался Каймонов.

- Мы так бригадира там звали, - махнул рукой Леготин. - Ничего, привыкну, командиром буду звать. В случае, если по ошибке назову «бугром», не сердись.

Леня Крамынин, склонившись над автоматом, исподлобья бросил взгляд на новичка:

- Сколько сидел? Где сидел?

- Два дня в колхозном амбаре!

Мы расхохотались. Крамынин, посмотрев на нас, кивнул головой на топтавшегося перед ним Бориса:

- Видали, какой болтун пришел?!

- Почему болтун? Ты знаешь, как в амбаре страшно?! Там крысы! Я их боялся, день и ночь орал.

- Крыс боялся? А как за «языком» пойдешь?

- Немец не крыса, чтоб его бояться! – и тут нашелся Леготин.

- Ну, паря, и трепач ты, - сказал Каймонов. - Пошли за оружием!

Леготин повернулся к Коваленко:

- Кореш, потопали!

Тот нехотя поднялся и потянулся за Леготиным, который, вертя головой, оглядывал разведчиков, бродивших по балке. Получив автомат и держа его перед собой, он вдруг запнулся и упал.

- Чего под ноги не смотришь? – строго предупредил Крамынин.

- Когда смотреть! Впервой держу эту машинку. Как пулять из него? - Он пощелкал пальцем по диску: - Что в «посудине», патроны?

Не проронив ни слова, с винтовкой за плечами подошел к нам Коваленко. Сел на прежнее место, глазами уперся в землю. Леготин сунул заскорузлые пальцы в рот и свистнул... Тот, вздрогнув от неожиданности, поднял голову.

- Вот так! Смотри, что близко лежит, - вынул из-за голенища сапога ложку. - У повара увел.

Коваленко бросил презрительный взгляд на Леготина, отвернулся от всех нас, кучно сидящих на земле.

- Ну и друзья пришли! - возмутился Леня Крамынин. - Один шалопай, другого не понять, что за человек. Как мышь, надулся на крупу!

Коваленко злобно посмотрел на Леню и опять отвернулся. Поведение его и так нервировало нас, а этот взгляд поднял всех на ноги, и мы окружили его:

- Ты кто такой?! Чо так смотришь? А ну, пошли к комиссару!

- Не надо, «кирюхи», - заступился Леготин за Коваленко. - У него отец-мать под немцами в Чернигове, живы или нет - не знает.

- Так пусть на Гитлера злится! - кричал Крамынин. - Как враг - с затаенной злобой пришел! - Свел черные брови, встал перед Борисом: - А ты, сопляк, когда успел охаметь?! Верни ложку повару!

Леготин нехотя поплелся в сторону дымящей кухни... Вернулся с неестественной усмешкой на пухлом лице, заговорил изменившимся голосом:

- В тюряге я надзирателя не боялся, дурачил, а тут сдрейфил. - Приложил руку к груди: - Извините! Никогда боле чужого не уведу! Покажите, как автомат разбирать и собирать.

И мы всем отделением, кроме пришельца Коваленко, сдвинулись в плотный кружок, готовые хором рассказывать и показывать Леготину, как надо разбирать и собирать автомат ППШ.

- Как в разведку ходите: по одному, по два, ротой? - спрашивал Борис, и мы рассказывали...

Он внимательно слушал. Чувствовалось, как пытался уловить и уяснить каждое слово. И опять появлялась усмешка на его лице:

- Кто у вас в роте самый что ни на есть старший «бугор»?

Мы хохотали и объясняли, что у нас не «бугры», а командиры, комиссар, старшина...

- А ты кто? - глядя в красивое, с ясными черными глазами лицо Лени Крамынина, спросил Борис.

- Комсорг! - ответил тот.

- Я сразу понял, что ты не шухры-мухры, а рюх-рюх!

- Теперь ты без трепатни расскажи, за что сидел?

- Барана украл. Мясо съел, шкуру на веревку повесил сушить. Грех попутал! Составили акт, - он на автомате поводил пальцем, - мол, барана списать с подотчета пастуха, шкуру оприходовать. Визу наложил председатель колхоза, копию сунул мне. Иди, говорит, в районный центр и там отдашь милицейскому следователю Петрову. Я запротивился. А он: «Кто за тебя пойдет? Ты слопал барана, тебе и нести!» Куда денешься, пошел. Следователь прочитал акт

и так... со вздохом: «Ох и дурак же ты! Надо бы и шкуру сожрать! И ищи-свищи, гадай, куда баран делся!»

Мы засмеялись. Борис продолжал:

- На краже барана я и приобрел ремесло разведчика! И меня народный суд направил через тюрьму на фронт «языков» брать.

- Нет! Все же не смог без трепатни рассказать! - заметил Крамынин. - Но эта шутка к месту!

На хохот подошел Прокопий Каймонов:

- Что, обнюхались?

Леготин вскочил, неумело приложил руку к пилотке:

- Так точно, гражданин начальник, обнюхались!

- Хватит дурачить! Хохмач! - не понравилось Каймонову, и он рукой отстранил его от себя. Повернулся к другому новичку: - Ты чего там притих?

Тот не ответил.

После ужина мы всем взводом писали письма. Я обычно писал коротенькое:

«Здравствуйте, дорогие мои мама, сестры Мотя, Шура и братишка Коля. Я жив и здоров. Иду в разведку. Крепко целую вас. С приветом ваш сын и брат». Обязательно указывал дату. Но когда вдруг представлялась передышка, то писал подробные письма с приветом многочисленной родне и знакомым.

Отцу я писал на фронт и в каждый трофейный конверт насыпал махорки на три закрутки. Однажды он сообщил мне: «Сына, получаю третье по счету письмо от тебя без табачка. Должно быть, ты сам начал курить. А может, кто другой табачком пользуется?»

После этого письма я стал закручивать длинную, тоненькую папироску и клал ее на дно конверта. Когда первая папироска дошла до отца, он писал: «Сын, как я обрадовался, когда увидел папироску, скрученную твоими пальцами. Слюна у тебя ишо сладкая, молокососная». Цигарку-то я специально натер сахаром, чтобы тяте слаще было курить. «Слышал ли ты? – писал он. – Черчилль к Сталину приезжал. Говорят, скоро «второй фронт» откроют. В общем, войне скоро конец. Мать пишет, что корова стельная ходит. Видно, я как раз приду домой к отелу, свеженького молочка попью. Ну а тебе год-другой гадить придется».

Позднее, в 1943 году, я из госпиталя писал ему: «Не годишься ты, тятя, в политики! Наша корова уже два раза телилась и опять с колхозным быком огулялась, а «второй фронт» так и не открылся...»

До темноты строчили мы письма. Спать в ровиках надоело, и мы рядком легли на южном склоне балки. Проснулись от крика:

- Воздух! Воздух!

Солнце только всходило, а «рама», облетая фронт, уже разведывала.

- Сука! Как надзиратель высматривает... Поспать не дала! - выглядывая из ровика, ругался новичок Леготин.

- Кто подобьет ее - отпуск домой, - отозвался из другого ровика Каймонов. «Рама», повиснув над нашим расположением, заколыхалась, разглядывая. Митька Вампилов начал палить по ней из винтовки, приговаривая:

- У-у, шорта болотна! У-у, змия ползуча!

Где-то зенитки «затявкали».

- Ох и денек наступает, - потягиваясь в щели, произнес Леня Крамынин. - Волнующий денек. Прием в комсомол. Вчера хотел объявить, да политрук возразил: «Не будоражь, говорит, на ночь. Пускай выспятся, в голове свежее будет».

«Волнующий день» начался, а у меня, как никогда, была нехорошая, сосущая боль в сердце.

- Политрук вызывает! - не глядя на меня, сообщил Крамынин. - Нашел себе приключение!

- Чо?! – не понял я.

- Дуй, он ждет!

В землянке, через стеклину у потолка, ударил в глаза ослепительный луч солнца.

- По вашему вызову... явился! - смутно видя за столом политрука роты, представился я.

- Какой горластый! - сказал он, оглядывая меня. - Чего так оборвался?

- Ползаем много.

- Может, в страхе на колени падаешь, богу молишься, потому и изорвал колени?

У меня еще сильнее заколотилось сердце, я молчал.

- Ну-у... Думаю, что я в цель попал... Ты же в бога веришь! Как тебе не стыдно! Молодой парень, сибиряк, и в

эту дощечку веришь! - и политрук из-под бумаг выдернул иконку, что я из кармана убитого вытащил. «Как она оказалась тут?!» - пронеслась мысль, рука машинально ощупала карман гимнастерки.

- Потерял! А я нашел. Какие предрассудки... Нет бога! Если бы был, давно бы его зенитчики сбили. Летчики притаранили бы его на землю, - он схватил со стола газету, развернул на груди. Тыча пальцем в зарисовку горящего «мессера», заорал: - Вот как дерутся! В воздухе лупят немцев, а ты на земле от страха крестишься!

- Да неверующий я! Вот те крест, неверующий, - и невольно, по привычке с детства, перекрестился.

- Вот и выдал себя! Не понимаю! Носить в кармане икону и подать заявление в комсомол... Не надо нам таких! Не надо! - он бросил иконку к моим ногам. - Возьми, носи, молись!..

Политрук еще что-то говорил, но я ничего не понимал. Перед глазами все расплывалось... В памяти возникла та злополучная ночь, земляная выемка, труп в русской шинели...

- Идите!

Я остолбенело стоял.

- Срам! Идите, мучайтесь дурью.

Я не выходил. Постепенно овладевая собой, заговорил:

- Крещусь я для потехи.

- И передо мной для потехи крестился?

И вдруг мелькнула мысль, как убедить его:

- Вот возьму и докажу, что неверующий!

- Как? - спросил политрук, привстав.

И я, взмахивая рукой, изругался в бога...

Политрук с маху сел на табурет.

- Теперь верите?! – отчаянно спросил я его.

Смеясь, тот толкал ладонями воздух:

- Все, все, верю. Иди, иди!

Это был день сплошных неожиданностей и неприятностей. Меня не приняли в комсомол. Лейтенант Поляков назначил новичка Бориса Леготина в захватывающую группу моим напарником. Я возразил:

- Не пойду с ним! Он ишо не обнюхался!

- Ничего. Посмотрим!

Ночь безветренная, темная. Со стороны Сталинграда отсвет неутихающего пожара слепил глаза.

- Я ничего не вижу, - шептал Борис, ползя за мной.

- Ничо, приглядишься, - успокаивал я.

- У-у-у! - напоровшись на осколок, болезненно замычал он. - Как вы ползаете?..

- Привыкли, и ты привыкнешь.

Впереди взмыла ракета. Припав щекой к земле, я посмотрел на Леготина. Он беззвучно хохотал.

- Ты чего это?

- Мне глянется, - трясся он от смеха, - как воровать лезем. Я так же вот за колхозным бараном крался. Ты воровал когда-нибудь?

- Было дело. Карманы шарил.

- Ну и как?

- Отец чуть уши не оторвал.

- Надо было оторвать. Глядишь, в комсомол бы приняли...

Сидоров и Доброхотов - первая пара. Мы ползли за ними. При свете ракеты видны брустверы ровиков. Расстояние до ближнего - на небольшой бросок. День тому назад они были нашими, теперь в них немцы.

Леготин, приблизившись вплотную ко мне, зашептал:

- А ежели я тоже в комсомол подам? Может, нас с тобой, как старых «шнырей», чохом примут?

Обернулся к нам Саша Сидоров, взмахнул рукой, и мы, почти одновременно с ним и Доброхотовым, бросились к ровику - из него вынырнула голова в каске.

- Ру-ус! - вскрикнул немец и, не целясь, выстрелил, а затем выскочил из ровика.

Сидоров ударил его наганом, он упал. Доброхотов - на него. И тут Леготин, ни с того ни с сего, бац немца прикладом!

Поднялась стрельба. Еще не поняв, где был короткий вскрик, немцы просто лупили в сторону нашей передовой. Лишь один справа ударил по нас, но наша поддерживающая группа дружным огнем из автоматов подавила его.

Взмыли одна за другой ракеты, осветив нас. Гриша Доброхотов с «языком» на плече казался глыбой, катившейся по черному полю ничейной земли.

Противник, обнаружив нас, хлестанул вдогонку. Била автоматическая пушка, жухали снаряды, рычали автоматы. Рассыпавшись по полю, мы отстреливались и отходили. Завизжал шестиствольный миномет.

- Ложись! - крикнул Сидоров.

Мы с Леготиным бухнулись, но увидев Гришу, бежавшего под взрывами по полю, погнались за ним, хватаясь за перевесившегося на его плече «языка», чтобы взвалить на себя.

- Уйдите, не надо! – крикнул Доброхотов.

- Быстрей, быстрей, - подгонял я его, то равняясь с ним, то приотставая.

Впереди чернел бруствер. Сидоров, опередив нас, исчез в траншее и тут же вынырнул из нее, вытянув руки:

- Давай сюда!

Гриша упал на колени, свалил с плеч «языка» на руки Сидорову и выпалил прерывающимся голосом:

- Он... ка-ажись... не живой! Мертвый...

- Как ?! Да вы что?! - Поляков упал на колени перед немцем и начал лихорадочно ощупывать его. Осветил фонариком лицо: оно было залито кровью, глаза остановились.

Гриша сорвал с немца каску и давай тереть ему уши, пытаясь привести в чувство.

- Мертвый! На виске вмятина! Да это Леготин проломил ему череп!

- Дурак! - вскрикнул Сидоров.

- Кто тебя просил, он был уже подо мной, а ты ударил! - злился Гриша. - Кто просил?!

- Я думал, вырвется и убежит! - оправдывался Борис.

- От Гришки не вырвешься!

- Откуда я знал!? Вот для страховки и тюкнул!

Пришли в расположение роты – новая беда! Новичка Коваленко не оказалось среди нас.

- Где Коваленко? - строго спрашивал Гришу Доброхотова командир взвода Поляков.

- Не знаю! - пожимал тот плечами.

- Как не знаешь?! Ты головой отвечаешь за него!

- Он сказал, что ногу трет, идите, говорит, я переобуюсь, догоню. Я пошел...

- Найти Коваленко! Всему взводу искать! Живым или мертвым найти!

Развернутым фронтом, как в наступление, двинулись мы на передовую. Встречных солдат расспрашивали, не видели ли они где коротенького разведчика в маскхалате. Разглядывали трупы, но следов пропавшего не обнаружили. Командир роты доложил о ЧП начальнику разведки дивизии.

- Найти! - приказал тот.

Снова пошли вдоль линии фронта, встретили солдата, собиравшего винтовки на передовой.

- Слушай, парень, ты в прошедшую ночь не видел разведчика? Маленького такого? - спросил Доброхотов. - Убей, найти не можем!

- Ах, гад! Убежал! То-то я и подумал, - сбрасывая с себя винтовки, выругался солдат. - Вижу, бежит к обгорелому танку, оглядывается. «Куда?» - кричу. Он упал, говорит: «Командир велел НП выбрать». Я и поверил, у разведчиков НП всегда на нейтралке. Опять собираю винтовки, много успеть надо, не смотрю на него, и все мысля в голове: «Чего он, как трус, бежал? Что-то не то!» Оборачиваюсь, а он как в землю провалился. Ах ты, предатель, обманул!

Пропажей Коваленко занялся особый отдел. Вызвали и меня с Леготиным.

- Что можете сказать о Коваленко? - спрашивал лейтенант. – Что он из себя представлял? Что за человек?

- Так себе человек - богом убит, хреном придавлен! - рубанул Борис.

- Что-о?!

- Хреном, говорю, придавлен!

- Объяснил!.. Ты конкретно говори.

- Он немецкий язык знал.

- Листовки немецкие читал?

- Кто, я? - удивился Леготин.

- Коваленко!

- Чо их не читать - все поле усыпано, - говорю я. - Сел по нужде и листовки перед глазами.

Лицо лейтенанта вмиг изменилось: злой взгляд, словно раскаленный осколок, пронзил душу. Мое лицо запылало жаром.

- Что-то вычитал в листовках?! - рычащим голосом спросил особист.

Леготин, глядя на меня, прикусил кончик языка. «Не говори!» - понял я.

- Ну-у?!

- Не читал я! - тоже громко отвечаю. - На кой хрен они мне!

Опираясь руками о стол, особист тяжело поднялся и, шагнув ко мне, вынул из кобуры блестящий пистолет марки «ТТ»:

- Последний раз спрашиваю... Что немцы пишут в листовках?

- Да не читал я! Вот те крест не читал! – взмолился я.

Но лейтенант плоской частью пистолета «разгладил» мне макушку головы так, что заискрило в глазах.

- Ты что-о?! - взревел я. - Я пожалуюсь! В Красной Армии не бьют бойцов!

Особист вытолкнул меня из дверей блиндажа, но тут же схватил за воротник маскхалата, рванул в блиндаж, и я оказался лицом к нему. Он пальцем прижал свои сжатые от злости губы. «Молчать!» - только и успел я понять, как опять вылетел из блиндажа, дверь которого с треском захлопнулась. «Бориса будет бить...»

Дверь распахнулась:

- Возьми пилотку!

Я обернулся и опять увидел палец особиста, лежащий поперек губ, он еще раз предупреждал: держать язык за зубами.

Холодный дождь освежил мне голову, смывая кровь с лица и груди. Я шел вдоль безлюдной балки, в конце нее - серая дверь землянки командира разведроты Королева. Дверь щелявая, и он все видел, что делалось в расположении роты. Идет навстречу. «Сейчас начнет расспрашивать», - я заспешил к своему ровику, спустился в него. Королев следом за мной, тронул мою голову:

- Зверь, что сделал!

У меня в глазах стоял «смерш» с приложенным поперек губ пальцем: молчать! И я молчал.

- Теперь у них каждый солдат будет на подозрении. За что он тебя?

- Не трогал он, я в траншею упал!

- Хы! - усмехнулся командир. - Вот славянин! Ему башку разбили, а он говорит, что в траншею упал... Что ж, так и говори! Иначе может быть хуже. В оправдание своего рукоприкладства он припишет такое, что расстрелять могут...

То, что Коваленко оказался предателем, подтвердилось на второй день. Самолеты противника бомбили штаб дивизии и расположение нашей роты. Тяжелая артиллерия обстреливала. Ясно было, что кто-то нацелил немцев. После бомбежки, вечером, появились у нас в роте командир дивизии полковник Макаров и его помощник по политчасти Шишлянников. Стоя перед строем разведчиков, Макаров разгоряченно отчитывал нас:

- Позор! То один фриц набьет взводу морду, то они взводом бьют одного! Бьют до смерти! Кто из вас расколол череп немцу?!

- Я, - отозвался Леготин.

- Кто так бьет человека? Человек - не бык! Его по-человечески бить надо.

- Я его по каске хлобыстнул, товарищ полковник. Голова сама лопнула... Научусь, легче буду...

- Некогда учиться, «язык» нужен! А они сами идут «языками»! Предательство! - сорвав фуражку с гладко выбритой головы, вытер ее носовым платком. Прошелся вдоль строя, отступил назад: - Новички! Два шага вперед - ма-арш!

Новички вышли.

- Сомкнуть ряды! Напра-аво!

И тут откуда-то вывернулся в пропотевшей гимнастерке сержант, встал головным новичков.

- В пятьсот сорок восьмой стрелковый полк на службу-у... ма-арш! - скомандовал полковник.

- Не пойду! - Леготин вылетел из строя и встал к нам, за ним - Тищенко.

- Куда? - окликнул их Макаров.

- Не пойду! Я не предатель! - отказывался Леготин.

Макаров взглядывал то на побледневшего Леготина, то на расплакавшегося Тищенко, то на угрюмо уходивших новичков.

- Вы присмотритесь к нам, товарищ полковник! - положа руки на грудь, умолял Макарова Тищенко. - Нет, присмотритесь...

- Некогда присматриваться! - Макаров протянул руку в сторону передовой, где грохотали взрывы. - Слышишь? Некогда! Воевать надо! «Язык» нужен! А вы-ы! Предателя упустили! Позор! Ваять «языка»! Сегодня ночью взять! Счастливого пути вам, - и они с Шишлянниковым ушли.

Собрались в блиндаже Сидорова, едва втиснувшись вшестером. Досадно было, что мы не были обучены приемам самбо и боксу. При взятии «языка» не всегда нужно

было применять оружие, как делали это мы. Порой приходилось стукнуть по голове немца пистолетом, чтобы тот не орал на всю передовую. Боксер мог бы сразу заставить его замолчать.

За ЧП в роте отстранили от занимаемой должности начальника разведотдела дивизии капитана Александрова.

Готовились к выходу за «языком» молча. У меня в ушах гудел голос Макарова: «Позор! То один фриц набьет взводу морду, то они взводом бьют одного! Бьют до смерти!»

- Дурак! - сказал я в сердцах Леготину.

- Ишо какой дурак! В пехоту направил разведчиков, - не понял тот.

- Ты!.. Дурак!

-А-а-а! Я думал, Макаров, - лукаво произнес Борис.

Ребята, что были рядом с нами, громко расхохотались. Командир взвода Поляков возмутился:

- Не ржать, а плакать надо!

- С Леготиным и перед смертью будешь смеяться! - сказал Каймонов. - Утром семьдесят самолетов над балкой... Бомбы визжат, грохаются! Мы прижались к земле, а он - Леготин - вещмешок схватил, давай его потрошить. «Надо съись! - кричит. - Вдруг убьет, сухарь старшине достанется!» Смеется, грызет сухарь. Улетели самолеты, он опять кладет сухарь в сумку: «Запас карман не тянет». Снова появились самолеты, бомбить начали, он хватает котелок, орет: «Кухню разбомбят! Надо успеть пожрать». И к повару убежал. Васильева танком не вытянешь из щели, а Леготин просит его: «Кок, налей супа! Прольют гады бомбой».

- Налил повар? - спросил Леготина взводный.

- Куда там! - махнул рукой Борис. – Он, как мышь, прижался в угол щели. А я у него припрятанный мосол нашел в полотенце. Вот такую кость с мясом! - развел руки.

Тут и командир взвода рассмеялся, однако тут же словно спохватился:

- Хватит! Слушайте задание! Во что бы то ни стало взять «языка!» Сгладить позор. Не возьмем, не вернусь в роту! В пехоте останусь!

- Не вернусь и я, - сказал парторг Калугин. - Все не вернемся, пока не выполним приказ.

Поляков, не сказав больше ни слова, пошел. Потянулись за ним на передовую и мы. Рослый и кряжистый Кузьма Ельчанинов выглядел здоровее всех, шел твердой походкой. Калугин сутулился, маскхалат на нем был мало поношен и отчетливо пестрел в цепи. Мало кто надевал маскхалаты. Заношенные, излатанные разными тряпками гимнастерки и брюки и так хорошо маскировали нас: были под цвет степной травы, засохшей на корню.

Всякий раз, когда проходили огневые позиции пятой батареи нашей дивизии, я забегал к однополчанину Василию Власову и наводил справки о доме, пишут ли девчонки... Уходя, предупреждал: «Не убьет - ночью или утром загляну к тебе». Сегодня мне особенно хотелось повидаться с ним. Слова лейтенанта и парторга насчет того, что не вернемся в роту, пока не захватим «языка» - не выходили из головы. Поляков зря ничего не говорил. «Надо сказать Ваське», - думал я.

Власов сидел у вкопанной по ствол в землю пушки. Увидев меня, спросил:

- Чо, опять за «языком?

- Ага, паря, пошли. В случае... не вернусь, напиши домой. Останусь жив - забегу к тебе. Ранит - ребята скажут. До свидания.

У него вздрогнул подбородок:

- Возвращайся, я жду, понял? Жду!

На стыке 441-го и 548-го стрелковых полков мы заняли свободные ровики. Пыль, дым, видимость плохая. Солнце на юго-западе тонуло в мутном горизонте. Нигде ни кустика, ни ложбинки - ни укрыться, ни обойти противника. Каков будет исход, возьмем ли «языка»? Кого убьет, кого ранит?.. Ночь. Подползли к танку, укрылись за ним.

- Передохните, расслабьтесь, - сказал Поляков. - Я проберусь в танк, посмотрю через верхний люк, - и он скрылся внутри, за ним - Калугин.

- Давайте хряпнем, притупим нервишки, - предложил Гриша Доброхотов.

Наркомовские сто граммов мы всегда перед ужином выпивали, на этот раз решили на нейтральной, перед вылазкой за «языком». Отстегнули фляжки от поясных ремней, тихо чокнулись, выпили из горлышка. Крамынин и Леготин лежали неподвижно.

- Вы что? - спросил кто-то.

Крамынин придвинулся к нам:

- На войну солдату стеклянную фляжку! Это кто придумал? Упал - фляжка вдребезги.

- А я, чтоб не разбить, в роте выпил! - отозвался Борис Леготин.

- То ли дело у немцев, - говорил Крамынин, - алюминиевые, легкие, в чехле, ремешком стопка пристегнута. Налил, по-человечески выпил. А у нас? Из горла да через край - захлебывайся.

- Немцам сразу на неделю выдают шнапс, семьсот грамм, - заметил Доброхотов. - Убит во вторник, во фляжке пятьсот граммов, убит в субботу, сто осталось. Почему бы нам так не выдавать?

- Нам хоть ведро налей, пока не выпьем, не оторвемся, - рассудил Каймонов. - Пример - Леготин. Дай ему семьсот, он бы тут же «шумел камыш» запел. Мы, русские, нерасчетливый народ.

- Сегодня нечего на «языка» рассчитывать, - шептал Леготин. - Не возьмем, я опять баб во сне видел! Перед тем, как пришибить фрица, снилось мне: какой-то сарай, солома, две бабы, я в середине. Они к недоброму снятся!

Раздались невнятные звуки, похожие на удары дятла. И вместе с ними, словно кузнечным мехом: фу-у-у, фу-у-у.

- Внимание, внимание! - раздался громкий голос. «Радио!» - понял я. Перестрелка вмиг заглохла.

- Внимание, внимание!.. Товарищи бойцы и командиры рабоче-крестьянской Красной Армии! - выкрикивал немецкий пропагандист. - Кончайте бессмысленную войну! Сталинградские степи и так достаточно политы вашей кровью!

- Слышите? - спросил Леготин. - Политруков не приглашают, они, видно, шибко насолили.

- Переходите на сторону немецких войск, командование гарантирует вам жизнь, работу!..

Через нижний люк танка выползли Поляков и Калугин.

- Группа захвата - за мной! - подал Поляков команду лейтенанту, и они поползли на голос агитатора. Ударили «катюши», затряслась земля, воспламеняясь от термитных мин. Нас осветило, особенно запестрели в маскхалатах те, что ползли впереди. Вскочив, они бросились вперед и потерялись из виду. Стрельба, крик... Было понятно, что наши влетели в траншеи противника и завязали драку.

- За мной! На помощь! - скомандовал Сидоров.

Ослепленный огнем, я влетел в дым и пыль, не рассмотрев траншею. Оступился и полетел вниз. На дне - возня, храп, удары, крик.

- Кляп! - рявкнул рядом Кузьма Ельчанинов.

Я, разводя руками, левой скользнул по каске. Оплел шею немца, сорвал с себя пилотку и сунул ему в рот... И чуть не закричал от пронзительной боли - он прикусил мне мизинец, не выпуская его из зубов.

- Кусает! - крякнул я. Кузьма - под дых ему! Я успел вырвать палец.

Толстый немец от удара обмяк, я с трудом навалил его на Кузьму, он тут же оттолкнул его с плеча на бруствер траншеи, выбросился сам наверх и сверху мне:

- Раненых!

Но раненых уже поднимали со дна траншеи, принимали наверху. Слева строчил из автомата другой немец и кричал:

- Ру-ус, ру-ус!

- Подавить! Прикрыть отход, - приказал Сидоров.

Мы с Борисом врезали из автоматов по оравшему фрицу.

Снова ударила «катюша». Я нырнул в окоп, попавшийся нам на пути, почувствовал что-то мягкое под собой. Леготин сверху навалился и еще сильнее прижал к трупу.

- Слазь! - кричу Борису. - Убитый подо мной!

- Кто? Немец, русский?

- Пошел к черту, вылазь!

- Снаряды же рвутся!

Мне было невмоготу, и я локтем, тычмя, ударил Леготина. Он выскочил. Термитные снаряды рвались позади. Гитлеровцы притихли на нашем участке. Мы отклонились от первого района, где нами была предупреждена пехота. На этом же участке пехотинцы не знали о наших действиях и, сочтя нас за немцев, открыли пулеметно-автоматный огонь. От неожиданности мы заметались...

- Свои! Матушкина мать! - прогремел голос Ельчанинова.

- Эй, пехота! В кого пуляешь?! - кричал Леготин.

- Стой! Прекратить огонь! – донесся голос из траншеи. Показался человек, он ругался: - Перебить вас мало! Почему не предупреждаете?!

- Перестань орать! Есть санинструктор? Давай быстро! - приказывал Ельчанинов.

Санитарный пункт был немного позади траншей, и ребята занесли раненых в блиндаж, положили на носилки. Медицинская сестра в свете двух фонарей, стоявших на ящике, который служил столиком, тут же стала разглядывать и ощупывать раненых. Раненые и порезанные кинжалами лейтенант Поляков и парторг Калугин были в тяжелом состоянии.

После обработки ран и перевязки первым в сознание пришел Поляков. Он тихо спросил:

- «Язык» есть? Все живы?

- Есть! - ответил Ельчанинов.

- У тебя что со щекой? Ранен?

- Немножко зацепило. Каймонова ранило в руку. Калугин плох. Кешке «язык» чуть палец не откусил.

- Приведи «языка», - попросил лейтенант Ельчанинова.

Немец лежал у входа в блиндаж, в траншее. Кузьма взял его под мышки, с маху поставил на ноги, втолкнул в блиндаж. Немец был с разбитой физиономией, на шее остался оттиск крепких пальцев Ельчанинова. Гитлеровец с ненавистью посмотрел на Калугина, Полякова и, кивая головой на Кузьму, выругался по-русски:

- Русс... собака!

- Ого, какого зверя взяли! - с трудом выговорил Поляков. - Он и тут еще рычит.

Немец был крупный в кости, с нашивками СС на рукаве, второй рукав ему оторвал в схватке Ельчанинов. Руки у эсэсовца были мускулисты и жилисты.

- Как ты совладал с ним? - удивился лейтенант.

- С таким злом черта сломишь, - ответил Кузьма. - Это он вас и Калугина поронул ножом. Мне чуть глаз не вынул. Кажется, агитатора я пришиб прикладом.

- М-м-да-а, - голос комвзвода был болезненным. - Молодцы... Так вот... и давайте... дружнее... Я... отвоевался.

Ножевая рана от бедра до грудной клетки оказалась смертельной...

И мы хотели, как можно быстрее, донести Полякова до расположения разведроты, а там - на машину и в медсанбат. Но, увы! Заградотрядчики пропускали нас через свои траншеи лишь тогда, когда мы шли на передний край линии фронта. А когда возвращались, нас окликали, приказывали ложиться у траншей. Потому что часовой не имел

права ночью пропустить в тыл даже одиночку. Они никогда не спешили вызвать дежурного по части, просили закурить. Так и на этот раз.

- Браток, - умоляющим голосом обратился Кузьма к заградотрядчику. – Пропусти-и, тяжелораненых несем...

Но не тут-то было. Часовой фонариком осветил Кузьму, а тот ударом выбил из его рук не только фонарик, но и винтовку и тут же дал из автомата длинную очередь в небо.

После стрельбы мы не сразу услышали крик:

- Тревога!

Нас окружили «вояки», спрашивают:

- Кто стрелял?

- Как не стрелять, - опередил Кузьму Борис Леготин. - Вечером я ему дал горсть махорки, а он, надзиратель, опять просит закурить! И еще говорит: дай на цигару для дежурного.

- Что-о?! - зычным голосом спросил тот.

- Так всегда, гражданин начальник, ваши солдаты просят у нас махорки для себя и для вас.

Борис попал в цель! И никто из заградотрядчиков не приостановил нас, когда мы с носилками перешагивали их «боевой» рубеж. За удар по рукам часового Кузьму могли бы взять под винтовку, о чем Борис и подумал, когда ловко соврал, что давал горсть табаку часовому. За такое вымогательство через своих подчиненных по голове бы не погладили.

...В расположении роты на наших глазах умер командир взвода лейтенант Поляков.

День с утра был пасмурным, к обеду ветер разорвал морок, и в прогалину вынырнуло солнце, ярко освещая поземлевшее лицо покойного. Мы опустили тело любимого командира в могилу. Долго плакали над его холмиком, салютовали, клялись, что отомстим.

Наплакавшись, я написал домой: «Мама, ежели Вася Власов напишет, что меня убило, не верьте. Я просто не смог зайти к нему».

Он же, как потом я узнал, ждал меня до утра и в последующие вечера, а не дождавшись, написал письмо своей матери, как условились мы: «Кешка пошел в разведку и не вернулся». И его письмо опередило мое. Сутки оплакивали меня всей деревней.

Батарея, в которой служил Василий, перебазировалась куда-то, и я долго не мог найти его, а он продолжал писать, что я погиб. Тревожные письма матери заставили меня отыскать его. Спустившись в блиндаж, я оказался лицом к лицу с земляком, протянул ему руку:

- Здорово, паря!

Испуганно отпрянув, Вася вытаращил глаза и спрятал руку за спину, но убедившись, что перед ним не призрак, схватил меня в объятия...

Конец сентября 1942 года. В дивизию пришло новое пополнение из Средней Азии. Ночь прохладная. Мы с Борисом в маскхалатах, одетых поверх гимнастерок, не мерзли, а они в шинелях, с большими котомками на спинах, то и дело содрогались. Котомки из хлопка белели по траншее справа и слева от нас.

- Что у них в сидорах? - интересовался Борис. - Как верблюды навьючены. - И давай ощупывать котомку соседа: - Распороть, может, кишмиш есть?! - Солдат, приподняв голову, сверкнул глазами и опять уткнулся в колени. - Прости, - извинился Борис. - Как звать тебя? - Тот молчал. - Кто ты? Узбек, таджик, туркмен? - Солдат не шелохнулся и не ответил.

Ночью было тихо. Мы с Борисом прижались плечом к плечу, он тут же захрапел. Я же, придремывая, слышал пулеметные очереди, клацанье зубов пехотинцев: скоро в атаку, вот страх и пробирал их до костей.

Перед рассветом немцы делали пробный выстрел из пушки - узнавали, появились ли русские повара с завтраком? Дадут залп и держат уши топориком, прислушиваются. Уловят крики, беглым огнем лупят, разнося снарядами кухни и солдат с котелками. Не уловят - умолкнут на какое-то время, потом опять грохнут. И так периодически бьют до полного рассвета.

Повара и старшины, у которых от трусости штаны тряслись, то сунутся вперед, то вдруг им покажется, что немцы сейчас ударят батареями. И они разворачиваются назад. Тычась туда-сюда, попадают под снаряды. А расчетливые, смелые, улавливали моменты - от залпа до залпа орудий успе-

вали раздавать еду солдатам. А уж затем смывались в тыл.

Кормильцы второй роты, в которой мы с Леготиным временно находились, оказались у траншей.

- Завтрак, завтрак! - звал кто-то скрипучим голосом. - Быстро, быстро! Успевайте, пока немец молчит.

Новички-азиаты заговорили что-то по-своему, порывисто поднялись, сдирая с себя котомки. Передавая один другому котелки, бренчали, стучали. Выскочив из траншеи, топали ногами. Конечно, раздались орудийные выстрелы – жью-юх, жью-юх! Снаряды врезались в землю, из грохота понесся крик:

- Ва-ва-а! Ва-ва-ва-а-а!

- Набренчали! Натопали себе на голову, - сокрушались мы.

Кто-то с разбегу нырнул головой на дно траншеи. Кто-то кого-то поднес, и мы с Леготиным приняли недвижимого человека. Едва успели положить его, как нас оттеснили от него новички и подняли вой...

- Не орите! – приказывали мы им.

Артобстрел усилился. В этот грохот вписывалось вроде шипения паровоза - «катюши» давали знать о начале артподготовки. И тут земля содрогнулась под нами - грохнула наша артиллерия, и пехотинцы расстелились вдоль траншеи, прикрыв спины белыми котомками.

- Это наша артиллерия! - кричал я, едва слыша свой голос. Вскочив, увидел искристо-черные взрывы в районе молочно-товарной фермы, от которой остались одни торчащие вразброс столбы. Глядя вперед, я не заметил, как рядом со мной оказался человек со скаткой через плечо и автоматом в правой руке. Его могучая фигура едва вмещалась в ширину траншеи. Склонив голову, он заорал мне в лицо:

- Вам «язык» нужен?!

- Конешным делом! «Язык» - хлеб наш!

- Помогите нам поднять солдат, из траншеи повытолкать, - усмехнулся глазами. - «Языка» возьмем, - он ручищей вцепился в котомку и, как ребенка, поставил на ноги солдата с черным лицом. - Стой! - прижимая его к стене, с трудом протиснулся до другого, поднял его. - Не давайте им ложиться! - сказал мне. Я встал между ними.

- Смотрите в сторону немцев! - кричу в ухо одному, другому. - Смотри вперед, глазами прокладывай себе дорожку!

От орудийной канонады земля лихорадочно содрогалась, упругий воздух пронзал уши, вибрировал, и поднятые солдаты присели на корточки. «Ладно, сидите», - подумал я, и мы с Борисом завернули за изгиб траншеи. И тут кто-то поднимал необстрелянных азиатов, но не так, как тот верзила. Этот, коротенький, рывком опрокидывал новобранцев навзничь и зло кричал им что-то в лицо...

Из траншей взмыли зеленые ракеты, послышались выкрики:

- Ста-ать! - за бруствером траншеи стояли младший лейтенант и здоровяк сержант. - За мной! - командовали они, глядя сверху на солдат. Просяще манили их руками: - За мной, в атаку!

Те со страхом на посеревших лицах ошеломленно топтались, дико озираясь один на другого, что-то выкрикивали. Мы с Борисом, схватив одного за бока, подняли, а он и не сопротивлялся, висел на наших руках. Рослый сержант, схватив его за котомку, вырвал из траншеи. Затем прыгнул к нам и давай выкидывать одного за другим. Очередной упал у его ног, забился припадочно, сержант из автомата застрочил в дно траншеи, будто бы расстреливая труса.

- Вай, вай! - заорали другие азиаты и полезли наверх.

- За мно-ой! - подал команду молоденький лейтенант и повел взвод за собой, равняясь с двумя другими взводами роты.

Мы с Борисом шли вслед пехоте, чтобы перед траншеей противника вырваться вперед и взять «языка».

Нейтральная полоса, усыпанная новичками с белыми котомками за спинами, выглядела так, будто беженцев вели в бой, а они кучками, словно семьями, шли за реденькой цепью командиров. Шли робко, оглядывались назад, и мы с Борисом видели перекошенные от страха рты.

Немцы открыли пулеметный и автоматный огонь. А тут еще рев моторов наших вороненых «Илов», идущих так низко... У «страха глаза велики», не разглядишь, чьи самолеты... Вот кое-кому, видно, показалось – «раздавят»! - и бросились врассыпную, драпанули назад... Атака захлебнулась.

Совсем немногие выдержали это первое боевое крещение. Новички отходили назад, оставляя своих земляков на искореженной бомбами ничейной земле. Выносили и вы-

водили раненых. У танка, под которым был КП командира батальона Базарова, где находился и начальник разведки Филипп Иванович Баранов, сидели с перевязанными левыми руками шкурники. Убегая от бомбежки, они на ходу ранили себя.

Тем азиатам, что сидели вместе с самострелами под охраной, можно на первый раз и простить - ибо такое боевое крещение без психологической подготовки не каждый смог перенести. Ну а те, кто выстоял под артобстрелом и бомбежкой, - мужественные люди! Они уже после первого боя становились бывалыми солдатами.

Суд самострелам был показательный. Расстрел - на глазах воинских частей дивизии, чтобы устрашить всех паникеров. Ан нет! Трусы прибегнули к другому способу. Начали «голосовать»: высовывали из ровиков левую руку по локоть и «ловили» вражескую пулю. И только левую, чтобы не совсем стать инвалидом: правую приберегали для труда.

Утром такие «вояки» в одиночку и группами пытались уйти с передовой в тыл, и все – раненные в левую руку и только по локоть. Это сразу бросалось в глаза, поэтому особисты тут же забирали их и увозили не в санчасть, а туда, где с ними расправлялись по закону военного времени. Нас предупредил солдат из особого отдела Костя Аксененко, и его слова мне врезались в память на всю жизнь: «Будьте осторожней, берегите левую руку по локоть». И мы боялись. При взрывах мин, снарядов прятали под себя руки.

А трусы тем временем стали ноги задирать кверху - получали ранения, из-за которых не сразу были уличены.

Однажды наш ротный чудила Борис Леготин «бомбой» влетел в землянку и заорал оглашенно:

- «Смерш» идет! Штаны будет сдирать! Кто в ж... ранен, расстреляют как симулянта! Кто ранен, значит, ж...й «голосовал»! Повесят!

Задняя часть - самое уязвимое место в войну. При обстрелах, мы, как утки, ныряли в воронки, подставляя мягкое место под пули и осколки. Залепишь рану трофейным пластырем и опять вперед - на ходу, как у собак, зарастали раны...

...Разведрота обескровилась: нас осталось совсем мало. Федор Ефимович Королев еще больше дорожил нами, заботился. Он приказал старшине перебрать все имущество в

каптерке и лишнее увезти в колхоз, променять на картошку. Тот набрал в мешки какое-то тряпье, прихватил ведра, уехал на полуторке и привез не только свежий картофель, но и капусту, лук, укроп.

- Сейчас же засоли укроп, - говорил повару Королев, - покрепче, чтоб не испортился.

Командир снимал пробу с приготовленной еды, на которую мы не обижались. Еженощные поиски изматывали, мы худели. Изрядно поношенное и изодранное обмундирование было неумело зачинено. Королев уже не знал, что предпринять, чтобы мы выглядели лучше. Он позвал парикмахершу командира дивизии Валю подстричь нас поглаже машинкой. Это была последняя его забота о нас.

В тот же час, когда Валя находилась в нашей роте, командир дивизии полковник Макаров хотел побрить голову. Вали не оказалось под рукой. Когда он узнал, что ее увел Королев, убрал его из роты.

- Как понять, товарищ полковник, - спрашивал Макарова Королев, - судимость сняли, повысили в звании, а в должности понизили?

- А так и понимай! От баб подальше! - ответил тот.

И опять Федор Ефимович Королев пострадал за солдат.

Начальник разведки дивизии Баранов представил нам нового командира роты старшего лейтенанта Ивана Быкова.

Мы недружелюбно глядели на него: плотного собой, с разными глазами: светло-зеленым и темно-карим. В карем - острый, даже пронзительный взгляд, в зеленом какой-то расплывчатый, непонятный. Может, Быков и с доброй душой человек, но мы чувствовали себя сиротами. Нам нужен был Королев! И кто-то в строю всхлипнул.

Быкову стало не по себе, он нервно заходил вдоль строя. Королев стоял с опущенной головой. Баранов вдруг придрался ко мне:

- Почему брюки не зачинишь?

- Когда чинить-то, - сразу заступился за меня Королев. - Нощно и денно на передовой. Колени в болячках, заживить некогда.

Душа моя и так ревела от жалости к Королеву, а тут еще его такие слова, будто сказанные отцом, растрогали меня до слез.

Колени, локти были покрыты у нас сплошными болячками, и Баранов виноватым голосом сказал:

- Обидел я вас, ребята! Виноват, не подумал. Простите.

На следующий день Быков представил нам нового командира взвода лейтенанта Василия Рубанова, прибывшего из военного училища. Мы смотрели на него: статного, с миловидным белым лицом, пытаясь углядеть в нем душевные и боевые качества Полякова.

Два новых командира стояли перед нами, а нас осталось во взводе всего двенадцать.

- Лейтенант Рубанов горит желанием сегодня же, как говорится, с места в карьер, не отдыхая после большого перехода, принять боевое крещение, - говорил Быков. - Тактику разведчика он прошел в военном училище. - И взглянул на Рубанова: - Принимай взвод!

- Есть принять! - четко козырнул тот. - Взвод, слушай мою команду! Равня-яйсь!

Мы нехотя подравнялись. Он, придирчиво оглядывая нас, заметил:

- Как вяло!

- Мы не курсанты, - пробурчал Гладких.

- Разговоры!..

На передовую шли по той же тропинке, по которой водил нас на задание Поляков. В дороге мы обычно разговаривали, но на этот раз молча шли до НП разведроты.

Немецкая передовая линия изменилась - впереди траншей появилось проволочное заграждение в два ряда. Значит, противник встал в оборону, внезапных атак не будет.

В наших траншеях пехотинцы, русские и новички из Средней Азии, раздевшись по пояс, умывались - наверное, впервой за войну под Сталинградом. Те, что уже смыли земляную пыль и пороховую сажу с лиц, сидели рядком на дне траншеи, вели разговор о бабах:

- Чистенька у меня Феклуша. Работяща. Но и за стол сядет, держись! Одна за колхоз сметет. Скорее бы домой... Сейчас бы вот с ней навернули по крынке простокваши и в постель. И лежи, потирай от сытости брюхо. Обожали мы с Феклушей картошку жарену на сале. Во всем баба хороша, а вот не родила. Убьют меня, и род наш на этом кончится.

Леготин, присаживаясь к запыленному и закопченному пороховым дымом солдату, спросил:

- Вы с Феклушей на какой печке «жарили»?

- Знамо дело, на плите!

- Дурак! Надо было на русской, глядишь, и дети родились бы.

Хохот в траншее...

- Вот жадный! – острил Леготин. – Мы, когда голодные, говорим о еде. Наедимся – говорим о бабах, а он сразу готов ухватить и кусок хлеба, и Феклу за титьку!

Хохотали разом пехотинцы и разведчики.

- Тише, кодла! Немцы услышат, - из наблюдательной ячейки унимал Крамынин.

- Я шибче всего рыбу обожаю, - заговорил шепелявый Кешка Бурнин. - И шаньги шо шметаной. Бывало, заберусь в погреб, ладошкой шниму шметану и ем.

Мне вспомнились: двойная уха, суп из сохатины, медвежье мясо, и я спросил Леготина:

- Ты ел когда-нибудь медвежатину?

- Всегда ел. Я ж охотник!

- Трепач! - обозвал Леготина Бурнин.

- Ты-ы, шаньга шо шметаной, слушай! - Борис, сидя между пехотинцами и разведчиками, завертел головой. - Вот однажды охочусь я за куропаткой, подхожу к зароду, и что вы думаете! Медведь солому ест!

- Медведь - солому?!

- Да-а! Они и сено едят!

Опять хохот в траншее.

- На охоте и не то бывает. Приходилось убивать зайца с рыбьим глазом. Только я его в котел, у него тут же глаз выскочил! Как у рыбы, когда сварится.

Меня тревожило проволочное заграждение. Теперь попробуй, возьми «языка». А если поле заминированное - будет еще сложнее. Немцы перешли в оборону, а почему они вдруг перешли? Надо знать, нужен «язык», чтобы рассказать, а он, проклятый «язык», и без проволочного заграждения нелегко давался.

- Все! Кончаем болтать о еде! - сказал Борис Леготин. - Поговорим о бабах! Старший наш брат - солдат пехоты - послушает.

- Молодец! Лестно сказал! - отрезал тот, что рассказывал о своей жене Фекле. - Впервой такое слышу. Спасибо вам, разведчики! - Оглядел нас, одетых в маскхалаты, перемешанных с солдатами в серых, затасканных в окопах шинелях: - Спасибо за признание, что мы, пехотушка, старше вас. Вы и видом моложе. Лица помытые, чистые. А мы? - Глядя в румяное, как у девчонки, лицо Бориса он махнул рукой: - Давай о бабах!

Борис хмыкнул в кулак:

- Однажды взводом приходим в клуб, - врал он напрополую. - В фойе темно, полно девчонок, и мы захорохорились между них. Кто они, какие, красивые, страшные - не видать! Тяну одну за собой, она не упирается, идет. На улице смотрю, у нее брюхо пузырем! Стара!.. Ничего, думаю, война спишет. К отбою опоздал. Дежурный по роте к командиру меня, а тот спрашивает: «Где был?» - «Шмару нашел! - отвечаю. - Манькой звать! Баба, что надо, в маслопроме работает». - «Ну и как? - спрашивает ротный. - Сливки снял?» А я ему: «Какие там сливки! - морду кислой делаю. - Она брюхата!» - «Что-о?!» - крикнул командир. Я повторил, а он: «Нахал! Двое суток ареста!»

Взахлеб хохотали только солдаты пехоты. Мы лишь ухмылялись, переглядывались между собой, дескать, вот брехун так брехун.

Леготин никогда не заводил разговор о девчонках и лишь однажды со вздохом признался: «Мне вспомнить некого». А тут вдруг преподнес: «У нее брюхо пузырем! Стара!.. Война спишет!..»

- Правда, она стерва брюхатой была? - спрашивал муж Феклы.

- Да-а! - врал Борис. - Впервой попала такая. Ты не боишься за свою Феклушу? Она у тебя бесплодная, ей не страшно, если под руку кому попадет - не забрюхатит!

- За это тебе - типун на язык! - не понравилось солдату.

Опять хохот на всю передовую...

Леготин смешил пехотинцев, пока в траншею не спрыгнули два сапера-разведчика:

- Путь вам свободен! Поле оказалось незаминированным.

- Крамынин, выходи со своими, мы за вами, - скомандовал Рубанов. - Хлопцы! - окликнул он пехотинцев. - В случае чего, дадим красную ракету, поможете огоньком!

- Да-а! - отозвались те дружно.

Ночь, как все прошедшие ночи, безветренная. В глубине темного неба горящими угольками светили звезды, тарахтел «кукурузник». Прожектора, отыскивая его, освещали землю, и мы заметили впереди себя блеск касок.

- Немцы! В разведку ползут! - прошептал Леготин.

- За «языком» коллеги двигают. Посмотрим, кто у кого возьмет, - тихо проговорил Доброхотов. - Их тоже четверо. Только кто из них самый болтливый? Кого брать?

- В воронку! - обернувшись к нам, скрипнул голосом Леня Крамынин. Он и Гриша поспешно двинулись к чернеющей слева воронке, мы за ними. Вползли в нее и притаились. Стали осторожно выглядывать.

Яркие, длинные лучи прожекторов скрестились в воздухе на «кукурузнике», и он, ослепленный светом, кувыркнулся, пошел вниз и потерялся из виду. Лучи упали за ним, один едва не на землю, ослепил нас в воронке, хватанул вправо по горизонту, ударился о горелый танк, переломился, взмыл в небо. Другой прожектор косил плоскошироким лучом воздух, освещая неподвижно лежавших на гари немецких разведчиков.

- Вторая рота, за супом! - звучно прокричал кто-то из пехотинцев.

- Вот дает Иван! - возмутился Крамынин. - Еще бы назвал полк, дивизию, немцам и «языка» не надо.

Лязг, звон, бряцанье посуды, топот и крик:

- Мишка, не забудь спросить махорки и спичек! Отругай повара! Почему с ужином поздно!

- Ладно, отлаю! - как эхо, отозвался Мишка.

Немецкие разведчики двинулись на шум. Мы, подстерегая их, шептали:

- Вот если бы сейчас не мы, чего бы им «языка» не взять!

- Прямо с супом!

- Да ну, часовые-то стоят!

- Какое там! Жратву ждут, ложки облизывают!

Четверка противника отчетливо виделась уже без света прожекторов. Чуть позади них вроссыпь ползла поддерживающая группа.

- Троих бьем, одного хватаем! Правофлангового. По идее он должен быть старшим. Может, даже офицер, - предположил Крамынин и взглянул назад. - Как Рубанов примет боевое крещение? Узнаем, на что он способен.

Бряцанье котелков, топот, выкрики наших пехотинцев усиливались. И немцы, спеша воспользоваться моментом, подбирались к нам с левой стороны воронки.

- Пропустим чуть и в затылок, - едва слышно шептал Крамынин.

Лежим, чувствуя друг друга локтями. Малейшее движение одного передается другому. Правофланговый немец чуть впереди остальных, совсем близко - боком к нам.

- Вы бьете тех, я бросаюсь на него, - взмах руки Крамынина, и мой палец инстинктивно нажал на спусковой крючок. Крамынин, и тут же за ним Доброхотов, вылетели из воронки и схватили вскакивающего немца...

- Р-р-р-р, р-р-р! – уже для страховки мы с Борисом строчим по оставшейся лежать на гари тройке немцев. По нас ударила из автоматов поддерживающая группа разведчиков противника, а по ней - группа лейтенанта Рубанова.

Длинные, сверкающие нити автоматного огня перехлестнулись в воздухе. Тут и там из траншей противника полетели ракеты, осветилась нейтральная полоса - из воронки не выбраться.

Ни наша, ни немецкая пехота не вступали в бой, боясь перебить своих. Понимая, что и светом ракет они выдают разведчиков, прекратили пулять в небо. На земле потемнело.

Гитлеровские разведчики не отходили. Да и как отойти! Окажись мы в их положении, тоже бы дрались до последнего. Идти за «языком» и вдруг отдать своего. Позор! Немцы, конечно же, сразу засекли нас с Борисом в воронке, из которой выскочили Крамынин и Доброхотов, и приближались к нам.

- Куда, «кирюхи», рот ваш немытый! - строча по ним, бурчал Леготин.

Они глушили нас близкой стрельбой и упорно подползали.

Рубанов, поняв замысел фрицев, бежал с группой разведчиков к нам на выручку. Не остерегаясь, потому что пули перестали свистеть над головой, мы с Леготиным яростней стро-

чили по врагу. И вот их осталось двое. Из двух стволов летел огонь, но они не отходили, то ли надеялись выстоять, то ли решили погибнуть. И уже в упор вели огонь по группе Рубанова.

В ход пошли гранаты, и немцы, не выдержав натиска, побежали назад, расстреливая валявшихся на пути своих раненых, чтобы те не достались нам «языками».

- Отходить! - подал команду Рубанов и пустил красную ракету.

Вмиг заработали два станковых пулемета, винтовочная стрельба сухим треском вписалась в отчетливые звуки «максимов». Пехотинцы, видимо, давно ждали красную ракету и по команде ударили!

Под мощным прикрытием пулеметно-оружейного огня мы отходили.

В траншее было темно. Гриша Доброхотов осторожно положил кого-то на бруствер.

- Кто это? - спросил лейтенант.

- Крамынин, - отозвался Доброхотов.

- Что с ним?

- Все, - Гриша спрыгнул в щель.

Меня как обожгло! Сжалось сердце, я перестал перевязывать Московских. Вскочил, ноги затряслись.

- Борис! - закричал я. - Леню убило!

- Брось ты... - не поверил тот, голос оборвался на полуслове. - Как могло?

- Что спрашиваешь, - злился Гришка. - «Языка» мы передали в руки пехоты. Леня кричит: «За мной, на помощь!» - бросился к вам, я за ним... И тут он взмахнул руками и упал!

В роту мы едва приплелись. Почти все покалеченные. Раненых отправили в санбат. Сергей Скольжиков там умер. Могилу для Лени Крамынина вырыли рядом с холмиком Полякова.

Леня лежал на носилках - как живой, только лицо побледнело и брови да волосы, казалось, стали чернее.

... Ходим в разведку каждый день. Залатать брюки, гимнастерки некогда. Болячки на коленях не подживали, а, наоборот, разбаливались. И я опять попал на глаза Филиппа Ивановича Баранова.

- Собирай свои шмутки, со мной пойдешь, - сказал он.

- Куда вы его? - забеспокоился Рубанов. - И так людей нет!

- Сегодня придут люди. Из особого отдела полроты заберем: сибиряков, забайкальцев, а он в ординарцах у меня походит! Колени подживут.

Филипп Иванович, приведя меня в свою землянку, вытряхнул из вещевого мешка тряпье.

- Выбирай брюки, гимнастерку, - сказал он. - Рвань свою сожги. Бери синие. Они тебе как раз будут, мне маловатые.

Приодел меня в офицерское обмундирование, сказал, чтобы я как следует отоспался. Ночами он то и дело ворочался, тяжело вздыхал. Белокожее лицо осунулось, ел плохо. А ели мы с ним из одного котелка, и он подсовывал мне свою порцию мяса:

- Ешь, поправляйся!

И как-то за обедом сказал:

- На душе гадко! Ты случаем не женат?

- Сам не знаю, женат или не женат!

- Как так - не знаешь?

- Женился, а домой не привел, и она опять стала девкой. Теперь с подростком соседским скрутилась.

- Да-а! Успевают, пока война. А я женат! - он расстегнул карман гимнастерки, что-то хотел вынуть, да спохватился, что мы за едой, заторопил:

- Хлебай, хлебай! Не смотри на меня, - и застегнул карман. - А она тебя в письме не спрашивала, как ты на то посмотришь, что она мальчонку полюбила?

- Нет. Чего у меня спрашивать! Просто не стала писать, чтоб я понял. Да мне другие все описали.

- А меня вот разлюбезная женушка спрашивает: «Феликс, - так она зовет меня, - говорят, война не скоро кончится. Останешься ли ты живым? Может, мне не ждать? Жить чертовски хочется! Мастер завода за мной ухлестывает, тебя жалко. А может, выйти за него? Ребенка хочется! Не сердись, ответь, пожалуйста!» - Баранов тяжело вздохнул, хлебнул суп и опять заговорил: - Жена мужа спрашивает, за кого ей замуж идти... Мастер ухаживает, жить им хочется, а нам - нет!

- Ну и что вы ответили? - спросил я.

- Написал, чтобы выходила замуж за мастера. Да долго не раздумывала, а то он на другой женится. Для тех, кто сейчас в тылу, большой выбор.

Погода стояла дождливая, в землянке было прохладно, и я, растопив печурку, перечитывал письма из дома. По письмам я все знал, что делается в деревне. Кто уже съел хлеб, что был получен до войны, у кого должно быть еще много хлеба... «У нас, мама говорит, ишо на год хватит, - писала сестренка Шура. – Иван - бог теперь в колхозе, почитаемый колхозник. Ежели б не он, никакого бы приварка на заимке не было. Почти каждую неделю добывает зверя. Он и сейчас сильный, а говорит, что устал, а бабы не верят, погоном гонят его то в тайгу, то рыбу ловить...»

Баранов то и дело тер резинкой бумагу, исправлял свои ошибки, потом треснул карандашом по столику:

- От матери письма? Как они там, в тылу? Дай почитать, если не секрет!

- Какой могет быть секрет - сестренка пишет!

- А, не надо! Хотелось материнское сердце слышать, как оно бьется.

Баранов прислушался к насвистыванию за дверями землянки, с печалью в голосе произнес:

- Горелик. Люблю слушать, когда он насвистывает песни-вальсы. Красивый, голубоглазый, хороший парень! По невесте убивается.

Лейтенант Горелик был помощником Баранова и переводчиком. Два дня не прошло, как голубоглазого, с маленькой горбинкой на носу лейтенанта Горелика убило... Мы с Гришей Доброхотовым принесли его в землянку.

- Кто это?! - вскочил с чурбака Баранов.

- Лейтенант, - еле выговорил я и, шагнув к столику, положил перед ним два письма, обнаруженные в кармане погибшего: одно в трофейном конверте с адресом на Полтаву, другое - треугольником - с надписью: «Тому, кто найдет».

Баранов лихорадочно развернул треугольник: «Дорогой товарищ, очень прошу тебя - освободится Полтавщина, отошли письмо, что в конверте, моей коханой. Треугольник порви. Будь добрый, выполни просьбу! Она ждет. А если дойдешь до Полтавы, саморучно передай...»

Баранов, выронив из рук письмо, ухватился за воротник

гимнастерки, с треском расстегнул его. Едва переставляя ноги, подошел к носилкам, опустился на колени перед телом Горелика и пригладил пушок на его щеках.

- Бог ты мой! Ни разу не побрился...

Потом взял письмо, адресованное невесте:

- Кто из вас дойдет до Полтавы?

Мы с Гришей, стоя у двери землянки, пожали плечами, а он несколько раз переводил взгляд с меня на Гришу, словно пытаясь угадать, кто из нас счастливый.

- Кто передаст письмо?

Мы переглянулись.

- Дойти до Полтавы и передать! На! - и сунул письмо мне.

У меня екнуло сердце. Гриша тревожно переступил с ноги на ногу. Ему тоже хотелось дойти до Полтавы, а Филипп Иванович пророчил жизнь только мне! Волнение Гриши не ускользнуло от его маленьких глаз, и он, погрозив пальцем, сказал:

- Оба головой отвечаете! Не потеряйте письмо! Надо выполнить просьбу!

Ночью разведчики привели эсэсовца с разбитой физиономией, а допрашивать некому. В дивизии никто не знал немецкого языка. В землянку набились штабные офицеры, чтобы зрительно узнать что-нибудь от «языка». Обступили его, сидевшего у столика:

- Шпрехен зи руссиш?

Немец отрицательно помотал увесистой головой.

- Ну тогда капут! Не нужен ты нам, - пытались запугать его, вынудить на разговор по-русски. Тот, уткнувшись взглядом в колени, молчал.

В поисках переводчика уехали гонцы в соседние дивизии. И вечером к нам в землянку вошел усталый солдат с заплечным мешком и в измазанной шинельке.

- Пехотинец? - спросил Баранов.

- Так точно, товарищ старший лейтенант! - громко ответил солдат.

- О-о! По голосу не похоже, что измученный, а вид у тебя никудышный. Как звать?

- Аркашка!

- В пехоте рядовым был?

- Сначала! Потом командиром роты.

- Молодец!

- Не очень! В роте осталось восемь человек, командовать некому было, приказали мне.

Начался допрос пленного. Баранов и переводчик Аркадий Гершман потом удивлялись, что эсэсовец так легко рассказывал все, о чем его спрашивали.

Баранов позаботился о замене измазанного в ровиках и траншеях солдатского обмундирования переводчика Гершмана на офицерское. В новом обмундировании он выглядел совсем другим, к тому же у него оказалось звание лейтенанта интендантской службы. И я, оглядывая его стройную фигуру, не выдержал:

- Чо значит нова одежа, даже справным стал.

Колени мои поджили, наросла новая кожа, а Баранов все не отсылал меня в роту. Повсюду брал с собой. Однажды на командном пункте комдива Макарова часовой, глядя на мои диагоналевые, пузыристые, с красными кантами галифе, принял меня за офицера и пропустил вслед за Барановым в блиндаж.

- Это ЧП! ЧП! Безобразие! - кричал в телефонную трубку Макаров. - Тысяча солдат и ни одного котелка! ЧП - суп наливать в пилотки! Утрами заморозки, у солдат пилотки берутся коробами.

- И ложки не у всех, - подсказал ему кто-то.

- И ложек нет! Коня мне, коня, я прямо к Хрулеву погоню, он котелками заворачивает! - разговаривая с кем-то, Макаров дико метал глазами по сторонам. И вдруг с маху проткнул пальцем воздух: - В шею его, в шею!

- Кого?! - раздался звонкий голос его адъютанта Мишки.

- Стриженого - в шею!

Среди косматых офицеров стриженая начисто была только моя голова, и я, поняв, кого в шею, скрылся за спину Баранова, нахлобучив шапку.

- Этого еще не хватало! Солдат на совещании у комдива! Это тоже ЧП! Дисциплины нет! Куда часовые смотрят?

Пока Мишка выбирался из массы людей, чтобы дать мне затрещину, я выскользнул из блиндажа.

Вечером пошли с Аркадием Гершманом на передовую. Как стемнело, с рупором в руках поползли по нейтральной полосе, установили его, и гулкий голос Гершмана смешался с оружейно-пулеметной стрельбой.

- Ахтунг, ахтунг, дойче зольдатен! – шум на передовой вмиг заглох.

- Ахтунг, ахтунг! - выкрикивал Аркадий и что-то долго говорил. И только закончил он агитацию, как едва не одним залпом хлопнули десятки минометов, со всех сторон ударили пулеметы. Аркадий уткнулся головой в мою голову:

- Видал, с каким огоньком аплодируют нам?

- Не нам, тебе! Я тут ни при чем! К черту, боле не пойду с тобой!

- Куда денешься…

- В роту уйду! На кой мне такая служба! Пускай другой таскает трубу. С тобой убьют ни за грош. Там хоть домой путем напишут, а тут? Погиб с Аркашкиной трубой! Нет, паря, уйду!

И вскоре действительно ушел в роту.

Аркадий Гершман продолжал агитировать немцев. О его действиях писали газеты…

Девятнадцатое ноября 1942 года, 7 часов утра. От залпов «катюш» осветилась сталинградская степь. И тут же разом грохнула артиллерия.

До залпов сотен орудий ветер с густым снегом хлестал в правую щеку, теперь налетевшие воздушные волны ударили в спину, подхватили снег и понесли по ходу мин и снарядов в сторону немцев. И так два часа без перерыва грохотала артиллерия, изменяя направление ветра, что говорило о силе удара по врагу.

Из наших траншей взмыли в снежную мглу ракеты, и земля словно спружинила, выбросила матушку-пехоту наверх - развернутым строем она пошла вперед!

Из балки двигались танки. На одном из них сидела в белых маскхалатах группа разведчиков из второго взвода нашей роты, чтобы быстрее схватить «языка» и доставить его в штаб дивизии.

Промерзшие до костей и мозгов за ночь, мы отделением пошли в расположение роты, а навстречу нам минометчики. На глазах снимались с боевых позиций пушкари, потом и гаубичники, а когда увидели обозы с барахлом старшин на санях, поняли, что передняя линия обороны фрицев прорвана.

В нашей земляночной, с торчащими трубами балке встретил нас лупоглазый радист Бухаров.

- Юго-Западный фронт прорвал оборону немцев, идет навстречу нашему Донскому фронту!

Здоровяк повар Васильев, неизменно в белом и чистом халате, приплясывал у дымящейся кухни, подзывая нас:

- Давай, давай скорей! Каша по ведру на рыло! За позавчера, вчера - галушки с мясом. Конским, конским мясом!

И положи он нам то и другое по ведру, мы бы, пожалуй, съели.

Беспробудно спали до утра, и опять радость:

- Сталинградский фронт пошел в наступление! - сообщил радист. - Наш Донской и Юго-Западный зажимают немцев в «клещи»!

...Небольшой группой следуем за пехотой. Среди нас новичок - в командирской форме с трофейным кортиком на поясном ремне - иркутянин Коля Серов. Обличием он похож на цыгана и играет на гитаре так живо, по-цыгански - струны просто выговаривают слова песни! И подпевает – артист! Он пришелся нам по душе. Но командирская форма и кортик злили нас, и мы на ходу давай подкалывать его острыми словечками.

- Ты, паря, чо выпендрился? Ты чо, в гости к теще идешь? Хвастунишка!

Серов шел за лейтенантом Рубановым, остановился:

- Кто обозвал меня?!

- Я! - отозвался Борис Леготин, встав перед ним.

- Сопляк!

- Ого! Старик нашелся.

- Я кадровый солдат! В память погибшего командира ношу! Вытащил его чуть живого с поля боя, и он при смерти сказал мне: «Носи, вспоминай». И я ношу! И вам докажу, что я...

Взрыв снаряда заглушил голос Серова. Немцы пошли в контратаку, и мы с разбега повалились в траншею - глубокую, с ходами сообщения, блиндажами для пехоты, только бруствер за спиной, как шапка задом наперед, - у противника отбитые. Танки неприятеля вроссыпь идут на нас, а пушка, которую мы только миновали, не стреляет по ним.

Рубанов выбросился из траншеи:

- Серов, к пушке! Расчет убит!

- Я никогда не стрелял! Заряжать умею!

- За мной! - Рубанов кинулся к пушке.

Всей группой побежали за ним. Серов, в доли секунды опередив Рубанова, влетел на огневую орудия. Нагнулся к ящику с боеприпасами, выпрямился уже со снарядом в руках и ловко зарядил пушку.

Мы попрыгали в ровики погибших батарейцев. Танк уже у траншеи, а пехота бездействует.

- Бей! - приказал Рубанов Серову, а тот уткнулся головой в щит орудия, словно застыл.

Танк перевалил траншею, пехотинцы - хоть бы один выскочил. В первые дни под Сталинградом бежали от танков, а тут нет, выглядывают поверх бруствера. У наших солдат, видимо, как и у нас, на этот раз не было противотанковых гранат, поэтому ждали спасительного выстрела пушки. И она в упор грохнула по танку! Из люка башни вылетел черно-огненный столб. Мы выскочили из ровиков, чтобы взять экипаж противника «языками», окружили его - из люка полыхал огонь, но никто не показывался.

- Молодец, Коля! - Рубанов хлопнул по плечу Серова, но тот не отреагировал на похвалу. Его глаза метались, посеревшее лицо выражало и страх, и радость.

- Фу-у! - выдохнул он облегченно. - Отступила смерть! Впервой выстрелил из пушки...

- Долго целился! Я даже вспотел, - признался Рубанов.

- Не целился я! Не знаю, как... Ждал, когда сам танк перед стволом окажется. Выполнил ваш приказ! - И он неестественно рассмеялся, ткнув пальцем в сторону горящего танка: - Вот она, моя работа! Не подбей, растоптал бы он пушку, нас с вами...

Теперь нам было неудобно перед Колей за сказанные ему колючие слова «выпендрился», «хвастунишка».

Куда ни глянь, везде искристые взрывы. Танки горели, контратаку отбили.

Наступила туманная ночь. Ползем по нейтральной полосе к балке Пичуга - в ней до войны было большое село Ерзовка, теперь одни развалины.

Ничейная снежная земля завалена трупами в шинелях - в полушубках не встречаются. Русская пехота еще не ступала здесь. Впятером ползем за очередным «языком».

Впереди и слева от меня чернеют на снегу, как бревешки, убитые гитлеровцы.

- Взять документы, - прошептал мне лейтенант Рубанов.

Подбираюсь к левому, он с одной ногой. «Ишь как рвал назад, ножку потерял, - мысленно говорю оккупанту. - В сапогах-то, поди, холодно и скользко, упал, и нога черт знает куда улетела». Ракетой осветило труп, и блеск фонарика на его поясном ремне ударил мне в глаза. «Взять, может, батарея новая». Из кармана мундира вынул бумажник, чем-то туго набитый. «Наверное, наши деньги награбил - домой вышлю, дома соль купить не на что, все из-за вас, гады!»

Взяли «языка», от него разит одеколоном. «Важная птица попала, видно, офицер!» - думали мы. В своей траншее осветили его фонариком - лицо чисто выбрито, аж блестит!

- Штабная крыса!

«Язык» оказался ординарцем адъютанта Паулюса. На допросе он рассказал, где, когда бывает на передней линии его господин обер-лейтенант, адъютант Паулюса.

Баранов разработал план действий разведчиков дивизии.

Группами расходимся в разные стороны, и снова у нас удача - «язык» в руках. На ходу принюхиваемся к его морде:

- Не он! Не офицер! Солдат зачуханный, потом прет!

На следующую ночь еще берем - опять вонючий!

Наконец полковые разведчики цапнули офицера, втолкнули его в блиндаж к Баранову:

- Он, не он?

Гершман, настороженно выслушав ответы «языка», вскрикнул:

- Он! Адъютант!

Разведчики вздохнули. Выполнили приказ начальника разведки дивизии! На допросе немецкий офицер держался с достоинством.

- Я дважды принимал присягу, - ответил он на вопрос о состоянии войск в окружении.

- Когда второй раз принимали?

- Перед отправкой под Сталинград.

Баранов увел его к командиру дивизии полковнику Макарову, и там была названа фамилия ординарца адъютанта Паулюса.

- Вот он где?! - воскликнул офицер. - Могу ли я его видеть?

- Какая нужда в этом? - вопросом на вопрос ответил Макаров. - Увидитесь в лагере для военнопленных. Могу вас заверить, что в таком же положении, как вы и ваш ординарец, окажется скоро и Паулюс.

Пленный молчал.

Командир дивизии налил стопки, предложив поднять тост за скорую победу над фашистской Германией.

- За победу под Сталинградом, - твердо произнес немец.

- Почему только под Сталинградом?

- Пью за то, в чем уверен.

Подробности этого допроса стали известны нам, солдатам, спустя несколько месяцев, когда разгром немцев под Сталинградом стал уже историей. Позже Аркадий Гершман встретился с бывшим адъютантом Паулюса в лагере для военнопленных и напомнил о предсказании Макарова.

- Вот и Паулюс в наших руках, господин офицер. Теперь вы в равном положении. Помните, вы сомневались в этом?..

Сжимаем немцев в «кольцо», они отчаянно сопротивляются. Мы отбиваем контратаки, идем вперед и наконец овладеваем окружной железной дорогой, что у высоты 147,6.

Немцам с высотки были видны степи, низины и балки, занимаемые нашими войсками. Нам же снизу видна лишь сама высота и на ней два кургана, похожие на горбы лежащего верблюда с седловиной посередине. Днем она была в сплошных взрывах, окутана дымом и пылью. Теперь ночь, высота и курганы освещены ракетами. Нити трассирующих пуль летят прямо и вкось, переплетаются в воздухе, и мы словно под огневой сеткой.

Стоит грохнуть пушке или батарее в низине, как тут же на высоте раздаются орудийные залпы - немцы видят вспышки и прямой наводкой бьют по нас.

По соседству в воронках расположились пехотинцы. Как куропатки, они зарылись в снег; спят, похрапывая, - устали за эти дни наступления. Мы, разведчики, ведем наблюдение за поведением врага, отыскивая слабое место, чтобы взять «языка». Увы! Нет на высоте слабых мест.

Третьи сутки пехота лежит в снегу. Храп сменился клацаньем зубов. Лежим и мы, но перед этим уже сменились, в роте побывали, наелись, выспались в землянке и опять пришли. А пехотинцы же голодные и холодные, потому что кормят их два раза и то ночью. Днем сюда, в голехонькую низину, появиться невозможно. Солдаты грызут мерзлый хлеб, ковыряют ножами ледяной суп, кашу в котелках. От такой пищи они еще сильнее дрожат.

Ужин начался с ругани. Старшина не удосужился нарезать хлеб, прислав промерзшие буханки.

Коротенький солдат, с утопавшей в воротник полушубка головой всадил штык винтовки в буханку, а выдернуть обратно не может.

- Трахни в нее! - подсказал Борис Леготин.

Коротыш поднял на штыке «кирпич» вверх, выстрелил - хлеб куда-то улетел.

- Все! Один наелся, - смеялись мы.

Другой солдат сплеча рубанул малой лопаткой промерзший хлеб, но из него только крошки полетели.

- Стой! - крикнул Гриша Доброхотов. Он вышел из воронки, опустился на одно колено, взял буханку хлеба, приложил к другому колену, напыжился и... разломил.

- Вот бугай! - удивился кто-то из пехотинцев. Гриша разломал булки не только пополам, но и на куски, раздав их солдатам, окружившим термосы с едой.

Ветер вихрил снег. Пехотинцы, прикрывая собой котелки, торопливо хлебали суп.

Чаепитие проходило живее - в утробах потеплело от горячей жидкости, оттаяли промерзшие губы, языки, и солдаты заговорили между собой. Спрашивали лейтенанта Рубанова:

- Как там, в тылах, думают брать высоту?

- Чо имя думать! - сказал коротыш. - Пяхота возьметь.

- Помолчи, сопляк! - вмешался кто-то. – Дай сказать старшему.

Старший отвернул воротник полушубка, но в темноте не видно лица, заговорил:

- Маловато вас, пополнить бы роты. Артиллерию помощнее, «катюш». Услышишь их «голос», и силы в душе прибавляются. Ну а когда штурм высоты, вы, конечно, не скажете, я сам скажу – завтра! У меня всегда перед наступлением подошвы чешутся. Особенно перед большим походом.

- Давно в армии? - спросил его Вася Рубанов.

- С начала войны. Пяток раз уж ранен. Тут, под Сталинградом, я на удивление всем держусь и держусь. – Солдат повернул голову в сторону высоты: - Неужто завтра не вступлю на нее, проклятую! Как там, позади, с артиллерией?

- Дальнобойщиков много в степи, - ответил Рубанов, и тут у коротенького солдата в руках лопнула от горячего чая стеклянная фляжка. От злости на все и вся и от своего бессилия он заерзал, сидя на снегу.

По поводу стеклянных фляжек мы, разведчики, давно уже высказывали свое возмущение. Солдату на фронт стеклянную фляжку! Упал, она разбилась, сто пайковых граммов вылилось. Попал осколок в нее, разлетелась вдребезги с водой.

Бывалые пехотинцы, наполнив горячим чаем трофейные алюминиевые фляжки, совали их как грелки под полушубки, ныряли в свои снежные гнезда, а те, у кого были стеклянные, ожидали, когда в термосе чай приостынет. Больше всех нервничал и возмущался коротыш:

- Только русский Яван могет в снягу спать, мерзлую булку грызтя.

- Где у тебя булка-то? Она к немцам улетела, - шутил Борис. - Ты что, вятский? Говоришь «Яван», «в снягу»?

Коротыш смолчал. Борис отстегнул от поясного ремня фляжку:

- Долбани глоток, вмиг согреешься!

- Ча-а-аво-о? – не понял тот.

- Спирт! - Леготин присел к нему. - Снимай рукавицы, я тебе в ладони плесну, натри морду, руки, чтоб огнем горело.

Солдат распрямился, поблагодарил:

- Спасибочка тябе, браток, спасибочка, - и, сотрясаясь всей маленькой фигуркой, стал натирать руки и лицо.

- Это у вас, на Вятке, мужики поднимали корову на баню, чтоб она там траву съела?

- Ну-у, над нами смяются: додуть ня могли, чтоб скосить траву. Все это бряхня!

- Сейчас проверим, - сказал Леготин, - брехня или правда. На фляжку, глотни!

Коротыш задрал голову и только хотел выпить, как Борис вырвал фляжку из его рук.

- Пасть у тебя, что у рукавицы, а ума нет! Как у тех мужиков. Ты же захлебнешься спиртом! Дыхание сопрет!

- Ня пивал, ня знаю, чтоб согреться, попробую, - и он кружкой черпанул чай. - Подхолоди чуток.

Борис потряс фляжкой.

- Тут на глоток осталось, допивай.

Коротыш, глядя на фляжку, сказал:

- Скорея бы в наступление! Сразу, как тольки пришабу фрица, возьму фляжку! У них в зямлянках и одеяла бывають.

- Как бы фриц тебя не хлопнул, полушубок, валенки не содрал!

Ужин закончился. Пехотинцы по три-четыре человека спускались в воронку, укрывались плащ-палатками, загребались снегом. Солдаты, что приносили еду, уходили в тыл своей роты, на передовой пустело, говор под снегом продолжался словно в подземелье.

Глядя на высоту из воронки, мы невольно прислушивались к голосу повеселевшего коротенького солдата:

Ясный месяц плыветь над рякою,
Моя лаптя на той бяряге.
Нячаво мне на светя не надо,
Только б лаптя пряплыла к мяне.

Вдруг на высоте грохнули пушки, и тут же снаряды - жью-юх, жью-юх - врезались в землю. Но на этот раз немцы прозевали ужин русских - вскрики раненых не слышались.

...Предчувствие бывалого солдата не обманывало: его подошвы не зря чесались. Мы знали, что назавтра готовился штурм высоты 147,6, и он состоялся. Пехота овладела южным скатом и отметкой 135,3. В последующие два дня наступления наши войска с большими потерями продвинулись вперед всего лишь на 200-300 метров.

С замиранием сердца смотрели мы на высоту, устланную нашим братом-солдатом. Мне вспомнился коротыш: заимел он трофейную фляжку или нет? Или вообще она ему теперь не нужна, как многим нашим товарищам...

У подножия высоты - картина минувших боев: разбитые пушки, повозки, ящики, трупы лошадей... За три кровопролитных дня пехота отбила у немцев лишь десяток блиндажей в районе южного кургана. Из нашей разведроты отличилась группа Кузьмы Ельчанинова.

Немцы решили приодеться в русские полушубки, валенки с убитых содрать. Ползли со склона высоты прямо вниз, чуть левее тройки разведчиков. И помкомвзвода Кузьма Ельчанинов решил подманить к себе фрицев – прикинулся спящим, захрапел... Как только немцы приблизились - оседлал сразу двоих. Одного подмял надежно, другого только плечом, поэтому пришлось схватить его за глотку и ждать, когда два разведчика справятся с одним немцем. Задушил беднягу!

- Трус! - заключил Кузьма. - У него от испуга сердце лопнуло.

Едва ли, ведь такие, как Кузьма да Гриша Доброхотов, могли задушить и лошадь. Командиру дивизии Макарову даже захотелось посмотреть на Кузьму, но когда начальник разведки дивизии Баранов завел разговор о награждении смелого, сильного разведчика, отказал:

- В дивизии только разведрота получает усиленный паек, поэтому и отдача должна быть сполна! За что награждать? Эти «языки» не трудовые, а сами приползли - бери.

Теперь мы опять в его личном резерве на время предстоящего штурма высоты 147,6. Пооглохли от беспрерывного грохота. В дымном небе наши двухмоторные самолеты - взрывы сброшенных ими бомб мощнее, чем взрывы снарядов дальнобойных орудий, от них земля ощутимей колотится под ногами.

Из блиндажа вышел адъютант комдива Мишка. Лейтенант Рубанов шагнул к нему, и тот, едва не воткнувшись в его ухо, закричал что-то. Я содрал с головы шапку, чтобы расслышать слова, но грохот все заглушил. Рубанов, отпрянув от Мишки, развернулся к нам, уже готовым выброситься из траншеи наверх. Ему оставалось лишь взмахнуть рукой: вперед!

Задача - действовать во время штурма высоты как пехотинцам, и, конечно же, взять «языка».

Бежим. На ходу слышу гул «Илов». Они летят низко, и воздушная волна подхватывает нас - успевай только переставлять ноги. Впереди, на скате северной высоты, реденькая цепь пехоты - солдаты только что вылезли из воронок.

Промерзшие, одни идут словно спутанные, другие будто на костылях - с силой переставляют ноги. Настигаем пехотинцев. Они в полушубках, мы в белых маскхалатах поверх полушубков - перемешиваемся с ними. Бросаю взгляды на одного, другого - лица у всех краснющие.

«Илы» бомбами обрабатывают высоту; бьют по ней и из пушек, пулеметов, «катюш». Надо успеть, пока немцы на дне своих траншей пережидают огневую подготовку.

Пехотинцы поразмялись, бегут веселее. Снега стало меньше, чем в низине, и это облегчает натиск.

Вижу амбразуру, но гранату не добросить, строчу из автомата в черную пасть, ответной стрельбы нет. Убиты или контужены? Минуем ее, я правее всех наших разведчиков и удалился от них, бегу вкось по склону. И вот он, северный курган, рукой подать. Он меньше, чем южный. Седловина между ними на бросок гранаты.

«Илы» отбомбились, и немцы, как по команде, встречают нас пулеметным огнем. Каждая огневая точка бьет из-под земли, видны лишь амбразуры, никаких горок над ними нет. Курганы словно в дырах с полыхающим изнутри огнем - град трассирующих пуль летит нам в лоб. Пехотинец в черном полушубке с маху приостановился, качнулся, развернулся ко мне лицом, рухнул на спину. Я приостановился.

- Ура-а! - закричали справа и слева. Глянул вперед, увидел уходящего в землю человека в белом маскхалате. «В блиндаж прыгнул», - догадываюсь. Курган перестал дышать огнем. Немцы бегут от него к южному кургану и на бегу словно тонут! «Тонут» один за другим не то в траншее, не то в блиндажах, а пехотинцы и наша группа разведчиков вслед им бьют из винтовок, автоматов. Сердце, кажется, вот-вот лопнет. Так, наверное, бывает с каждым солдатом, покорившим высоту. Едва бегу, огибаю северный курган, передо мной ступеньки в глубь земли, а там люди. «Серов!» - узнал я разведчика. Он бочком, торопливо поднимается по ступенькам, волоча за руку немца в шинельке. Серов протягивает мне руку, просит помощи. Спускаюсь вниз, хватаю его за руку, тяну, а он тянет за собой «языка». За «языком» - Вася Рубанов, кричит мне:

- Ты что, потерялся?

«Чуток замешкался перед убитым и приотстал от вас», - мысленно ответил я.

- Бегом вниз!

Коля Серов рванул за собой немца. Бежать нет сил, идем шагом. Перед нами - ширь низины, изрезанной балками. На ходу верчу головой и впервые вижу Сталинград! Тракторный завод...

Не успели мы спуститься с высоты, как немцы выбили наших с северного кургана, ослабив свою оборону в районе южного, и наша пехота овладела им. И так подряд несколько дней переходили курганы из рук в руки... И чаще был за нами южный.

Январь 1943 года. Немцы находятся в крепком «кольце», голодают, но не сдаются. Наши войска опять готовятся к удару.

Разведчикам, как всегда, нужно взять «языка». С нами на передовой начальник разведки дивизии Филипп Иванович Баранов, теперь он в чине капитана. Глядя в сторону тракторного завода, он давал указания:

- Вылазку сделаем под моим началом. Действуем между горелым танком и разбитым блиндажом. Немцы непременно придут за дровами. Устроим ловушку.

Гриша Доброхотов и я остались на НП в резерве. Казалось, на передовой все спало. Никакого шороха, кроме осторожного скрипа снега под нами. Ни единой человеческой тени в округе. Бывало, наши пехотинцы разминались ночами, теперь - нет. На втором году войны мы поменялись ролями с немцами. Что ни день, вышибали их из теплых блиндажей. И теперь они мерзли в открытом поле, были уязвимы, как мы в сорок первом.

Мы сжились с холодной, ветреной сталинградской зимой. Часами пролеживали в снегу и не чихали. Никакая хворь не брала нас.

Три часа прошло, как мы, лежа в сугробе, ждали. От нашей группы ни слуху ни духу. Прислушивались к каждой автоматной очереди. Стрелки трофейных часов продвигались к двум ночи, послышался шорох. Впереди замаячили черные точки. Они множились, росли, вырисовываясь в человеческие силуэты.

- Кто идет?! - окликнул Доброхотов.

- Свои-и! - протяжным голосом отозвался Баранов.

Среди разведчиков в белых маскхалатах отчетливо выделялись фигуры в черном. «Языки!» - поняли мы. Пять штук! Шесть! Несут одного!..

При взятии один из фрицев оказывал сопротивление, но напоролся на кулак Кузьмы Ельчанинова, упал в разнесенный бомбой блиндаж и рассадил о торчащую доску бок.

- Перевяжите! - приказал Баранов.

Коля Серов присел перед немцем, чтобы перевязать, но тот замахал руками, норовя ударить его, при этом громко зарычал.

- Кляп!

Последнее время мы обходились без кляпов и сунуть в рот было нечего. Леготину пришлось отхватить кинжалом кусок от полы шинели другого немца.

Шли мы быстро. Пленные, не успевая за нами, растянулись в длинную цепочку. Один, сильно озябший, двигался будто пьяный: скользил, падал и без нашей помощи не мог подняться. Леготин подхватил его под руку. Какое-то время они тащились в конце, потом отстали.

К утру мы добрались до штаба дивизии. Одного «языка» завели в блиндаж Баранова на допрос, остальных - в блиндаж комендантского взвода.

«Языки» совсем не походили на тех, которых мы брали до этого. Воротники грязных шинелей подняты, головы обмотаны разным бабским тряпьем, обросшие щетиной землистые лица... Но все рослые, плечистые, раньше мы могли усмирить таких только прикладами.

В землянку ввалился заиндевелый на морозе Леготин.

- Как вы могли взять столько? - спросил сержант комендантского взвода.

- Мерзлых чо не брать, - с ходу ответил Борис. - Они за дровами пришли. Мы к блиндажу - и их врасплох. Кого с доской, кого с обломком плахи в руках. Только вот этот, - кивнул он на лежавшего на носилках немца, - бросился на Кузьму, а тот его кулачищем бухнул.

- Наверное, фашист?

- Я, я, - затряс головой «язык» на носилках. - Фашист, фашист! - бил себя кулаком в грудь.

- Ишь ты!

- А тот где, что идти не мог? - спросил Леготина Доброхотов.

- Тебе чо, этих мало? Не «махнул» бы того растопчу мерзлячего на флягу спирта и мне бы капут!

Курносый немец не то понял, о чем шел разговор, не то слово «капут» испугало его, и он запричитал:

- Капут! Капут!

- Ты что, «кирюха»? - спросил Леготин. - Комрад ваш никс капут! Никс! Гитлеру капут! Геббельсу капут!

- Гитлер никс капут! - обливаясь слезами, кричал курносый «язык». - Зольдат капут! Дойче зольдат капут!

Борис, расквасив губы, подражал ему:

- «Зольда-ат, зольда-ат»! Распустил сопли, едрена мать! - и поднес кулак к перекосившемуся рту гитлеровца. - Заткнись, а то жевать нечем будет!

Первого «языка» допросили быстро, и мы с Леготиным ввели в землянку Баранова курносого немца. Аркадий Гершман, стоя у печки, дремал. В дивизии он был единственным переводчиком, а пленных вели и вели - группами, и каждого надо было допросить. Он сутками работал. Похудел, глаза с длинными ресницами провалились, лицо серое.

- Ну что, Аркаша, начнем? - глядя в журнал, прервал молчание Баранов. - Спроси, понимают ли солдаты, что сопротивление под Сталинградом бессмысленно?

Аркадий стоял с крепко сжатыми веками. Чтобы вывести его из дремоты, я нарочно кашлянул, он не очнулся. Тогда я осторожно взял его холодную руку, потянул к столику. Нехотя шагнув, он открыл глаза и вопросительно посмотрел на меня. Баранов повторил ему то же, что говорил сонному.

Аркадий переводил:

- Да, говорит, уверен, что капут.

- Читал ли он наше обращение в листовках и как его понимает?

- Читал, говорит, и неоднократно, но не верил, думал, что в них пропаганда, и перебегать к нам не собирался. «Перебежчиков уважаем и мы, и вы только на допросах. Добровольно сдаются трусы».

- Он прав. Трус - тот же предатель. Ради спасения шкуры на все идет. Спроси, как они относятся к немецким коммунистам? Не считают ли их предателями?

Немец, выслушав Гершмана, пожал плечами:

- Они против Гитлера. - Он помотал головой: - Не знаю, кем их считать.

- Почему фашисты на допросах подвергают наших пленных тяжелым пыткам?

«Язык» усмехнулся:

- Чтобы все выведать.

- Если бы наши разведчики попали к вам в плен, что бы ваше командование с ними сделало?

Он косо посмотрел на Бориса Леготина, взглянул на отхваченную кинжалом полу шинели и ответил:

- Капут!

- Знаем, что капут, но не расстреливаем вас, пленных!

- Не убежден! - перевел Аркадий ответ пленного. - Если я вам больше ничего не скажу, не буду отвечать на вопросы, вы что, не будете бить?

- Никто вас не тронет. Даже если и не будете отвечать на вопросы, мы не тронем вас.

Немец повеселел и на вопросы отвечать не отказался.

Мы привели на допрос танкиста. Вместе с ним занесли в блиндаж раненого эсэсовца, вытянувшегося на носилках «мертвецом». Но как только его соотечественник произнес, что горючего больше нет, танковые части расформированы, и все танкисты отправлены в пехоту, он заорал, стал плевать в танкиста.

- Мы хотели бы устроить вам встречу с немецким писателем Вилли Бределем, - сказал Баранов. - Он у нас в дивизии.

Гершман переводил, а эсэсовец, не моргая, настороженно прислушивался к его усталому голосу.

Допрашиваемый пожал плечами:

- Когда, сейчас?

- Завтра утром.

- Можно.

Раненый опять сердито заговорил... Подошла и его очередь, Баранов велел Аркадию дать ему водки, чтобы тот расслабился, так он выбил кружку из рук. Кружка ударилась об гильзу, сшибла ее со стола, потух свет.

Я быстро зажег свечу.

- Унесите его, ведите последнего! - рассердился Баранов.

- Последнего нет! - признался Борис, встав с нар. И виновато заулыбался: - Я его «махнул».

Филипп Иванович широко открыл глаза:

- Как «махнул»?

- На фляжку спирта сменял!

- Ты в уме? Как это сменял? Кому сменял?

- Уровским разведчикам, что у Орловки стоят. - Леготин торопливо отстегнул от ремня фляжку: - Глотните с устатку.

Гершман засмеялся:

- Молодец! Хоть от одного избавил! – и тут же, забравшись на нары, уткнулся лицом в подстилку, притих.

- Уровцы без «языка» шли, - продолжал оправдываться Борис. - Наш «язык» замерз, как кочерыжка, идти не мог. Чтобы с ним не замерзнуть, я и предложил его. Те согласились. Куда нам столько, у нас и без него полно!

- Цыган! Преступник! – возмущался Баранов.

В землянку вошел заиндевевший помощник начальника штаба 441-го стрелкового полка лейтенант Леня Гаврилюк.

- Товарищ начальник, два «языка»! Разрешите завести!

- Тоже выменяли?! - вместо ответа спросил разъяренный Баранов. - На спирт или еще на что?

Гаврилюк с недоумением глядел на неловко переминавшегося с ноги на ногу Леготина.

- Ты понял?! - Баранов снова повернулся к Леготину. - Так теперь будут спрашивать разведчиков!

Он сокрушенно вздохнул и, помолчав, приказал:

- Держите язык за зубами! - И тут же отправил гонца в уровский батальон к командиру с просьбой немедленно вернуть нашего «языка» и забрать свою фляжку спирта. Тот прискакал к Баранову на коне и потом дал своим лазутчикам взбучку.

Назавтра состоялась встреча пленного танкиста с Вилли Бределем. Танкист дал согласие немецкому писателю и нашему командованию вернуться в свою часть, проводить там агитационную работу среди солдат, разъяснять, к чему ведет их Гитлер, убеждать, что война будет проиграна немцами, Германия потерпит полный крах. «Через два дня вернусь к вам с добровольцами», - пообещал танкист.

Обращение нашего командования к немецким солдатам прибинтовали к его ноге. Дырявые сапоги заменили ему на новые валенки, дали в дорогу продукты, и мы с Гершманом провели его к нейтральной полосе. Стояла темная ночь. Заметить по лицу волнение немца было невозможно.

- Ауфвидерзеен! - произнес он глухо, слегка пригнулся и пошел к своим траншеям.

Мы залегли в снег. Обернувшись, он что-то еще крикнул, но Гершман не понял. Через три-пять минут его силуэт осветило ракетой. Окликнул ли кто из немецких траншей танкиста, мы не слышали.

Вечером следующего дня лейтенант Гершман с Вилли Бределем и радистом Бухаровым пришли к нам на НП. Мы с интересом разглядывали Бределя, слушали его разговор с Аркадием, но, увы, ничего не понимали. При тусклом свете плохонькой горелки не видели его лица, когда он поворачивался к Гершману.

Блиндаж был маленьким, и мы, примостившись у выхода, тихо говорили.

Радиоустановка для выступления Вилли Бределя перед немцами была готова. Раздался стук в рупоре, потом отчетливый голос Бределя. Он начал с тех же слов, что и Гершман:

- Ахтунг, ахтунг!..

На передовой, как всегда бывало, затихла стрельба, но как только Вилли закончил, его соотечественники открыли ураганный огонь.

...Третьи сутки мы на передовой в ожидании танкиста с перебежчиками. Промерзли до костей, а не уйти. Ночью хоть разминаться можно, днем - нельзя. Траншея мелкая, противник близко. На счастье нам, погода изменилась. Снег валил хлопьями, сливая небо и землю в единое белое море. В воздухе начался гул немецких самолетов. В снежной пелене замаячило что-то черное. Болтаясь, темный предмет быстро приближался к земле.

- Парашют с контейнером! Может, шнапс? - оживился Леготин. - К немцам ближе, черт!

Контейнер вонзился в сугроб на нейтральной полосе.

Подождали вечера, чтобы опередить немцев и сделать засаду. Еще не совсем стемнело, а ракеты взлетели в небо. Немцы и наши зорко стерегли контейнер, усиливалась

перестрелка. Цепочкой поползли к контейнеру. Снег рыхлый, глубокий, мы в белых маскхалатах. Прошел час, другой. Пальцы ног и рук перестали ощущаться.

- Черт, сколько еще ждать? - зашептал я Грише.

Он настороженно повертел головой и дал дробь зубами:

- Лежи, я к Сидорову.

Вернувшись, залег на прежнее место:

- Ползут! Полежат, полежат и двинут немного. Передай соседу.

«Ладно, - думал я. - Потерпим. Мы в шубах и валенках, они наверняка в сапогах и шинелях, пусть попробуют вылежать столько, сколько мы. Не выдержат, полезут к контейнеру», - я снова сжался в комок и отчетливо услышал осторожный скрип. Глянул поверх снега на чернеющий контейнер, за которым притаились Ельчанинов и Сидоров.

«Ползите, ползите же!» - отбивая зубами морзянку, мысленно подгонял я немцев. Палец держал на спусковом крючке автомата. Опять скрип снега, немцы ползли. У самого контейнера вскочили три белые человеческие фигуры и, не дав немцам даже вскрикнуть, накрыли их.

- Вскрыть контейнер! - последовала тихая команда Рубанова.

Шоферские монтировки залязгали железом о железо. Неосторожный скрежет привлек внимание немцев, оказавшихся совсем близко, они открыли огонь. Мы тут же - по ним.

- Что в контейнере?

- Патроны!

- Вот черт, не повезло! - злился Леготин.

- Назад!

Едва волоча за собой парашют и двух полузамерзших «языков», мы отходили, отстреливаясь. Один фриц был в очках. Тыча себя в грудь, еле ворочал языком: «Музик, музик!» Потом мы узнали, что он был трубачом в музыкальном взводе, а всех музыкантов по пехотным частям разогнали...

Борис Леготин без дурачества не мог. Придя в расположение роты, он снял шинельку с пленного, принарядился в нее и потянул за собой очкарика-немца к кухне. Повар черпаком мешал варево в котле. Встав позади него, Борис залопотал:

- Зольдат немец кушать...

Повар, не оглядываясь, отмахнулся:

- Кончай, дурила!

А Борис из-за его спины подставил котелок:

- Зольдат Паулюс мясо куш, куш хотель!

Повар, увидев рукав немецкой шинели, мгновенно обернулся.

- Ой! - вскрикнул он и бросился от кухни. - Немцы!..

Из землянок выскочили солдаты второго взвода, увидели «немцев» и к ним. «Язык» в очках поднял руки, Леготин с котелком в руках, настаивая, чтобы покормили, метнулся от ребят за кухню:

- Куш, куш! - кричал он, хватаясь за крышку котла. - Куш, куш! Куш давай, Васильев.

Секундное замешательство разведчиков и... громогласный хохот.

- Зашибу, гад! - пытался достать через котел Леготина повар. - Заши-и-ибу!..

Завтрак не был готов, и мы, взяв у старшины булку хлеба для «языков», увели их в штаб дивизии к капитану Баранову.

И так почти каждый день: не одна, так другая группа разведчиков брала «языка». Возвращались без убитых, все целехонькие. Численность роты на одном уровне, и это радовало. А о бодром боевом духе говорил даже валивший густой дым из труб землянок, наш веселый смех и галдеж возле полевой кухни. Теперь мы требовали от старшины дрова для печурок, от повара - вкусную еду! И повара нашего словно подменили. Как же, повар дивизионной разведроты! Смеется над своими коллегами: «Эй ты, патруль!» - окликает повара комендантской роты. А коку химроты: «Чо ты на обед схимичил?» Совсем обнаглел!

Опоздав с завтраком, Васильев ложкой рвет тесто, опускает в кипяток, оно тут же свертывается в галушки величиной чуть не с кулак!

- У тебя что, времени нет помельче спустить тесто в котел! - заметил я.

- За большое дело - большую галушку! – не растерялся тот.

- Нет, ты, паря кок, заелся, тебя бы надо отправить за «языком», как тогда Королев.

Повар в ответ расхохотался:

- Было дело, было! Посмеялись вы над нами. Особенно ты! - сказал Леготину. - Как ты напугал меня! – И с маху ему черпак галушек в котелок: - Жри, скоморох!

- Они сыры! Без мяса! Сожрал мясо-то?

- Чего нет, того нет! Чуть свет начал писать письмо бабе, как мы тут под Сталинградом даем «прикурить» немчуре, и не успел сготовить завтрак.

- При Королеве бы успел. Пожарь галушки! Надоела конина.

- Вот это другой табак! - согласился повар. - Садитесь к уголькам, руки погрейте, а я горчишного масла плесну на противень, галушки другие поджарю, а эти можете есть. Вы всегда как из голодной дыры вывалились.

- Не надо! - застеснялся Коля Серов.

Борис махнул рукой:

- Пускай жарит! А я расскажу тебе, как тот командир роты однажды «заделал козу» тыловичкам. - Мы присели к горящим на земле уголькам. - Королев всю душу вкладывал, чтобы солдата получше накормить, галушки - это из его муки, он достал. Привез картошку, а тыловичкам в тяготу чистить! Полкартофелины с кожурой срезают, а он увидел, приказал старшине не выдавать им водки. Они, конечным делом, возмутились. «Какое имеет право обижать! Водка тоже паек, наркомом предусмотрена!» - орал Федька Черных, каптерочная крыса. Королев услышал и будто пошел на попятную, говорит: «Старшина, выдать всем!» Тот выдал. Королев ему второй приказ: «После ужина в строй со всей обслугой! Пойдете за «языком!» И тут, брат ты мой! - Борис зажал руками уши, кивая головой на гоношившегося у поварского столика Васильева. - Кок наш и взвыл: «Кто варить будет, я горох замочил, его на сто рядов промыть надо!» А командир ему: «Шофер Мусатов за один раз бензином прополощет и сварит». Васильев и захлопнул пасть. После ужина стоим в строю. На заднем фланге верзила старшина со своей обслугой. И вдруг раздался какой-то писк, кто-то грохнулся навзничь, давай дрыгаться всем телом и визжать нечеловечески голосом. А это постоянный часовой каптерки Тюрин. «Эпилептих?!» - спрашивает Баранов. А кто-то в ответ: «Придуривается!» Баранов вынул пистолет и говорит громко: «Пристрелить, чтобы не мучился!» И - бух в землю! Ех, как Тюрин вскочит! Как урежет, аж маскхалат на спине вздулся пузырем!

Мы хохотали, а Борис Серову:

- Слушай дальше, слушай о другой пехоте! И вот мы, значит, на нейтральной полосе. Коротыш Федька и старшина со мной рядом. Сидоров и Доброхотов захватывающая пара, им «языка» брать. Они быстро оторвались от нас, а Федька: «Куды это они так?!» Я подгреб к нему, парень впервой ползет за «языком», объяснить надо. И погромче шепчу, чтоб старшина слышал: «К немцам они, договориться». Федька встрепенулся: «Что-о?!» А я ему членораздельно: «Командир роты сказал Сидорову, чтобы без потерь «языка» взять! Обменяться с немцами баш на баш, они нам любого зачуханного солдата, мы им взамен тебя или Громова. Любого из вас, тыловиков, даже старшину!» Старшина от смеха, как лошадь, всхрапнул и мордой в землю, а Федька не поймет, что я над ним смеюсь!

- Тебя, трепача, хрен поймешь! - сказал Васильев. - Ты анекдот преподнесешь как быль.

- Боевое дело не состоялось, - продолжал Борис. - Никого из них не шлепнула пуля. Федька кричал: «Не надо, не надо водку! Кашу отдам! Пейте, закусывайте, ходите без нас за «языком!» Вот так Баранов в один миг вылечил эпилептика, Королев отучил бездельников от ста граммов. Теперь тебя, кок, за сырые галушки надо бы проучить...

И тут на паре вороных подкатил к каптерке старшина Павел Вехляев - с такой радостной улыбкой на краснющем лице, что мы невольно перестали жевать.

- Видно, в селе пощупал какую-то бабу, - заметил Леготин. - Или за дорогу выпил спирта полканистры...

Старшина привез посылки, присланные из Сибири и Забайкалья в нашу 116-ю дивизию. Это был сюрприз. Исполнилась первая годовщина существования дивизии. Это ее солдаты вели тяжелые бои с врагом на высоте 147,6.

Мы окружили здоровяка старшину, одетого в черный, длинный до пяток тулуп, а он вертелся между нами, отнекивался:

-Нет, ребята, нет! Без командира, комиссара роты не распотрошу ни одну посылку! Вернутся все с боевого задания, тогда и раздадим.

- Такого не бывает, чтобы вся рота собралась. Одни приходят, другие уходят, - доказывали мы. Криком подняли

на ноги приболевшего от простуды лейтенанта Васю Рубанова. Туго обернувшись полами полушубка, он шел от землянки к нам. Мы расступились.

- Что за шум? - спросил он хрипящим голосом.

- Посылки привез, - ответил старшина. - В комендантской роте митинг провели, торжественно раздали бойцам подарки. Письма от девчонок читают, и нам бы так...

- Нам и пехоте не до митингов, - перебил его Рубанов. Настороженно прислушался к стрельбе: - Высоту штурмуют! Ребята мои правы. Одни придут с боевого задания, другие уйдут. Так у нас каждый день. Комсомольское собрание не можем провести, а вы о каком-то митинге говорите...

- Ну что ж! - развел руками старшина. - Так и быть.

- Разбудить всех! - приказал нам Рубанов.

Мы разбежались по землянкам.

Куда ни нырну - темнота, пусто или отзыв спросонья: «Чо?!» А вынырну из землянки - грохот в уши: на высоте бой, там не до подарков. Вспомнился убитый солдат в черном полушубке и на душу словно камень лег.

Подняли мы всего несколько человек. Столпились в кучу: ездовой Николай Ивлев, кок Васильев, наша группа из пяти разведчиков.

- Становись! - подал команду лейтенант Рубанов.

Мы выстроились в одну шеренгу на тропке, проделанной от землянок до кухни.

Старшина вышел из каптерки с ящиком в руках и, торжественно держа его перед грудью, подошел к стоящему перед нами Рубанову, развернулся к нам лицом.

- Товарищи! - болезненно содрогаясь всем телом, обратился к строю бойцов лейтенант. - Подарки, которые мы сейчас вручим вам, а они в основном от девчонок, как ложка к обеду! Ровно год, как живет и здравствует наша 178-я разведрота! - Вася взял из ящика пузатый кожаный кисет, изрядно поношенный, вынул из него маленький обрывок бумаги. - Слушайте! «Здрасьте, сынок аль внук! Кошель давнишний, не гнушись. Я курил с него в ту войну, потом в гражданскую в Чите. Кресало ровесник кошельку. Камень новый, крепкий. Ложи на него трут, сделан из березовой губки, и высекай искру, прикуривай. Табачок с первой грядки от бани. Не потеряешь кошелек, живым останешься, домой придешь. С таким словом вручила его мне бабушка».

- Заколдован! Не убьет! - сказал Леготин.

- Так и будет! И я вручу его, - Рубанов пробежал глазами по строю, - Ельчанинову. - Подошел к нему - крепкому, коренастому. Был наш Кузьма уже здорово мечен: плечи разные - одно уже, другое шире - от сломанной в схватке ключицы, и глаз один с изъяном - покалечили в бою. - Ты, Кузьма, самый сильный, смелый у нас в роте. На твоем счету больше всех «языков», даже сразу по два брал.

- Задушил одного! - вставил Леготин. - За самочинство его расстрелять надо!

- Фриц сам подох! - сказал Рубанов в защиту Кузьмы. - В схватках с врагом ты и изуродован больше всех нас. Стрелян и резан ножом. Тебе курить табак из дедовского кошелька. Служить с надеждой на жизнь, как жил и воевал его хозяин, твой земляк.

Кузьма хотел приложить руку к козырьку.

- Не надо! - опередил его Рубанов. - Это не правительственная награда, а народная. – Он взял перчатки, связанные из белой шерсти.

- Для тебя вязали!- сказал старшина лейтенанту. - Правильно, ребята?!

- Так точно! - последовал дружный ответ.

Вася приложил перчатки к своему обветренному лицу, растроганным голосом произнес:

- Сколько в них теплоты! Сколько вложено души. Как наши девушки, сестры, мамки ждут от нас разгрома немцев под Сталинградом!

Белые перчатки на фронт, конечно же, не для солдата связаны были, а для офицера, да не простого воина, а службиста при штабе. Вася любовно помял их, свернул и вложил за пазуху, чтобы не замарать о карманы затасканного в траншеях полушубка.

- А теперь я вручу подарок тому, кто у нас в роте чаще всех ходит в разведку, кто больше всех перетаскал на своей сильной спине «языков»!

- Выходи, ишак! - бросил Леготин Грише Доброхотову.

- Правильно, Борис! Ему, - лейтенант взял у старшины из посылки черный сверток, тряхнул его, и, вздергивая вверх руку, прикрыл себя широким и длинным шарфом.

- О-о! - удивился строй. Такими шарфами, как этот, у нас в деревне мужики обматывали шею и поясницу.

Гриша, нахлобучив шапку до бровей, тяжело дышал и глядел на подарок, часто мигая. Мне показалось, что он вот-вот пустит слезу.

Рубанов продолжал вручать подарки: курящим - расшитые кисеты с табаком, другим - связанные из овечьей шерсти перчатки, рукавицы с одним пальцем. У Леготина было плоскостопие. У него, как ни у кого во взводе, мерзли ноги, поэтому Рубанов вручил ему носки из собачьей шерсти.

Борис с серьезным выражением на краснощеком лице обнюхивал носки. Мы смотрели на него, ожидая, что он сейчас за всех нас что-то скажет. Причем без шуток.

- Кто же отеребил собаку: старуха, молодуха или невеста? По запаху шерсти - кобель пострадал! – выдал Леготин.

- Тьфу! - сплюнул старшина. - И при таком серьезном деле скалит зубы.

Мы засмеялись. Рубанов, идя вдоль строя с опущенной головой, говорил:

- Раздавал я вам подарки и думал... Если бы каждый из нас в ответ на заботу наших матерей, жен, невест укоротил хотя бы на один день войну?! – И тряхнул головой: - Разойдись!

Строй разлетелся в разные стороны: одни побежали в землянки носки примерять, другие окружили Кузьму, чтоб закурить из дедовского кошелька табачок, выращенный в Забайкалье, на первой грядке от бани...

Ночью 25 января 1943 года наша дивизия штурмом овладела селом Орловка и вплотную подошла к стенам Сталинградского тракторного завода.

«Языков» в дивизии теперь каждый день предостаточно, мы толчемся на КП полковника Макарова. Его адъютант Мишка теперь не орет на нас, и мы из траншеи разглядываем через трофейные бинокли высокие, с пробоинами, каменные стены ограждения тракторного завода. Там доты и дзоты - сильно укрепленный узел.

Дивизия готовится к штурму завода. Из остатков трех батальонов 441-го пехотного полка сформирован один штурмовой батальон, командиром назначен капитан Скарга.

30 января. Ночь холодная. Валенки пять суток не сушились. Мы носимся по длинной траншее, отбитой у немцев, топаем у дверей блиндажа командира дивизии, а ему в тепле что

- сытому голодного не понять. Если и слышит наш топот, понимает, что мы замерзли, но не окликнет: мол, давайте ко мне, солдаты, погрейтесь! «А каково сейчас бойцам капитана Скарги? - думалось мне. - Они сейчас перед стенами завода скрытно готовятся к штурму».

Прислушался к рокоту немецкого пулемета, с нашей стороны ответной стрельбы нет. Невольно вспомнился пулеметчик, начинявший патронами ленту для «максима» - один патрон с неокрашенным кончиком пули, другой окрашенный - трассирующий. То вдруг сует и сует неокрашенные. Я спросил его, почему он так заряжает? «Для обмана фрицев, - ответил тот. - Один гад засек меня и давай, давай отхлестывать! Вынудил изменить позицию. И я надумал обхитрить его. Перебрал все свои пулеметные ленты, вот таким манером начинил и ночью ухлопал его». Я не понял суть хитрости солдата и сказал ему об этом, а он: «Сейчас покажу. - Лег за пулемет и та-та-та - заговорил его «максим», прокладывая светящуюся нить трассирующих пуль в сторону врага. Вдруг нить оборвалась, а пулемет лупит. – Понял? – спросил солдат. – Я пустил нить трассирующих пуль, а они, всегда кажется, что прямо в лоб летят. Поэтому враг невольно прячет голову, а как пролетят - высунет. Вот тут-то несветящаяся пуля и сделает дырку в башке! Так-то вот, голь на выдумку хитра!»

- И безалаберна, - сказал я. - Немец тебе быстрее может сделать дырку в голове, чем ты ему. Он в каске, а ты нет.

- Тяжелая она, голова устает! – просто ответил пулеметчик.

Мы, разведчики, по другой причине не носили каски. Ночью при свете ракет они предательски выдают блеском. Немецкие разведчики не расстаются с ними, и мы их ловим теперь на этом, как они привыкли ловить наших пехотинцев во время ужина по крику: «Вторая рота, за супом!» А другой еще громче: «Мишка, не забудь спросить махорки и спичек!» Русская безалаберность!

В затишье на передовой немцы не высовываются из траншей, никаких у них перебежек. А у нас в рост бродят туда-сюда! Один отыскивает земляка, другой - брата. Снайперы их ловят на мушку, бьют. Остальные видят и делают то же, потому что с кумом поговорить надо! Нашему снайперу, чтобы укокошить немца, надо неотступно следить за

его передовой. И кое-кто из снайперов в заслугу себе приписку делает, что убил.

Однажды немец прострелил на мне термос с супом, я упал. Суп горячий, течет из дыр, ошпаривает тело. Мне невтерпеж, ворочаюсь, дергаюсь, а он продолжает расстреливать термос, в задницу хватил... Как только жижа вытекла, обжигать не стала, я мертвецки притих. Фриц сделал черточку на ложе своей винтовки - капут Ивану! Так и наши снайперы обманываются. Вот было однажды: «Немец, немец!» - заорали разведчики и давай из автоматов лупить вслед ему, а он упал, его не видно. «Амба!» - сказал Гриша Доброхотов, я возразил: «Может, испугался да бухнулся, а, может, ранили?» - «Да ну! Убили! На одного фрица меньше стало». И Вася Рубанов сказал мне: «Неверующий ты Фома». Доброхотов добавил: «Любопытный, убитых разглядывает. Ему надо знать, почему рот открыт. «Ура» кричали или орали «мама». А я им: «Фома, Фома! Скажите, какая разница между убитым немецким солдатом и нашим?» Никто не ответил, и я давай рассказывать:

- Смотрю, немец убит и наш солдат. Лежат один от другого метров на двадцать, и больше ни одного трупа. Как так, думаю, они что, как на дуэли, одновременно стрельнули? Разглядываю одного, другого, прихожу к выводу: немец ранил нашего солдата, а тот в ответ уложил его наповал. Убедил меня в этом наш убитый. Он калачиком лежал, с болезненно-искаженным лицом - от тяжелой раны извивался, так и застыл. Это было в середине сентября. Солнце со страшной силой жгло. Вечером я опять вижу убитых: наш солдат лежал по-прежнему как жалкий комочек, а немец за это время словно размокал в воде - вздулся! Жирный! С хода дуется, гад. Европу ограбил, тут у нас колхозный скот жрал, а наш на кашке воевал, исхудал, вороне и клюнуть нечего.

В разной позе и разном состоянии застает смерть солдата. У одного страх в глазах - значит, трусливым был, у другого зло на лице - от ненависти к врагу.

...В стороне тракторного завода вдруг разразилась пулеметная стрельба, полетели в небо ракеты, освещая стены ограждения и крыши завода.

Позднее узнаем, что разведчики пробрались к домам заводского рабочего поселка и там взяли пять «языков». Командир батальона капитан Скарга накормил их, дал каждому по булке хлеба и отправил назад!

- Гарнизон обещали привести?! – гневно спрашивал Скаргу Макаров.

«Шиш приведут! - думал я. - Танкист тоже обещал - и Вилли Бределю, и Баранову. Мы из-за него на передовой трое суток мерзли, а он к нам не вернулся». После разгрома немцев под Сталинградом Гершман, допрашивая одного полковника в лагере для военнопленных, узнал, что как только танкист тогда спустился к своим в траншею, его взяли под ружье, а что с ним произошло дальше – неизвестно. Что тут не понять - расстреляли.

А те пять «языков», взятые разведчиками и накормленные Скаргой, привели-таки 863 немца утром 31 января.

- Как у тебя с «огурцами»? Дай немцам прикурить! - приказывал комдив.

Первого февраля 1943 года наша артиллерия обрабатывала переднюю линию врага, а на следующий день периодически обстреливала беглым огнем. Из-за ограды завода, из балки Макитра высыпали немцы. Шли малыми группами и большими колоннами. Разведчики дивизии и часть солдат пехоты двинули им навстречу. И вот мы, одетые под цвет снега, и они - в мышастых потрепанных шинелях, с головами, обернутыми полотенцами, шалями, согнувшиеся в три погибели, встретились лицом к лицу:

- Чо, «бугор», Иваны начистили вам морды? Хлястик у шинели оторвали? - с чувством превосходства спрашивал Леготин рыжебородого офицера. Критически оглядел другого офицера, с наброшенным на спину пестрым полушалком: - Тебя бы в огород чучелом, пугать ворон! - Смеясь над ним, уступил дорогу: - Топайте, завоеватели Европы!

Всей ротой мы шныряли по цехам разбитого завода, находили немцев - раненых, обмороженных, плохо двигавшихся от голода.

В балке Макитра вытаскивали из блиндажей чуть живеньких. Грузили их на сани, везли в штаб дивизии, потом в село Дубовка и там сдавали пленных в лагерь. В эти дни дивизия пленила почти четыре с половиной тысячи оккупантов.

Хорошо побеждать! Нет большего счастья для солдата, чем ощущать себя победителем. За время Сталинградской битвы мы намерзлись, устали до смерти, а теперь душа от радости кричала: «Разгромили, победили!» Возвращались в роту бодро. У нас осанка даже стала иной, шаг тверже, увереннее!

Шесть месяцев без бани! Сто восемьдесят дней и ночей под Сталинградом! Даже вши дохли от соленого пота.

Утром нас поднял на ноги истошный крик старшины:

- Рота, в баню!

Под ногами то звенел лед, то глухо стучала замерзшая грязь. Настроение было отличное, но вид никудышный - шубы затасканы по траншеям и окопам, прорваны осколками, продырявлены пулями и неумело зашиты. Шли мы по знакомым местам, пересекали балки, где жили. На оголенных от снега крышах землянок торчали поблескивающие трубы из консервных банок. Отсюда мы уходили на боевые задания, сюда возвращались, принося раненых и мертвых товарищей, здесь хоронили. На восточном скате балки Сухая Мечетка рядком тянулись могильные холмики с касками сверху. Теперь в балке безлюдно. Прощайте, друзья! Прощайте... Будем живы - расскажем о вас дома.

Село Большая Ивановна оказалось нетронутым бомбами. Здесь чувствовалась мирная жизнь. Люди в нормальной одежде, которой мы не видели давным-давно. По улице бродили коровы, овцы, козы, пахло навозом, а не кровью. Каждый из нас во все глаза смотрел на это удивительное явление. Наперерез строю мчались с распущенными крыльями курица и петух.

- Давай, давай, Петя, жми! Не догонишь, так согреешься! - орал Леготин.

И мы от души хохотали на всю Большую Ивановку. Ах, как давно мы не хохотали так!..

Расквартировали нас по избам, похожим на сибирские. На наши приветствия полнотелая молодая хозяйка ответила лукавой улыбкой. Леготин, глядя на русскую печь, спросил:

- Тетя, кто у вас спит на печке? Кости бы погреть.

- Она холодная. Топлю редко. Муки нет. Стряпать хлеб не из чего.

Мы все еще топтались у порога, не зная, куда проходить.

- Располагайтесь в комнате за заборкой, вход с кухни, - сказала она, направляя сосок в открытый рот ребенка. - Чего уставились, идите!

Но глаза не отрывались от белой женской груди.

- Валяйте, валяйте, а то зрачки лопнут!

Борис заглянул в лицо ребенку, спавшему на руках матери:

- Солдат будущий или девка? Сколько ему?

- Третий месяц.

- А кто муж? Почему не в армии?

У женщины вмиг запылало лицо. Она повернулась к люльке, висевшей на пружине у койки, положила мальчонку. Веснушчатая шея стала рыжее косы.

Борис за дорогу схлопотал у старшины наряд вне очереди, поэтому пошел топить баню. Но пока мы с Гришей спали, он опять нашкодил. Прожаривая в железной бочке солдатское обмундирование, подпалил его.

- Скоморох проклятый! - ругался старшина.

Леготин огрызался:

- Ишо дашь наряд, я твою каптерку сожгу!

В конце апреля 1943 года мы покинули приволжские земли. На Курской дуге в нашу дивизию влилось большое пополнение из двух военных училищ - пехотного и артиллерийского. Все ребята 1924 года рождения, все комсомольцы из Новосибирской области.

Начались тактические занятия. В основном отработка строевого шага, что категорически не нравилось нам, сталинградцам. Мы возмущались:

- На кой хрен разведчику на войне строевой шаг чеканить?! Мы не ходим, а ползаем! Нас к мордобойству готовить надо, чтобы кулаком вышибать скулы фрицам!

- Это не моя прихоть! - злился Рубанов. - В политотделе дивизии сказали, что солдаты за войну разучились ходить в строю, приветствовать командиров. И что введена новая форма одежды - многие путаются в знаках различия на погонах.

- Ничего не случится, если кто-то из солдат назовет Макарова «товарищ ефрейтор».

- Он теперь генерал! - сказал Борис. - Ишо громче будет орать: «Галушки ел?! Взять «языка»!» А как его взять, он дерется, а мы не умеем.

- Кто из вас хоть немного знает технику бокса, борьбы? - спрашивал новичков Рубанов. Кое-кто отозвался. - Мало, мало! Попробовать надо, - и он привел взвод на лужайку у речки Тим.

Борьбу начали курсанты атлетического телосложения: смуглый Пашка Мельников и чернявый Колька Бочаров. Два других новичка, обмотав кулаки портянками, начали боксировать. Рубанов в качестве судьи заметался между ними. Мельников, схватив крепкую шею Бочарова, подвернулся спиной под него и расстелил на лопатки.

- Так, молодец! В скулу, в скулу! - кричал Рубанов. Он в приказном порядке заставлял бороться и боксировать новичков. Знал, что мы, «старички», боремся по-деревенски, переламывая один другому спины и подставляя подножки. - Смотрите, смотрите, как надо!

Хотя мы и были на два года старше новосибирцев и алтайцев, обстреляны основательно, но смотрели с завистью, как они умело кололи чучело, четким шагом ходили в строю, пели песни. И в борьбе применяли мастерские приемы - так нам казалось.

Лейтенант, уловив, кто лучше боксирует и умело применяет технику борьбы, назвал их «тренерами». На другой день утром привел нас сюда же, к речке. «Тренер» Киселев подал команду:

- Разуться! Обмотать портянками кулаки, раздеться по пояс! Противники должны быть по весу одинаковыми.

- Необязательно! Немцы разные попадаться будут, не по росту. Пусть дерутся кто с кем хочет.

Леготин и Доброхотов встали один перед другим, неумело скрестив руки у лица. Штанины у них были закручены выше колен, головы повязаны носовыми платками.

- Начали! - подал команду «тренер».

Они запрыгали, сплеча нанося друг другу удары.

- Это не бокс. Это кулачный бой!

Но они, не обращая внимания на Киселева, продолжали хлестаться. У Леготина портянка разматывалась с правого кулака и при ударах щелкала. Он скоро сник, его удары слабели. Я болел за него, потому что Гриша был намного сильнее, он уверенно теснил Бориса к обрыву.

- Ты чего растопорщился, как теща Васея? - крикнул Леготин.

Доброхотов засмеялся, а Борис размотавшейся портянкой оплел его толстую шею, дернул на себя, вывернулся, и Гриша полетел с обрыва в воду...

Через несколько дней тренировки мы стали неузнаваемыми. Ходили с фингалами под глазами, распухшими носами, разбитыми губами. Болело все тело и ребра, но мы не бросали это нужное для разведчика дело.

Вечерами наша рота кололась от громкого хохота, плясок, песен. Мы будто забывали, что идет война, что немцы готовят удар на Орловско-Курском направлении. Многие из нас еще не знали, что в последний раз отплясывают «Барыню» и отбивают чечетку под вальс «Амурские волны». Клочками мы вырывали счастье у жизни. Не сетовали на судьбу, не накаркивали преждевременную смерть. «Если не судьба тебе умереть, так из любого огня живым выйдешь, - говорили у нас в роте. - Живи, пока живой! Рви, пока рвется! Оставляй память о себе».

Однажды мы с Леготиным намылись, начистились и поспешили к старшине, чтобы отпроситься в деревню. И тут дежурный по роте лейтенант Рубанов выкинул руку на уровне плеча и прокричал:

- Комсомольцы, коммунисты! В одну шеренгу... становись!

Строй под сопровождение баяна Ивлева ушел на объединенное партийно-комсомольское собрание. На линейке остались мы вдвоем с Леготиным да два забайкальца.

- А мы вроде ничейные? - проговорил Борис. Его слегка приплюснутый нос расплылся в улыбке: - Беспартийные, сомкнуть ряды! За мной - в самоволку! Шагом арш!

Взяв котелок, мы отправились в деревню, чтобы купить молока.

В деревне Леготин раскланивался со старухами, сидящими на завалинках, здоровался, спрашивал:

- Бабусь, кто молоко продает? Молока с котелок не продашь?

Старухи отвечали, что коровы еще с пастбища не пришли, а старушка, что высунулась из окна и, сощурившись, смотрела на нас, подсказала:

- Мотря продает, соседка наша. Только вона водичку в молоко подливает.

Тщедушная собой Мотря, приветливо встретив нас в ограде, пригласила в избу:

- Вам молочка? Оно у меня в погребу, холодненькое. Сколько вам?

Борис, держа перед собой котелок и пощелкивая его пальцем, говорил:

- Ежели молоко густое, бутылки хватит, если так себе, одна жижа, то котелок наливай.

Старуха лукаво скосила глаза на Бориса:

- Шуткуешь, сынок? Молочко у меня сладкое, - и, взяв котелок, живо выскользнула из дома.

- Видать, добрая прощелыга, - определил мой друг, уставившись на божничку. - Деньги-то, наверно, сюда кладет? Может, посчитаем? - Он зашел на кухню: - А вот и ведро с водой наготове.

Бабушка Мотря оказалась расторопной и скоро появилась с полным котелком молока.

- С верхом я, ребятки, наливаю, с верхом, - прошлепав босыми ногами к столу, поставила котелок. - Цена такая же, как у всех. Не нужда, так не продавала бы.

Борис, топчась посреди избы, снял с руки компас:

- Сейчас проверим жирность, утрешнее или вчерашнее.

- Пробуй, сынок, пробуй! Утрешнее молоко, холодненькое, в погребу стояло.

- Пробовать я, бабуся, не буду. Солдат отвык от молока, не узнать, ежели даже с водой будет.

- Што ты, што ты! - замахала Мотря руками.

Борис шагнул к ней, показывая на компас:

- Вот смотрите, стрелки машинки стоят. - Она уставилась на компас. - Ежели молоко жирное, то так и будут стоять. Ежели с водой, стрелки вмиг забегают. - Мотря оторопело заметала глазами. Борис продолжал: - Теперь подержим его над котелком, - он незаметно привел компас в рабочее состояние. Стрелки забегали. Борис ахнул: - С водой!

Старуха попятилась к заборке, забормотала:

- Я чуток плеснула, чуток! Берите за так! - и шмыгнула в кухню.

Борис беззвучно хохотал, подмигивая мне, а она лепетала из кухни:

- Берите за так... берите... Не надо денег.

- Мы не живоглоты, - Борис, взяв котелок со стола, зашел за перегородку. - Выливай, бабуся, такое нам не надо...

Расхаживая по улицам деревни, Борис выпросил у молодой женщины морковку и тоже давай проверять компасом:

- Сейчас узнаем, с колхозного поля морковочка или с собственного огорода...

На крылечке беленого домика сидела довольно симпатичная старушка. Борис спросил:

- Продайте, тетя, молока...

- Вы ж от Мотри идете, она завсегда продает.

- У Мотри корова жидко доится, не стали покупать. Нам надо жирное! У меня куриная слепота в острой форме. Комиссию жду, демобилизовать должны. Хочу у вас в деревне остаться.

- Больной? - недоверчиво переспросила та. - А лицо красное, как с мороза, девчонкам на загляденье.

- Нет, бабуся. Полюбил одну, Любой звать, в сельпо работает, не хочет смотреть на меня.

Старушка часто заморгала, словно ей что в глаза попало.

Потом, склонившись, хмыкнула и посмотрела на Бориса, не смеется ли над ней. Но он был серьезен.

- Так это же моя дочь, Люба.

- Но-о?.. - оторопел Борис и стал расплачиваться за молоко.

Только открыли калитку, навстречу нам Люба. Борис неловко поздоровался с ней и пошел вперед, а я преградил ей путь и протянул руку:

- А что, если познакомимся?

- Почему же нет, - бойко ответила девушка. И мотнула головой в сторону Бориса: - Что за солдат? Какой-то странный. При встрече уставится, будто сказать что хочет, и тут же спешит уйти.

Борис обернулся, девушка расхохоталась, выкрикивая:

- Тоже мне солдат! Ждет, когда к нему девчонка подойдет. - Захлопнула калитку: - Приходите завтра, я Надю позову.

В расположении роты опять гудежь - на линейке плясали. Борис бросился в круг, давай смешно топтаться, нажевывая морковь, подпевал на свой манер:

Гэх, Андрюха,
Нам ли быть в печали,
Бери гармонь, играй на все лады,
Чтобы горы заплясали,
Старшина рассыпал сухари...

Рота хохотала, старшина зычным голосом спросил Леготина:

- Где морковку взял?! В самоволке был?

Рядом с Борисом оказался повар с открытым от хохота ртом. Леготин сунул ему в рот огрызок морковки:

- На, за котелок каши!

Тут и старшина прыснул, резко махнул рукой, дескать, ну тебя к черту. Так и не наказав шкодника, ушел с линейки.

Перед встречей с девчонками мы впервые в жизни сбрили пушок со щек. С тех пор как разведчикам разрешили иметь прическу, прошел месяц с лишним, и теперь на наши лбы нависали косые челки. На этот раз отправились в деревню с разрешения старшины.

В ограде Люба крошила на столике лук.

- Здорово живем! - гаркнул я.

- Здравствуйте, - приветливо ответила она. - Заходите в хату, скоро Надюшка придет.

В старенькой избе было чисто. В русской печке на горящих синим огоньком углях бурлил чугунок с картошкой. Стол был уставлен овощной едой: лук толченый, свежие огурцы, редиска.

Мать Любы говорила:

- Хлеба у нас нету, лепешки из тертой картошки с отрубями, - вывалив из чугуна картофель в глиняную чашку, предложила нам сесть за стол.

Мы, немного помедлив, сели. Нади не было. Люба молчала, зато мать говорила без умолку:

- Дюже много у нас было в селе парней, веселье - у-у-ух! Как заведет, бывало, Митрофан граммофон да высунет трубу в окошко, даже в Тиме было слышно. Еще у одного патефон был, а учитель наш на самокатке ездил, забыла уж, как называется... Ну ладно, я пойду, а вы ешьте, ребятки, ешьте!

Я с разговором ел, не стеснялся, Борис же как-то неуклюже сидел, потел и молчал, отчего Любе было не но себе, и она выскочила из дома.

- Тюлень! - обозвал я его.

- Не ори, услышат! Придет, заговорю. Ежели нет, уйду! К черту любовь!

- На кой хрен ты тогда на свете живешь?

- Не знаю!

- Ты же никогда в карман за словом не лезешь! Болтай языком так, как ты среди нас, солдат, болташь. И осмелешь. Заговоришь с ней о том о сем, потом и о любви чо-нить скажешь. Потом схватил ее, как «языка», - и в кусты.

В открытое окно донесся голос Любы:

- Ну где ты, Надя, ребята пришли?!

Борис, рукой цап из тарелки ломотки огурцов, давай их нанизывать на вилку.

- Это Наде, она проще Любы! - И как только Надя показалась в дверях, он заторопил ее: - Скорее, скорее! - протянул руку с огурцами. - Ешь, пока Кешка не слопал!

- Вот он почему молчал? - ревниво сказала Люба и, подойдя к нему, бесцеремонно шлепнулась рядом с ним на скамейку.

- Давай! - вырвала у него вилку и поднесла к его рту. - Ешь, а то скоро увольнительная твоя кончится.

Надо было оставить их наедине, и мы с Надей ушли…

К вечерней поверке Борис не явился, и старшина спросил меня:

- Где скоморох?!

- Не наказывай, человек впервой полюбил! - взмолился я, но старшина на этот раз дал Борису два наряда вне очереди.

Чем сильнее сгущались сумерки, тем меньше слышался говор в палатках разведчиков. Вскоре только и слышались знакомый топот Леготина и его частые оклики: «Стой, кто идет?» Оклики раздавались то близко, то далеко, потом он то и дело кого-то окликал у повозок старшины.

Гриша Доброхотов давно уже спал, а я все еще нет. После каждого выкрика Бориса заострял слух, но ничего не слышал, кроме храпа солдат. Леготин мстил старшине за наряд вне очереди, своим криком не давая ему уснуть, чем вывел его из терпения:

- Ты что тут орешь? Вон отсюда!

Грозный голос старшины разбудил Доброхотова. Послышался шум, недовольные голоса, и снова ночная тишина.

- Сейчас к нам приползет. Ни слова с ним, - предупредил Гриша.

Так и случилось. Караул в лице Леготина, кряхтя, присел у наших ног, забурчал:

- Усни только, усни!.. Я покажу, как солдата наказывать!

Мы молчали, но он чувствовал, что мы не спим, ворчал:

- В Старой Покровке его же наряд вне очереди отбывал! Вот так же не давал ему спать. Сел на завалинку его фатеры и кричал: «Стой, кто идет! Стой, кто идет!» Потом не помню, как задремал. Во сне деревню вижу, коров пасу. Пестренький телок бодает меня, сбивает с ног, ухо сосет. Да так больно сосет! Потом сдал назад и опять ка-ак саданет! Не могу очухаться от боли, а он опять меня… Но это уже не во сне, а разводящий! И ухо-то он же теребил, не мог разбудить и давай пинать.

Борис взял мои сапоги и, положив их под голову, окликнул: «Стой, кто идет?» И так, периодически подстраховывая себя, выкрикивал: «Стой, кто идет! Стой, кто идет!» - и уснул.

Рано утром раздался мощный голос дежурного по роте:

- Тревога!

А я сапоги найти не могу.

- Рота, станови-ись! - поднялся треск, шум, топот. Солдаты отовсюду бежали к линейке на построение. Когда прозвучала команда «равняйсь!», то я, выбрасывая ноги, как козел, помчался к строю, врезался в него и замер. Лейтенант Рубанов с красной повязкой на рукаве доложил капитану Быкову о боевой готовности роты и четко отступил влево.

- Я босиком! – выкрикнул я.

- Что-о? – не понял командир.

- Босиком я! Положил сапоги у ног - и нету.

В строю зашушукались, кто-то захихикал негромко. Командир шагнул ко мне, уставился на мои босые ноги, оглядел с ног до головы, и его разные глаза забегали по строю:

- Кто взял сапоги?! Что за шутки?!

Никто не ответил. Да и какой смельчак мог бы ответить, если бы и подшутил: командирский взгляд был настолько суров, что дежурный по роте промолчал, когда Быков вопросительно взглянул на него. И опять оглядел меня с босых ног до головы. На мне было все, кроме сапог, и он спокойно сказал:

- Иди к старшине.

Я бежал к повозкам старшины, слыша за спиной голос командира: «Немцы пошли в наступление, бросили массу новых танков: «тигры», «пантеры», «фердинанды».

- Это что еще за чудо?! - глядя на меня, удивился старшина Вехляев.

- Сапоги украли! - кричу. - Давай быстро!

- Не я командир, - ворчал старшина, зло вытряхивая тряпье из мешка. - Я бы тебя до Берлина босиком прогнал. Нет сапог! На ботинки! Раззява!

- Снять палатки! - подал команду Быков.

Строй разлетелся вдребезги, и скоро расположение роты было словно разгромлено. Опустевшая роща, на время приютившая нас, стала унылой...

- Становись! - гулко раздался голос дежурного. - Равняйсь! Смирно! Песней... разбудить деревню!

Коля Тихонов запел:

Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой!

И рота подхватила:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война...

Деревня проснулась. Девчонки, парнишки выскочили из калиток, прощально махая нам руками. Бабы, старухи, высунувшись в окна, со слезами провожали нас, что-то выкрикивали, а мы глушили их голоса твердым солдатским шагом.

В районе населенного пункта Нехаево наша дивизия встала во второй эшелон.

27 июля 1943 года радостное сообщение: вожак итальянских фашистов Муссолини смещен с поста главы правительства и арестован! Италия вышла из войны.

- Ура! - радостно кричали мы и с волнением рассаживались в один кружок с офицерами политотдела. Начался прием в компартию.

В небе - бой истребителей. Над расположением роты - вражеские бомбардировщики. В лесочке, совсем близко от нас, взрывы мин.

- Те, кто на бюро, ложись ту-ут! - скомандовал полковник Шишлянников. - Остальные - разойдись!

Истребители, поблескивая крыльями, то взвивались ввысь, то заходили один другому в хвост, строча из пулеметов.

Все полулежали. Те, кого принимали, сидели. В таком положении рассказывали автобиографию и отвечали на вопросы. Стоять было опасно, обстрел не утихал.

Подошла моя очередь, сердце хочет выскочить. Шишлянников, напрягая голос, кричит:

- С уставом партии знаком?

Я вроде и зубрил его, а от волнения ничего не мог вспомнить.

- Вроде знал! - кричу, бросая взгляд на пикирующий самолет. - Теперя все из головы вылетело!

Комиссар и майор Бондаренко усмехнулись.

- Каким должен быть член партии?

- Не слышу! Оглушило!

- Расскажи о событиях на нашем фронте!

- Наши войска приостановили немцев! На Орловском направлении перешли в наступление!

- С ушами у тебя нормально, а вот с уставом плохо, - слова полковника вогнали меня в краску. - Давно разведчиком?

- Как дивизия сформировалась...

- Почему вступаешь в кандидаты в члены партии?

Я мог бы сказать почему, но стеснялся. Помолчав, говорю:

- Такого вопроса в уставе нет.

- Ого! Значит, читал устав? – вроде удивился майор Бондаренко. И посмотрел на Шишлянникова: - Есть предложение принять.

Возражений не было.

Отправляя меня в политотдел с какими-то свернутыми в трубочку бумагами, комиссар роты наказал:

- Попутно и сфотографируйся на кандидатский билет.

На трофейном темно-гнедом жеребце я во весь опор вылетел из горящей рощи, понесся к подсолнуховому полю, едва не налетев на замаскированные орудия, минометы, повозки. На проселочной дороге дал полную волю жеребцу, и он поскакал с еще большей резвостью, обгоняя и встре-

чая обозы. И так - до самого села. По улице вроссыпь тянулись раненые. Вдоль дороги – забывшие побелку, мрачные хаты... Жилым не пахло. Лишь из окна кособокой хатенки выглядывала медсестра в белой повязке. Поравнявшись с ней, я отдал честь, а она не ответила, даже не взглянула на меня, закрыв створку. Мне нужен был вазелин, и я спешился, зашел в хату.

- Еще раз здорово живем! - говорю. - Дай какую-нибудь мазь. Морда обветрела.

Она, прищурив глаза от дыма самокрутки, недовольно сморщилась, села за стол и стала торопливо писать.

Все существо мое было охвачено чувством радости, и я похвастал:

- В кандидаты приняли, сниматься еду. Лицо надо смазать.

Она кивнула головой на скамейку, что стояла в простенке между окнами:

- Подожди.

Я сел и стал оглядывать хату: деревянные раскладушки торцом к русской печке заботливо прибраны. У двери на гвоздях висят шинели, карабины, медсумка.

- Тьфу! - не отрываясь от письма, она выбросила потухший окурок.

Крепко загоревшее лицо девушки кого-то напоминало мне, я ее где-то раньше видел... И вспомнил!

Глубокой осенью я полз с термосом на спине, болячками на коленях, ощущая каждый осколок. От траншеи по нейтралке два-три броска - и горящий танк, в нем наш НП. Перевалил бугорок... Бу-ум! - снайпер прошил мой термос, из пробоины хлестанул суп. Я пополз быстрее - успеть надо, пока жижа не вытекла. Опять звякнула пуля, но уже будто о пустое ведро. Осторожно взглянул я через плечо на термос. Фьюить! - пилотку с головы сорвало. Едва не бороздя землю носом, заторопился вперед. Ноша на мне становилась все легче. «Надо успеть, успеть! - подгонял я себя. - Ребята голодные». Танк близко, нужен бросок. Сжался, чтобы вскочить. Фьюить! - просвистело надо мной. «Прицел не позволяет, давно бы, черт, прикончил!» Я залег. Снайпер расстреливал на мне почти пустой термос... Солнце на закате, скоро выход за «языком». «Была не была!» - готовясь к броску, подобрал ногу под себя. И

тут в ягодицу словно шило всадили; врезалась невдалеке мина, зашуршали осколки, забарабанили по мне комья земли, обволокло дымом.

Самый момент вскочить, но чья-то сильная рука прижала меня к земле.

- Ложись! - Я узнал Доброхотова. - Ранило?

- Бери термос, в нем гуща! Я в траншею!

Под покровом дыма и пыли я ускользнул от глаз снайпера и с ходу нырнул в траншею. Какое-то время полежал на дне, разглядывая сидящих и лежащих пехотинцев в кровавых повязках.

- Только что ранило, пропустите! – попросился я в санпункт. Солдаты посторонились.

В блиндаже медсестра перевязывала раненого.

- Сестричка, кровь надо остановить,- скороговоркой обратился я к ней. Она, искоса глянув на меня, промолчала. Вид у нее был болезненно-усталый. Провалившиеся черные глаза в темных кругах. Закончив перевязку, медсестра тяжело опустилась на табуретку:

- Куда ранен?

- В сидячее место снайпер шваркнул, - ответил я, сбрасывая с себя шинельку. Едва оголив ягодицу, я оглянулся на кровоточащее место.

- Ниже опускай! - скомандовала медсестра, подходя ко мне. Ухватившись за опушку брюк, сдернула их до колен: - Ух, как вы надоели, безусые цыплята! Ты что, к невесте пришел, стыдишься? Не вертись!

У меня руки так и тянулись к штанам, чтобы поддержать их, а она, увидев старую рану на ноге, спросила:

- Уже был ранен? Награды-то есть?

Я не ответил.

- Откроют «второй фронт», глядишь, и война кончится, а ты без медалишки заявишься домой. Как будешь с невестой объясняться? Не поверит, что воевал. Придется штаны снимать в доказательство...

- Не с кем объясняться. Была невеста, да вся вышла...

Вот когда я встретил в первый раз медсестру 548-го пехотного полка Филимонову, которая не раз обрабатывала раны разведчиков нашей роты под Сталинградом. И всегда казалась сердитой, как теперь, в этой хатенке. Перекинув ногу через скамейку, она села на нее верхом.

- Не могу!.. Хотела путное письмо написать, тут ты - как снег на голову... Вазелин понадобился! Сейчас... - Сняв сумку со стены, она порылась в ней и разочарованно сказала:

- Обнадежила, нет вазелину.

- Ну ты чо, паря!

- Чего это я вдруг «паря»? Что, на парня похожа? - и она на каблуке сапога пошла винтом по хатке.- Ну-у? Кто я - парень или девка?

Я оглядел ее с головы до ног. Медсестра была в солдатском обмундировании, сильно перетянутом офицерским ремнем.

- Ничо, славная! Я тебя ишо под Сталинградом разглядел, ты не одного нашего разведчика перевязывала. С меня штаны сдирала, о медалях говорила. Сердилась, безусым цыпленком называла.

- Наверно, хныкал! Бывали всякие. Придет с такусенькой ранкой и визжит, - и уже совсем по-другому глядя на меня, сказала:

- Иди умойся. Глицерином смажу. К разведчикам я особое чувство имею.

Я умылся и встал перед ней. От теплого ее дыхания и нежного прикосновения рук у меня побежали холодные мурашки по спине. Я смотрел на девичьи сочные губы - они чуть ниже моих. Сестричка, массируя мне лицо, хитро усмехнулась:

- Истосковались по девчонкам?

- Ишо бы...

- По глазам вижу... Все. Валяй!

Из штаба дивизии я возвращался не спеша, плавная качка в седле убаюкивала. Проснулся от ржания и вздрагивания жеребца. Увидев вереницу медсанбатовских повозок, двигавшихся к переправе, я хватанул в галоп. Сухой воздух горячил мне лицо и выхлестывал из глаз слезы. Обгоняя подводу за подводой, я кричал:

- Сторо-ни-ись!

- Куда вперся, леший? - ударился в затылок женский голос.

Я обернулся. Рыжеволосая медсестра на повозке исподлобья смотрела то на меня, то на жеребца, рвущегося к ее кобыленке:

- Отваливай со своей клячей!

- Какая кляча! Жеребец! По кобыле стосковался...

Тут и там раздался хохот девушек. Я завертелся. Хоть они и смеялись, но взгляды были неприветливые, даже колючие. Но уходить от причала было сверх моего самолюбия. «Не хватало, чтоб разведчик в хвосте тыловиков тащился!» Гнедой, как назло, цокая о камни подковами, лез и лез к сонной кобыленке, и я вынужден был отвести его в сторону.

В воздухе нарастал гул. Из-за лесной излучины вынырнули «Илы». Они летели низко, уходя от немецких истребителей. Один штурмовик вспыхнул и с дымом пошел к воде. Экипаж повис на парашютах. Пулемет «мессершмитта» ударил по одному из летчиков. Пули врезались в воду.

- Паразит! - раздался крик из какой-то повозки.

Захлопали зенитки. В воздухе разметались клочки серого дыма. Вражеские истребители устремились на скопление обозов и застрочили... Девчонки с визгом бросились врассыпную. Та, рыженькая, только что кричавшая на меня, бежала по берегу в мою сторону. Сидя в седле, я закричал:

- Рыжая! Давай ко мне! Ускачем! - я вылетел из седла, чтобы посадить ее на жеребца, а она в страхе рвется из рук, орет лихоматом...

- В лодку! - прокричал лейтенант, пробегая мимо.

Я потянул ее за руку, толкнул к лейтенанту и отпихнул лодку от берега. «Мессершмитты», снижаясь один за другим, расстреливали мечущуюся толпу девчонок и лошадей. Вскочив в седло, я направил жеребца в реку. Он взвился на дыбы, прыгнул в воду и поплыл за лодкой. Девушка, сжавшись в комочек, со страхом глядела в небо. Прильнув к гриве, я тоже смотрел на разворачивающийся «мессершмитт». В кабине был виден летчик в очках. Самолет шел на бреющем полете вдоль реки. Лейтенант, выпустив из рук весло, сгорбился. «Мессер» заискрил из пулемета. Лодка качнулась, лейтенант перевалился через борт.

- О-о-о! - с диким криком вывалилась в пузыристый Сейн медичка. Лейтенант тут же схватил ее, другой рукой уцепился за борт лодки. Их пилотки рядышком покачивались на волнах.

Берег близко. Я набросил автомат на шею жеребца и плюхнулся в воду к лейтенанту. Он, как Иисус Христос на распятии, не упускал из рук лодку и совсем скрывшуюся в воде девушку.

- Бери, бери скорее! – скомандовал мне.

Я взял на руки девушку. Она конвульсивно вздрагивала. Вынес ее на берег, уложил вниз безжизненным, посиневшим лицом, стал трясти...

- Рот разожми! - подсказал лейтенант.

Вынув из ножен кинжал, я разжал зубы девушки, снова ее трясу. Хлынула вода изо рта и носа. Делаю искусственное дыхание, опять трясу... Наконец жизнь в медичке затеплилась...

Мой жеребец, с автоматом на шее, тревожно всхрапывал, цокал копытами о камни. На том берегу - крики, рыдания. Достал бинокль, смотрю. Там кучно горят повозки, бьются раненые лошади. В дыму мелькают люди. Кто-то кого-то перевязывает. Два солдата еще не натянули палатку, а медсестры уже закатывали в нее сельскую телегу с широкой площадкой, другие затаскивали длинный стол и вносили раненых. Хирурги готовились делать операции: мыли руки в реке.

Лейтенант все еще не мог прийти в себя и нервно топтался над спасенной медсестрой. Он даже не спросил ни о чем, когда я покидал их...

Второе августа 1943 года. Стоял ясный день. Мы, разведчики, находились в ожидании боевого задания на НП командира дивизии Макарова. Неподалеку в кустарнике стояли «виллисы» генералов Конева и Манагарова. Пятерка «юнкерсов» заметила их и давай бомбить. Одну машину разнесло, кого-то ранило, убило.

- На кой хрен принесло сюда этих генералов! Солдат демаскировать! - возмущался Борис Леготин. И тут из-за угла траншеи вынырнул Конев, ответил сердито:

- Только хреновый солдат может так сказать о своем генерале!

Мы все вскочили, козырнули, а Борис говорит:

- Виноват, товарищ генерал! Но солдат я вроде ничего, сталинградской закалки, - выгнул он грудь.

- Молодец! - похвалил Конев. - Но больно уж язык длинный.

- А вы, товарищ генерал, вломите своим шоферам! Они не замаскировали машины - обленились, придурки!

Конев и за ним свита офицеров отправились вдоль траншеи, а сопровождавший их комдив Макаров остановился перед Леготиным:

- Я тебе язык вырву! Как ты смел так говорить?!

- Он простой и не в генеральской одеже!

Злые глаза Макарова забегали по мешковатой фигуре Леготина:

- Разгильдяй! На чучело похож!

- Я нарочно делаю из себя доходягу! - Леготин постариковски пригнулся. - В таких фрицы не стреляют. Чо, дескать, на него пулю тратить, сам на ходу подохнет. - Кивнул головой на высокого курсанта: - Вот таких «фраеров» с подшитыми воротничками с хода бьют! За офицеров принимают.

Леготин был прав. Бывало, зимой под Сталинградом, чтобы вылезти из ровика поразмяться, согреться немного, наши пехотинцы шли на хитрость, делали из себя «доходяг» и, как бы с трудом выбравшись из земли наружу, спотыкаясь, падали, долго шарашились в снегу, вроде от бессилия не могли подняться. Немцы, конечно же, все это видели и не стреляли в таких. Возможно, они так и думали, как Леготин толковал Макарову: «Что на доходягу пулю тратить, сам подохнет». А «доходяга» в это время пошарашился в снегу, поднялся, потоптался - поразмял тело и опять в ровик. А попробуй, вылети пулей из окопа, сделай перебежку - снайпер в момент уложит тебя! И Борис Леготин понял эту солдатскую хитрость под Сталинградом. И тут, на Орловско-Курской дуге, он среди нас, одетых в новенькие цветастые маскхалаты, ходил в старом изодранном маскхалате нараспашку: одна гача штанины поверх голенища сапога, другая заправлена в голенище.

...Последний вечер перед генеральным наступлением наших войск...

В воздухе серая муть, а на дно траншеи уже опустилась ночь. Хотелось уснуть, но сон не брал. Чем ближе становилось утро, тем сильнее тревожились ребята. Многие из них сегодня получат первое боевое крещение. Даже Леготии не спал, а уж на него давно ничто не действовало.

Оставался час до начала артогня. Было тепло, но нас знобило.

- Который раз иду в бой, но всегда трясет, - говорил Саша Сидоров, - холодный пот по спине. Только выскочу из траншеи - ничего не чувствую. Порой даже не помню, как и в атаку ходил.

В траншее почти все разведчики новички: новосибирцы, алтайцы, вчерашние курсанты пехотного училища, многих я еще не знал пофамильно. Командир второго взвода лейтенант Вася Песков тоже впервой пойдет в атаку. Он незаметно смотрит то на одного, то на другого разведчика. Я-то знаю, пытается угадать, боится ли кто из его подчиненных так, как боится он, командир. Тревога на лице не пыль - не смахнешь рукавом шинели. Высокий паренек Вася Гребенюк, задравши голову, глядит в небо, а нога его, согнутая в колене, предательски подрагивает. Он первым из курсантов принял вчера боевое крещение.

- Что, Вася, - спрашиваю его, - будущее тревожит?

- Все вместе. Что будет через час, и вчерашнее из головы не выходит.

Иду дальше по траншее. Василий Бучнев, старый солдат с порванной ноздрей, курит большими затяжками.

Я подошел к кромке траншеи. Нейтральная полоса в сплошных воронках, в случае чего, есть куда завалиться. Заранее прокладываю глазами путь: от воронки до воронки, от вывороченного с корнями дерева до кустарника, изрубленного осколками. Там разбитые пушки, горелые танки и траншеи.

Последние минуты до артподготовки! И так же, как под Сталинградом, в затылок нам с визгом зашумели «катюши», грохнули сотни пушек. На вражеской передовой вздыбились черными столбами взрывы.

Откуда ни возьмись, вскочил к нам в траншею командир роты Быков:

- Десантом - на танк! Ворваться, взять «языка» и на КП к командиру!

За «языком» мы хаживали, ходили с пехотой в атаку, вели разведку боем, встречались лицом к лицу с разведкой неприятеля. Но, как ни были обстреляны, а приказ о танковом десанте - не шутки. Мы знали, как обрушивается на него огонь. По танкам бьют из всех видов орудий, бомбят с самолетов, по десанту хлещут из пулеметов, автоматов... Словом, предстояло еще одно смертельное испытание.

После двухчасового артогня командир подвел нас к остановившемуся танку «Т-34», и мы в один миг облепили его. Танк, мелко содрогаясь, тронулся вперед.

Дым, пыль, ничего не видно. Танк стрелял на ходу и вдруг резко тормознул, «выскользнув» из-под нас. Я полетел словно в пропасть, ударился о землю, но тут же вскочил.

- Ложи-и-ись! - крикнул кто-то, сбив меня с ног и рванув за собой в воронку. Что-то черное, гремящее накрыло нас. Понимаю - танк. Чуть не раздавил. Мы под ним, он стреляет. Кто со мной - не знаю, спрашиваю:

- Кто!?

- Пропали!

Узнаю по голосу Максимова. С его стороны узкий просвет, не выбраться. Танк газует, мы захлебываемся дымом, кашляем, из глаз текут слезы. «Подожгут, заживо сгорим!» - стучит в голове мысль.

Закрываю лицо ладонями, прислоняюсь к Володе. Чувствую, танк перегазовывает и трогается с места. Над нами свет! С трудом выбираемся наверх. Не поймем, в какой стороне наши. Всюду взрывы, ничего не видно. Смотрим друг на друга - пилоток на головах нет, у Володи во взъерошенных волосах земля, кровь.

- Ура-а! - слышу крик, но не пойму - позади или впереди. Танк, на котором мы ехали, стоит без гусеницы, накренившись набок. «Вот почему он «выскользнул» из-под нас». Чуть дальше горит еще один «Т-34». По-видимому, тот самый, что чуть не раздавил нас.

- Туда! - крикнул Максимов, протыкая воздух стволом автомата.

Бежим, догоняем и обгоняем танки, в дыму маячат фигуры людей. Они бегут навстречу, угадываем своих по зелени маскхалатов: новичка Васю Гребенюка, Колю Серова, Устьянцева, Дубова. Ребята уже с «языками» и поспешно отходят с передовой.

Прыгаем и мы в траншеи противника. На дне валяются контуженные немцы. Выбираем тех, кто поживее, выкидываем наверх семь человек, ведем в штаб дивизии.

Передовые части продвинулись далеко вперед. Мы шли вдогонку. Картина минувшего боя страшна. В роще между селами Раково и Журавлиное – немцы. Контратакуя наше-

го правого соседа, они применили огнеметы и пожгли пехоту. В районе шоссе Курск - Харьков гитлеровцы, пытаясь вернуть высоту, пустили в ход огнеметные танки, но наша артиллерия подавила их шквалом огня. На второй день наступления мы вышибли фрицев из второй полосы обороны, с которой они начали Курскую битву.

Дымная темная ночь поглотила все живое и мертвое на земле. Такая ночь хороша для разведчиков, но не для таких усталых, как мы. Едва волочим ноги, то и дело запинаемся, оступаемся, падаем.

- Стой! Кто идет?! - словно из-под земли вырвался голос.

- Свои! Разведчики, - отозвался сержант Гена Зайцев и мигнул фонариком. У самых ног его промаячила голова часового. – Передохнуть есть где?

- Прыгай ко мне, - предложил тот.

Зайцев лучом фонарика прорезал темноту под убогой крышей щели.

- Незавидная у вас служба, - сказал пехотинец.

- А у вас лучше? – Зайцев осветил его чумазое лицо: – У тебя даже уши в земле. Будто кто наступил. Что это немцы притихли?

- С вечера был какой-то шум. Видно, отходили.

Ощупывая ногами землю, снова двигаем вперед, приближаемся к лесу, вглядываемся в темноту. «Не попасться бы в ловушку», - палец на спусковом крючке автомата. Ложимся рядком, ползем - трава росистая, колени и животы мокрые.

- Чесанем по лесу, - шепчет Зайцев, - узнаем, есть ли нет кто.

Вползаем в лес. Тут еще темнее. «Из-за лесин выскочат и схватят!» - пронеслась мысль. Прислушиваюсь.

- Тихо! - прошептал Доброхотов. - Немцы боятся леса.

- Встать! - вполголоса скомандовал Зайцев.

Водя перед собой автоматами, осторожно пробираемся между деревьев, под ногами хрустят сучья. Выходим из леса, идем по пахотному полю. Тут меньше дыма, видны воронки. Ни выстрела, ни ракеты.

- Неужели они далеко отошли?

- Черт знает, может, тут где-то притаились!

На востоке уже брезжит рассвет, а мы все еще не можем обнаружить противника. То идем, то ползем. Перемокли от росы, в сапогах чавкает.

- Кхы, кхы! - донесся откуда-то кашель. Лежим над балкой. Кашель раздается снова, но где - непонятно. Сползаем в балку. В ней пустые ящики из-под мин. В ровиках никого.

- Кхы, кхы! - опять кашель. Все четверо, пригнувшись, крутим головами.

«Где же ты, чахотошный?» - злясь, я направился к завалу ящиков, и вдруг передо мной вырос мальчишка. Одно мгновение и его рот под моей ладонью. Слегка прижимаю его хрупкое дрожащее тело к земле, в упор смотрю в его тревожно бегающие глазенки:

- Не бойся! Свои! Немцы есть в балке? Не вздумай орать! Не то капут тебе!

Парнишка еще сильнее таращит на меня глаза. Трясущейся рукой взялся за кисть моей руки, освобождая зажатый рот:

- Немае нимцив, воны в селе, тут тильки мы, - заикаясь, выдавил он.

- Кто «вы»?

- Хлопцы!

- Зови!

Мальчик тут же, сунув в рот пальцы, свистнул.

Нас обступили босоногие парнишки. Перебивая один другого, рассказали:

- Мы бродяги! Наших поубивали в Харькове. Год не можем перебраться к русским.

- Вчера немцы детей хватали - и в погреб. Мы - тягу. Партизан воны все шукают.

- Далеко село? Ведите быстро!

Ребята ринулись вперед.

- Куда?! - осадил их Зайцев.

Они присели.

Чумазый пленник через подсолнухи привел нас к огородам:

- Бачьте, трохи вправо лохматая крыша, тамочки пидвал. Дити в ним. Нимцы туда соломы впихали... Пидберемся до хаты, шо под червоной крышей, там бабка Агапка живе, про нимцев дознаемось.

Уже совсем рассвело. В селе тишина. Окно хаты Агриппины занавешено темной тряпкой. Пленник наш, осторожно постукивая в окошко, окликнул:

- Бабусь, бабусь!

Прильнув ухом к стенке известковой хаты, слышу скрип половиц.

- Кто?! - раздался испуганный голос.

- Бабусь, это я, приблудный Колька! Впусти! - дернув меня за маскхалат, он шмыгнул за угол. Я - за ним.

Зайцев уже на крылечке, Ненашев - за срубом колодца, Доброхотов стриганул за калитку.

Едва приоткрылась дверь, как Зайцев нырнул в хату, мы следом.

- Наши! - крикнула старушонка. - Немцы отходят! - Она подбежала к окну, ткнула пальцем в стеклину: - Тикають... звери, тикають!

В переулке стоит полосатая «танкетка». Два немца отходят от нее к плетню. Мы выскочили из хаты и тут же почувствовали запах гари.

- Запалилы! - провизжал мальчик. - Пидвал запалилы! - Ненашев и Доброхотов бросились за ним, мы с Зайцевым по огороду в обход «танкетки». Застрочил немецкий автомат. Поднялся куриный переполох. Немцы расстреливали кур, один собирал их - беру его на мушку.

- Подожди, следи за мной, - сказал Зайцев и скользнул за угол беленой хаты. Он вынырнул в ограде, позади строчившего по мечущимся курам немца, взмахнул автоматом. Я нажал на спусковой крючок. Хлопнул выстрел, немец с трепещущей курицей в руках упал, другой был под Зайцевым.

«Танкетка» с открытым люком по-прежнему стояла в переулке, работая на малых оборотах. Перемахнув через изгородь, я вскочил на «танкетку», сунул в люк гранату, спрыгнул. Машина вздрогнула от взрыва... И опять мы с Зайцевым несемся по огороду. Бежим на дым, куда вожак мальчишек увел пару разведчиков. Слышится рев женщин:

- Ме-ертвый!..

Перемахнув через забор, вижу кишащих в дыму людей. На земле горящий человек переваливался с боку на бок. В душераздирающих криках улавливаю голос Доброхотова:

- Воды-ы!

Врываемся в толпу детей и женщин. Хватаю горящего за пылающую одежду, рву, он вскакивает.

- Воды, воды! - кричу, разбрасывая клочья огня. От моих рывков он то вскакивает, то падает. Кто-то окатывает его водой.

- Мы-ы-ых! - орет он.

Опять хлещут на него воду.

Раздвигая толпу, пробираюсь к погребу, и тут из его черной пасти вырывается столб огня.

- Генка! – кричу. В огненном столбе узнаю Ненашева. Хватаюсь за его горящий маскхалат, у него ребенок на руках.

- Мертвый! - взвыла баба, хватая ребенка.

- Воды, воды!

- О-о-ой!

Из погреба вынырнул Зайцев, тоже с мертвым ребенком.

- Дядька, дядька! - дергая меня за маскхалат, кричал чумазый мальчишка, наш «пленный». - Немцы, немцы! - и бросился бежать.

- Где?! - с гурьбой ребятишек я кинулся вдоль улицы.

Из переулка выкатилась легковая машина с открытым верхом. Даю по ней длинную очередь. Она, круто свернув влево, скрылась за садом.

- Вздернули, вздернули! - заорал позади мальчонка.

- Где, кого вздернули? - спрашиваю.

- Партизана вздернули! За мной!

И снова шлепоток босоногой гурьбы. На пути встречаемся с Генкой. Он без пилотки. Припаленные волосы стали рыжими. Лицо красное. Без слов бежим за мальчишкой. Конец улицы безлюден. Казалось, даже хатки притаились в своих усадьбах.

- Висит!

- Партизан висит! – раздались тревожные голоса детей.

За плетнем на суку яблони висел человек. Выдергиваю из ножен кинжал и с ходу цепляюсь за сук. Геннадий охватывает уже окаменевшее тело казненного, держит его, кладет к стволу дерева. Ребятишки боязливо пятятся. Откуда-то доносится женский плач. Смотрю в окна. Они в черных пятнах. Иду к крылечку, открываю дверь.

- Ой! - запах крови шибанул в нос. Едва переступаю порог: - Генка! Убиты! - замельтешило в глазах. «Не упасть бы, подо мной кровь». Закрываю глаза. Слышу шаги, Генка сопит в затылок.

Постепенно овладеваю собой, открываю глаза. Под столом две мертвые девочки. Рядом женщина с обнаженной грудью и девушка, уткнувшаяся в стенку головой. Посреди

избы массивное тело седобородого старика с распахнутыми полами холщового пиджака.

- Звери! - шепчет Гена.

И тут где-то пискнуло. Вглядываюсь в красное от ожогов лицо Геннадия, прислушиваюсь. Гудит в ушах. Оторвав ногу от кровяного пола, оставляя за собой следы, иду к кухне. Открываю подполье, там темно.

- Хальт! - от собственного голоса вздрагиваю, чиркаю пальцем по ладони - спичку прошу, а у самого фонарик на поясе.

Генка, издали протягивая руку, бросает коробку. Догадываюсь, что в подполье немцев быть не может, но пистолет наготове. Освещаю спичкой, опускаюсь. В подполье сыро, тянет гнилью. Выбираюсь наверх.

Геннадий, стоя на одной ноге, грозит пальцем:

- Ти-ишь... что-то опять пискнуло, - подходит к трупу старика, опрокидывает его. Под ним ребенок...

Идем вдоль широкой улицы. Ребенок, уткнувшись в плечо Гены, плачет. Гурьба парнишек то позади нас, то забегает вперед, заглядывает в лицо мальчика. На повороте в переулок встречаем женщину с взъерошенными волосами.

- Тетка, возьми мальчонку!

Она взглянула на окровавленного сиротку, всплеснула ладонями:

- Ой, куды ж я с ним! - и поспешила от нас.

На скамеечке плачут старухи. Подходим к ним:

- Возьмите! Сегодня к вам Советская власть придет, отдадите.

Низенькая старушка с крохотными глазками по-матерински приняла от Гены ребенка...

В ограде, где мы уложили одного немца, другого, оглушив, связали, толпились люди, кричали:

- Убить, убить!

- Повесить фашиста!

- Казнить паразита!

Старик в холщовой рубахе с трудом отталкивал наседающих на гитлеровца женщин:

- Уйдите, не лезьте, вам говорят! Уйдите!

- А ну! - кричим, разводя толпу руками. - Пропустите!

И тут передо мной встала старушка со скорбными глазами. «Как мама», - подумалось мне.

- Сынок, отомсти за детей, - с трудом выговорила она. - Отомсти... Убей гада.

- Нельзя, - объясняю. - За самочинство осудят, - с трудом проталкиваюсь с немцем через густую толпу людей...

Вечером мы приближались к притихшим траншеям противника. Всего один пулемет строчил, охватывая огнем обширную полосу. Меня слегка ранило в руку. Стали обходить его справа, и вдруг - едва не в лоб нам - забила автоматическая пушка, разрывные снаряды звучно рвались, на лету хватая травку. Не дай бог попасть под ее огонь. Заденет рукав гимнастерки - руку пополам, штанину - ноги не будет. А если волосы на голове, так прощай, Родина, - черепа лишишься.

- Вправо, - шепнул лейтенант Рубанов, - в обход с тыла, немцы отходят.

Поползли над скатом поросшей кустарником балки. Под руку попал телефонный кабель.

- Не выпускай, действуйте с Максимовым и Зерниным, мы прямо к Белгороду, - сказал Рубанов.

Телефонный провод привел нас к землянке. Дверь настежь, чувствуется запах табачного дыма. Переглянулись. Зернин стволом автомата пробил стеклину, и мы с Максимовым влетели в блиндаж, осветив его фонариками.

Немецкий солдат вскочил с нар, поднял руки:

- Рус плен! Дойче маршировэн, - топтался он перед нами, махая руками, дескать, уходят. И подал нашу листовку. - Рус плен, - хлопнул он себя по груди.

- Доброволец? - спросил я, тоже хлопая себя по груди. - К нам в плен?

- Я, я! Плен.

«Язык» есть. Нужно быстрее доставить его к капитану Баранову.

Зернин увел пленного, мы с Володей по кустарнику, по дубняку в балке пробираемся к пушкарю. Кровь просочилась через бинт, перевязывать некогда. Всходит солнце, надо успеть до наступления наших схватить немца, он беспрестанно в полукруг лупит из автоматической пушки. Снаряды, хватая верхушки дуба, оглушают нас. Выбираемся на пахотное поле. Ползем по нему по-пластунски. Вдруг видим взлет красных ракет впереди немца. На поле

неожиданно высыпала наша пехота, загремели оружейные выстрелы, град пуль прижимает нас к земле.

- Опять попали! - кричит Максимов.

Я тут же вспомнил, как под Сталинградом пехотный командир чуть не задушил меня: «Ах, гад, перемахнуть хотел!» И сейчас случайно пристрелить могут.

- Снимай маскхалат! – догадался я.

- Думаешь, по обмундированию узнают?

Снимать некогда, пехота идет размашисто. Немец молотит по нашим. Взмахиваю рукой, и мы выскакиваем. И только нам оседлать ганса, как он отрывается от пушки... Сталкиваемся с ним! Бьем по морде, как научились бить на тактических занятиях. Все! Теперь смерть только от своих... Они идут валом, поливая свинцовым градом. Хоть руки поднимай...

- Свои! Свои! - орем.

У разбитого дерева, что над обрывом балки, какой-то солдат стреляет в нас.

- Твою мать!.. – кричу во всю солдатскую глотку. Надеюсь, что наши услышат - отрывистый мат в любом шуме выделяется. И в самом деле - услышал тот солдат, замахал рукой, дескать, свои. Бросился к нам:

- Мать честная, хоть промахнулся! Издали вы на фрицев похожи! Такие же зеленые, как они.

Группа солдат направлялась к пушке. Немец, заслышав тяжелые шаги, съежился, вздрагивая всем телом. Боясь за него, мы с Володей сели на него верхом - пехотинцам наплевать, что он наш «язык», раз стрелял по ним. Но они только враждебно взглянули на нашу добычу и прошли мимо.

Максимов повел немца в штаб, я пустился вдогонку за своей группой в Белгород.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Впереди - Харьков. Перед нами горели хаты села Лазовеньки. В воздухе, не умолкая, гудели самолеты. До пятидесяти вражеских бомбардировщиков за один вылет насчитывали мы. Это было похоже на Сталинград. С раннего утра до позднего вечера шли воздушные и танковые бои. Нейтральная полоса была усеяна трупами. Тут и там догорали подбитые танки. Дым густо расстилался над искромсанной землей, поднимался вверх и все плотнее заслонял небо. С нетерпением ждали мы заката солнца, а оно неподвижно висело над Харьковом и, казалось, не думало идти к горизонту.

Семь атак за день, и нигде - ни на шаг - не отступила наша дивизия.

- Неужели еще пойдут в атаку?

- Куда еще? Не успеют, солнце все же закатится, - лежа в ровиках, говорили разведчики.

Пехотинцы высказывали свое предположение:

- Вечер еще не скоро, непременно атакуют...

Неотступно следили мы за передовой противника. Нам предстояло идти за «языком», поэтому надо было нащупать слабое место. Почерневшие, с осунувшимися лицами и запекшимися от жажды губами, томились мы в ожидании заката. День войны не входил нам в счет. «Хлеб» разведчика - «язык», будь он трижды проклят.

Молоденький пехотинец с окровавленной повязкой на голове то и дело бросал взгляды на нас с Борисом, облизывал обветренные губы, глотал слюну и спрашивал не о том, что интересовало его:

- У вас ножницы есть?

- Зачем они тебе? Язык немцу отхватить? - шутил Борис.

- Не-ет! - едва улыбался пехотинец. - Колючую проволоку чем будете резать? Без миноискателя-то вам, наверное, не обойтись, я позычу на ночь, тут я друга встретил, сапером служит, - и опять облизал пересохшие губы.

- Спасибо, «кирюха», - поблагодарил его Борис. - Была б вода, промочил бы я твою внутренность...

Пепельное лицо солдата вдруг закраснелось, он отвернулся.

- Шел бы ты в санчасть, - предлагал Леготин. - С раной на голове, это, брат, не то, что с раной в заду, - он пошлепал себя по ягодице. - Голова есть голова, ею соображать надо. Парень улыбнулся, у него треснула запекшаяся губа.

Он прижал ее заскорузлыми пальцами, глухо проговорил:

- Как уйти? - взглянул в сторону своего друга, который неотрывно наблюдал за передним краем немцев. - В нашем взводе семь человек осталось. Командир отделения просил, чтобы мы простояли до вечера, а там, говорит, впятером драться будем.

- Постояли бы, если б не мы! - сказал Борис.

Пехотинец, глядя на неуклюжую фигуру Леготина в широкой куртке маскхалата, убрал пальцы с губы:

- А может, и устояли бы?

Борис махнул рукой:

- Куда там!

- Да мы и не надеялись на вас, - вступил в разговор другой пехотинец. - Разведчики сейчас тут, через минуту - бог знает, где. Вы - народ вольный. Сами себе хозяева.

- Видал как! - удивился Борис. - Ты, видно, грамотный?

- Семь классов кончил, - ответил за товарища парень с треснутой губой.

- Наверно, комсомольцы? – не унимался Борис.

- Да-а.

- Уря, уря, значит! А меня, брат, не принимают! Трепач ты, говорят, Борис, не годишься в комсомол. Вот в такой ситуации ничейным среди комсомольцев да партийцев нахожусь. Под Сталинградом веселее было. Мы вот с ним, - кивнул он головой на меня, - на пару шкодничали. Тут на тебе - перед Курской дугой его в кандидаты приняли!

Я взглянул на него, на его собеседника и опять отвернулся в сторону переднего края, где стояла непонятная тишина.

- Видал, как морду дерет?! В разговор не встревает, вперед смотрит, бдительный стал. А давно ли на «губе» вместе сидели!

Пехотинец расхохотался, и у него из трещины на губе сильнее засочилась кровь.

- Смочи горло водкой! - предложил Леготин и взялся за фляжку, висевшую у него на поясном ремне.

- Не-е! Я сроду не пивал...

- А тот? - кивнул Борис на другого пехотинца.

- Тоже нет.

- О-о! Вы шибко комсомольцы! А наши пьют! - И Борис, повернувшись лицом в сторону левого фланга, где в ровиках попарно стояли разведчики, поднял фляжку, крикнул: - Эй, комсомольцы, хряпнем по глотку!

- Я тебе хряпну! - послышался голос лейтенанта Рубанова.

С восточной стороны Харькова, покачиваясь в мутном небе, двигалась эскадрилья немецких бомбардировщиков.

- Вот нагрузились, гады, едва ползут, - сказал пехотинец. - Сейчас будет очередная атака.

Нейтральная полоса лежала под густой пеленой дыма, летающего хлопьями. Глаз едва пробивался до ближайших очагов пожара в Лазовеньках, откуда уже семь раз атаковал нас противник. И опять там, в просветах между белых хатенок, развалин и печных труб, чернела вражеская пехота.

Громоподобно разразилась артиллерия. Воздух гудел, выл на разные голоса, вибрировал. От взрывов мин и снарядов лихорадочно тряслась под ногами земля. И опять все и вся утонуло в непроглядном дыму и пыли.

- Танки! - услышал я голос соседа по ровику, белокурого Васи Далецкого.

«Тигр» и «фердинанд» оказались совсем близко от нас, из-за них вынырнули немецкие автоматчики и врезали по нашей группе разведчиков. Градом захлестали пули о бруствер окопа, запорошило глаза. Ругаясь и не видя ничего, я строчил из автомата.

- По ногам, по ногам бей! - кричал Борис. - По ногам, чтоб «языком» взять!

76-миллиметровые пушки били по танкам через наши головы, глушили нас. «Фердинанд» содрогнулся, из его щелей заструился дым. И снова он содрогнулся, на этот раз из башни вырвался красно-черный огонь.

Отступая задним ходом, «тигр» едва не скрылся по башню за межой кукурузного поля. Выскочил ли экипаж из горящего «фердинанда» - некогда было разглядывать. Автоматчики, с сумасшедшей яростью строча по нас, приближались к ровикам. «Огонь! Огонь!» - вырывался из оружейной трескотни голос лейтенанта Рубанова.

Казалось, и пяти минут не прошло, а я выпалил три автоматных диска и присел на дно ровика, торопливо заряжая очередной диск.

- Ага! Назад! Назад, гады! - злорадно прокричал Борис Леготин и длинной очередью резанул по отступающему врагу.

Огневая буря на земле стихла. Ровики наши тянулись вдоль фронта в шахматном порядке, разведчиков в зеленых маскхалатах хорошо было видно. Васе Далецкому и Павлу Мельникову предстояло идти за «языком» в захватывающей паре. Они неотступно следили за передовой противника. Их головы, белокурая и чернявая, склонились одна к другой. Василий Рубанов и Гриша Доброхотов жадно курили «козьи ножки». Володя Максимов и мой земляк, иркутянин Петя Кузнецов, о чем-то вели оживленный разговор. Дальше - Симонов с льняными волосами и крепко загорелый Ненашев. А там - два сапера-разведчика. И совсем реденько торчали из ровиков головы стриженых «под Котовского» пехотинцев.

Гаубичная батарея была разбита. У огневой левого орудия валялось полстанины. Никаких признаков жизни расчета... Лишь на одной из огневых возле самой земли лежал ствол пушки. Вокруг гоношились артиллеристы.

- Чья это батарея? - с волнением спросил я Бориса.

Он пожал плечами и вздохнул:

- Полегли ребята!

- Воздух! - закричал Далецкий.

Немецкие самолеты все эти дни выползали с восточной стороны. Там где-то были склады боеприпасов и аэродром противника. Он буквально засыпал бомбами и снарядами.

Опять загремела артиллерия. В дыму и пыли на ничейной земле зашевелились недобитые автоматчики врага. Атака возобновилась. Рубанов, обернувшись назад, посмотрел на разбитые батареи, потом на садившееся в сторону Харькова солнце и прокричал:

- Ничего, держитесь! Это последняя атака!

Леготин, строча из автомата, командовал сам себе:

- Огонь! Огонь! Огонь! Саратовцы! - и метал глазами в сторону разведчиков и пехотинцев.

Я увидел, что парень с треснутой губой и друг его с забинтованной головой, «утонули» в ровике.

- Держись! - крикнул я Борису и, выскочив из своего ровика, нырнул к ним.

Один из них судорожно хватался рукой за земляную стену и пытался встать. Другой, упершись в торец окопчика затылком, неподвижно смотрел остекленевшими глазами на сверкающие вверху трассирующие пули. «Убит!» - екнуло сердце. Раненый хватал окровавленным ртом воздух. Уложив его поудобнее, я лихорадочно отыскивал глазами рану, рукой нащупал на тыльной стороне шеи выход пули. Вход ее оказался выше остренького кадыка. Рана была смертельной. При вздохе у него клокотало внутри, при выдохе кровь пузырилась на губах и шее. Умирающий боец то широко открывал, то болезненно закрывал карие глаза, мучительно отходя на тот свет...

Я не переносил запаха человеческой крови, которая, словно угар, действовала на меня. Еще под Сталинградом угорел от крови, пролитой моими друзьями и товарищами. Сам был уже дважды ранен. И теперь стоило только увидеть кровь, как у меня кружилась голова, от ее запаха тошнило.

- Бори-ис, помоги-и! - торопливо перевязывая раненого (в любых обстоятельствах это был наш долг), я едва смог крикнуть. Но где там было услышать вялый голос. Гул самолетов противника давил даже грохот взрывов.

И на этот раз не удалось немцам выбить нашу пехоту с занимаемых рубежей. Опять впереди догорали танки противника, а те, что сгорели раньше, маячили в дыму, как сибирские черные бани, окутанные речным туманом.

Кровопролитный день подходил к концу. Солнце наконец отступило от Харькова и теперь уже точно стояло перед закатом. Недалеко была ночь и вылазка за «языком». Вася Далецкий и Павел Мельников то и дело передавали друг другу бинокль. Леготин, ползая между трупами противника, выискивал того немца, которого, как он говорил, специально подранил, чтобы «языком» взять. А мы, высунувшись из ровиков, покрикивали:

- Смотри лучше!

- Ухом, ухом узнавай, живой или мертвый!

Борис то прислушивался к нашим советам, то припадал щекой к трупам, то хватал их за грудки, тряс, орал:

- Мертвецки спят!

Мельников глядел в бинокль и ругался.

- Чего дергаешься?! - спросил Вася.

- Будешь дергаться! - Мельников отдал ему бинокль. - На! Я ничего не вижу! В глазах песок!

Далецкий, нервно переступив с ноги на ногу, приставил к глазам бинокль.

- Конечно, чего же так увидишь! Голову боишься высунуть...

Вася выпрямился. Он был выше среднего роста, голова его оказалась над бровкой.

- Здорово-то не высовывайся! - сказал я ему.

Он устало посмотрел на меня...

- Не высовывайся! - повторил я.

Начавшийся юго-западный ветерок раздувал хлопья гари. Впереди вырисовывались очертания села Лазовеньки. Ярко закатывалось солнце. Выстрелы снайперов участились. Даже Леготин, всегда говоривший, что его не убьют, поспешно полз обратно. Перед ровиком погибших пехотинцев, встав на четвереньки, содрал с головы пилотку.

- Жалко, даже водки не пробовали! - он отстегнул фляжку. - Царство вам небесное.

Раздался выстрел снайперской винтовки. Леготин с фляжкой у рта уткнулся лицом в землю.

- Убило! - крикнул Мельников.

Выпрыгнув из ровика, я схватил Леготина, а он тут же перевалился на спину, продолжая тянуть из фляжки. Жив!

- Убило! - опять крикнул Мельников.

Подползаю к ровику. Вася с заломленной под затылок рукой лежал на дне. Из переносицы сочилась кровь.

- Васю убило! - на дне ровика плакал Мельников.

...Еще не совсем стемнело, а немцы то и дело пускали в небо осветительные ракеты. На нашей передовой наступило полное затишье. Казалось, что вся пехота полегла и теперь отбиваться некому.

До восьмой атаки справа от нас было семь солдат, осталось в живых двое, но оба - раненые.

Особенно горько, когда по своей неосторожности погибают такие парни, как Вася Далецкий. Не сберег себя для боевого дела, за которое не обидно было бы умереть. Как можно сберечь себя на фронте? Как уйти от своей судьбы? Как уйти от смерти, когда она висит над тобой? Подстерегает у каждого кустика, сосенки. Странно звучала в то время пословица: «Береженого бог бережет». Под Сталинградом были голые степи, равнины, укрыться не за что. Пули роем летели в лоб. Кому на роду было написано умереть, погибли там. На Орловско-Курской дуге местность была изрезана речками, ручьями, промоинами, балками. Отступая, враг занимал выгодный для себя рубеж. Ночами, притаившись, ждал русских разведчиков и внезапно встречал их ураганным огнем. Тут, на Харьковщине, еще сложнее. Поля, дороги заминированы, так и смотри, что взлетишь на тот свет.

...С западной стороны обходим Харьков. Перерезаем железную и шоссейную дороги Харьков-Полтава, вышибаем немцев из станции Коротич. Готовимся идти на Харьков.

Кое-кто из ребят сидел на дне траншеи, кто-то разминался, будто перед стартом. Ротный запевала Коля Тихонов, растянувшись между Леготиным и мной, спал.

- Разбудите! - глядя на часы, приказал Рубанов.

И только я хотел тронуть Колю за ногу, как он перевернулся на спину, что-то невнятно пробормотал...

- Что с тобой?! - спросил я его.

Он вылупил на меня глаза, с духом собраться не может, испуганно говорит:

- Упал... Упал!

- Откуда упал?

- С сеновала... упал!

- Ну раз упал, так вставай, - сказал я, схватил его за руку и поднял. Покачиваясь словно пьяный, он говорил:

- Черт возьми! Какой сон приснился... Грязь плывет на меня, я от нее к сеновалу, хватаюсь за лестницу, лезу наверх, а навстречу мне здоровенная баба! Хочу крикнуть: «Куда ты прешь, кобыла!» - и не могу! А она хохочет. Задрала подол и садится мне на шею...

- Сука, охамела за войну! - сказал Леготин и расхохотался.

- Смех смехом, а сон нехороший.

- Да ну! - махнул рукой Борис. - Садись рядом, разложим твой сон по полочкам. Значит, так! - пригнул мизинец. - Села баба тебе на шею. Ну и хрен с ней, пусть сидит! Надоест - слезет. Что тут плохого?

- Да я с ней оборвался с лестницы - в грязь.

- Хы-ы! Ишо бы. Попробуй удержи таку кобылу на шее. Да потом ишо у нее была жопа босиком, тебе стало чикотно и ты упал.

И Колю подняли на смех...

- Хорошо, есть нервная разрядка! - улыбнулся Рубанов. - Слушайте! - Взвод умолк. - Как только заглохнет артиллерия, стремглав рвем к траншеям немцев и врасплох им на головы! Берем «языка» и тут же отходим!

Рядком стоим в траншее, смотрим на Рубанова, тот смотрит на часы, медленно поднимает руку и тут же резко опускает ее:

- Комсомольцы, коммунисты, вперед!

Я обернулся. Обернулся потому, что был пока кандидатом в члены партии.

- Вперед!

Секундное замешательство и в траншее, кроме Бориса Леготина, никого уже не было. Он спрашивал Рубанова:

- Мне, беспартийному, в траншее оставаться?!

- Вперед, за мной!

Борис из-за своей нерасторопности частенько отставал и, находясь позади всех, покрикивал в затылок:

- За мной, за мной, вперед!

- Действуем на пару! - прокричал мне лейтенант Рубанов.

И только нам прыгать в траншею противника, как из нее на бруствер выбрался немец. Лейтенант выстрелил. Немец, взмахнув руками, словно хотел взлететь, пошел винтом... Левее нас выскочил из траншеи еще один фриц, за ним - Максимов, Дубов. Немец то ли был охвачен страхом, то ли надеялся на свои длинные ноги. Почти не сгибая их в коленях, не отстреливаясь, бежал вглубь своей обороны.

- Мародер! - услышал я голос лейтенанта и прыгнул в траншею. Передо мной стоял Леготин с трофейными сапогами в руках.

- Мародер! - повторил Рубанов и тоже спрыгнул в траншею. Леготин дал тягу от нас.

На дне лежал только что убитый немецкий офицер. На ногах его зеленели чистые носки.

- Влево по траншее! - сказал лейтенант и побежал следом за мной.

Делаем зигзаг, впереди кто-то барахтается. Предупреждающе взглядываю через плечо.

- Вижу, вижу! Сдуру по своим не хлопни!

По манере бить противника догадываюсь, что это Зайцев.

- Быстрей, быстрей! Уломать не может! – торопил Рубанов.

Перебрасываю автомат с груди на спину, цапаю толстяка в мундире за глотку.

- Гад! Теперь все, - задыхаясь, произнес Зайцев и кулаком саданул «языка» под дых. - Силен, паразит! Я один не смог бы...

Рубанов выскочил из траншеи на бруствер:

- Отходить! Назад! Назад! Отходить!

Кажется, прошла вечность, а наступление только началось. По нейтральной полосе фронтом шли танки «Т-34» с десантниками на борту. Глядя на Леготина с трофейными сапогами в руках, они хохотали.

- Бегом! - командовал лейтенант Рубанов. - Быстрей, быстрей! - метался он то к одной, то к другой паре разведчиков, ведущих и несущих на себе живую добычу. Подбежав к траншеям, кубарем свалились вниз. В ушах гудело и трещало. Когда вдохи и выдохи сливались в один, то похоже было на сопение кузнечного меха.

«Языки» валялись между нами, так же с трудом переводя дыхание. Зайцев лежал с немцем чуть не в обнимку. Володя Максимов и Коля Тихонов перевязывали своего пленника. При взятии они сломали ему ключицу и теперь боялись, чтобы он не истек кровью. Не дай бог умрет! За ним день и ночь ходишь, ползаешь, не жалея сил и самой жизни. И когда он, этот проклятый «язык», уже в твоих руках и ты находишься в безопасности, радости нет предела. Смеешься, говоришь с ним. Он, боясь смерти, улыбается тебе, что-то бормочет по-своему, а ты его похлопываешь: «Гут, гут! Паразит ты несчастный!» - «Я, я», - кивает тот головой. – «Не нужен был бы ты «языком», заделал бы я тебе «капут». - Тут он вздрагивает: «Никс, никс капут!»

Передохнув немного, мы уселись рядком между помятыми в рукопашном бою «языками».

- Мне попал гад так гад! - сокрушался Зайцев. - В траншее врезались один в другого, - он нагнулся к своему толстяку с затаенной злобой в близоруко сощуренных глазах. - Комрад! Силен ты! - потряс перед ним сухими кистями рук. - Хорошо, что они у меня цепкие, ухватился за борта.

Немец исподлобья взглянул в загоревшее до черноты лицо Зайцева.

- Видал, какой злой! Бьем один другого головой. То он прижмет меня к стене траншеи, то я его. Чувствую, измотает, осилит. Помощь нужна, и никого вокруг... И тут вынырнули в зеленом. У меня сердце екнуло: «Немцы!» Чуть было не выпустил из рук этого паразита, но узнал своих...

- Леготин, твое поведение мне не нравится, - отчитывал Бориса лейтенант Рубанов. – Тут «язык» нужен, а он пристрелил офицера и разувает его... Нашел время!..

- Он меня из пистолета ранил, а я его из автомата примочил.

- Ты неплохой разведчик, юморист что надо, с тобой не заскучаешь, но сильно уж ты медлительный. Идешь, ползешь, бежишь всегда позади всех.

- Чо мне торопиться! Я ни коммунист, ни комсомолец, чтоб кого-то догонять, обгонять... - Борис перекрестился: – Вот вам крест! Теперь я без команды с места не двину.

- Тебе персонально команда нужна? – спросил лейтенант.

- А почему бы нет? – вступил я в разговор. - Стоило бы вам сегодня крикнуть «Леготин, вперед!», и он бы не был позади всех. В нашем взводе беспартийных только двое и чего бы вам подавать такую команду: «Коммунисты, комсомольцы, вперед!»

- До меня не доходило, что обижаю вас, - простодушно признался Рубанов.

- В пехоте, словно по заданию, травят коммунистов и комсомольцев.

- Где надо и не надо им команда идти вперед. Вспомните Сталинград, высоту 147,6 – сколько там их погибло.

Вспомнилось, что особенно в тот день, когда нам, разведчикам, приказали штурмовать высоту вместе с пехотой. Мы тогда овладели южным скатом, отметкой 135,3. В

стрелковых ротах не осталось в живых ни комсомольцев, ни коммунистов. Но свято место пусто не бывает – они приходили из госпиталей. Политотдел дивизии в экстренном порядке принимал новичков в комсомол и партию. И опять та же показуха: комсомольцы, коммунисты, вперед! За два дня наступления мы с большими потерями продвинулись на высоту только на 200-300 метров. Коммунистов и комсомольцев опять не стало. На следующее утро у высоты появились газетчики, фотокорреспонденты. Политруки, парторги, комсорги, поднимая солдат в атаку, горланили один другого громче... Из воронки выскочил всего лишь один солдат в черном полушубке и пристроился к нашему взводу. Немцы знали, что в первом ряду в атаку идут партийцы, поэтому встретили нас бешеным пулеметно-автоматным огнем. Пехотинец с маху приостановился, качнулся, развернулся ко мне лицом, рухнул на спину. Ранило? Я кинулся к нему, но он был убит. «Последнего стравили», - подумал я, глядя в безжизненное лицо и побежал вдогонку за разведчиками.

Харьков освободили 23 августа 1943 года. Наша 116-я сибирская дивизия получила название - Харьковская.

- Скоро моя дорожка кончится... - с тревогой говорил я.

Баранов, вручая мне письмо убитого лейтенанта Горелика, пророчил: «Ты дойдешь до Полтавы, передашь его предсмертное письмо коханой!» И я внушил себе, что меня не убьет до Полтавы. Не боясь смерти, пронес письмо через все бои, огни и воды на Орловско-Курской дуге. Теперь видна Полтава. И я боялся, думал, что убьет, написал письмо домой: «Полтава шибко горит, не знаю, как пройдем через нее». Достал из противогаза письмо погибшего лейтенанта Горелика. За длинную тяжелую дорогу конверт сильно потерся. Не мешкая, я отыскал письмоносца, отдал ему письмо и со спокойной душой встал в строй.

Баранов, стоя перед нами, говорил:

- Воздушной разведкой обнаружено в лесу стадо коров. Не дать угнать!

Почти ночь догоняем немцев. В утреннем тумане опережаем их, на железнодорожной насыпи забираемся в бу-

рьян. Перед нами - товарняк, в вагонах - заунывное мычание. Пыхтит паровоз, и машинист шурует лопаткой уголь в топке.

- Взять! - скомандовал Рубанов.

Два разведчика поползли... У железнодорожной будки, что впереди паровоза, зеленый свет. Стрелочник давал отправление товарняку, но в машинном отделении уже было пусто.

- Взять стрелочника!

Втроем скатываемся с насыпи. От удара Гриши стрелочник мыкнул.

Бежим к будке, влетаем в открытую дверь. Бренчит телефон, в темноте не видно, где он. Володя Максимов шарит на стене, снимает с аппарата телефонную трубку.

- Алло! Алло! – послышался голос. - Ви почему мольчишь?

- Немец, что ответить?

- Что в голову взбредет! - говорю.

- Почему ви мольчишь? - громче в трубке.- Что ви там шумель?

И тут застрочили автоматы позади состава, поднялся крик, топот. От белеющего здания полустанка немцы бегут в нашу сторону. По ним строчат из-под вагонов.

- Немцы! - и мы из дверей будки встречаем их огнем.

С дикими криками, беспорядочно стреляя, они падали. Осталось три, два... последний свалился.

Бежим к зданию и с ходу влетаем в настежь открытое окно. Внутри темнее, чем на улице. Светим фонариком, осматриваем кабинет за кабинетом - везде пусто.

- Шукать! Шукать! - кричали на улице. - Утек, гад, утек!

Распахнулась задняя дверь - в зал ожидания ввалились трое в гражданской одежде.

- Стой! - в голос окликаем их и - приступом к ним.

Они оторопели, попятились.

- Мы грузчики! Начальника шукаем, вин предатель, - скороговоркой объяснял один.

Где-то совсем близко разорвался снаряд. Здание содрогнулось, штукатурка посыпалась на головы. Цивильные, давя друг друга, бросились к двери, мы - следом.

На улице гул, лязг, отступающие танки противника на ходу расстреливали товарняк, груженный скотом. Вагоны

с треском разлетались - коровы вываливались на перрон. В промежутках между выстрелами и грохотом снарядов слышался душераздирающий рев животных, трескотня пожара - горели вагоны.

Танки прошли, послышался голос Рубанова:

- Сюда-а! Сюда-а! Ко мне!

Бежим по перрону в конец состава. В дыму под ногами ничего не видно, спотыкаемся.

- Открывай вагоны! - командует лейтенант.

Хватаемся за поручни, открываем. Коровы с диким мычанием и ревом валятся на перрон, давя одна другую.

- Давай, давай!

- Бери за хвост!

- Потянули! - кричали мы, оттаскивая коров с переломанными ногами. Вспыхнул вагон в конце состава, от него загорелся сарай.

- Пленные где?! - кричал Рубанов.

Бежим с Гришей Доброхотовым к железнодорожной будке, где были пленные.

Заскочив, застали такую картину: один, стоя перед другим на коленях, зубами развязывал веревку на скрученных руках.

- Га-ад! - с криком ударил его Гриша.

Тот затылком стукнулся о стену и, как пришибленный насмерть, застыл. Потом лицо его, словно береста в огне, наморщилось, открылись выпуклые глаза:

- Будьте вы прокляты!

Мы вытолкали их из будки в шею...

Привели в расположение роты, легли спать. Кругом - тишина. Казалось, что даже лошади у телеги не клацали зубами. Политрук бесшумно шагал к восточному краю балки, где она клином врезалась в подсолнуховое поле.

- Почему не спишь? - спросил он меня.

- Не могу.

- Что, немцы стоят перед глазами? - присел к ногам. - Молодцы, здорово поработали! - Увидел перебинтованную по локоть руку: - Ранило?

- Нет, - говорю. - Это ишо под Белгородом. Вроде уже заживать начинала и на те - покраснела, разбарабанило.

- В медсанбат надо! - громко скомандовал он. И сразу спохватился, оглядев спящих группами и в одиночку сол-

дат, зашептал: - После партийного собрания немедленно в медсанбат, - и ушел.

...Месяц с небольшим, как приняли меня кандидатом в члены партии, а уже второе собрание. И мы, солдаты, отовсюду сбегались к просторной палатке, разместившейся в гуще кустарника. С шумом влетали в нее, рассаживаясь прямо на земле.

Члены партбюро сидели за самодельным столиком, накрытым красным материалом. В ожидании открытия собрания солдаты перешептывались:

- Сегодня отделаемся от прохвоста.

- Надо бы не заходить в этот проклятый спиртзавод...

...Как пройти! Отбить у немцев и пройти? Это невозможно, надо было осмотреть, что в нем есть. Зашли, шныряем по цехам, хранилищу - в нем большие посудины. Что в них? Может, пустые? Русский Иван любопытный, если не пощупал руками, все равно что не видел. Казанками постукиваем по одной, другой цистерне, глухо бурчит, значит, полные. Наливаем по фляжке что-то мутноватое. Теперь пробовать надо. Что это? Может, касторка - не успеешь штаны снять, а может, отравленная жидкость? И тут заскочил пехотинец, с ходу наполнил котелок и сразу давай пить.

Ага, сейчас узнаем, травлено или нет. У солдата кишки пустые, вмиг окосеет или свернется, как от чумы поросенок. По кадыку на его длинной шее считаю глотки: раз, два, три, четыре. В страхе за него кричу:

- Хватит, подохнешь! - он оторвал котелок ото рта, не дышит.

Ребята хохочут, орут:

- Хряпни, хряпни еще!

Убедились, что спирт неотравленный, но пробовать не стали - побоялись.

Ползем за «языком». Поле усыпано помидорами: давятся то под коленом, то под локтем, сок брызжет в лицо. На ощупь рукой отыскиваю спелые, вытираю то о рукав маскхалата, то о штанину и ем на ходу. И тут слышу приглушенный голос Данилкина:

- Ребята, хлебнем трофей!

Я обернулся к нему:

- А если он все же отравленный?

- Ну и хрен с ним! Надоело бояться смерти.

- И правда! Глотнем для смелости, - кто-то поддержал Данилкина. Согласились все. Сползлись в одну кучу. Молча отстегнули от своих ремней фляжки, чокнулись.

- За успех! - сказал помкомвзвода Саша Сидоров.

- У меня нервишки слабенькие, я на глоток больше вас выпью, - говорил Данилкин. - Притуплю излишний страх.

Он был старше всех нас во взводе, рослый, физически сильный, но трусоватый. В вылазке за «языком» бессменно участвовал только в группе обеспечения. «Видно, ему действительно надоело бояться смерти, стыдно за себя, верзилу, потому и решил подравняться со всеми», - подумал я, когда выпили по глотку.

Ползем дальше. Постепенно внутри будто разгорается, кажется, теряется слух, зрение, чего раньше со мной не случалось. Оглянулся на Бориса Леготина – он чуть приотстал от меня. Мы с ним - первая пара, нам брать «языка».

- Чо отстаешь? – спрашиваю.

Он не ответил. Ползем. Ракеты взлетают все ближе и ближе, сильнее ослепляют, а сгорят - совсем ничего не вижу, но двигаюсь вперед. Подбираемся к плетню, осторожно лезем через пролом в огород, ползем меж гряд. Заостряю слух, зрение. За плетнем кто-то расхаживает.

- Часовой! - говорю Борису.

- Брюхо обкрутило, тошнит, - болезненно прошептал тот.

Кто-то из разведчиков подползает к нам, трогает меня за пятку. Осторожно разворачиваюсь, вижу Гришу Доброхотова.

- Помкомвзвода ослеп! - говорит он.

«Отравленный!» - екнуло у меня сердце.

- А Данилкин?

- Он ничо.

Гляжу на торчащую поверх плетня голову немца:

- Смотри, фриц! Хватать надо!

- Где?! - спросил Доброхотов, завертев головой. - Не вижу. Видно, тоже слепну.

Тычу в бок Леготина. Тот уткнулся в землю в приступе рвоты:

- М-м-г-гы!

- Ти-ише! - и я навалился на его голову.

- Гу-гу-гу! - рыгал он и с треском выпустил «голубя»...

- Хальт! - крикнул немец и врезал по нас из автомата.

- Назад!

...И если бы не гряды, меж которых мы из последних сил ползли из огорода, лежать бы нам в сырой земле. За нарушение воинской дисциплины, срыв поиска, помкомвзвода Сидорова откомандировали в пехоту. Теперь у торца столика, сгорбившись, стоял другой виновник - Данилкин.

- Времени у вас в обрез, - сказал политрук. - Послушаем Данилкина. - Возражений не было.

- Данилкин, ты всегда был откровенен. Расскажи все по порядку. Ход собрания покажет, вправе ли мы осуждать тебя как труса и как провокатора. Может, выяснится другое. Не по злобе ли на тебя говорят?

Подкупающие слова политрука ободрили Данилкина. Он поднял голову. Скуластое лицо его заметно повеселело.

- В том-то и суть! - начал он. - Сидоров лишку хлебнул трофея, потому и ослеп... Из-за него поиск сорвался.

- Гад! - выкрикнул Гриша Доброхотов. - Ты предложил выпить. Ты спровоцировал нас.

- У меня глотка пересохла, потому я и хотел промочить.

- Врешь! Говори, что ты сказал?

- Сколько тебе понадобилось для промочки глотки? - допытывался политрук.

- Не пил я... подержал во рту и выпрыснул, - признался Данилкин.

- Шкура! Трус! Провокатор! - кричали мы.

Политрук посмотрел на свои ручные часы, на командира роты и, глядя на нас, спросил:

- Кому слово?

Вышел молоденький паренек Володя Федоров, из числа курсантов военного училища. Орловско-Курская битва помешала ему и его товарищам стать офицерами.

- Все произошло как-то неожиданно, по-детски, - рассказывал Володя, - Данилкии предложил выпить, и мы не подумали, согласились. - Он полуобернулся лицом к президиуму. - Мы виноваты! За срыв поиска готовы понести любое наказание! Но он, Данилкин, вдвойне! Он же кадровый солдат, старше всех нас, старше даже помкомвзвода Сидорова! Шкура ты! - сказал он в раскрасневшееся лицо Данилкина. - Ты, старый козел, спровоцировал нас, сопляков, а сам не стал пить. Почему? - Тот молчал. - Мы выпили не ради тяги к спиртному, а для смелости, чтоб наверняка взять «языка». Допустим, ты не с целью провокации предложил выпить. Почему сам не стал пить? - Разведчики нервно заерзали на земле.

- Я почему-то вдруг испугался, - пробурчал Данилкин.

- Почему нас не остановил? Мы бы тоже не стали пить. Ладно, немного потравились, ослабли, но ты-то нет! Так почему не полз вперед? Немец за плетнем был, хватай! Ты - трус! Подлый человек! И хотел, чтоб мы все опьянели, поиск сорвали. Что и случилось. Ты один из всех нас бодрым пришел в роту и все рассказал командиру.

Данилкин зло передернулся:

- Отстань!

- Слышали, ребята? - продолжал Федоров. И опять к Данилкину: - На посту в роте ты не трус! Тут ты по всем правилам несешь службу, особенно у блиндажа комроты. А под обстрелом мечешься, будто лбом пулю ищешь. Тебе тут и по-легкому, и по-тяжелому хочется. При взятии Харькова ты вдруг колено разбил. Кое-кому пришлось тебе бока «почесать», колено твое вмиг зажило. Вспомни, когда мы под Белгородом с немецкой разведкой встретились... Они нас не то в какую-то пропасть, не то в ущелье загнали, я так и не понял, куда. Ты тогда честно сказал при всем взводе: «Подождите, я со штанами...» Мы не смеялись над тобой! Об этом никто, кроме нас, и по сей час бы не знал. А стрясись такое с другим? Ты бы немедля растрезвонил! И в первую очередь сказал бы командиру, а он тебе верит. Ты дисциплинированный, всегда у тебя подворотничок подшит, сапоги надраены, - Володя усмехнулся. - Тут, если не выполнишь боевое задание, стараешься не попадаться на глаза, а Данилкин вертится то у ровика командира, то комиссара, воду подливает на руки и наушничает. За провокацию - гнать Данилкина из роты! - и Федоров сел на прежнее место.

- Ну-у... что теперь скажешь? - спрашивал Данилкина политрук.

Все смотрели на виновника. Тот молчал.

- Кому еще слово?

- Дайте мне, - старшина вышел к столику. - Как можно ошибаться в людях! - раздался его басистый голос. - Он мне поначалу казался сильным, дисциплинированным солдатом. Потом другие мнения сложились о нем. К его силенке нужна смелость. Ну, а когда я понял его! - Данилкин дерзко глянул на старшину, но тот, не заметив, продолжал: - Клеветой на товарищей он хотел авторитет заслужить. Слишком дешево! В роте презирают его, сторонятся! Называют солдатским предателем, теперь еще одна кличка - провокатор!

- Спокойнее! - предупредил старшину политрук.

- Поведение Данилкина отвратительно! Он постоянно кого-нибудь шантажирует... Вспомните историю с сапогами... Боевая тревога, а солдат в строю босиком. Это его злая шутка.

- Где мои сапоги?! – спросил я.

- Надо его, шкоду, спросить. За провокацию молодых солдат объявить Данилкину строгий выговор! - предложил старшина.

- Мало!

- Гнать из роты! - зашумели солдаты.

- Гна-ать! - рявкнул помкомвзвода Кузьма Ельчанинов.

Кузьма - авторитет для всех нас, он самый сильный, бесстрашный разведчик в роте.

Перед нами стояли два разных по натуре человека: согнувшийся от стыда или страха за свою судьбу Данилкин и помкомвзвода Ельчанинов.

- Надо же уродиться таким прохвостом! - говорил Кузьма. - И трусом, подлизой, подхалимом, дешевкой-провокатором. И наконец-то попал с поличным! Предложил выпить, а сам не стал. Командиру рассказал. Помкомвзвода ослеп, поиск сорвался. И командир, не разбираясь, выгнал из роты Сидорова. Чо разбираться, Данилкин верный для него человек. Он давно у него на счету как самый бдительный солдат роты. Он служил в роте особого отдела под Сталинградом. И вот однажды Данилкин, набравшись смелости, пришел на передовую и увидел пожилого солдата пехоты с немецкой листовкой в руках. Что он сделал? Он забрал его, привел, куда надо, наврал, что солдат в траншее листовку читал солдатам. Тот бедняга доказывал, что он совсем неграмотный, что немецкая листовка годится на самокрутку, что он не первый раз поднял с земли листовку

для курева. Солдата посадили. Выясняли, делали запрос: откуда, где он родился, где жил? И пока пришло подтверждение, что он действительно нигде не учился грамоте, Данилкин уже носил на груди медаль «За боевые заслуги». – Ельчанинов повернулся к командиру роты: - Вы его тогда за бдительность представили к награде.

Командир до треска сжал пальцы. Брови его слились у тонкой переносицы в единую волосатую черту. Тяжелый взгляд уперся в кособочившуюся из-за уродливого плеча фигуру Кузьмы. А тот продолжал:

- Теперь за подлость, провокацию накажите его по всей строгости! Верните Сидорова в роту! - и пошел на место. А потом обернулся и рявкнул: - Верните!

- Поздно! - зло ответил командир.

- Убило?! - в голос ахнули мы.

- Нет! Слегка ранило.

- Кому еще слово? - спросил политрук.

У меня из головы не выходили сапоги, я закричал:

- Данилкин, где мои сапоги?!

- Да, да! Пускай расскажет, шкода! - зашумели разведчики.

Политрук поднял руку, чтобы треснуть кулаком по столу, как все разом притихли.

- По нужде я... тогда поднялся, - заговорил Данилкини. - Слышу оклик: «Стой, кто идет!» Я отозвался. А он, Леготин, опять окликнул. Иду к палатке. Он лежит, под головой у него сапоги, - Данилкин усмехнулся. - Тяну сапоги, а он: «Стой, кто идет!»

Мы расхохотались. Данилкин, облегченно вздохнув, продолжал:

- Я ради шутки взял сапоги, а тут тревога. В строю, когда спрашивал командир: «Кто взял?» - боялся признаться, - он низко опустил голову. И вдруг заплакал: - Я, я... во многом виноват. Простите...

- Слюнтяй! - рявкнул командир роты, выходя из-за стола. - Сидоров искупил свою вину геройством! Он пришел в пехоту в тот момент, когда немцы вклинились в нашу позицию, захватили санчасть с ранеными. И комполка Адамович дал ему из своего резерва взвод автоматчиков, приказал отбить у немцев санчасть. Сидоров выполнил приказ

- раненых вывезли. Его представили к правительственной награде - ордену Красного Знамени. Присвоили офицерское звание, и он уже командует взводом полковой разведки. - Командир перевел взгляд на согнувшуюся фигуру Данилкина. - Теперь дело за тобой... Впереди - Днепр, может, и ты покажешь свою удаль?

- И покажу! - тут же ухватился за «удочку» хитрец.

- Как ребята?.. Поверим? - Рота молчала. - Дадим ему строгий выговор, посмотрим... - И тут же закричал: - Категорически запрещаю пить трофей! Не пить! Ничего не есть! - Взглянул на часы: - На обед, сборы пятнадцать минут - и вперед!..

Командир, воспользовавшись секундным молчанием солдат, свернул собрание, самолично оставив в роте Данилкина - ему нужен был информатор.

Ведь разведчики, уходя на боевое задание, порой сутками были «сами себе отданы», и командиру надо было знать, чем они занимались. От Данилкина он узнавал о всей нашей подноготной. Откомандировать его в пехоту, значит быть «полуслепым» - другого Данилкина днем с огнем не найти в роте. Шептун ему был нужнее, чем отважный разведчик Саша Сидоров, с которым он и политрук без партийного собрания разделались.

Рота ушла вперед, я - в медсанбат...

Дивизия преследовала отступавшего к Днепру противника. Марши - по двадцать километров в сутки, а догнать не могли. Медсанбат то и дело перемещался. Раненых эвакуировали в полевые госпитали, а я не захотел - отправился вслед за дивизией.

...Раннее утро. Над разбитой шоссейной дорогой Харьков - Полтава густая пыль. Не видно ни колдобин, ни воронок. «Опель-блиц», в котором я ехал, прыгал, влетал в воронки, вставая на дыбы. Шофер Сергей Цыбалов сжимал тонкие губы, ругался на меня:

- И ты помогай смотреть! Чо рот разинул!

С напряжением вглядываюсь в пыль, вижу дорогу с выбоинами, в кюветах - разбитые повозки, трупы лошадей, обгоревшие машины. Впереди замаячило что-то черное.

- Танк! - прокричал я, и тут встречная машина мелькнула подфарниками. «Опель», скрипя тормозами, прошел юзом и остановился.

В половине дня видимость немного улучшилась, и солнечные лучи пробивались через заднее стекло кабины. По привычке оглядываю все, что попадается на пути. Слева и справа на кукурузном поле дальнобойные орудия: стволы, словно ужи на солнце, пестрея, растянулись по земле. В сгоревшем селе торчали трубы печей. Кое-где еще дымились головешки. Сгорбившись, на пепелищах бродили старики, старухи, бабы. Рылись, надеясь найти хоть что-то пригодным для хозяйства...

В селе Стеховка гитлеровские палачи загнали беззащитных женщин, детей, стариков в школу и подожгли. В Ковалевке затолкали людей в сарай, расстреляли, облили бензином, подожгли. Куликовку, 275 дворов, превратили в пепелище.

Чем ближе становился Днепр, тем ужаснее выглядела картина. Хлеб на корню, в скирдах, скошенный в валы - все горело. Пылали леса, сады. Луга, поля были усыпаны трупами коров, овец, лошадей, расстрелянных немцами.

- Живодеры! - возмущался шофер. - Если бы не видел своими глазами, не поверил бы никому. Он выглянул из кабины, крикнул: - Воздух!

В небе кружилась «рама». Зенитки в кустах, как собачонки, тявкали на нее. Небольшая группа вражеских бомбардировщиков шла с запада. Спрятаться некуда, кругом чистое поле. Сергей, не обращая внимания на колдобины и воронки, гнал машину. За нами увязался «мессер».

- Стой, не уйдем! – кричал я.

- Обманем, держись крепче! - и Сергей тормознул. Я ткнулся головой в ветровое стекло, а он, кроме одной ноги, что была на рычаге газа, и руки, уцепившейся за руль, весь был снаружи. Задним ходом бывалый шофер погнал «опель» навстречу полету «мессера». Р-р-р-р - пробарабанило по кабине, две дырки образовались в ветровом стекле. Самолет, пройдя над дорогой, пошел на разворот. Сергей сел на сиденье.

- Молодец! - похвалил я его.

- Всю войну то под бомбежкой, то под обстрелом вывожу с передовой раненых и никак не могу заслужить медалиш-

ку, - он повернулся ко мне лицом, - потому что сын «врага народа»! В школе меня ребята только так и называли, били! Я не стал учиться. Началась война - пошел добровольцем в армию, и тут мне не везет! - он кулаком стукнул по рулю. - Хоть небольшую награду! Остаться живым, и я бы показал кое-кому за унижение, отомстил за горькие слезы мамы.

- Понимаю тебя, - говорю. - Рядом с нашей деревушкой большое село Шаманово. Там забрали девяносто два мужика как «врагов народа». А ихние сыновья, тоже как ты, добровольцами ушли в армию.

- Их в школе били? - спросил Сергей.

- Нет. Их много было. Пожалуй, больше, чем тех, у кого отцов не посадили.

На развилке дорог Сергей высадил меня.

...Вечером в роте я услышал крик:

- Бори-ис! Ребята, скоморох пришел. Борис, без тебя одна скука! Как рана твоя?

- Зажила как на собаке.

Его тут же окружили:

- Что у тебя под глазом?

Борис, осторожно поводя ладонью по зеленому фингалу, улыбался:

- Иду, значит, мимо сада, гляжу - у кухни повар топчется. Кричу с дороги: «Кок, накорми бродячего солдата, жрать хочу!» Он говорит: «Можно, суп готов». Я котелок под черпак. «Как тебе, - спрашивает, - гуще или сверху пожирней?» - «Погуще! – кричу. - И хлеба дай!» Не поскупился он. Ну я с голодухи-то и давай наворачивать, да как шваркну макаронину. А она - вшить! - вторым концом по глазу. Вот и шишка!

Вечером мы расположились в одной из немногих уцелевших хат села. Борис стал рыться в мешке:

- У меня горилка есть. Тещина! Наказывала, чтоб я вас угостил, - вынул банку консервов, поставил на стол.

Гриша, распечатав банку, сказал недовольно:

- Однако конская?

- Ты что, копыта в банке увидел?! Тоже мне! Кобылу от мерина отличить не можешь, а тут в мясе разобрался.

Не прошло и пяти минут, как мы повеселели от «тещиной» горилки. Борис заговорил:

- Иду из госпиталя через Любушкино село. На улице темно. Вижу ее в окне, а зайти стыжусь. В калитку не вхожу, иду задами. Перемахнул через изгородь во двор. Корова шарахнулась, замычала. Люба выскочила из дому, окликает: «Кто там?» Я отозвался - и к ней. Она попятилась, потом как закричит: «Бори-ис! Милок!» - и на шею, давай целовать! Держу ее на руках, а у нее сердце воробушком бьется. На крик появилась мать в дверях, залопотала: «Сынок, нежданно-то как!» Три дня пробыл у Любушки. Один день в колхозе с ней работал. Черт возьми! Как хорошо с бабой! Кончится война, сразу к ней уеду. Курскую землю буду пахать. Ребятишек расплодим! С десяток, а может, и больше, чтобы колхоз из одних Леготиных был.

- Десять - много.

- Ничего, воспитаем. Только бы трусами не родились да предателями, как Коваленко.

Ночью подняли нас по тревоге...

Внимание старшины привлек Леготин, стоявший в строю. Пятки вместе, носки неестественно врозь.

- Ты что? - спросил его старшина.

- А чего?

- Стоишь-то как?

- Я не виноват. Сапоги такие. В госпитале выдали. На одну ногу. Может, заменишь?

Старшина внимательно посмотрел на его ноги, удивился:

- В самом деле! Чернышов, замени обувь Леготину!

Борис быстро переобулся в новые сапоги, встал в строй, хвастаясь:

- Вот это бутсы! Новенькие. А те-то я по тревоге не на ту ногу обул. Сначала и сам не понял.

- Го-го-го! - расхохоталась рота. Старшина, вырвав из рук Чернышова сапоги Леготина, разглядывая их, зло сплюнул:

- Тьфу ты, скоморох! Обманул! - бросил сапоги.

- Не швыряй, я их на молоко сменяю!

По дороге Борис рассказывал:

- В Тиме захожу в парикмахерскую, сажусь в кресло. «Что прикажете делать?» - спрашивает мастер. Половину, говорю, головы брить, половину стричь. Когда осталось

только побрить шею, я давай карманы ощупывать. «Не вертись, ухо отхвачу», - предупреждает старик. «Как не вертеться, платить нечем, деньги обронил», - виновато гляжу на него. А он: «А они у тебя были?» - «Как же, чулки в подарок бабе купил, домой еду». - «Счастливый, в войну отпустили». – «Сказать, что счастливый, нельзя. Просто повезло». Вот так к Любушке я стриженый и бритый пришел.

- Кончай заливать! - проходя мимо Леготина, скомандовал лейтенант Рубанов.

Леготин умолк, а в строю только шарканье ног о твердую дорогу да чье-то тихое покашливание.

Радостное сообщение: гвардейцы генерала Шумилова форсировали Днепр!

- Ура! - кричали мы.

- Что-то не верится, - сомневался Данилкин. - Это, может, ради поднятия духа, чтоб не боялись Днепра.

- Да тебе хоть как поднимай дух, ты все равно забоишься! - резанул Леготин.

По строю - тихий смех и опять полушепот:

- А может, Данилкин и прав?

- А мы на том берегу спросим, - не замедлил с ответом Борис.

Снова тихий смех и голос лейтенанта Рубанова:

- Кончай, кончай, шире шаг!

Раннее утро. Идем на Малую Каховку. Иван Мамонтов с группой разведчиков берут «языка». Вечером наша дивизия выбила немцев из восточной части Кременчуга. Перед нами - Днепр.

В районе села Келеберда укрылись в песчаных барханах на берегу Днепра. Неприветливым выглядел Днепр: мрачный, бушующий. Нести бы воды ему своим чередом, тихомирно, а он пузырится, вздымается столбами, рыча, выбрасывает волны на берег. А на нем валяется вздутый скот, расстрелянный немцами. Им не удалось переправить его на правый берег, вот они и расправились с животными.

Смотрели мы на Днепр... У каждого в голове одна мысль: каким чудом перебраться через него? На поверхности воды беспрерывно ухали снаряды и мины. Строчили из пулеметов, носились, как пчелы, «мессершмитты».

У Леготина с виду обычное выражение лица. Правда, он казался усталым, даже измученным, но говорил Борис невозмутимо:

- Не так уж широк, чтоб бояться его! А я-то думал, что он шире Волги.

Вокруг - ни одной лодки. Потому что, прежде всего, надо было обеспечить переправляющими средствами главные силы 53-й армии, стоявшей выше нас, ближе к Кременчугу, по соседству с частями 5-й гвардейской армии. Наша дивизия была вспомогательной, поэтому мы, солдаты, должны были проявить находчивость - кто на чем, как может, одновременно с ударными частями армий форсировать Днепр.

Темная ночь. Под грохот артиллерии началась «партизанская баталия» - одни от берега бежали в село Келеберда, другие уже обратно - несли на плечах и волокли за собой частные лодки, плахи, бревна, бочки... Словом, все, на чем можно плыть.

Вдоль берега кишмя кишели люди - не услышишь человеческого голоса. Хотя можно было и орать, но вряд ли какой звук можно услышать из-за арткаонады.

Бревна, плахи, бочки связывали телефонным кабелем, веревками, а то и солдатскими обмотками, полотенцами. Все это делалось без обсуждений и приказов, с невероятной быстротой. Лишь один Данилкин ныл:

- Я не умею плавать, плот развалится, утону...

И вот мы все на плоту, а он, как ребенок, приплясывает на берегу, никак не может осмелиться шагнуть к нам. И тут, как по заказу, шлепнулась мина в воду, поторопила его. Он успел прыгнуть на плот, но вторая мина опрокинула его навзничь.

- Бог шельму метит, - только и сказал Костя Аксененко, и давай руками по-собачьи разгребать песок, чтобы похоронить грузное тело Данилкина.

Снаряды и мины взрывались на дне реки, поднимали водяные вулканы со щепой, досками, плахами, человеческими телами. Днепр бурлил, а мы, борясь с его черными волнами, отплывали от левого берега.

У кого что было в руках, тем и гребли изо всех сил. Гриша Доброхотов, втянув маленькую голову в широкие плечи, загребал тесиной. Рубанов, стоя позади него, ворочал

плечами, то ли мысленно помогая ему, то ли торопя: сильней, сильней, Гриша! А у Гриши и так широченная тесина изгибалась в руках. З-з-зьюх, з-з-зьюх! - с визгом хлюпались в воду мины, срывая солдат с бочек, плотов. Раненые, убитые и кто не умел плавать - уходили в воды Днепра.

Волны заколыхали и наш плот; связанные телефонным кабелем бревна завертелись, заходили под нами.

- Вперед! Вперед! – скрипел голос Рубанова.

Гребем изо всех сил, а подаемся ли вперед - не понять! От физического и нервного напряжения сердце готово выскочить. В мозгах стучит: скорей, скорей к берегу! В ушах рокот пулеметов, грохот орудий, свист - ж-ж-жьюх! Глухие взрывы снарядов на дне Днепра. Налетевшая волна вздыбила плот, опрокидывая нас... Хватаясь за скользкие, ходящие ходуном бревна, тоже срываюсь с плота! Мы полетели в воду, будто в пропасть. «Ой!» - взревела моя душа. Взмахивая руками, задеваю что-то твердое - автомат! Был за спиной, оказался на груди. Дрыгая ногами, хватаю дно, отталкиваюсь, вылетаю свечой, вижу бревно и барахтающихся людей вблизи себя. Наши! Кто-то пытался сесть верхом на бревно, кто-то еще между бревнами...

Вроссыпь плывем к острову, до него рукой подать, а сил нет. Груз тянет ко дну: в кирзовых сапогах - по ведру воды, намокла шинель, на ремне - снаряжение, на шее - автомат. Кто-то плывет чуть впереди меня. Вдруг этот «кто-то» вырастает передо мной. «Гриша!» - узнал я его. Он в воде по пояс. Наконец и я задеваю ногами дно. На суше обессиленно падаю рядом с Доброхотовым.

Остальные ребята нашего взвода тоже выползли из воды на остров...

- Рубанова нет! - И как бы мы все ни были обессилены, повскакивали, увидели в Днепре взмах руки и рядом две головы. Гриша бросился в воду навстречу им. Выволок на берег Васю и человека с длинными волосами. Баба! Откуда взялась? За ее спиной радиостанция Р-13.

Оказалось, плот, на котором она плыла с солдатами не нашей части, развалился, девушка ухватилась за торец бревна, ее понесло к Рубанову, плывущему к берегу.

Вторая половина Днепра оказалась, на наше счастье, почти пересохшей. Промокшая и продрогшая в холодной

воде пехота, на ходу рассредоточившись по фронту, двинула вперед.

Мы укрылись под береговым обрывом, где уже были командир дивизии Макаров, новый помощник Баранова капитан Леня Гаврилюк и несколько штабных офицеров. Это обрадовало нас: старшие командиры тут, с нами, будут в одном пекле. И Макаров, показалось мне, увидев нас, обрадовался, сразу подскочил к лейтенанту Рубанову, а тот:

- Дайте полвзвода в помощь саперам!

И тут загрохотал весь правый берег. Немцы не ожидали русских на этом участке фронта и лишь периодически, для страховки, обстреливали Днепр. Теперь же, обнаружив у себя под носом обхитривших их Иванов, обрушили на нас бешеный, смертоносный артогонь.

Наша пехота продвинулась вперед всего лишь на восемьсот метров, в ширину - на два километра. И вынужденно залегла.

Берег Днепра - в сплошных разрывах мин. Мы с Борисом легли «валетом» под самым обрывом, рядом с радистом, накрытым плащ-палаткой. Он, выглядывая из-под нее, кричал:

- Где Гаврилюк?! Баранов просит!

Мы с Леготиным бросились искать его, а он бесследно куда-то исчез.

- Гаврилюка завалило! – услышали мы.

Откопали его, он влез под плащ-палатку к радисту, переговорил по рации с Барановым и только спустился в воронку, как мина разнесла в клочья плащ-палатку и радиста. Другая мина попала в котлован, что готовился под блиндаж Макарова, - сразу убило двенадцать разведчиков.

Еще тошнее было тем, кто позднее нас отчалил от левого берега. Немногие достигали безымянного острова и погибали на нем. Его окрестили «островом смерти».

Положение дивизии становилось критическим. 406-й артполк оставался на левом берегу: теперь переправить его на правый невозможно и не на чем.

Немцы удерживали господствующие высоты, а мы уткнулись в кромку берега. Даже командир дивизии не имел НП. За полем боя следили с церкви села Келеберда капитан Баранов с артиллеристами. Только оттуда можно было видеть, что делалось на занятом клочке земли.

Не имели успеха на правом берегу и 5-я гвардейская армия, и ударные силы 53-й армии, в состав которой входила и наша 116-я дивизия.

Стоял солнечный день. Бомбардировщики противника буквально висели над левым и правым берегами и сыпали тысячи бомб на наши позиции. И вот в такой момент, когда и думать нельзя было о том, что кто-то осмелится переплыть Днепр, появилась на воде одиночная лодка. Она то бесследно исчезала, то вдруг чернела на гребнях волн, опять уходила и вылетала, как щепка.

Макаров, глядя в бинокль, ужаснулся:

- Манагаров! С ума сошел! Он армию обезглавит!..

Генерал Манагаров причалил на лодке в полосе 375-й дивизии.

К концу кровопролитного дня разведчиков оставалось в живых немного.

- Главная задача разведчиков, - разъяснял нам капитан Гаврилюк, - вскрыть группировки сил противника и систему огня. Пробраться в тыл, взять «языка», чтобы знать, чем противник располагает...

Небольшими группами мы разошлись в разные стороны.

Чем ближе становилась передняя линия нашей пехоты, тем сильнее дрожала под ногами земля и густо обволакивало наши фигуры дымом и пылью. Мы спотыкались о трупы, перепрыгивали через них. Так бы и влетели в лапы врага, если бы не услышали:

- Стой! Куда! Там немцы! - и тут же, будто в спину, хлестанул «максим». Секунды растерянности, мы заметались. Увидев воронку, нырнули в нее.

До фрицев - рукой подать, орудийные выстрелы глушили нас даже в воронке. Где-то тут, совсем близко, бил прямой наводкой танк. Пехоты не видно. Строчил один наш пулемет.

- Неужели только один солдат остался и упирается за всех? - выглядывая из воронки, предположил Борис. - Стоит насмерть. Умрет, земля ему будет вечно пухом. Земля, братцы, не вода - не подведет, стой на ней крепче, упирайся, она не выскользнет из-под ног, как наш плот. До воды я не боялся смерти. А тут уже думал - все, отжил.

- Хы! Леготин о смерти заговорил, - отозвался Гриша.

- Да-а! - выдохнул Борис. - С плота хлопнулся будто в кипящий котел. «Все, Люба, смерть!» - подумал.

- Ну-у, не загибай! Любу вспомнил...

- Приврал немного, Боря! Когда погрузился, то испугался, а когда ногой задел дно и вынырнул, глазами искал плот и вас. Другого в голове ничего не было. Чо может быть в пустой башке! - съязвил Борис, спускаясь на дно воронки.

- Понял? - спросил меня Гриша. - Стоило человеку подженироваться, как у него прибавилось масла в голове.

- Она и не была пустой! – возразил Леготин.

Мы не отозвались. Борис умолк. Раздался звучный выстрел танка. Борис подполз к нам:

- Помните того солдата, что про свою жену Феклушу рассказывал? Что они с ней любили жареную картошку и простоквашу, а потом потирали брюхо от сытости. Я тогда смеялся над ним. Теперь понял - он тосковал по Феклуше, потому и говорил о ней, как я теперь о Любе, - Борис заулыбался. - Понимаете! Впервой в постели с девкой. Воздуха в избе не хватает... Задыхаюсь.

- Взял бы да ногой столкнул одеяло, - вполне серьезно посоветовал Гриша.

- Не скаль зубы! - опять вспылил Борис, чего раньше не бывало с ним. - Послушай, может, ребенок родится - Леготин!

Впереди опять над самой землей мелькнула вспышка, раздался звучный выстрел. Ж-ж-жьюх, - просвистел снаряд, грохнулся за нашим пулеметом.

- Вот ты где! - выкрикнул Борис и торопливо вынул из чехла противотанковую гранату.

- Ты что? - встревожился Гриша.

- Засек! Жерло танка видел! - Леготин пополз из воронки.

- Брось, дурила! – пытался остановить его Доброхотов.

Борис обернулся и с отчаянием в глазах произнес:

- Тоску разгоню! Взорву гада!

- Дура-ак! - заколотил я кулаком по земле. - Вернись! Под свои снаряды попадешь.

Борис торопливо пополз. Мы с замиранием сердца смотрели ему вслед.

Снаряды, мины рвались повсюду, но уже не с такой густотой, как днем. Контратаки врага не увенчались успехом

- не столкнули нас в Днепр. Пехота стояла насмерть. Теперь никакого признака ее жизни не чувствовалось, казалось, вся полегла, лишь один пулеметчик уцелел, что строчил позади нас с Гришей.

Борис потерялся из вида.

- Что случилось с ним? Он сегодня как не в себе, - еще больше тревожился Доброхотов.

- Подожди, приползет! - говорю, а у самого сердце колотится. - Он, видно, и правда - убивается по Любе, раз сказал «тоску разгоню».

- Видел его взгляд? Нехороший был взгляд. Ни на смерть ли он уполз?

Наши дальнобойные орудия из-за Днепра били по обороне противника. Там, куда уполз Борис, вздымались огненно-земляные столбы взрывов. И вдруг краснодымный купол танка взметнулся в небо.

- Все! Угрохали! - радостно прокричал Гриша.

- Может, Борис ухлопал?!

В чугунном, дымном воздухе замаячила в пестром маскхалате фигура Леготина. Он бежал не спеша... И вот он уже близко, сверкают его белые зубы, смеется. Жью-юх! - врезался в землю снаряд. Сжатая, горячая волна воздуха шибанула в лицо, мы с Гришей полетели на дно воронки.

...Бориса Леготина не стало. Прямое попадание снаряда разнесло его вдребезги.

Доброхотов нашел задник сапога из красной кожи, а в нем кусок пятки. Все, что осталось от нашего боевого друга...

- Бо-ри-ис! Дурак ты несусветный! - выли мы с Гришей Доброхотовым.

Завернув в палатку Гришину находку, мы пошли к пулеметчику, что бил из-за наших спин. Он лежал за «максимом». Плащ-палатка на нем изрекошечена пулями и осколками. На лице слой пороховой гари. Глаза и губы блестят, как у кочегара.

- Помоги... подняться, - попросил он Доброхотова.

Тот, встав на колени, взял его за бока.

- У-у, - простонал солдат. - Ранен я в спину...

- Перевязан? - спросил Гриша.

- Не-ет... Некому. Напарник... смертельно был ранен.

Долго ежился от боли... Маму звал. Мне некогда было... Немцы атаковали, - он отстранил Гришу от себя, шатко пошел к свернувшемуся калачиком телу напарника. - С двадцать пятого парнишка, в Коротичах пришел к нам...

Что погибший был совсем мальчишкой и что звал маму, умирая от мучительной боли, было видно по его заплаканному лицу. Посиневшие губы остались «сковородником» и, казалось, еще вздрагивали.

- Бедняга, - поглаживал его стриженую голову пулеметчик. - Прости, дружок, некогда было. Похороню тебя, - глянул влево, вправо, где никого не было видно, тихо проговорил: - Меня не знаю, кто зароет...

Еще не совсем стемнело, а перестрелка, как по команде, прекратилась. Идем с Гришей вдоль фронта. На нашей передовой реденько торчат из ровиков головы солдат. Большие разрывы между пулеметами.

Присоединяемся к небольшой группе разведчиков нашей роты. Глубокой ночью взяли «языка». На допросе он назвал номер своей дивизии – 106-я пехотная. Чуть позднее полковые разведчики привели «языка» на КП Макарова, взятого в 39-й дивизии. На допросах выяснили, что две немецких дивизии стояли против нашей 116-й.

Вскоре меня опять ранило – множественное осколочное. В бессознательном состоянии я был доставлен в медсанбат.

- Как фамилия? Родственники есть?! - очнулся я на этих словах. Не зная, где нахожусь, испугался. - Когда ранен? - звенел женский голос.

- Ох как изуродовали, укол некуда поставить! - сказала другая.

- Наркоз дать боюсь, большая потеря крови, под местным - не знаю...

С трепетом прислушиваюсь, понимаю смысл слов.

- Да-а, под местным невозможно.

Едва разомкнув глаза, вижу расплывающиеся передо мной лица, пытаюсь разглядеть их, узнать, где я. Медики поняли, что я пришел в себя, кто-то облегченно вздохнул:

- Ожи-ил!

- Организм молодой, справится.

- Дать наркоз!

Что-то холодное, мокрое наложили мне на лицо.

- Дыши, считай. Считай вслух!

Не могу открыть рта, считаю про себя...

- Считай!

Ответить не ногу, шевельнул головой, а она словно арбуз - на столе закачалась.

- Дыши глубже! - то и дело звучал властный голос.

При каждом вдохе казалось, что голова моя становится все больше. Чувствовал, как кто-то брил мое тело, потом перестал что-либо чувствовать. Сколько я находился в беспамятстве - не знаю. Как приходил в себя - не помню. И вдруг слышу тот же вопрос: «Как фамилия?» Открываю глаза - передо мной голова с маской на лице: «Кто ты?» - Сил нет ответить. - «Кто из разведчиков умер?» - спрашивают со стороны. - «Не-ет, я живой», - мысленно отвечаю, разглядывая женщину в белом халате, стоящую передо мною.

- Ну что ты! Трубка лежит... Баранов по телефону спрашивает, кто умер - Федоров или Черемных? Колючие мурашки охватили все изуродованное осколками тело, и я зябко содрогнулся. Силясь сказать «видишь, дрожу», не могу открыть рот.

Женщина вздохнула:

- Не-мты-ырь! - и ушла.

...В роте не рассчитывали, что я выживу. Я был слабее, чем раненный в ту ночь Федоров. И вблизи медсанбата, где мы с ним лежали, приготовили могилу. Через час или два после того, как медсестра ушла от меня, я внезапно увидел солдат в маскхалатах с носилками. От выхода палаты они шли один за другим, всматривались в лица лежавших «валетом» раненых.

«Гриша!» - узнал я Доброхотова. Он уловил мой взгляд, крикнул:

- Живой!

- Кто живой?! - раздался голос Баранова.

- Кешка!

Баранов опередил Гришу и, меча глазами, отыскал меня, встал на колени и, целуя в щеку, уколол бородой, напомнив отца. Когда провожали меня в армию, я не мог сдержать слез и лег на сани. Отец, прощаясь со мной, точно так же встал передо мной на колени и, целуя, уколол щетинистой бородой...

Растроганно смотрю в усталое лицо Баранова, глотаю слезы, а он восклицает:

- Ну, Кеша, заживо похоронен, сто лет тебе жить!

Друзья присели на корточки у моих ног, радостно причитали:

- Жи-ив! Жи-ив! Как чувствуешь себя?! Ка-ак ты?

Я молча смотрел на них, облизывая сухие губы.

- Пить хочешь?

Я не отвечал. Умолкнув, они давай лихорадочно оглядывать меня, перебинтованного от колен до шеи.

- Ничего, ничего, крепись! - успокаивал Баранов.

- «В-вутку»!.. «В-вутку»! - просил кто-то.

- А ты хочешь? А? – спрашивал Доброхотов.

Коля Бочаров тряхнул свернутыми носилками:

- Мы тебя на двор вынесем!

Голова не слушалась, чтобы качнуть ею, мол, не хочу.

Друзья, поняв, что я очень плох, жалобно смотрели на меня и говорили, что попадало на язык:

- Ты знаешь, сколько сегодня Громов писем принес! Может, и тебе есть, но...

- Не успели спросить! - перебил Баранов. - Хватит, разболтались, нам пора!

Прощаясь со мной, Гриша и Коля напутствовали:

- Выздоравливай! Мы будем ждать тебя, возвращайся скорее...

Филипп Иванович опять уколол меня щетиной и, как-то тяжело поднимаясь, скользя взглядом по сплошным бинтам, подбадривал:

- Молодец, молодец, крепись, не поддавайся хандре! До свиданья! - И пошел следом за Толей Бочаровым, уносившим из нашей палаты пустые носилки.

Я смотрел им вслед, и опять подкатывал к горлу комок. Как только они вышли, у меня хлынули слезы. В ушах гудели пророческие слова: «Сто лет тебе жить!..» Прислушался к топоту: он удалялся и совсем затих. И снова только стоны раненых в палате. И вдруг пронзила уши автоматная стрельба. Это салютовали друзья-разведчики. В могиле, вырытой для меня, похоронили Федорова.

...Двадцать одна рана на теле! Невыносимая боль, особенно в правой ноге. Далеко, внутри живота, будто нарывал чирей. Температура иссушила глотку.

- Пи-ить... пи-ить! - просил я. Молоденькая санитарка с судном в руке на ходу сунула мне бутылку с минеральной водой.

- Скорей судно, скорей! - кричал рядом раненый.

- Укол, укол... Черви заточили! - орал другой.

Не могу зубами сорвать пробку.

- Открой бутылку!.. Открой...

Но у санитарки уже заняты руки, она чуть не бегом несется с полным судном и «уткой» из палаты...

Вонища, душно - не продохнуть: щели в палатке завешивали тряпицами на ночь, чтобы свет не вырывался наружу. За палаткой - шум, гам, топот множества ног, гул машин, треск, скрип телег, болезненные выкрики... Снова привезли раненых.

...Десять дней лежу без смены залитых сукровицей повязок. В ранах нестерпимый зуд - точат черви. Страшно и смешно смотреть на правого соседа с загипсованной грудью. Волосатая голова его то едва не втягивается совсем в кожух гипса, то вытягивается, переваливается со щеки на щеку. Черви у него появились раньше, чем у меня, и, очистив от гноя раны, выползли наверх. Нисколько не смущаясь, он смотрел на них, приговаривая:

- Хорошо... Хорошо... Теперь не страшно, заражения не будет, ползайте.

Начался обход. Осматривали и расспрашивали тех, кто только вчера поступил, а кто раньше - обещали, что подойдут, посмотрят, и крик утихал.

За палатой опять гул машин, скрип, треск повозок, топот. Кто-то играл на гармони и пел:

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.

В палате установилась тишина, все слушали рыдающие звуки гармони. Вдруг всхлипнул безногий и безрукий солдат, похожий на обрубок березы с изуродованной кроной. Бледное лицо его передергивалось, углы посиневших губ опустились и нервно вздрагивали. К нему подошла дежурная медсестра и как-то съежилась вся, хотела что-то сказать, вероятно, успокоить, но из ее глаз тоже хлынули слезы... Согнувшись, она вышла из палатки.

Не одну ее пробили слезы, не одно ее девичье сердце сжималось от жалости к несчастному бойцу... За палатой, как нарочно, продолжали петь:

Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара.
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера....

- Перестань! Ты что, на полянку приехал! - шумела на гармониста наша милосердная сестра! Зайдя в палату, объявила: - Прибыл санпоезд! Машины, повозки подошли, будем вывозить вас.

Начали эвакуацию больных с дальнего конца палаты, так как они поступили раньше, чем те, что лежали ближе к выходу. Я - в середине. Палатка пустела. И вдруг порядок погрузки изменился. Раненых стали выносить по журналу:

- Почему так? Моя очередь! – раздались голоса.

- Несите меня!

Дежурный врач пытался объяснить, что кое-кого нужно экстренно эвакуировать. Кто с высокой температурой, полежит денек-два. Кому нужно, сделают повторную операцию.

- Ну и что температура? На ходу спадет.

- Какая операция? Перевязки не дождешься, черви точат!

- Соблюдайте очередь! - закричал и я. - Грузите меня, десять дней лежу!

Врач, медсестры, столпившиеся в проходе палаты, хором объясняли что-то, но в поднявшемся гуле невозможно было понять, кто о чем говорил.

Эвакуация продолжалась. «Моя очередь, сейчас погрузят», - радовался я, но вдруг погрузку прекратили...

Ночью санитарный поезд был разбомблен, почти все раненые в нем погибли...

Утром раны мои очистили от червей, но нисколько не полегчало. От боли я сорвал повязку с правой ноги и увидел водяной пузырь на целом месте. Тронул его, он лопнул. Появилась дырка. Бледная ранка. Дежурным врачом по палате была Михайловская. Зная ее по имени и отчеству, я окликнул:

- Таисия Дмитриевна, подойдите ко мне!

Она обернулась, заметала глазами по валявшимся на полу раненым.

- Это я вас кричу! - Не надеясь, что она тут же подойдет, добавил: - Вы ж из Иркутска, моя землячка. Подойдите!

На улыбку она, как и разговор, была скупая, а тут усмехнулась, подошла:

- Что у тебя, земляк?

- Был пузырь, теперь - дыра.

Она склонилась надо мной и, увидев фиолетового цвета рану на ноге, сказала:

- Свищ! Почему нога не забинтована?!

- Сорвал повязку, терпежу нет!

Санитары принесли меня в мрачный зал операционной с множеством столов. Тяжелый воздух с запахом пота, крови, медикаментов сдавливал дыхание.

- Куда его? - от дверей спросил санитар с чапаевскими усами.

- Несите сюда, - отозвалась где-то женщина.

Меня принесли к давно непротиравшемуся окну, положили на стол. Тут же я был окружен совсем молоденькими девчонками, среди них только одна выглядела постарше. С улицы врывался гул моторов, и я с тревогой выдавил:

- Кажись, самолеты?!

- Ну и что? - сказала старшая и принялась ощупывать кожу вокруг бледной ранки. Слегка повернула мою ногу: - Свищ! Смотрите эту ранку, куда попал осколок. Я делала операцию! Мой почерк. Слепое ранение. Осколка не нашли, - объясняла она молоденьким...

Разглядывая ее слегка конопатое лицо и смеющиеся глаза, я спросил:

- Как вас зовут?

- Варвара Руда! - быстро ответила она. И продолжала: - Осколок...

Режущий уши визг бомб заглушил ее голос. Она, как близорукая, сощурилась на мою рану, при взрывах крепко сжимая веки. Содрогнулись стены, треснула стеклина.

- Ой! - испугалась молоденькая.

Варвара открыла глаза:

- Спокойно! Пинцет!

От нервного напряжения тело мое тряслось, а она приказала:

- Прижмите ногу.

Полная блондинка навалилась грудью на мои ноги. И опять выли бомбы. В небе пикировали вражеские одномоторные самолеты. Казалось, что они сбрасывают бомбы на здание операционной. Хотелось свалиться на пол, выползти на улицу. Грохот взрывов, подо мной затрясся стол... «Мама, сейчас конец!..» - отчаянно подумал я.

- Укрыть больных! - распорядился кто-то.

Бессилие, обида, зло, что ты ничего не можешь сделать, кроме как кричать, охватили меня, и я заорал на хирурга Варвару:

- Чо трясешься, выжми осколок! Выжми! - Она с тревогой в глазах вопросительно смотрела на меня, по-видимому, не могла расслышать заглушавшийся взрывами бомб мой слабый голос. А когда прекратился грохот, не спросила, чего я орал.

- Наостряйте слух! - сказала она практиканткам и пинцетом притронулась к ране.

Чувствую, цепляет осколок. Пинцетом «поклевывает» в него. В ране раздается чоканье, похожее на то, как бывало в детстве, когда сунешь руки в реку и постукиваешь камушками. И вдруг она даванула!..

- Ой! - вскрикнул я.

- Вот он! Смотри, солдат! - поднесла осколок к лицу. - Он и мучил тебя. Теперь будешь спать как убитый. Возьми на память.

Пророчество доктора не сбывалось. Хоть теперь и не ощущалось острой боли в ноге, заснуть я по-прежнему не мог. Что-то более страшное подкатывалось к мозгам, каменело в низу живота. Навалилась какая-то внутренняя боль.

Шла эвакуация раненых, и я не подзывал врача. На этот раз не слышно было выкриков, никто не просился, чтобы погрузили в машину. «Погрузят так погрузят, не буду напрашиваться», - решил я. Но когда врач Таисия Дмитриевна, присев ко мне, взяла за руку, чтобы проверить пульс, я подумал: «Температура, не погрузят». И вырвал руку:

- Не рука болит!.. Кишки в низу брюха!

- Ты что, характер показываешь? - задрав мою нательную рубаху, врач стала ощупывать живот. - Да-а... Закаменело. От температуры закал - клизму надо.

- Я чо, ребенок!.. Не дамся! - заорал я.

- Да, ты ребенок! Хотя уже и офицер, - из-за волос на голове она приняла меня за офицера. Я машинально пригладил косую челку.

- Как хочешь, конечно. Не примешь клизму - не мне умирать. Вот так, земляк!

Выпросив у медсестры обезболивающий укол и сонных порошков, я уснул. Проснулся от тряски нар в вагоне. На стыках рельсов вагон сильно вздрагивал, и боль отдавалась в висках. Вдруг зашипели тормоза, состав остановился, кто-то снаружи рывком открыл дверь. Вечерний воздух освежающе хлынул на нары, вместе с ним донесся гул моторов и протяжный голос:

- Во-оздух!

Поднялся крик на перроне, началась возня на нарах. Кто прыгал, кто кувыркался, падал из вагона. Стреляли зенитки. Единственной рукой, которой я мог цепляться за что-либо, загреб под собой соломенную подстилку, пытаясь податься к торцу нар, чтобы свалиться на пол, но не мог. От напряжения боль сделалась невыносимой, замельтешило в глазах. Казалось, повалился вагон, не за что ухватиться... Куда-то лечу, лечу... Больше ничего не помню. Сколько был без памяти, не знаю.

Услышал разговор:

- Попробуй теперь их собрать! Как змеи расползлись...

- В кювете надо искать! Разве только ходячие упороли...

Никакого налета не было. Немецкий разведывательный самолет пролетал над Харьковом. Огонь зениток, выкрики «воздух!» - поднялась паника. Из вагонов многие неходячие свалились на перрон, теперь их надо было грузить, а грузить некому. Сопровождающий поезд персонал просил прохожих:

- Ребята, помогите!

- Не могу, на смену иду, - отвечали одни.

- Идите к коменданту, солдаты помогут, - советовали другие.

- Кто тут старший?! Где старший?! - надрывался мужской голос.

- Я, я старшая!

- Там раненый в яме орет!

- Ну и вытащи! Ты же человек, видишь, грузить некому. Помоги!

- Некогда, некогда!

- Чтоб тебе ни дна ни покрышки!

- Солдаты идут!

- Солдаты!

...Вскоре крик утих. Только слышались стоны, сопение в вагоне... Где-то перед рассветом наш санитарный поезд тронулся.

В городе Острогожске меня в бессознательном состоянии доставили в госпиталь. Кто-то держал мою руку, тер виски.

- Как пульс!? Лучше прослушивается? Сколько без сознания?

- Трудно сказать. Как привезли - уже три часа. Обескровлен, истощен, низ живота - камнем. Признаков жизни не было. Теперь дышит.

- Где история болезни?!

Шелест бумаги.

- Пулевое... Множественное осколочное... грудной клетки, поясничной области, правого плеча и правого предплечья, левого и правого бедра... Сви-ищ.

«Где я?» - силюсь открыть глаза, как тут же что-то ослепляет.

- Ну открывай, открывай! – настаивал женский голос.

- Снять повязки! - скомандовал мужчина.

Осторожно перевернули меня на живот. От прикосновения пальцев боль отозвалась в голове. Пальцы хирурга легче забегали вокруг раны.

- Не-е на-ада... больно... – прошу умоляюще.

И снова меня режут...

Потом я беспробудно спал трое суток. Потом хотелось есть, а кормили пока манной кашей да картофельным бульоном. Стоило заснуть - снилась еда...

- Ну и шамкаешь же ты! - злился на меня белобрысый сосед по койке.

Однажды я так допек его шамканьем, что он разбудил меня:

- Яйца будешь?! Мед, хлеб, - он вынул из тумбочки торбу с харчами, присланными ему из Старой Покровки. - Яички сырые, не задержатся в утробе. Ешь, дай мне хоть немного вздремнуть.

Крадучись от дежурной сестры, я в одно мгновение управился с едой. В обед он сунул мне свою порцию рисовой каши:

- Бери! Будешь слушать коновалов, законно протянешь ноги.

На другой день я уже путался в паутине смерти. Низ живота сделался камнем, кровь хлестала из раны. Собрались медсестры и, не зная, что со мной делать, вызвали лечащего врача. Он, ощупывая живот, спрашивал:

- Кто дежурная, чем кормили?

- Манкой, картофельным бульоном! - поспешно отвечала та.

- Она сыра ичка пила, - подсказал раненный в шею татарин.

- Что-о?! – не понял врач.

Татарин спустился с верхних нар.

- Вот эта рыжа солдат виновата! - пальцем указал на моего соседа. - И хлеб, и меда давала...

- Клизму!

Дежурная медсестра бросилась в свой кабинет, а когда она бежала обратно, татарин кричал ей:

- С разбега, с разбега воткни! Воткни, чтоб не пила сыра ичка!

Вскоре я пошел на поправку, раны быстро заживали. «Ну теперь-то, - думал я, - если смерть и настигнет меня, то только на фронте...»

...В госпитале ощущалась подготовка к генеральному наступлению наших войск. Врачебные комиссии работали с утра до позднего вечера. Тут же формировались маршевые роты. Еще не совсем выздоровев, я написал рапорт на имя начальника госпиталя. «Я, ефрейтор 178-й разведроты 116-й с. д., хочу вернуться в свою часть. Она находится в сорока километрах от госпиталя - в Алексеевке. У нас есть санбат, и в нем я долечу свои раны. Прошу отписать меня досрочно». Начальник госпиталя Ящер поверил мне.

И вот я в старенькой шинельке, поношенных сапогах, ушанке, прихрамывая, расхаживаю по перрону железнодорожного вокзала города Острогожска. Где наша часть - не знаю. Жду пассажирский поезд на Харьков... Лезу в тамбур.

- Куда, куда! - кричит кондукторша, преграждая мне путь.

- Знамо куда, на фронт!

- Давай назад! - она грубо толкает меня в грудь.

- Солдат, это же не «телячий» вагон! - с насмешкой говорит мне кто-то в спину. - Ты поезда перепутал.

- Может, у него билет! – заступился кто-то.

Смотрю через плечо на толпу мужиков и баб с корзинами, кричу:

- Какой билет, на что купить! Я же не домой еду, на фронт!

- И дуй на товарняке!

- Вы что? Я в шинели и сапогах, замерзну!

- Уходи-и! - толкала меня в грудь коленом озверевшая кондукторша. - Стаскивайте его!

- Иди в «телячий»! - опять с насмешкой сказал позади меня мужчина и потянул за полу шинели. - Пропусти!

Оглядываюсь и узнаю в нем краснолицего базарного торгаша с офицерскими ремнями кустарного производства.

- Барыга! - я лягнул его, вырвал из толпы пассажиров. - Насмехаться!..

- Милиция! - рвался из рук краснолицый.

- Так ему! Так, солдат! - кричали со стороны.

- Пусти! Ты очумел! Пусти!

- Держи! Не пускай! Держи, пока поезд не уйдет, - смеялись на перроне.

...Поезд ушел. Я забрался на тормозную площадку «телячьего» вагона-товарняка. Сквозняк пробирал шинельку насквозь. Зуб на зуб не попадал. Поезд, минуя одну за другой станции, шел и шел на Харьков.

Промерз я словно кочерыжка. Но солдат есть солдат! Полежал пять дней в санчасти комендатуры Харькова и опять вперед! Где на машине подъеду, где пешком и так - до Полтавы.

От Полтавы до станции Кобыляк снова добирался на тормозной площадке. И снова, слегка прихрамывая, шагал вдоль улицы полуразрушенного войной села. Уцелевшие хатенки, задымленные и запыленные, будто притаились в наступающей вечерней темноте. Дворы заняты машинами, лошадьми, подводами.

Дальше идти не было сил. Нога разболелась. Зашел в хату. Солдаты вповалку лежат на полу. Русская печь тоже занята. Лечь абсолютно негде. Вышел на улицу. Увидев на стене хаты крест на полотне, обрадовался: «Медчасть!» За простынной занавеской огонек лампы - и никого... Загля-

нул на кухню. На столе бесшумно горел примус. Русская печь дышала теплом. «Забраться, пока никого нет!»

Скрип на крылечке не дал осуществиться моему намерению. Распахнулась дверь, девичий голос за моей спиной спросил:

- Кто это?!

- Мне ногу перевязать...

- Мог бы на улице обождать! - размахивая полами белого полушубка, девушка потушила примус и скользнула за занавеску. - Раздевайся! А вообще-то у нас не полевой медпункт, чтобы прохожих перевязывать.

Я неторопливо снял с плеч вещмешок, положил его к русской печке. Расстегнул поясной ремень, борта шинели.

- Ну что ты там, проходи! Садись! В госпиталь идешь?

- Нет, из госпиталя на фронт.

- С открытой раной?

- За дорогу открылась, - жалобно сказал я и закашлял. - Сестричка, аспирину бы мне, грудь сперло, простыл за дорогу.

Она встряхнула градусник, подала мне, ушла за занавеску на кухню. И пока бренчала там умывальником, я щелчками по градуснику нагнал температуру до тридцати девяти градусов.

- Бог ты мой!.. - синими прищуренными глазами она уставилась на меня.

«Сейчас начнет пульс щупать», - подумал я и сделал глубокий вдох. Сижу, не выдыхаю, чтобы нарушить ритм сердца. Она положила на столик градусник, взяла мою руку и посмотрела на часы-кирпичик.

- Ты серьезно болен, - говорит, - куда же тебя, у нас нет мест в палате...

- Хоть куды! - с тяжелым выдохом сказал я. Она сняла трубку с телефонного аппарата.

- Помогите мне устроить одного прохожего солдата. Утром заберем. Простыл парень... Нет, нет, неопасно для окружающих, - объясняла она. - Спасибо, спасибо, товарищ комбат... Как у вас с ногами, не потеют? Помогло, значит. - Закончив разговор, она довольно улыбнулась мне: - Мир не без добрых людей! Одевайся, сейчас за тобой придут.

Через несколько минут я следовал за низкорослым сержантом. На пустыре маячили замаскированные орудия.

По их количеству нетрудно было определить, что на охране моста через Днепр стоит зенитный дивизион.

Сержант привел меня в землянку с топившейся вагонной печкой. Самодельная лампа сильно дымила. На земляных нарах вповалку лежали солдаты. Передо мной - привычная картина фронтовой жизни. На стенах висят ковры, сплетенные из тальниковых прутьев. На столике - солдатские котелки.

- Подъем! - скомандовал сержант. Солдаты порывисто сели, и я от неожиданности чуть не крикнул: «Бабы!» Десятки девичьих глаз уставились на меня.

- Что, пополнение? А почему только одного? - спросила чернявая девушка.

- Да, одного. Уложить надо. Потеснитесь.

Девчонки задвигались, загалдели:

- В тесноте да не в обиде.

- Где приглянется, там и ложись.

Полтора часа назад я рад был любому месту - под столом, у порога, в медпункте, на русскую печь хотел забраться, а теперь заметал глазами по девичьим лицам, отыскивая, кто приветливее смотрит на меня. Та, что с копной волос, чернявая, озорно подмигнула мне:

- Ложись куда хочешь, я не против.

Я уже было шагнул к ней, как белокурая девушка с сочно-красными губами протянула мне руку:

- Давай шинельку!

Я быстро содрал с себя шинель и подал ей. Она стала укладывать ее в изголовье.

- Разувайся, тебе не вскакивать по тревоге.

Сержант забрался в свою щель, которая выглядела как тоннель в лобовой стене землянки.

- Теперь ни звука, скоро полночь.

И только я лег, захлестывающе забренчала гильза, подвешенная к потолку.

- Тревога!

- Тревога! – закричали зенитчицы, хватая шубы...

- Ориентир 13!.. Заградительный... огонь! – ворвался в землянку мужской голос. Поспешно одевшись, я тоже выбежал наверх.

Четыре автоматические пушки с задранными стволами, сотрясаясь, палили в усеянное звездами небо. Обстановка на батарее была для меня незнакомой, и я забегал от орудия к орудию. Увидев, как девчата с трудом вытаскивали из щели ящики со снарядами, кинулся к ним.

- Вылазьте! Вылазь! – схватив одну за плечи полушубка, вырвал из щели и занял ее место. Другая все-таки пыталась помочь мне выбрасывать ящики наверх и только мешала.

- Вылазь, я один!

Ящики килограммов по пятьдесят, я без особого напряжения вытаскивал их из щели. Девушки, которых я заменил, подносили ящики к зениткам и казались нерасторопными. «Не бабье дело - воевать», - раздраженно думал я.

Из общего орудийного грохота прорывались резкие звуки выстрелов 85-миллиметровых пушек. Вспышки озаряли оба берега Днепра. Ураганным потоком неслись ввысь трассирующие снаряды. Они перехлестывались, рвались, образуя огненную завесу. В лучах прожекторов чернели вражеские бомбардировщики. Самолеты двигались с юго-запада. Не снижаясь, сыпали бомбы на мост через Днепр и уходили из виду.

- Отбой! - подал кто-то команду. - В одну шеренгу... становись!

Выбравшись из щели, пристроился к левому флангу. Перед строем - приземистый командир. В темноте ни погон, ни лица не видно.

- Второй расчет, почему плохо стреляли?! - звучным голосом спросил он.

- С замком что-то!

- Где артмастер? Выйти из строя!

- Я! - откликнулся длинный солдат, вышел из строя и еще не успел развернуться, как командир объявил ему трое суток ареста.

- Привести орудие в боевую готовность и на гауптвахту! Что за солдат по огневой носился?

- Из санчасти привели! - ответил головной строя.

Командир встал передо мной:

- Значит, о тебе говорила сестра... Из какой части?

- Из нашей.

- Понятно! Стреляные солдаты нам нужны! Оставайся у нас. По самолетам мазать научим!

Этого я не ожидал и растерялся. Соблазн служить с девчонками овладел мной. Даже сердце забилось.

- Старшина! - окликнул комбат, не дождавшись моего ответа. - Поставьте его на довольствие!

- Есть поставить! Поселить куда?

- В общую землянку! Товарищ лейтенант, обучите его на наводчика! Разойдись!

Строй рассыпался. Я вошел в землянку последним.

Девчонки с раскрасневшимися лицами, с ходу ложась на нары, тараторили:

- Вот, думаю, сейчас смерть! У нас заело, продавить обойму не могу! Так и надо артмастеру...

Занял прежнее место между девчонками. Белокурая тепло дышала мне в плечо. Подруга ее бесцельно уставилась в бревенчатый задымленный потолок. Я лежал на спине, осмысливая, как это вдруг я согласился остаться в зенитной батарее. Ребята узнают, смеяться будут, да и тут могут упрекнуть. А-а, скажут, фронта испугался!

- Как тебе наша служба показалась? - спросила белокурая.

- Думал, что разбежитесь.

- Не-ет, мы не разбегались, когда на батарею бомбы сыпались.

- Расскажи, как там на фронте живется нашей сестре?

- По-разному, - говорю. - Одни вот так же в тепле спят, другие в щелях от мороза гнутся. Только не взводом, одна на роту, как я вот среди вас. Уткнется среди солдат и спит.

- Штабным-то, говорят, неплохо?

- При штабе легче. На рациях морзянку наворачивают, телефонистками работают. В общем, все при деле.

Чернявая потянулась, заложила руки за шею.

- Вот бы на фронт! С ходу бы офицерика «заморзянила»!

- Помолчи, а то я тебе «заморзяню» наряд вне очереди, - пригрозил сержант, сидящий у печки.

- «Заморзянь», если сможешь!

- Многим девчонкам нелегко на фронте, - сказал я, желая задобрить сержанта, - особенно санитаркам. День и ночь ползают! На морозе. У них ведь нет крыши над головой. В санбатах, госпиталях тоже несладко. Сутками возятся с ранеными. Под бомбежкой, под обстрелами операции делают. Всем нелегко. Давайте спать, - неожиданно закончил я и умолк.

Белокурая, укрывая меня полой полушубка, сказала:

- Зато ты теперь будешь как в малиннике.

Я хотел было повернуться к ней лицом, но подумал, что обижу другую соседку, и только прижался щекой к ее голове с грубоватыми волосами.

- Мы с Надюшей будем следить за тобой как за братом, - шептала она.

Распахнулась дверь, поток холодного воздуха потушил свечу. Вошедший старшина чертыхнулся.

- Чего как бешеный? - раздался недовольный голос с нар.

- Я покажу «бешеный»! - чиркая спичкой, искрил в темноте старшина.

- Подмочил, потому и не горят.

- Спал на коробке, - шутили девчонки.

- Я вам насмеюсь! Где новичок?!

- Тут я!

- Лежи, лежи! - сказала белокурая и рукой схватила мою шею.

- Я тебе «полежу»! - яркая вспышка в руках старшины осветила его красное лицо. Припалив фитиль горелки, он встал передо мной с байковым одеялом на плече.

- Не было печали, так черти накачали, - сжав тонкие губы, старшина вынул из кармана горсть гвоздей, из другого - молоток. - Отгородить тебя надо от этих вояк...

И мы с ним прибили один конец одеяла к бревенчатому потолку, другой он старательно привязал к тальниковым прутьям, служившим подстилкой на нарах. Между задней стенкой и байковой занавеской получилась конура, изолирующая меня от женского общества. Соседкой оказалась чернявая.

- Ты куда там уполз? - шутила она через одеяло. - Погрей спину.

- Я тебе «погрею»! - злился старшина.

Девчонки хохотали, а он, заглядывая ко мне, предупреждал:

- Только сорви одеяло! На гауптвахте заморожу. Понял?! - уходя, он сердито захлопнул дверь, и лампа опять потухла.

Утром - рассвет ударял в стеклину землянки - девчонки, не зажигая света, приводили себя в порядок. Я, выбравшись из темноты, вышел на воздух. Не успел оглядеться, как появилась моя соседка.

- Умоемся? - приветливо улыбаясь, она сунула мне котелок с водой. - Держи, я полотенце забыла!

Она сбегала по ступенькам в землянку, а я разглядывал ее. Вернулась с полотенцем на шее, бесцеремонно сорвала с моих плеч шинельку, бросила на снег.

- Подставляй руки, полью!

- Спасибо за услуги, милая!

- Вот как, даже «милая»! Лестно слышать, дорогой ефрейтор. А старшина зовет ведьмой. Злой он человек. Если не взлюбит кого, так и знай, что слопает... Иди в землянку, я завтрак принесу, - она взяла котелок, - из одного есть будем, - и унеслась вихрем.

После завтрака командир взвода привел меня к зенитке. На высоком снежном бруствере торчали фанерки с цифрами, означавшие ориентиры. Мы заняли места наводчиков первого и второго номеров. Лейтенант показал мне, как вращается на лафете пушка, рассказал, что при стрельбе по цели второй номер наводчика ведет ствол по горизонтали, а первый - по вертикали, подал команду:

- Ориентир 5!

Отыскав глазами ориентир, я развернул с задранным стволом пушку:

- Готов!

- Огонь!

Нажал на педаль. Пушка вздрогнула от выстрела. И так, пока не закончилась политинформация, и девчонки не высыпали из землянки и не обступили зенитки, мы стреляли.

- На сегодня хватит, - сказал лейтенант. - Завтра основательно займемся, а сейчас приведи линейку в порядок. Метла позади.

Я обернулся. Метла была воткнута черенком в снег на землянке и торчала как географический знак, обозначающий курганчик. «Дворника нашел!» - подумал я.

- Чище мети, новая метелка! - смеялись надо мной девчонки.

Я с остервенением разметал мусор направо и налево вдоль линейки, исподлобья посматривая на свою соседку по нарам.

Распрягайте, хлопцы, коней,
Та лягайте спочивать, -

стоя на лафете, запела она. А кто-то подхватил подголоском:

А я пийду в сад зеленый,
В сад криниченьку копать!

- Чего распелись? Прекратить! - ругался сержант. - Вы что, на прогулке - глотки дерете? - потом, сутулясь, придирчиво осматривал орудие за орудием и отчитывал расчет за расчетом...

После чистки орудий отработка строевого шага повзводно.

- Тверже шаг! - идя рядом со строем, командовал сержант. - Ты что как спутанная! - крикнул он маленькой девчонке, за которой я семенил, замыкая строй.

- Валенки слетают! - зло отозвалась она.

Валенки на ней были явно не по размеру - большие. При строевом шаге ноги едва не вырывались из широких обрезанных голенищ, создавая звуки «хлуп, хлуп». Да и все они, девчонки, были скованы обмундированием. Толстые ватники, полушубки делали их мешковатыми, неподвижными, коротенькими.

Шаг строя был мелкий, да еще идти за малюткой невозможно, как следует настоящему солдату, и я, как лошадь, копытил сзади. Сержант это понял и поставил меня головным.

- Ать, два, три! Тверже, тверже шаг! Когда я вас научу ходить!

- Летом!

- Правое плечо вперед! Арш! - у входа в землянку он распустил строй. Лица девчонок раскраснелись, похорошели.

После обеда мне была поручена заготовка дров.

- Помощником у меня будешь по этой части, - говорил сержант командирским тоном. - Кто не будет слушаться, доложишь! - С тенью требовательности на клинообразном лице он добавил: - Чтоб хватало на ночь.

Вечером зенитчицы были заняты своими делами: кто на нарах валялся, шушукаясь, кто читал, кто у столика в проходе драил песком котелки, кружки, ведра. Белокурая Маша, играя на гитаре, пела:

Бьется в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

В моей каморке было темно, и я, свесив с нар ногу, надел котелок на колено, чтобы было удобней писать письмо.

«Мама, теперь ты не страшись за меня. Я уже не разведчик, в батарее с девчонками служу. Только не говори нашим, писать не станут. А раз бывшая моя невеста изменила,

так я здесь подберу бабу», - и я взглянул на румяную Машу, заставлявшую гитару едва не выговаривать слова песни.

Чернявая запела частушку:

Ты, Настасья, ты, Настасья,
Отворяй-ка ворота!
Я тебе бы отворила,
У меня лежит Гаврила.

«Видал ты, меня за Гаврилу считает», - подумал я, а она вскочила с нар и давай плясать с девчонками:

- Забыла, когда и в кругу была!

К ночи притихло в землянке. Я забрался в свою обитель. В изголовье под прутьями скреблись и пищали мыши.

- Ты, видно, хлеб прячешь под голову, раз мыши дерутся? - посмеиваясь, спросил я соседку.

Она зашептала через занавеску:

- Для тебя сховала. Отгодовать треба, шоб ты чоловиком був.

- Ты чо, хохлушка?

- З Киева я. А ты видкеля?

- Я сибиряк.

- М-м, як звать?

- Кешка.

- Кишка! - засмеялась. - У менэ черненькая кишка була з пестренькими кошенятками.

- Ты, видать, девка, зубоскалка несусветная, - заело меня.

- Девка на базаре семечками торгуе! - не понравилось ей. - Грубиян!

- Тише, ругаться будут!

- Ничего, я не боюсь...

- Тогда лезь в каморку ночевать!

Кто-то завозился на нарах. Мы притихли, потом опять зашептались:

- Мне не страшно, я женщина, могу и перебраться к тебе. У меня муж погиб. Из Киева мы с ним бежали. При бомбежке убило, - она тяжело вздохнула. – Добровольно в армию пошла... Скоро освободят Киев. Жива ли мама? Одну я ее оставила. Я на все готова, только бы скорей к маме. Ребеночка бы и домой - рожать...

- Ну и лезь, я не супротив!

- Тебя жалко, судить будут. По статье «солдат солдата умышленно вывел из строя». Говорят, за такие дела судят и на фронт - в штрафную.

- Ну и хрен с ним! Кровью искуплю вину!

- Тише ты! - она боднула меня головой. - А что бы правда у нас ребенок? Я бы ждала тебя.

Я молчал.

- Понятно. Хоть двойню роди, а как демобилизуют, так задницу в жменю и фю-ить в Сибирь! Тильки и знай, як звалы! А ты нянчай дитя. Не-ет, такого друга мне не надо, - и она отодвинулась от занавески.

Третьи сутки я в зенитной. Звездная дочь. Стою на посту у орудий. Обзор широк, смотри, куда глаз хватит. Ниже по течению Днепра чернеет село. Выше - пустырь, реденько поросший тальником. Тишина. Нигде ни единого выстрела, никакой опасности. «Чего не служить, не любить девчонок!» - рассуждал я.

Из землянки ударил свет в небо и из темнеющего входа кто-то вынырнул. По легкой походке я узнал рыженькую подругу Маши, она торопливо шла ко мне. Дисциплинированный солдат окликнул бы ее, выстрелом вызвал дежурного, а я подумал: «Чо на бабу орать?» - и пошел навстречу ей.

- Чо тебе?

- Ты знаешь, что Полина была замужем?

- Знаю, мужа убило.

- Смотри, призналась!

- Я и не допытывался.

- Зачем тебе баба, девчонок полно! Все против, что ты с ней, - она воровато осмотрелась. - Стоим на глазах, вдруг кто увидит! Пошли за зенитку! В случае чего - под лафет залезу, - она потянула меня за собой, хая чернявую и восхваляя белокурую гитаристку Машу... Не меньше получаса продержала меня за зениткой.

Обелялся восток. Не искрили торчащие на землянках трубы. Луна за селом, словно плешивый дед на печке, дремала на пригорке. Хотелось спать, как вдруг опять распахнулась дверь, кто-то вышел на улицу. Полусогнувшись, бросился к зенитке, за которой укрывались мы с рыженькой.

«Видно, опять она супонит, знает куда, - подумал я. - Нет, кто-то другой! Маша!» - у меня заколотилось сердце.

- Извини, поговорить надо! - стуча зубами, сказала Маша, но со стороны Днепра донесся оклик: «Стой, стрелять буду!» - и она убежала.

Утром снег валил хлопьями. Погода была нелетная, и девчонки, радовались: «Небольшой снежишка - зенитчице отдышка», - и с узелками уходили стирать белье; мылись в приспособленном под баню блиндаже.

Сержант ушел к старшине играть в шахматы, а я от безделья валялся в своей каморке. Первой появилась в дверях моя чернявая. Торопливо сняв с себя полушубок, бросила его на нары:

- Раньше всех управилась!

Домашний халат в крапинку плотно облегал ее фигуру, делал ее тоньше и выше.

- Ты, кажись, подросла?

- С чего ради? Похудела я.

Она взялась латать мою прохудившуюся гимнастерку, а я, сидя с ней на нарах, чистил ее винтовку.

- Слушай, почему бы нам в самом деле не пожениться, - рассудил я, размягченный ее заботливостью и красотой. - Так бы вот и служили. Ты бы обстирывала меня, опочинивала, я бы драил твою винтовку. Потом к нам, в деревню. Ах, какая же она красивая! Улица широкая, зеленая, черемушная. Лес - за гумнами, дичь, тока косачей, я бы настрелял их, ты бы теребила перо на подушки и перины. Две реки у нас - Ока и Ия - рыбу хоть ведром черпай.

- Фруктов у вас нет.

- Ну и что! Зато саранок разных полно. Ягод! Березовый сок весной - пей не хочу!

- Холодно.

- А бани на что! Поддашь жару, веником любую хворь выхлещешь! Мужики у нас осенью в тайге намерзнутся, так в шапках и верхонках парятся.

- Да?! - удивилась Полина.

- Руки и уши не терпят жару, а простуду выгнать надо. Бывало, мы с братишкой на полу задыхаемся, а тятя просит еще поддать воды на каменку. Как хлестанешь, каменка рычит зверски, трещит, а тятя парится, кряхтит. Потом

редькой натрет поясницу, самовар чаю с брусникой выпьет и опять здоров. Вот так живут сибиряки! А вы, хохлы, чо - бани даже нет! В русской печке моетесь. Хорошо, если баба худенька, пролезет, а если вот с такой «кормой»? - я развел руками и расхохотался.

- Грубиян невоспитанный!

- Откуда быть неженкой? Я в черной бане родился. Воспитывали меня плеткой. Плетка у нас прадедова. Этой же плеткой мужики баб своих учили уму-разуму.

- Вот и попробуй выйди за тебя, будешь охаживать плеткой.

- Необязательно плеткой, у плетки черенок есть.

Полина рассмеялась, встала с нар. Проутюжила залатанную гимнастерку и повернулась ко мне.

- Смотри, как новенькая стала!

- А винтовка твоя новее новой, - но она не смотрела на блестящую от смазки винтовку. Смуглое лицо ее вдруг побледнело, черные глаза с растерянностью уставились на меня.

Хлопнула дверь, и мы одновременно оглянулись на нее. В землянку возвращались девчонки.

Ночью, не переставая трещать, светила коптилка. Девчонки ровно и тихо дышали. Сержант обычно раньше всех засыпал и храпел, заглушая шепот. На этот раз он, как назло нам, то и дело шумно ворочался. Хотелось шептаться, и я, нащупав тесемку одеяла, привязанного к тальниковой подстилке, развязал ее и просунул руку к Полине, она спрятала ее под шубу.

Развязал вторую, чтобы голова пролезла. С ее стороны ударил тусклый свет в мою каморку. Глядя друг другу в лицо, мы беззвучно хохотали...

- Развяжи еще...

В каморке моей еще светлее стало. Сержант захрапел. Ради дурачества я просунул под занавеской голову к Полине и давай оглядывать спящих девчонок.

- Чего как кобель в подворотне?

Я не смог сдержаться и прыснул. И тут же рванулся к стенке.

- Завязывай тесемки! - испугалась Полина.

Поднялась возня на нарах, галдеж:

- Шепчутся и шепчутся!

- Пожаловаться надо!

- И надо. Никакого покоя.

Опять тишина и шепот Полины:

- Давай спать, подвинься ко мне поближе...

Наступил тринадцатый день службы, понедельник. День бед и неудач. Начался он с мелких неприятностей - девчонки отчитали нас за хохот ночью. В санчасти меня отругала медсестра, что я на день позже пришел на перевязку.

Припадая на больную ногу, иду в расположение батареи: в нем полное безлюдье, кроме едва маячившего в белой пелене бури часового. По высокой фигуре в полушубке узнаю Полину. «Чего это она вдруг на посту?» - заспешил я к ней.

- Наряд вне очереди отбываю, - с волнением на порозовевшем лице сообщила она. - Тебя к комбату! Иди. Может, поверит, что между нами ничего плохого. Может, гауптвахтой отделаешься. Только вот есть ли там дрова...

Втянув голову в поднятый воротник шинели, я поплелся к землянке, служившей гауптвахтой. Она на отшибе от землянок батарей, на буйном месте, и ветер сорвал с нее снег. Торчит труба из консервных банок, покачивается и скрежещет. Открыл западню - внутри темно и холодно. Дров нет.

Захожу к комбату. У него за столиком старший по батарее, парторг. Без зла в глазах смотрят на меня, и это расслабляет нервы.

- По вашему вызову явился! - бодро доложил я.

- Почему тесемки одеяла развязаны?! - обрушился на меня комбат. - У вас что, роман?

- В дыру шептаться ловчей, - пояснил я.

- Не заправляй арапа! - повысил он голос и поднялся.

- Мы спины грели! Она - мне, я - ей.

- Видал, как?! Ты что, думаешь, я устарел? Не замечаю чернявых, красногубых? Лейтенант не заглядывается на них? Старшина, сержанты?! Если бы мы все так грели спины, служить бы некому было! Их - домой, нас - в штрафную!

- Меня-то чо в штрафную, я солдат! Я думал, солдату можно дружить. Солдат есть солдат. - Молчание. «В точку попал», - подумал я и виновато взглянул на обоих. - Теперя понял, что нельзя. А раньше думал, что можно. Нельзя так нельзя, я и не буду.

- Кто из девчонок выходил к тебе на пост? Честно расскажешь - гауптвахтой отделаешься.

- И простым выговором по партийной линии, - добавил парторг.

У меня екнуло сердце. Я готов был получить любое наказание, но только не разбор на партийном собрании. Чтобы не выдать себя, спокойно пожал плечами.

- Это чо-то новое. Никто не выходил!

- А чернявая?

- Чо ей выходить, я у нее каждую ночь под боком.

Парторг назвал фамилии Нади и Маши. Я сказал, что пофамильно еще никого не знаю...

В землянку влетела запыхавшаяся, в заломленной на затылок ушанке Полина, встала рядом со мной.

- Товарищ старший лейтенант! Не наказывайте его! Я во всем виновата! Я развязала тесемки! Я заводила с ним разговор. Наказывайте меня на всю катушку, хоть судите!

Командир батареи тяжелым взглядом посмотрел на нее:

- Двое суток ареста!

- Есть двое суток! – козырнула зенитчица.

- Шагом марш к дежурному!

- Есть к дежурному! – разворачиваясь, она задержала на мне взволнованный взгляд и вышла.

И больше я ее не видел. Со мной поступили просто, как и надо было - выгнали из батареи.

...И снова с пустым вещмешком за плечами иду на фронт, в свою часть, не зная, где она находится.

От встречного шофера узнал, что наша дивизия стоит здесь, в Знаменке. Пересек сад – передо мной встали хатки со снегом на соломенных крышах; над селом плыли низкие дымки; откуда-то наносило звуки гармони. Неуверенным шагом проковылял по улице. Во дворах - лошади. Пара вороных! «Наши!» – сердце словно оборвалось. Мы взяли их у немцев прямо с котлом каши в районе Орловки под Сталинградом.

Из пробитой осколками трубы кухни валил дым. За плетнем - возня незнакомых солдат.

- Хлопцы! – окликнул я. – Мне Гришу Доброхотова!

- Доброхотов на боевом задании. Когда придет, неизвестно.

- Как мне найти Баранова? – спросил я.

- Он в Москву, в академию послан. Теперь Гаврилюк начальник разведки. Командир дивизии генерал Смирнов. Макаров контужен.

- Кто живой из старых разведчиков?

- Никого, пожалуй, кроме Доброхотова. Все новички, и мы тоже, взвод кубанцев, - с ноткой гордости сказал сержант.

- Два с лишним года здесь служил, думал, опять в роту. Из госпиталя иду, рана за дорогу открылась.

Их не озадачило, что я - старый разведчик, не стали спрашивать, кто я. Выглядели они браво: молодые, краснощекие, шапки на макушках. Разговор не вязался, но уходить не хотелось.

Кто-нибудь же должен предложить мне остаться - разведчику, ветерану роты, сибиряку. Не дождавшись, я вышел из ограды. Колючий комок подкатился к горлу. «Что делать, куда идти? - думал я. - Пойти в разведотдел к Гаврилюку? Он не так уж хорошо знает меня, да и ему здоровые нужны».

Направился в штаб 548-го полка, разыскал второго помощника начальника штаба Куприянова, он уже майор.

- О-о! Давненько тебя не видел, - протянул мне руку. - Чего хромаешь, ранен?

Я рассказал, что возвращаюсь из госпиталя, что был в разведроте и с обидой на все и вся ушел. Что в медсанбат идти боюсь, наступление скоро, раненых будет навалом, могут в госпиталь направить, а там и в запасной полк, но я не хочу.

- В том-то и дело, к прорыву готовимся! - сказал майор. - Слушай! А не лучше ли тебе в артполк? Там и раненых не то, что у нас. Сможешь и в санчасти бывать. Пойми правильно, не обижайся. Ты знаешь, что в пехоте, да еще в разведке, каждый «гвоздик», то есть солдат, на учете.

«Не нужен, никому не нужен! - кричала моя душа, давили слезы, когда я вышел на улицу. - Что делать?! - спрашивал я себя. - В санбат пойду. Нет! Ваську Власова надо найти, узнать, что из дому пишут».

В пятой батарее меня зачислили заряжающим орудия.

Утро 5 января 1944 года. Завтрак раньше обычного, суетня на огневой батарее... Она казалась излишней - стрелять с закрытых позиций проще простого и даже неинтересно.

- Батарея, к бою!

Занимаем боевые места у орудий. Наводчик, земляк мой Вася Власов и замковый Лоскутов прильнули к щитку 76-миллиметровой пушки старого образца. Я - заряжающий, стою между станин, подносчик снарядов Михайлов - за мной. Чуть в стороне от нас командир орудия старший сержант Ординарцев.

- По траншеям противника! - выкрикивает лейтенант Рыбаков. - Взрыватель фугасный!..

Заряжаю пушку.

- Батареей двадцать беглых!

Через щит пушки гляжу в серость утреннего воздуха. На передовой тишина, взлетают ракеты. Зашипели «катюши», давая сигнал о наступлении.

- Огонь! – и артиллерия грохнула по врагу.

Заряжая пушку, верчусь так, как еще никогда в жизни не приходилось вертеться.

Стреляем час. Стволы пушек раскалились - на них обгорает краска.

- По отступающему противнику - осколочным, - слышу голос связиста. - Пятнадцать беглых... огонь!

Впереди все окутано дымом, ничего не видно. «Слепая война, в кого стреляем, один комбат на НП видит», - думалось мне.

Рана у меня так и не заживала. Как говорится, измучила в доску. Днями в бою на ногах, ночами в тесных землянках, не уснуть спокойно. Любое движение выводило из сна. Власов, всегда остерегавший меня, тоже пробуждался или уже машинально рукой прикрывал мою больную ногу, бурчал: «Не наступи, не наступи!»

Семнадцать дней я воюю заряжающим. Отбиваем контратаку противника. Вижу двигающийся на нашу пушку танк. Наводчик Власов, застыв у щитка, ждет его приближения. Танк становится все больше и больше. Сердце хочет выскочить. Командир орудия затравленным взглядом смотрит на «тигра», выкрикивает:

- Хряпай в гусеницу!

Из жерла неприятельской машины снопом вылетели искры. Грохнула и наша пушка. Заряжаю ее. «Тигр» то ли от своего выстрела содрогнулся, то ли от попадания нашего снаряда. Власов снова бьет по нему. Оборачиваюсь, чтобы схватить снаряд, как вдруг оглушающее - жьюх!

- М-м-м! - Зажгло под левой лопаткой, развернуло лицом к пушке, перед глазами сверкнуло, грохнуло, хлестануло воздушной волной, и я упал навзничь на пустые гильзы. - Помогите! Ранило! - Но у пушки никого - ни живых, ни мертвых... «Неужто разнесло?» - пронеслось в гудящей голове. Упираясь рукой о землю, с трудом приподнялся, и опять - жьюх! Сжатая волна воздуха покатила меня на гильзах. У-ух, у-ух! - раздались выстрелы гаубиц, и тут же залп двух орудий 4-й батареи.

С трудом ползу к щели, освободившейся из-под ящиков со снарядами, слышу голос сержанта Ординарцева:

- Давай, давай сюда! - едва высовывая из ровика голову, кричал он мне и манил руками - как ребенка, учившегося ползать. Подскочил ко мне санинструктор 4-й батареи. И только мы спустились в блиндаж, грохнул взрыв - рикошетный осколок ударил меня в руку.

- Опять ранило! - крикнул я, но осколок упал на соломенную подстилку. Ниже локтя алело пятно ожога. Раны не было.

В открытую западню блиндажа рухнул головой командир орудия Ординарцев.

- Шибко ранило?.. Куда? - спросил он.

- В разведроте убитых выносят под огнем, а вы живых бросаете! – упрекнул я.

Он умолк. А когда санинструктор оголил мое тело, командир охнул:

- Напротив сердца угодило! Вот почему ты опрокинулся. Я думал, убило, потому и не подбежал.

...В расположении медсанбата, как всегда, кишело. Ржали лошади, гудели автомашины, стонали, кричали раненые.

Среди ходячих солдат у перевязочного пункта вертелась медсестра с марлевой повязкой на лице.

- Люся! - узнал я ее. По смеющимся глазам понял, что она тоже узнала меня, и закостылял к ней.

- Куда ранен?

- Под левую лопатку.

- Почему хромаешь?

- Старая рана не зажила, - отвечая, я поставил палку к белой стене хаты и пошел за ней в операционную.

- Михайловская освободилась, раздевайся, - Люся помогла снять мне шубу, гимнастерку и нательную рубашку.

С трудом забираюсь на операционный стол, кладу руку под щеку, смотрю вдоль своего тела на Таисию Дмитриевну. Она командует:

- Свет! - ощупывает рану, режет... Очищая старую рану на ноге, говорит: - Не нашла осколок в спине, в госпитале найдут. Или сам выйдет.

В госпиталь не хотелось. Это означало опять потерять свою дивизию. И я упросил Таисию Дмитриевну Михайловскую разрешить мне остаться при санбате с легкоранеными, которых расквартировали по домам в деревне. И поселился с ребятами 5-й батареи - Гошей Голубем и Володей Хариным. Их ранил тот же «тигр», что и меня.

Прошло две недели, а осколок не вышел. Распухло под лопаткой, не заживала старая рана на ноге. Михайловская, выщипывая пинцетом осколки кости, говорила:

- Прошлый раз сколько я их выбрала и опять торчат щеткой. Как иголочки лезут из тела. Рана долго будет гнить. Да и спина... Собирайся в госпиталь! В два часа раненых эвакуируем.

Прихожу на квартиру, а друзья мои с вещмешками в руках.

- Куда вы?! - спрашиваю.

- Дивизию догонять! Она на Корсунь-Шевченковский пошла. Там немцев окружили!

- А меня в госпиталь направляют, - сообщил я.

- Не ходи! Дорогой медпункты, будем перевязываться.

- А ись?

- На «бабушкином аттестате» проживем.

«Бабушкин аттестат» я уже испытал. Не каждая хозяйка накормит, да и не у каждой есть чем накормить. Но опять терять дивизию не хотелось, и я решился идти с ними.

...В феврале наступила такая оттепель, что снег вмиг растаял. Равнины походили на моря. Дороги залиты водой с грязью. А мы в полушубках и валенках. С палками в руках тащимся один за другим. Володя Харин выше нас с Гошей Голубем, он впереди. Солнце закатывалось, Володя поторапливал:

- Не отставайте, не отставайте!

Заходим в Новомихайловку. Оглядывая почерневшие хатки, принюхиваемся, чтобы уловить запах еды.

- Стоп, где-то варят! - сказал Гоша Голубь и, раздувая ноздри, завертелся. - Свеклой наносит.

- И капустой, - добавил Харин.

Идем к хате с дымком над соломенной крышей... У крыльца отряхиваем грязь с полушубков, едва сдираем валенки, помогая один другому - и в хату. За столом - большая семья.

- Приятного аппетита! Добрый вечер, - приветствуем.

Молчат. Надоели им солдаты.

Оставляя мокрые следы босых ног на полу, направляюсь к скамейке, ребята - за мной. Сидим, глядя на детей, старуху, молодую бабу. Все они, понуро уткнувшись глазами в стол, словно с неохотой хлебают из общей глиняной чашки борщ.

- Вот вам и «бабушкин аттестат», - шепотом говорю.

Старуха задержала ложку у рта, и я переменил разговор:

- Чо грязь-то с ушей не обмяли?

- Хрен с ней! - махнул рукой Голубь. - Ночью обомнется. Да-а! - вдруг будто что-то вспомнив, резко повернулся он чумазым лицом ко мне. - Ты недорассказал, как шел по Полтавщине и попал к хлебосольной старухе... Расскажи, пока стол занят.

- Неохота, с голодухи язык не ворочается, поедим, уж потом, - с притворством отнекивался я.

- Кто тебя потом слушать будет, спать же лягем. - Голубь намекнул, что мы и ночевать останемся.

Ребятишки, перестав чавкать, уставились на нас. Молодая баба огрела ложкой старшего парнишку.

- Жрите! - крикнула на всех.

- Та бабуся добрая была, - начинаю «рассказ».

- Почему «была», она что, умерла?!

- Бомбой разнесло их хату.

- Убило! - Гоша бухнул кулаком по колену. - Такую старуху! - покачал головой. - Какая же неразборчивая смерть. Добрых прибирает, хреновые живут, - и посмотрел на старуху, застывшую за столом. - Вспомяни добрым словом, как она потчевала тебя.

- Все три дня кормила как на убой, - брешу дальше. - Царство ей небесное! На дорогу сухих фруктов дала...

Молодая что-то сказала старухе и, взглянув на наши босые ноги, вышла из хаты.

- А остальные как тебя принимали?

- Всяко-разно, - отвечаю. - Шибко уж мы, солдаты, надоели. Одни в хату - другие из хаты, одним переспать - другим горилку. Так целыми днями не закрываются двери. А вот все же сочувствие к солдатам у всех есть! У всех, хоть мы и надоели! Не война, так нас, сибиряков, арканом бы не затащили на Украину...

- Да пропади она пропадом! Одна грязь, - нарочито злился Володя. - Гоша, где у тебя хлеб?

- Тебя что, голодуха из ума вышибла? Какой хлеб! Мы же вчера доели. Давайте натощак спать.

- Подождите, я сейчас, - не выдержала старуха и пошла на кухню. - Садитесь за стол!

На душе вмиг повеселело. Шуб на наших плечах как не бывало.

- Хлеба у нас, хлопцы, немае, - предупредила старуха. - Борщ густой, вечерьте. Я еще пидсиплю.

- Вот такая же славная и та была, покойница, - говорю. - Не успею выхлебать, как она подольет. Ну я, конечным делом, ел и ел. Куда только и лезло, по две чашки выхлебывал.

Мы вышли из-за стола с такой же быстротой, как и сели за него. И уже вынули шубы из-под лавки, чтобы лечь спать, как старуха вышла из кухни.

- Вы уже?! А я вам тут - кашку из дыни, - и шмыгнула обратно на кухню.

- Тьфу ты! - досадовал Гошка. - Поторопились! - И окликнул старушку: - Бабусь, дыню утром съедим. Спасибо за ужин. Портянки, валенки бы нам подсушить.

- Давайте, я их в печку, - отозвалась та...

Утром морозец слегка прихватил грязь. Идем по улице к толпе солдат без головных уборов.

- Братская могила, - говорит Харин. - Надо поклониться.

Холмик совсем свежий. На затесанном стволе дерева химическим карандашом выведено: «Тут похоронены отважные разведчики».

- Наши! - крикнул я.

Солдаты у могилы расступились, пропуская меня. Не отрываю глаз от надписи, но не читаю, боюсь встретить знакомые фамилии.

Харин бурчит позади:

- Похоронены... старший сержант Иван Мамонтов, Юрий Шибанов, Григорий Доброхотов.

- Гриша! Друг мой... Погиб! - Перед глазами стоял Гриша. Вспомнилось, как он с товарищами приходил в медсанбат хоронить меня и вдруг, встретившись со мной взглядом, вскрикнул: «Живой!» А прощаясь, говорил: «Лечись, выздоровеешь - догоняй нас, я тебя буду ждать». - «Вот и догнал я тебя, - с горечью на душе мысленно отвечал я ему. - Гриша, как же так?..»

Потом я узнал от разведчиков, что Гриша и Юра Шибанов с Иваном Мамонтовым во главе ушли в тыл врага на связь с партизанами. Выполнив задание, вернулись в роту и в Новомихайловке попали под артиллерийский обстрел. Укрылись в погребе, куда и влетел снаряд.

На затесе дерева, служившего памятником, дата гибели: 22.01.1944 года. В этот же день и тут же, в районе Новомихайловки, я был ранен четвертый раз.

Стоя у могилы, говорю ребятам:

- Собирались жить после войны под одной крышей. И вот она, крыша - земляная, в разных местах. Борис похоронен на днепровском «острове смерти», Гриша тут. А где моя будет, бог знает!

- Да-а, - тяжело вздохнул Голубь. - Ты жизни не жалеешь, а тебе початок кукурузы не всяк даст. На кой бы черт нам тащиться по такой грязи! Лежали бы да лежали в санбате или в госпитале. Не-ет, что-то там внутри управляет тобой, двигает, толкает тебя туда, где смерть на смерти!

- Видно, брат, толкает солдатский долг! - добавил Харин. - Как нечистая сила двигает тобой!.. Пошли!..

Идем неделю. Все дни - полуголодные, спим - где и как придется. Для меня это было не внове. Такую жизнь я уже испытал, только теперь сильнее, чем тогда, донимали раны.

Ковыляем в конце обоза. Встречный ветерок обдает нас то вонючим конским потом, то запахом походной кухни. С нетерпением ждем, когда ездовые свернут куда-нибудь с дороги и будут обедать. А они, шлепая по грязи, все еще бойко покрикивают на выбившихся из сил лошадей, на подъемах хватаются за повозки и помогают им выбраться наверх.

Коротыш повар то и дело открывает кухню, подсаливает, снимает пробу, из котла валит пар. Расстилаясь над обозом, он пьянит нас. С трудом обгоняя подводу за подводой, равняемся с трофейной кухней на два котла, в голос приветствуем повара:

- Здорово, кок!

Тот, откинув ушанку на затылок, неприветливо спрашивает:

- Чо-о?

- Здорово! - говорю. - Кормить скоро будешь?

- Скоро!

- Хорошо, поедим! - потираю руки.

- Кто поест, а кто посмотрит, - ошарашил кок.

- А ты разве не хочешь? - изумился Харин.

Гладкое лицо повара расплылось в улыбке.

- Ну покорми! Налей хоть котелок, - просили мы.

- Не-е, паря, не-е! - мотал увесистой головой повар.

«Паря» говорят в Иркутской области и Забайкалье, и я ухватился за это слово:

- Слушай, паря, ты мой земляк, накорми! - Срываю из-за спины вещмешок. - Ты, паря, случаем не из Братска? - сунул ему котелок. А он, ерзая на кухне, чуть не вышиб котелок из рук, заорал:

- Вы чо, из голодной дырки вывалились? Вы не нашей части, откуда я на вас суп возьму? У меня только на своих паек!

- Хоть черпак на троих!

- Да ну его! - крикнул Голубь. - Хряк ты откормленный!..

Заорали повозчики:

- Эй, эй! Чего вы? - вмиг окружили нас. - Вы что тут штурмуете?! - и оттеснили нас от кухни.

Идти не было сил. Обоз скрылся из виду...

Позади гул моторов, лязг гусениц. Понимаем, что танки настигают, но не сворачиваем с дороги. Лишний шаг - лишняя потеря сил.

Выдирая из грязи то одну ногу, то другую, едва плетемся, не оглядываясь. Танк грозно рычит за спиной.

- Эй, пехота, давить, что ли?!

Бросаю взгляд через плечо. Из башни торчит голова в шлеме.

- А ну с дороги! – требует командир танка.

Оборачиваемся к танку, кричим:

- Подвези! Идти не можем! Возьми!

Танкист, выбравшись из башни, сел на лобовую часть, оттопырил ухо шлема.

- Возьми-и! - просим в голос.

- Куда вам?!

- На фронт!

- Садитесь!

Он думал, что мы живо заберемся на танк, и тут же полупогрузился в люк, а мы едва карабкались.

- Быстрей, быстрей! Чего как неживые, откуда вы такие?!

- Из санбата убежали! Своих догоняем.

- Вот патриоты! Толку-то от вас, - и он скрылся в машине. Захлопнулась крышка люка, зарычал мотор, и мы тронулись.

Четыре «тридцатьчетверки», задрав стволы, с дистанцией не менее пятидесяти метров прут на полной скорости и настигают обоз. Повар с черпаком стоит над густо парящим котлом. Равняемся с ним, Голубь командует:

- Огонь!

И мы с выкриками:

- У-у, чурка с глазами! Оглоед! Скряга! - бросаем в него палки. От неожиданности повар срывается с кухни и падает в грязь. Мы хохочем. Видим, как хохочут и ездовые.

Обоз длинный и танк переваливает через правый по ходу кювет. Едем полем. Поудобнее приваливаюсь к башне, засыпаю...

- Воздух! - слышу сквозь сон. - Воздух! - от удара в плечо открываю глаза. В голубом небе, залитом яркими лучами, разбросав крылья, словно коршун, шел самолет. Танк резко затормозил, развернулся на 180 градусов, двинул через кювет, нырнул в него, вздыбился, как лошадь, и с пробуксовкой перевалился на дорогу. Опять нырнул в кювет и рванул к лесу, вдоль которого тянулась узкая полоска неубранного осенью мелкого подсолнуха.

Бомбардировщики заходят в хвост обоза и танков, растянувшихся по шоссейной дороге. Нас настигает пикирующий «мессершмитт», за ним - другой. Обмениваюсь взглядом с Володькой и Гришкой: «Прыгаем!»

- Головы! - только и успел я услышать голос танкиста, как что-то сильно стукнуло меня по затылку, я полетел

вниз, бухнулся во что-то мягкое, обжигающее лицо, руки, и тут же сообразил: «Снег!» Харин - рядом со мной. Танк с треском врезался в гущу леса. «Мессершмитт» строчит, проходит над верхушками деревьев.

- А-а! - слышу странный крик Гошки.

- Висит! - кричит Володя. - Висит!

Не понимая, что висит, гляжу на удаляющийся «мессер» и приближающийся к лесу другой. Огневая струя хлестанула в ствол дерева...

- А-а-а-а-а! - опять крик Голубя.

Харин барахтается в снегу и вскакивает:

- Висит! Виси-ит!

Вижу в воздухе дрыгающиеся в грязных валенках ноги.

- Гошка! - бросаюсь к нему. На ходу танка сук пронзил ему воротник полушубка, и Гошка повис на дереве. Висит высоко, не снять.

- Рванем! - предлагает Володя.

Хватаем Гошку за ноги, дергаем. Полушубок трещит, а сорвать не можем - сил нет.

- Бери за полы! Разом! - командует Володя. На этот раз мы все трое валимся в снег. Лежим. Гоша с оголенными плечами между нами. Мы оторвали от его полушубка не только воротник, но и большой кусок лохматой овчины. Смерть отступила, мы смеялись:

- Ты, Гоха, был как Иисус Христос на распятии!

Но другу нашему было не до смеха. Тряслись губы. Он открыл рот, долго заикался и не мог ничего сказать.

От встречных узнали, что наш полк на днях располагался в Майдановке и Будище. Это в десяти километрах от окруженных немцев. На другой день полк уже под Рыжановкой в составе 31-й стрелковой дивизии. Слышим от раненых радостную весть: «Немцы в пургу, ночью большой толпой пошли на прорыв, - рассказывал молодой солдат. - Наши пропустили их и устроили им «кузькину мать». Старые солдаты говорят, что даже под Сталинградом такого не было! Ишо таких две-три бодни и войне капут!..»

- Догнать! - ободренный рассказом солдата, крикнул Володя Харин. - Вперед, за мной!

Приходим в деревню Майдановка. Улица ее, как и во всех деревнях и селах, которые мы миновали, в колдоби-

нах, воронках, заполненных сплошной грязью, того и смотри, что уйдешь по уши! Идем с осторожностью, видом своим будоражим собак, они лают на нас. Особенно на Гошку Голубя. Шуба на нем без воротника, с торчащими клочками серой овчины на плечах, без поясного ремня. Вытянув шею, он, как и мы с Володькой Хариным, крутит головой, принюхивается к запаху еды, присматривается то к одной, то к другой давно небеленым хатам. Смотрим: стены, окна забрызганные - не заходим. «Лентяи несусветные, - рассуждаем, - Стекла не протрут! У таких не пожрешь!»

В каждом селе по виду усадеб мы определяли, может ли быть еда в этой хате. И заходили в такие, которые были на вид чище других, в ограде прибрано. И почти не ошибались.

Оглядываем Майдановку. В конце улицы ярко белеют стены хаты. Наискосок, по луже шлепаю к ней. Ага, окна начисто протерты, плетень починен, в ограде порядок. Значит, тут и кусать есть что. Машу отставшим от меня спутникам, а парнишкам на улице показалось, что я их зову, бросились ко мне, кричат:

- Тута Шемены живуть! Маты с дивкой!

- Как девку звать?

- Вера!

- Ага, надо запомнить, - ныряю в калитку, сажусь на ступеньку крыльца, разуваюсь.

Приплелся Харин. Шмыгая носом, спрашивает:

- Чо, унюхал? Или...

Распахнулась дверь хаты, вышла смуглая девушка, за ней худощавая женщина лет сорока.

- Вера! Мамаша, - говорю. - Мы из окружения вышли.

Девушка смутилась.

- А-а-а вы як знаите мене?

- Да мы ж из вашего села на окружение немцев пошли! - кивнул головой на Голубя. - И вот видите, сами в лапы попали, едва вырвались. Воротник от шубы в руках фрица остался.

Мать всплеснула ладошками:

- Бог ты мий! Заходьте в хату, заходьте! - открыла настежь дверь.

Переступаем порог. Земляной пол посыпан сереньким песком.

- Проходьте, проходьте, раздевайтесь! - говорила нам в затылок хозяйка.

Тут нам не пришлось рассказывать, где, кто и как кормил. Даже помыться не успели, на столе уже стояла еда. Ели, как никогда, устало, молча, не видя ничего, кроме красного от свеклы борща. Спать уложили нас на объемистую русскую печь. Впервые за дорогу сняли гимнастерки, ватные брюки. Хозяйка предложила:

- Давайте мы с дочей ваши гимнастерки постираем!

- А вдруг у нас вши? - предупредил Володя.

- Та шо, мы вшей не бачилы! - откликнулась хозяйка. - Снимайте!..

Ночью, когда мы крепко спали, она, растолкав нас, вполголоса говорила:

- Сдирайте кальсоны! Сдирайте! Бросьте на пол!

Отсвет с кухни тускло падал на Веру, посапывающую на кровати, и мы, украдкой глядя на нее, снимали с себя последнее, а скомкав, бросали на пол - спали голые.

...Земля все глубже прогревалась. Грязь размесилась по колено, а наши пошли в наступление. Идем следом за ними на Умань. Едем на тягаче с дальнобойным орудием. Грохот войны чуть впереди.

- Вечером будем в своих батареях, - потирая ладони, говорит простуженным голосом Харин.

Подъезжаем к траншеям, из которых наши только что выбили немцев.

- Переобуться бы, - говорю. - С мертвых снять.

Видим разбитую немецкую батарею. Блиндаж разворочен не то бомбой, не то крупнокалиберным снарядом. Из-под земли торчат обломки плах и бревен. Между станин орудия без ствола - воронка, трупы. Оглядываем сапоги с широченными голенищами на убитом фрице. Он лежит навзничь, с разбросанными руками. Володька, дергая с него сапог, кряхтит:

- Не-ет, бра-атцы! Не могу. В ране боль отдается. Может, на других свободнее сидят.

Пробуем снять с другого, третьего - не получается, силенок нет...

- Тьфу! - стряхивая с рук грязь, брезгливо плюнул Харин. - От дальнобойщиков отстали. Теперь опять шлепай по грязи.

Рычания тягача уже не слышно. На поле - тишина. Молча садимся на валявшуюся в стороне от огневой станину разбитого орудия, прислушиваемся к доносящемуся до нас грохоту.

- Ко-ом... - послышался слабый голос.

Мы завертели головами.

- Ко-омра-ад!

Вскакиваем. За обломками бревен, вывороченных из блиндажа, барахтается человек.

- Фриц! - говорю. - Видно, раненый!

Подходим к лежащему на спине саженного роста немцу с раздробленными ступнями, обескровленным чумазым лицом.

- Чего тебе? - спрашивает Харин.

- Ка-апут, ка-апут! - скорченным указательным пальцем тычет в свой широкий, изрезанный морщинами лоб. - Ка-апут.

- Ага! Пулю просишь? Курить есть? - И Харин поднес к губам два разведенных пальца, глубоко вдохнул воздух. - Курить!

- Я... я, - понял фриц. Обессиленной рукой он вынул из кармана шинели серебряный портсигар, протянул Харину. Из другого кармана достал зажигалку.

Садимся возле него на бревно, разглядываем сигареты.

- Болгарские! - говорит Харин.

- Всех обобрали, гады! - протянул немцу сигарету. - Закури!

Он, закрыв глаза, выдавил:

- На-аин.

- Закури-и! - сунул ему в рот сигарету. Лязгая зажигалкой, нахваливал ее: - Гут, как «катюша»! Гу-ут!

Немец горько усмехнулся, прикурил.

Жадно затягиваясь табачным дымом, смотрим на него.

- Капут мы тебя не будем, - говоря ему, трясу головой. - Не будем! Сам умрешь.

Он нервно заворочался с боку на бок:

- Капут! Капут!

- Не будем убивать! - подтвердил Харин. - Перед смертью, может, вспомнишь, что ты у нас натворил? Сколько хат пожег, детей, старух пристрелил!

Мы поднялись. Он схватил Володьку за ногу и задыхающимся голосом:

- Комрад! Комрад! - трясущейся рукой отбросил полу шинели, вынул часы. - Комрад... капут, - и обмяк, потеряв сознание.

- Черт возьми! - вздохнул Володька. - Нанять за часы хотел! Давайте положим его на плаху. Выживет до санитаров, значит, счастье его.

- Где выживет, кровью истек.

- Ну и хрен с ним! Туда ему и дорога. Никто их сюда не просил.

Вроде не так уж долго провозились мы, пытаясь снять с трупов сапоги, да покурили, а грохот орудий умолк.

- Неужели опять ходом вперед пошли? - говорю.

- А что еще?! - огрызнулся Володя. - Тебя послушали. Переобуться надо, переобуться...

Дела наши стали куда хуже. Сутками идем голодными. Отступая, немцы взорвали склады с продовольствием, на ходу грабили села, деревни.

В медпункты хоть не заходи. Как только начнут перевязывать, так сокрушаются: «Какой фронт, в госпиталь надо!» Согласиться - значит смалодушничать. «Не-ет, теперь уж до конца, - решили мы. - Все равно дого-ним...» А тут, как назло, пурга с мокрым снегом. Хлещет в лицо, едва не валит, снег забивается под воротник. Гошке нечем лицо прикрыть - воротника нет, и он боком пробивает стену бурана, крутит головой, клонится к земле.

Больше недели прошло, как он получил нервное потрясение, а все не вступает с нами в разговор, нарочно отстает от нас. Видно, пробует говорить.

Приходим в Умань. Улицы и проулки запружены техникой, усыпаны бумагой, письмами, фотокарточками, листовками на украинском языке. Нигде ни единого взрослого человека. Подходим к стоявшим у низенькой хатки ребятишкам, спрашиваем:

- Тут кто-нибудь живет?

- Дида с бабой. Дида на поминках, баба дома.

- Вона безумна, нимиц ее прикладом вдарил, - объяснили мальчишки.

Заходим в хату. Топчемся у порога, разглядываем обстановку. Деревянный пол замусорен. Неприбранная койка. На столе, что в переднем углу, глиняная чашка. У потолка божничка с иконами, засиженная мухами. Из кухни, кособочась, дрожа телом, вышла тщедушная старушка.

- Здравствуй, бабушка! Переночевать можно? - сбрасываю заплечный мешок с котелком, брякаю о косяк двери. Старуха вздрогнула.

- Бабуся, не бойся, мы - свои, - поспешил успокоить ее Харин, но она трясущимися руками закрыла изуродованное параличом лицо, бухнулась на колени.

- Бабушка, что с вами! - Володя поднял ее. Она заводила костлявыми плечами, словно оказывая ему сопротивление. Он выпустил ее. Старушка попятилась и скрылась за русской печью.

- За фрицев нас принимает... Пошли отсюда!

- Ни... ни... куда не пойду! - вдруг сказал Голубь и, подойдя к лавке, стоявшей вдоль стены с двумя окнами, опустился на пол. Подложив вещмешки с котелками под голову, мы легли рядом. Кухня перед глазами. Безумная старуха, будто играя с нами в прятки, крадучись прижималась к русской печке и взглядывала на нас.

Пришел худенький, во хмелю, старик. Покачивался и едва ворочал языком:

- О-о-о... добри люды!.. Добри люды, - держась за спинку кровати, тяжело сел на постель. - Бачилы, шо зробыли нимцы? - замотал головой. - О-о, душегубы!

Старуха, вынырнув из кухни, заверещала нечеловеческим голосом, бросилась к старику. Он, успокаивая ее, торопливо смахивал рукавом рубахи слезы с ее лица, причитал:

- Зналы бы вы, яка у нас з нею боль... Яка боль! - опираясь руками о свои колени, поднялся. - У мене горилка е, для наших гнал. Ждалы, ждалы, - вышел из хаты. Вернувшись, продолжал: - Чуемо, шо наши близенько. Горилку вси, вси гналы. Ждалы к празднику - Восьмому марта. Дивки, бабы нарядились, давай сноватэ одна к другой. Утром соседка прибегла к нам, плачет: «Дед Микола, дед Микола! Наши пришлы, дочку снасиловали!» - «Як наши?!» - «Наши, с Сибиру солдаты! - говорит. - В шубах, валенках воны!» Дед сжал ладонями щетинистое лицо, взвыл: - Бог ты мий! До-

ждались своих. - Открыл лицо и, враждебно глядя на нас, спросил: - Бачилы, шо улицы у нас безлюдны? Червону армию пугаются, из хат не выходют!

Мы заерзали на полу.

- Неужели наши?! – не поверил я.

- Сидайте вечерять, слухайте! - ушел на кухню, принес в чугунке тушеную фасоль: - Вот усе, шо нимцы не поелы. Як воны драпали отсюда! - опять закрыл лицо, мотая лысой головой. - Як тикалы! Заскакивалы в хаты - и в русскую печь: вынималы чугунки, горшки с едой и з ними тягу. Усе пожралы, гады! Ешьте...

- Да после такого рассказа в глотку не полезет, - сказал Харин.

- После якого рассказу?

- Да про насилование...

- А-а, я уж забув! Тот день тилько и гутарили за русских та плакали, шэ дождались своих, а они... Да их нэмае, нимцы спокойно по городу ходють! И опять крик: «Наши в шубах магазины граблять!» Иду, дывлюсь - они мануфактуру с магазина выносють. И тут цивильные признали одного в шубе. У него бородавка на носу як муха черная сидит! Оказалось, это русские казаки! Они служили у нимцев! Нимцы, видно, и приказали им переодеться, насиловать и грабить, будто это передовые войска русских. Говорят, шо они же, казаки, и полицаи за день до прихода наших расстреляли цивильных за тюрьмой.

- Много? - спросил я.

- Дюже много! Ни знамо, скилько. Поначалу, як пришли нимцы, сразу же давай евреев семьями сгонять в склад, - развел руками. - Полон набили его малыми и старыми. Якой же крик був там! День и ночь выли бедные! И уси задохлись, померли... - Старик шаткой походкой прошел по хате, сел на кровать к старухе. - Началы душегубы девок, парубков в Германию угонять. Як звери влетели в хату и старшую дочку схватилы. Маленькая дочка бежать, один за нию и тут слышу - очередь, - тело старика вздрогнуло, он зарыдал.

Старуха разревелась, хлеща себя по коленям. И вдруг, прячась от нас, укрыла голову байковым одеялом.

- Вона вот бросилась к маленькой дочке, упала на нее, завыла. Нимиц, собака, схватил старуху за волосы, а она

ни в какую. Он прикладом и вдарил ее по затылку... - Смахнув слезы, продолжал: - Тысячи людей угналы в Германию! Тысячи! Город наш совсем пустый. И в Умани предатели оказалысь... Полицаями служилы у нимцив. Говорят, главного поймалы партизаны...

В хате стало темно. Легли спать на пол, а дед зажег свечку и давай со старухой креститься перед иконами, нашептывая молитвы... Потом он улегся, а она, встав на колени, продолжала махать перед собой рукой, боязливо озираясь. При малейшем шуме на улице старушка вздрагивала и еще лихорадочней крестилась. Бледное пламя свечи бросало зловещие отблески на ее морщинистое, перекошенное лицо. Ее поведение действовало на нас, и мы никак не могли заснуть. К тому же донимал холод. С босыми ногами лежать на голом полу не ахти приятно. Но усталость, ночь, стакан выпитой горилки свое взяли, и я заснул. Не знаю, сколько был в забытьи. Проснулся от скрипа двери. Голубь кивнул головой на бродившую по хате старуху, оказавшуюся в шубе.

- Ну и что? - спросил я его.

Старуха, услышав шепот, метнулась на кухню.

- Ба-ба-башку отрубит! - прозаикался Голубь. - На-на улицу ходила, то-то-пор принесла.

- Отрубить не отрубит, силенки не хватит, а изувечить может.

Страшное лицо старухи выглядывало из-за русской печки. Глядя на нее, я задремал. Задремал, как бывало на переднем крае, вблизи врага. Лежишь, вроде спишь и все осознаешь, что происходит вокруг. Вместе с тем, видишь сны, а порой за короткое время приснится больше, чем за спокойную ночь крепкого сна. Сквозь едва сомкнувшиеся веки видел я бродившую по хате старуху, чувствовал лежащего рядом со мной Голубя, и в то же время мне грезились сны. И так - до подъема.

Занималось невеселое утро. Небо покрыто темными, грязными тучами. В ограде лужа. Не осмеливаемся ступить в грязь.

- Идти надо, - сказал Харин и направился к калитке.

Понурив головы, шлепаем по улице. Из мрачных домов под черными, тускло поблескивающими от мокроты кры-

шами то тут, то там вырывался женский плач. Идем к тюрьме, чтобы своими глазами увидеть расстрелянных палачами мирных людей. Позади тюрьмы собралось много народу.

- Маты моя ридная! Шо зробыли, гады! - причитал кто-то.

Пробираюсь на крик. Чем дальше пробираюсь, тем людская толпа становится реже. Впереди - пустота, там песчаная стена карьера. Над карьером полукругом стоят дети. Потупив головы, они со страхом в глазах смотрят вниз.

Вывертываюсь вперед, обо что-то спотыкаюсь. Бог ты мой, труп старухи! Глаза открыты, рот перекошен! Труп молодой женщины! Еще много трупов!

Господи! Не могу смотреть на эту картину. Выбираюсь из кишащей людской массы. Потеряв Гошку с Володькой, иду в обход. С высоты все видно. Люди, отыскивая своих родственников, знакомых, заглядывают в лица мертвецов, валявшихся как попало.

- Вот они! Вот они! - слышу детский голос.

Мальчишка в лохмотьях упал на колени перед трупами лысого старика и молодой женщины со спутанными волосами.

- Мамо, диду! - визжал он. - Мамо!

Рядом с мальчишкой тяжело опустилась на колени сутулая старуха с седой головой, уткнулась в плечо мертвой женщины, зарыдала:

- Доча-а!..

- Ма-амо-о! - плакал мальчишка.

- Пошли отсюда, - слышу обессиленный голос Харина.

И так мы, хромоногие, полуголодные, в глине и соломе, с черными от загара, обветренными лицами подошли к реке Буг.

След наших уже простыл. Округа дышала покоем. На том и на этом берегах зеленели разморенные весенним солнцем кусты тальника. Ровные пашни, расстилавшиеся по обе стороны дороги, покрылись озимым хлебом.

Раздевшись по пояс, моемся в Буге. Холодная вода ободряет нас, мы поем песню:

Я был ранен, и капля за каплей
Кровь горячая стыла в снегу,
Наши близко, но силы иссякли,
И теперь я не страшен врагу...

Голубь пел, не заикаясь, и мы с Хариным стали упрашивать его, чтобы он матерился:

- Любой заика без запинки ругается! Пробуй, лайся и что-нибудь говори!

И он, приседая, сплеча рубанул рукой воздух и понужнул в креста.

- Вот, вот! Так давай, давай ишо!

Сильно осунувшееся лицо Голубя обрадованно засветилось, в усмешке расплылся широкий нос, и он давай выкрикивать. А мы, закатываясь от хохота, орали:

- Давай, давай, Гоха! Давай говори чо-нибудь!..

...Припадая все как один на правую ногу, плетемся гуськом. И вот мы в городе Ямполе. Перед глазами мутный от весенних вод Днестр, бессарабское село Сороки. Мост через Днестр взорван. Идем вдоль берега. Лодки, как собаки, на цепях с замками. Искать хозяев - потеря времени. Камнями звякаем по одному, второму, третьему замку, разбиваем... Перебираемся через реку... Украина позади...

В Бессарабии много русских, и мы, считая их эмигрантами периода гражданской войны, не стыдясь, просим у них еду. В ответ они расспрашивают нас о жизни в России. Не все, конечно, больше те, кто победнее. На Украине мы отыскивали хаты, которые казались справнее других, а тут наоборот. Бедные семьи оказались хлебосольнее богатых.

На окраине Бельцев решили зайти в добротный дом с петухом на карнизе четырехскатной крыши.

- Здорово живем, хозяйка!

- Здравствуйте! - с поклоном ответила краснощекая девушка. - Проходите, гостями будете, - рукой указала скамейку.

- Вот это по-нашенски, по-русски! - сказал Харин.

- А как иначе, я же русская! - с ноткой гордости сказала она. - Извините, что я в таком наряде, - взглянула на свои словно выточенные, без чулок, ноги, на которых и грязная обувь, сшитая из лоскута кожи, красиво сидела. - Снаряды носила.

- Что?! Какие снаряды, куда? - спросил Харин.

- Вашим помогали, - ответила девушка и тут же игриво склонила головку, - нашим! Своим, - рассмеялась. - Не сразу привыкнешь говорить. Грязюка непролазная, кони измучены, повозку едва тянут. И мы, много нас, несли...

- По два снаряда? - перебил я ее. - Перевязали их и через плечо?

- Точно так! И до села, а там у нас их переняли и дальше понесли. А там где-то другие понесут и так, наверное, до самого Прута.

В избу вошел толстяк лет шестидесяти. Неприветливо оглядывая нас, снял выгоревшую на солнце коричневую шляпу. Как гость, потоптавшись у порога, осторожно сел на скамейку.

- Батя, ты не русский? - сидя у стола, спросил Харин.

- Как не русский?! - встряхнул тот седой головой. - Русский!

- А почему не здороваешься?

Наступило тяжелое молчание. Старик то ерзал от наших взглядов, то зло глядел исподлобья. По виду он не походил на хозяина дома. Вертясь у двери на лавке, он, как и мы, издали разглядывал книги, аккуратно расставленные на полках книжного шкафа, бесцельно метал глазами по избе. Его присутствие тяготило нас, так бы и сказал ему: «Ты, мужик, посидел и хватит с тебя, уходи».

Хотелось есть, а девушка все еще возилась на кухне. И вдруг Харин расхохотался:

- Ну, значит, так. Жрать я уже не могу, - завел он разговор о еде, - живот полнехонек, да и глаза уже насытились, а хозяйка горшок сметаны принесла, говорит: «Ах, как жаль, горилку не выгнала».

- Корми ты их! - крикнул девушке старик. - Корми, да выпроваживай! - Старик вышел из дома.

Девушка на кухне расхохоталась:

- Допекли вы его!

- Кто он вам? - спросил Харин.

- Отчим. Я у них как служанка. Боится Советов, говорит, раскулачат, в Сибирь сошлют. Молоко будете? - с караваем хлеба и брынзой в руках она пробежала к столу. - Садитесь, вина принесу, вот творог. Овец полон двор, а в доме мяса нет. Великий пост, нельзя, - и опять бросилась на кухню, и опять беззвучно на носочках бежала обратно с чашкой и графином вина.

- Выпей с нами! - предложил Харин.

- Спасибо! Я не пью! Пейте, ешьте на здоровье!

Хозяин опять ввалился в дом.

- Брынзы еще добавить? – спросила девушка.

- Можно! Я ем до тех пор, пока у меня язык не вылезет, - и Володя показал язык старику.

В районе Скуляни вышли на государственную границу СССР - Румыния. По мосту пересекли бурный Прут.

Родная земля осталась позади. Слышим взрывы - злое напоминание о предстоящих боях, которые еще ни завтра, ни послезавтра, но уже скоро кончатся. Останемся ли мы живыми?

Свесив ноги с обрывистого берега Прута, отделявшего нас мутной полосой воды от Родины, писали домой письма: «Мама, я в Румынии! - писал я. - Земля тут такая же черная, как и у нас. Река мутная, как наша Ока в дождливую погоду. Если Васю Власова не убило, то я его часа через два увижу. У него, наверно, много писем для меня, и узнаю, как вы живете. Где тятя, живой ли он? Раны мои ишо не зажили. Особенно на ноге...»

Положив треугольники в карманы гимнастерок, мы еще постояли, посмотрели через реку на краешек исстрадавшейся, политой кровью родной земли и зашагали по обширной румынской долине...

...И снова я стал разведчиком, только теперь артиллерийским.

Жаркий солнечный день. С биноклем в руках разглядываю небольшой клочок земли на высоте, занятой весной нашим 73-м стрелковым корпусом. Кончается он крутым обрывистым берегом речушки Жижия, а там ровная, широкая долина и река Прут. Впереди нашего НП волнистая, голая, изрезанная балками, долинами, помойными щелями местность. На высоких холмах виднеется город Яссы. В нем - противник.

- Соседи наши, - говорит мой напарник Гена Тарасов. - Слева - 294-я стрелковая дивизия, справа - 50-я.

- По пулемету... гранатой! - вел пристрелку «золотозубый» комбат Кузьмин. - Веер сосредоточенный!.. Прицел 8-4! Первому взводу один снаряд... огонь!

Резкий звук 76-миллиметровых пушек, шуршание снарядов, и на порыжевших от маскировки траншеях противника вздыбились черные столбы взрывов.

Комбат, стоя в наблюдательной ячейке, продолжал командовать по телефону:

- Левее 0-08! Прицел 8-0! Огонь!

К нему подошел наш командир взвода лейтенант Лялин. Взглянув на нас с Тарасовым, тихо произнес:

- Из освобожденных районов Украины пришло две тысячи «гвоздиков».

- Ага! На посту меньше стоять будем! - обрадовался мой напарник. - Сколько к нам человек?

Лялин сердито свел брови:

- Ух ты, ушастый!

- Соловей не воробей, не поймаешь, - глядя вперед, говорил комбат. - Сколько обещают?

- Не сказали. Велели идти получать.

- Сейчас накроем пулемет. Правее 0-04! Прицел 8-2! Батареей два снаряда, пятнадцать секунд... выстрел! Огонь!

Всегда вот так командиры при нас зашифрованными словами говорят. Думают, что солдаты тюхи-матюхи, не поймут.

- Новичок! - окликнул меня комбат. - За мной! - и выбросился из траншеи на бруствер. Идя следом за ним, ворчу:

- «Новичок, новичок!» Какой я новичок, целого места на теле нет!

- В батарее ты новичок! - полуобернувшись, сказал Кузьмин. И усмехнулся: - Сейчас получим пополнение и станешь «старичком»...

У речушки Жижия, в кустарнике, пестрели одеждой гражданские парни, а среди них, в засаленном обмундировании, солдаты и офицеры. Командир артполка майор Репин, оживленно расхаживая, говорил:

- В каких огнях только не была наша дивизия и нигде, ни на шаг, не отступала! При разгроме Корсунь-Шевченковской группировки один из пленных спросил: «Что за дивизия разбила нас?» Ему ответили: «Сибиряки свернули вам шею!» Немец упавшим голосом говорит: «Наша дивизия была непобедимой. Я из 196-го полка». И как вы думаете, почему он так сказал? - Репин окинул взглядом парней. - В годы Первой мировой войны в 196-м полку 57-й дивизии служил в чине ефрейтора Адольф Шикльгрубер - будущий фюрер фашистской Германии Гитлер...

После Репина выступил замкомполка по политчасти майор Масленников.

Никто из выступающих не сказал новичкам, что враг готовится к крупному наступлению, о котором мы, бывалые солдаты, уже знали.

29 мая, ночью, наш левый сосед взял «языка». На допросе выяснилось, что немцы должны наступать завтра. Что в Яссах сосредоточено до 500 танков. Что приезжала в Яссы румынская королева Елена, обещала много самолетов, другой техники и требовала, чтобы советские войска были опрокинуты с высот в Прут, а потом и выброшены за Днестр.

Новичков ожидало боевое крещение...

Идем на НП, там, как всегда вечерами, скрипит гармонь.

- Ох и давно же я не плясал! - сказал Кузьмин. Нырнув в землянку, он крикнул: - Сторонись!

Парни с шумом расселись на земляные нары. Черное от загара лицо комбата засияло в улыбке, заискрились во рту «золотом» вставленные зубы.

- Цыганочку! – он с форсом сделал гармошкой давно нечищенные хромовые сапоги.

Связист Павел Задороженко выпрямился, растянул двухрядку.

- Эх, по кругу бы пройтись! - бросил Кузьмин, делая плавный выход. Согнув ногу, трахнул ладонью по колену. Отбивая чечетку, рвал ногами землю, которая летела в разные стороны, хлестала в стены, гармониста, нас, сидевших на нарах.

- Давай, давай, комбат! - мы прихлопывали ладонями.

Он взглядывал в бревенчатый потолок, кричал:

- Башку бы не разбить! - потом, тяжело дыша, сел.

Наступила тишина.

- Чего носы повесили?! Теперь не сорок первый, не страшно. Подготовились неплохо. Выстоим!

- Вы-ыстоим! Играй, Пашка! - опять зашумели мы. - Споем!

Сержант Михаил Шевелев запел:

Посеяла огирочки
Близко над водою...
Сама буду-у-у поливаты... -

и тут голос его неожиданно сорвался.

...Теплая звездная ночь. Лучи прожекторов беспрерывно скользят по небу. С низин и оврагов поднимается туман. По-ночному звонко стрекочут кузнечики. Вдруг в тишине грохнул орудийный выстрел. Наостряю слух, зрение, чтобы уловить, откуда бьет пушка и зафиксировать ее. Но она заглохла, снова тишина. Даже букашки замерли. С низин, все выше и выше, поднимался туман, окутывая нашу гору, казавшуюся безжизненной. На самом деле она была усеяна командными и наблюдательными пунктами, и, конечно, в каждом не спали разведчики.

Какой-то шорох в траншее. Вскидываю на руку автомат, окликаю:

- Стой, кто идет?!

- Свои, - отозвался комбат. Подойдя, спросил: - Ну как?

- Жуткая тишина!

- Всегда так перед бурей.

Из пелены тумана вылетела ракета и, искря в прозрачном воздухе, повисла. Лихорадочно застрочили пулеметы противника, осыпая трассирующими пулями траншеи нашей пехоты.

- Разведчики не спят, - сказал Кузьмин. - Надо знать, какая черная сила обрушится на наши головы... Давно заступил на пост?

- В час ночи, - ответил я.

Комбат ушел. Пристально оглядываю окрестности. На востоке заметно обелилось небо, и лучи прожекторов поблекли. Прошло еще какое-то время. Хотя я и должен стоять бессменно до утра, но от тревоги на душе то и дело посматриваю на часы. Уже без трех минут пять. Снимаю с груди автомат – шея устала от тяжести. Укладываю его на бруствер наблюдательной ячейки, и вдруг – ослепляющее зарево.

Оглушительный грохот расколол застоявшийся воздух. Земля дрогнула так, что колыхнулась стереотруба на бруствере.

- Тревога! - крикнул я, не слыша своего голоса.

Комбат, комвзвода, мой напарник Тарасов влетели в наблюдательные ячейки. Небольшой ухабистый плацдарм мгновенно утонул в дыму и пыли. Немцы наносили удар по высоте 158, высоте с монастырем и по траншеям пехоты.

Черные фонтаны взрывов перемещались, придвигаясь все ближе к нашему НП. Мы с Генкой, приседая, глядели вперед, поверх расколыхавшейся травяной маскировки.

Еще не совсем посветлело, а вражеские бомбардировщики вороньей стаей шли прямо на нас. Одномоторные черные румынские самолеты, прозванные «костылями», повисли над нашей высотой. Передний камнем пошел вниз, кувыркнувшись, оказался вверх колесами и, как из корыта, высыпал бомбы.

- Ложись! - крикнул комбат. - Ложись! - а сам, даже не пригнувшись, смотрел туда, где все тонуло в брызгах разлетавшейся от мин и снарядов земли.

«Костыли», один за другим опрокидываясь, вываливали на нас бомбы. И тут какой-то дикий, режущий уши звук поразил меня.

- Бочки! Бочки! - кричал мне в ухо Тарасов.

Желтокрылые двухмоторные самолеты вместе с бомбами выбросили бочки: медленно снижаясь, они свистели, выли. И что-то еще длинное, непонятное быстро летело вниз, визжало, будто поперечная пила, только в сотню раз звучнее, с шуршаньем, отчего даже воздух завибрировал.

- Рельсы, рельсы! - кричал Гена, тыча пальцем в небо.

Высоту 197,6 бомбили одномоторные немецкие самолеты. С ревом сирен они атаковали в пике. И все это - дикие звуки дырявых бочек, железнодорожных рельсов, визг бомб, гул моторов, рев сирен - заглушали взрывы снарядов.

Надменно кружились «рамы», сбрасывая листовки. «Рус, сдавайтесь, а то в Прут утопим!» Немцы предпринимали все, чтобы только посеять в наших частях панику. С высот обороны противника двумя колоннами шли по ничьей земле «тигры», «пантеры», средние танки. Они на ходу вели огонь, за ними следовали автоматчики.

Наши пушки впереди НП – на прямой наводке. Там черные фонтаны взрывов, пыль, дым. Не видно, где немцы. Комбат в расстегнутой чуть не до пупа гимнастерке – злится, что ничего не рассмотришь, кричит на нас с Тарасовым:

- Вы-то должны видеть, у вас глаз наметан, вы же разведчики! Выгоню к черту!

Все нервничают, кроме командира взвода Лялина. Нарушилась связь с промежуточной, а он с напускным спокойствием говорит мне:

- Дуй к Судьину! Тут все равно ничего не видно! Останься с ним на промежуточной. Нужен будешь, позвоним!

Схватив провод, стремглав бегу исправлять разрыв. Наладив связь, опять бегу, прыгаю в ровик к толстяку Судьину. Он, согнувшись над телефонным аппаратом, кому-то надрывно орет в трубку:

- Немцы прорвались! Идут на высоту 158! Идут на высоту с монастырем!

Высоты вдаются в долину реки Прут. Взяв их, немцы зайдут к нам во фланг и будут простреливать огнем тылы наших порядков.

- Нарушилась связь с Репиным! - кричит мне Судьин. - Дуй, я уже набегался!

Бегу по высоте Будэу-Импуцыт, ее бомбят «костыли»... Вот уже НП комполка Репина, а порыва нет. «Костыль» вверху кувыркается, летят бомбы, траншеи от меня в пяти-шести шагах. Изо всей мочи рву, с ходу ныряю, ударяюсь головой в кого-то, сбиваю с ног.

- Тебя чо, «костыль» сбросил?! - шарашась на дне траншеи, заорал на меня конопатый Алешка Лапшин.

- Здорово! – кричу. - Давно тебя не видел!

- Пошел на хрен! Как бомба, саданул в горбушку.

- Шмонин, Шмонин! - вырвался из блиндажа голос Репина. - Отстоять, во что бы то ни стало отстоять высоту!

Последний «костыль», перевернувшийся над НП, высыпал бомбы. И только они взорвались, спрашиваю Лапшина:

- Где ваш телефонист?

- Убило! - кивнул головой вдоль траншеи. - Вон лежит!

Возле убитого уже сидел другой связист с подвешенными на голове телефонными трубками.

- Связь есть с 5-й батареей? - спросил я его.

- Есть!

Бегу на промежуточную, а там, откуда ни возьмись, какие-то огромные, с маленькими пушками танки. «Чьи это?!» - екнуло сердце. Танки двигались вдоль ската высоты с монастырем. Обошли нас, идут на соединение с «тиграми». Прыгаю в траншею к Судьину, а он, испуганно глядя на меня, кричит:

- Комбат не видит танки! Спрашивает, как ударить по ним с закрытой позиции! - и сунул мне трубку.

- Алло, алло! - кричу, а в трубке треск, шум, грохот.

Вблизи нашего ровика взлетела земля.

- Где разорвался снаряд?! - послышался голос комбата.

- Они везде рвутся! - отвечаю.

- Пристреливаюсь по вашему ровику!

- Вы убьете нас!

- Не убью! Где снаряд упал? Быстро!

- Сейчас на глаз приброшу! - высовываю голову из ровика, смотрю поверх земли на дымящуюся воронку, на поравнявшийся с нами танк. Сердце колотится со страшной силой: «Сейчас конец!»

- Ты уснул? - слышу. - Где упал снаряд?

- Шагов десять-пятнадцать от танка! Может, больше! - отвечаю.

- Олух! Размазня - не разведчик!

Судьин ерзал на дне ровика:

- Сейчас, сейчас по нам вдарит!

И вдруг в трубке голос Задороженко:

- Чудаки, это танки союзников!

- Откуда нам знать, мы таких ишо не видели! Да это не танки, а черная баня на гусеницах!..

Приняв боевой порядок, танки двинули вперед и один за другим загорались.

- Горят восемь! Тринадцать! Пылают, будто зароды соломы!

Со стороны шоссейной дороги, что идет в Яссы, ползет еще один танк союзников. Против нас остановился. В открытый люк башни выбросился танкист. Спрыгнул на землю, подбежал к нам:

- Где наши?!

- Кто «ваши»?

- Танки!

- Наших не видели, а союзные вон пылают, - показываю на пожарище, которое было похоже на горящие по порядку дома в деревне.

Танкист сменился в лице.

- Все горят! - сорвал с головы шлем. - Кто-нибудь выпрыгнул?

- Где тут видеть! Все в дыму, пыли... Пойдешь - с ходу сожгут.

- Мотор хандрит, отстал... Теперь бы уже горел, - он неторопливо надел шлем, неестественно усмехнулся нам, дескать, прощайте, побежал к своему танку. Проворно забравшись в него, спустился в люк башни и отправился на верную смерть...

Враг потеснил левого соседа - 294-ю стрелковую дивизию, ринулся на высоту с монастырем. Наша пехота отрезала автоматчиков от танков, завязала гранатный и рукопашный бой...

Гитлеровские танки атакуют высоту 162. Рвутся к высоте 158 с деревней Стынка. Артиллерия встречает их ураганным огнем. Как-то по-особому в громоподобный гул вплетается шипящий шум «катюш». Мины с огненными хвостами летят в сторону хребта высоты 158. Серый дым, оторвавшись от земли, выдает «катюши», и на них пикируют вражеские бомбардировщики...

На левом фланге обороны нашей дивизии сорвались назад новички-пехотинцы в гражданской одежде. Командование ждало пополнения, а об обмундировании вовремя не позаботилось. И теперь, пестрея в мутном воздухе, они драпали к огневой позиции 6-й гаубичной батареи.

Командир дивизии генерал Смирнов отдал команду по телефону:

- По своей пехоте... огонь!

Старший батареи Дмитрий Зверев делает огненный заслон... «Пестрые» продолжают бежать.

- Веер рассеянный! Фугасным! Цель 18, уровень 00! Батареей... огонь!

Вал взрывов преграждает новичкам путь. Позади танки противника подпирают их, они мечутся туда-сюда.

Телефонист Фома Петров, стоя по грудь в ровике, кричит в спину Звереву:

- Дать еще! Приказывает генерал! Чтоб другие видели и не сорвались!

- Батарея, три снаряда... беглым... огонь! - Снаряды плюхались перед отступающей пехотой, и она вынужденно залегла. На нее шли танки противника.

- Подкалиберным снарядом прямой наводкой... огонь!

Почти единым залпом грохнули четыре гаубицы.

Дым и пламя - из щелей трех танков.

- Кто промазал?! Не мазать! - орал Зверев, оглядывая расчеты. - Взмахнул рукой: - Огонь!

Колонна танков противника двигает по балке на деревню Стынка, врывается в нее и налетает на сильный огонь двух соседних полков. Сразу несколько дегтярных куполов дыма взлетает в небо! Чтобы помочь соседу и отстоять высоту 158, командир артполка Репин отдает приказ: вывести батарею Капралова для отражения атаки другой танковой группы.

Над высотой и балками у озера Ноу беспрерывно висят вражеские самолеты. Туда же летят сотни снарядов и мин. Кажется, мышь и та не сможет перебежать из норы в нору. Батарея Капралова вихрем несется к деревне Стынка, на хребте высоты разворачивается, останавливается. Та колонна танков, что получила от соседних полков крепкую зуботычину, потеряв при этом одну треть, отходит по балке между высотами 196 и 195. Вторая колонна немцев налетев на водную преграду - озеро Ноу, - ищет обход, а пехота пошла на гребень высоты 158. Чернеющие точками пушки Капралова встречали фашистов беглым огнем.

Уже час дня, а противник, как заведено, не делает обеденного перерыва. Усыпав искромсанную землю пехотой, танками, транспортерами, бронемашинами, теснит наши войска, без обеда хочет сбросить с занимаемых высот.

«Пестрая» пехота бежит к 6-й батарее и ее нечем сдерживать. Осколком повредило противооткатное приспособление гаубицы. Заклинило замок у второй, стрелять невозможно. Поэтому новички минуют батарейцев, бегут дальше - в тыл.

Справа отходит 50-я стрелковая дивизия, слева - 294-я стрелковая. «Мессершмиты» на бреющем полете утюжат их. Немецкие и румынские самолеты, волна за волной, идут и идут, бомбят на всю глубину обороны русских.

Наш артполк действует повзводно - одни обороняются, другие отходят к запасным огневым позициям: гаубичники на «студебеккерах», пушкари на конной тяге, а кто-то вручную катит орудия.

Одновременно с ними, отстреливаясь от наседавшего противника, реденькими цепями отходят ко второй линии траншей стрелковые полки. Командиры меняют наблюда-

тельные и командные пункты. Связисты сматывают провода. Мы с Судьиным, обвешавшись катушками с телефонным кабелем, бежим на НП.

Вижу торчащую поверх бруствера наблюдательной ячейки голову Гены Тарасова, на ходу срываю с себя катушку, бросаю в траншею, прыгаю...

...Немцы, пытаясь не дать нашей артиллерии успеть встать на огневые позиции второй линии обороны, со всех гор, высот, долин, балок - по всему фронту - двигаются вперед, едва не настигая отходивших в последнюю очередь.

Шестая батарея, одна из всей артиллерии нашего 73-го стрелкового корпуса, стоит впереди пехоты на прежней огневой между двух небольших гор в долине, прикрытая со стороны наступающих немцев мелким кустарником. Снаряды противника то перелетают ее, то не долетают. Батарея находится в «мертвом пространстве». Сама же бьет без промаха. Как только какая броня выползет на хребет той или другой горы, так батарейцы влепят в нее 122-миллиметровый снаряд. Впереди и с флангов будто костры горят.

А на высотах с монастырем и деревней огненными вулканами вздымаются в небо взрывы бомб и снарядов. Там все в огне, дыму. Вдруг показалось, что наша артиллерия подавлена, выстрелы заглохли... Высотами овладел противник? Нет, только показалось. На западном скате высоты 158 продолжаются вспышки выстрелов. Там бьет по танкам 3-я гаубичная батарея. Из сплошного грохота пробиваются резкие звуки пушечных выстрелов. Живет и 6-я батарея! Она почти в «мешке» ведет огонь по оказавшимся в конце лощины гитлеровским бронемашинам...

С высоты 158 немцев все-таки опрокинули! Лейтенанту Звереву не видно их. Он забирается на хребет правой горки, метров тридцать позади гаубиц. Командуя по телефону, подбивает еще два танка. Решается исход сражения дня! Не выдержав, противник отходит...

Поле сражения казалось вспаханным. Подбитые танки походили на разбросанные хижины большого селения. На батареях все завалено пустыми ящиками из-под снарядов и гильзами. Артиллеристы едва держатся на ногах. Они до неузнаваемости грязные, обмундирование на них изорвано в клочья... Перевязываются раненые, рядком лежат уби-

тые. Возле пушки нашей батареи стоит «студебеккер». Доставленные боеприпасы разгружает Вася Власов, больше никого не видно.

Комбат Кузьмин, идя впереди нас с Генкой, спросил Власова:

- Где люди?!

Тот, опуская в щель ящик со снарядами, не ответил, даже не взглянул на нас. Сняв с машины последний ящик, выпустил его из рук, зашатался, тяжело поднял согнутые в локтях руки и опустил их словно плети.

- Все, командир! Я свое сделал, - и, как подрубленное дерево, рухнул на землю и тут же захрапел.

Подошел командир орудия сержант Голубь.

-Где остальные? - спросил его комбат.

- Спят... кто где, - с трудом говорил сержант. - Сейчас подниму... соберем в ящики гильзы... погрузим.

Комбат кивнул на лежащего Васю Власова:

- Он один снаряды разгружал, вы все будете собирать гильзы!

- Сколько нас всех-то... – попытался оправдаться Голубь.

Я встал на колени перед Власовым, чтобы разбудить и отвести от машины:

- Вася, Вася!

- Так его не разбудишь, - сказал командир орудия. И подал команду: - Расчеты, по местам!

- Танки! - вскрикнул Власов и вскочил.

- Нет, нет! - обхватываю его руками. - Это не тебе!

Ноги его подсеклись... Оседая, он выскользнул из моих рук и опять сразу же уснул...

- Убитых похороните, - упавшим голосом комбат отдал приказание сержанту.

Двадцать часов нервного напряжения! Двадцать часов войны! Надо было поспать, чтобы хоть немного восстановить потерянные силы. И на рассвете снова драться!

Выполняя приказ командира, прихожу в тылы нашей батареи. Тут - тишина. В кустарнике над речушкой Жижия храп ездовых. Сидящий на телеге часовой не окликает меня. «Кто же это? Напугаю!» - бросив автомат за спину, подшагиваю к нему. Винтовка у него на коленях. Берусь за ствол. «Спит, гад! - заглядываю ему в лицо. – Вот, тыловая крыса, развесил губы, не слышит!» Тьфу! - и плюнул ему в ухо.

- Ва-ай! - по-собачьи гавкнул часовой и нырнул с телеги. Коленом прижимаю его к земле, шепчу:

- Ти-ишь, себя выдашь!

- Пусти-и! - кричит.

- Кто там? - раздался оклик и из-под другой телеги вынырнул старшина. - Кто тут?!

- Я! За ездовым пришел. Быстро надо!

Ездовые, услышав разговор, с шумом выскочили из кустарника, бренча удилами узд, бросились на пастбище за лошадьми.

Часовой опять забрался на телегу.

- Напугался? - спрашиваю.

- Не подходи! - угрожающе затряс он винтовкой. - Ишо шаг и с ног брыкнешь.

- Тебе надо бы его пригвоздить к телеге! - зло сказал мне старшина и ушел.

Ездовые быстро пригнали лошадей, захомутали. Подхожу к спокойно стоящей саврасой кобыленке Василия Чикурова, чтобы сесть на нее, а он:

- Ты бы лучше на другую сел.

- Какая разница, - говорю.

- Нет, нет, возьми у ребят! - просил Василий, но я все равно сел верхом на Саврасуху. Едем с ним рядом. Он на темно-гнедом битюге по кличке Ландыш, трое ездовых следует гуськом за нами. Шоссейная дорога, разрезавшая пополам монастырскую гору, крутая, и сытые кони вмиг рассопелись.

Чем ближе становится отсвет ракет на хребте, тем выше они задирают головы. Словно пытаясь увидеть кого-то за хребтом, стригут воздух ушами. Саврасуха моя фыркает. Ландыш, шагая с ней бок о бок, зубами хватает ее за холку, дескать, тише ты, кобыла! А она вдруг, повернув свою красивую морду к хозяину, будто обиженная, прижалась к его ноге. Он оттолкнул ее, лошадь от неожиданной грубости подпрыгнула и опять - мордой к его ноге.

- Ты за что ее?

- Спешивай! Она смерть чует свою или мою! - тревожно заговорил Чикуров. - Спешивай, а то тебя убьет!

- Да брось ты! – не поверил я, но взволновался: у лошади, может, как и у человека, предчувствие. Смотрю на Ландыша, он по-прежнему настороженно стрижет воздух ушами. - Ты что, вздумал пугать меня?

- Нет, паря, - ответил Чикуров, глядя на Саврасуху с опущенной мордой. - Не к добру она так, не к добру, - переминаясь в седле, он повернулся ко мне лицом. - На конях я прошел Орловско-Курскую, Украину, пересек Бессарабию, изучил их повадки. Вот как начнет с маху ложиться, бешено вскакивать и опять ложиться, тут, паря, не мешкай, готовься в поход. А когда у лошади, как у человека, тоска в глазах, она жалобно смотрит на хозяина, кажется, что вот-вот заплачет, или так ласково упрется мордой в тебя, знай, что тебе - капут. А когда лошадь чует свою смерть, у нее почти все время голова висит. Она будто о чем-то думает, плохо ест. То вдруг ни с того ни с сего взбудоражится, как вот сейчас Саврасуха. А ежели хозяину и ей погибнуть, то у нее все вместе - и тоска, и ласка к тебе, и голову она низко держит, и не жрет ни черта. Так было с кобылой моего друга. Как она его жалела! Липла к нему, хоть заживо зарывайся. Он ей овес, а она не ест, и убило обоих под Харьковом. Моя Саврасуха, правда, ко мне эти дни не ласкалась, а тут вдруг мордой к сапогу. Но я сердцем ничо не чую. И Ландыш ведет себя как всегда. Он насчет чуткости молодец. Я его, как себя, изучил. Он-то уж смерть мою вперед меня почуял бы.

«Не убило бы меня на ней», - подумал я.

- Давай быстрей, а то комбат осердится... - заторопил Чикурова.

На востоке белело небо, а на обгоревшей земле, изрытой воронками, рассвет был еще незаметен. Орудие батареи смутно угадывалось в темноте.

- Кто это? - окликнул часовой.

Мы отозвались...

- Быстро поднимай людей, - сказал кому-то комбат, подошел к Ландышу и, лаская его по крепкой шее, тихо говорил: - Дурачок, не вздумай уросить! Понял?! Как человека прошу. Не поймешь - по-цыгански вздую. Трогай!

Вася Чикуров, сидя на Ландыше, слегка присвистнул, и конь натянул постромки. Саврасуха сдала назад, не помогала ему сдвинуть с места орудие. В таких случаях он тут же показывал свой характер, начинал приплясывать, а если в этот момент с ним грубо обойтись, вставал на дыбы, и тогда хоть всей батареей лупи. Бывало, и лупили его, и обманно кричали: «Комбат, комбат идет!»

Конь сразу лихорадочно стриг ушами воздух, прислушиваясь, и, не уловив в шуме ни голоса, ни топота комбата, тошней того капризничал. Но стоило комбату крикнуть: «А-а и-у-у!», как он тут же рвал с места и один тянул не только орудие, но и всю не успевавшую за ним вторую упряжку лошадей.

У Ландыша была и другая черта характера. Он понимал обстановку не хуже человека: не капризничал, когда надо было везти пушку на прямую наводку. Без уговоров и приказов комбата шагал с осторожностью, не топая, без управления ездового отворачивался от глыб и воронок. Если же кто из собратьев по упряжке фыркал или звякал обо что-нибудь подковой, он ссорился с ними, зло крутил мордой, взглядывал назад, а напарницу свою тут же кусал.

Снявшись с закрытой позиции, двинули по ухабистой местности навстречу летевшим роем трассирующим пулям. Ландыш, устремленный вперед, вытянулся журавлем, при близком всплеске мин чуть не опускаясь на колени. Саврасуха трусливо сжималась в комок.

...Нас обложили минами. Ландыш рванул в галоп, чтобы выйти из-под обстрела, но противник, будто видя нашу небольшую колонну, преградил путь минометным огнем. Ландыш упал на колени. Саврасуха, с пронзительным ржанием вздыбившись свечой, рухнула...

- Отстегнуть! - подал команду Кузьмин.

Ландыш, осторожно вытягивая шею вперед, поднялся. На нем выпрямилась грузная фигура Чикурова.

- Живой! - обрадовался я и подскочил к нему. - Ранен?!

- Нет! - протирая глаза, ответил он. - Землей ожгло морду.

- Быстрей, быстрей! - торопил комбат парней, отстегивающих от валька постромки сраженной насмерть кобылицы.

- Готово!

Ландыш тут же двинул вперед, едва не наступая на пятки комбату...

Почти над самым обрывом долины, что отделяла нас от немцев, установили на прямую наводку два орудия. Левее заняли брошенный кем-то блиндаж с траншеями и наблюдательными ячейками. Шоссейная дорога, идущая в Яссы, оказалась теперь левее нас. Впереди, совсем близко, вторая линия траншей нашей пехоты.

...Ярко взошло солнце, и на золотых монастырских куполах заметались беспокойные отблески.

Комвзвода Лялин, морщась, держит руку на сердце. Пашка Задороженко, то и дело дуя в телефонную трубку, спрашивает:

- Как слышишь, я - «Клен»?! Как слышишь, я - «Клен»?!

Комбат задумчив. Заложив руки за спину, расхаживает по траншее. Он похудел, черные глаза округлились, заострился подбородок и ямочка на нем помельчала. У меня нет-нет да и пробегали холодные мурашки от головы до пяток.

- Молчат! - сказал Генка. - На измор берут!

- Может, жрут? Трамбуют пузо, чтоб опять без обеда воевать.

- Возможно, - проронил комбат. Он зашел в наблюдательную ячейку и приник к стереотрубе: - Ну-ка, что там?..

Разглядываем следы вчерашних боев.

Между курганом и высотой серой полосой идет шоссейная дорога в Яссы. Вправо и влево от нее черным-черно, и не попять, где ровики пехоты противника, где воронки. На кургане и высоте горелые и негорелые, с белыми крестами на бортах, подбитые танки, остовы машин. Пушка вверх колесами. Ствол пушки воткнулся в землю, торчит, как обломанное дерево. Ни вдоль дороги, ни влево, ни вправо от нее ни единой живой души. Какой же сегодня день? Может, воскресенье? Немцы в воскресенье в наступление не ходят.

Зуммер телефона, голос Задороженко:

- Товарищ комбат, вас срочно в штаб полка!

Комбат выбрался из траншеи наверх и, пригибаясь, побежал к дороге.

- Танки! - крикнул Гена Тарасов.

По высоте, что против нашего правого соседа, пылили вражеские танки и, подойдя к долине, отделявшей нас от них, становились развернутым фронтом.

- Уже сорок, - тревожным голосом сообщил Гена.

В стороне противника гул моторов и ни единого выстрела. На нашей стороне - полная тишина.

Зуммер телефона в блиндаже и голос Задороженко:

- «Клен» слушает. Новый комбат? Как новый? Где наш?!

Но связист штаба полка положил трубку. Мы в недоумении переглянулись...

Дрогнула земля под ногами. Оглушительный грохот, визг, взрывы, и сверху кубарем валится в траншею новый комбат. Вскакивает, распрямляется. Им оказывается лейтенант Троколь - тощий, высокий.

- Где командир? - глядя на нас с Геной, спросил он.

- Какой?

- Ва-аш! Взводный!

Лейтенант Лялин вышел из блиндажа. Троколь, шагнув к нему, что-то сказал, потом резко повернулся к нам, словно измеряя, кто выше. Кивая плоской головой на одного, другого, спрашивал:

- Ты, ты кто?!

- Разведчик! - ответил я.

- Чего кричите! – вспылил Генка.

- Молча-ать! Распустил Кузьмин!

Земля клокочет под ногами так, что в мозгах отдается, а тут еще он свалился, как снег на голову:

- Бери телефонный аппарат, выдвигайся на курганчик! Смотри в оба, чтоб нас по балке не обошли, понял?!

Я во всю свою солдатскую глотку повторил его приказ и добавил:

- Связь-то мне самому тянуть?

- Да! Бегом!

Путь из траншеи НП, выходившей в полурост человека, привел меня в ровик с дощатым потолком. Установив телефон, даю знать о себе:

- «Клен», «Клен», я на месте! - Высунув головку перископа поверх перекрытия ровика, оглядываюсь. Мой курганчик на высоте пупообразный. Позади меня, в траншеях, «пестрая» пехота. Дальше бронебойщики с противотанковыми ружьями. На стыке с 50-й стрелковой дивизией две наши пушки - ночью поставили.

Будто в лицо раздались резкие выстрелы. Пронеслись снаряды.

- Танки слева! От Ясс идут! - кричу в трубку.

- Вижу! Не спускай глаз с балки, что на стыке с соседом! - приказал комбат Троколь.

Две колонны танков, не менее ста штук, двинули вниз к долине, а позади них словно сама земля выбрасывала из ровиков людей в зеленой и коричневой форме. Высоты ощетинились, зашевелились. Немецкая пехота устремилась за танками на 50-ю дивизию, румынская - на 116-ю.

Загремела молчавшая до сих пор наша артиллерия. Где-то недалеко шипели «катюши». В одно мгновение в дыму, брызгах искр и земли исчез из видимости противник, а комбат спрашивает:

- Балку видишь?! Смотри, смотри у меня!

Протираю стекла перископа, смотрю вправо и смутно вижу в траншее лишь новичка-пехотинца в белой рубахе. Гул танков растет, ширится, а мне их не видно.

«Илы», зайдя с северо-запада, несутся над самой землей, прочесывая из всех видов оружия заполненную противником долину, волоча за собой дым и пыль. И на нашу высоту налетел ураганный ветер: свирепо вихрит, срывает с бруствера траншей маскировку, вздымается винтом в небо. Гляжу сверху на двигающегося на нас врага. Пехоты не видно. Гитлеровские танки водят стволами, будто вынюхивают: где же вы притаились, Иваны?

Слева от меня, в траншеях, реденькой цепью тянется вдоль фронта «пестрая» пехота. Сразу за дорогой обложенные дерном по стволы пушки 4-й батареи Мухина. Они терпеливо молчат, выжидают момент, чтобы каждым выпущенным снарядом продырявить броню. Справа три немецких танка устремились прямо к балке, врезающейся в нашу высоту.

У бронебойщиков над самой землей, словно жало змеи, лизнуло сухой бурьян, и в гул вписались трескучие выстрелы противотанковых ружей. И тут же треск 76-миллиметровых пушек. Из башни первого танка засифонил дым, второй резко развернулся.

- Горят! - кричу в трубку.

- И смотри, как горят, чего орать! - узнаю по голосу связиста Судьина.

В долине взлетел дегтярный купол дыма.

На батарее Мухина всплески и черные столбы взрывов. Из жерла пушки «тигра» вылетела огненная плевотина. На батарее - взрыв. Со стороны солнца в пике идут немецкие истребители, бьют мухинцев.

Слева с позиций снова, как вчера, сорвалась наша пехота и в чугунном, едва проглядном воздухе запестрела на поле.

- «Пестрые» бегут! - даю знать на НП.

- Толку-то с них! - пробубнил Судьин.

- Болван! Они же траншеи бросили! Комбата мне!

- Он первый дивизион спасает!

Немцы опять рвались на высоту 158 и высоту с монастырем. Там работали разной марки фашистские бомбардировщики. Справа от меня новички хватанули в тыл! Среди «пестроты» мелькают в военной форме то ли командиры, то ли бывалые солдаты. Носясь туда-сюда, пытаются остановить их. К брошенным траншеям стремительно приближается вражеская пехота в коричневом обмундировании.

- Румыны! - кричу Судьину.

- Не страшно! – отвечает тот.

- Комбата мне!

- Тебе говорят, что он Стынку спасает!

Выступ курганчика, где я сижу, прямой стеной обрывается в долину, забраться на него со лба невозможно. Поэтому цепь румынской пехоты раздвоилась, облепила слева и справа крутые подъемы, лезет к опустевшим траншеям.

Танки карабкаются к нашим пэтээровцам, вот-вот нырнут в балку, с которой я не должен глаз спускать.

- Давай комбата! - ору Судьину. - Бы-ыстро! Румыны в наших траншеях!

- Чо-о?!

- Хрен через плечо! Ко-омба-ата!

Румыны, не занимая траншей, перешагивают через них.

- Что там?! - спрашивает наконец комбат.

- Румыны к вам бегут!

В трубке тихо, но я слышу голос командира батареи:

- Новички траншеи бросили! - по другому телефону докладывает он Репину. - Румыны прорвались!

Румынская пехота, раздваиваясь перед курганчиком, вклинивалась и вклинивалась между батареей Мухина и бронебойщиками пехоты.

Я уже позади румын, смотрю в перископ то вслед им, то в лицо, а комбат голоса не подает.

- «Клен»! «Клен»! - кричу. - «Клен»! Румыны сомкнутся, я окажусь в кольце!

- Сматывайся! - раздался в трубке голос Судьина.

Рывком отсоединяю от кабеля телефон, бросаю его за спину, автомат - на грудь, вылетаю из ровика в траншею, стремглав несусь по ней к НП.

Кругом жухают снаряды и мины, но я перед взрывами не кланяюсь - все равно поздно, только время терять. Надо рвать, пока румыны не сомкнулись и не преградили путь. Вижу НП, обгоняю врага и со всего маху ударяюсь о стену нашей траншеи. Отлетая от нее, бьюсь о другую стену и ныряю в блиндаж, а в нем - никого и ничего, только мой котелок на столике. Вылетаю из блиндажа! «Где они?!» - смотрю в пустой тыл и вижу лишь искристые всплески мин да черные столбы взрывов. Мгновенно оборачиваюсь на бухающий звук сзади - румын передергивает затвор винтовки. Очередью из автомата срезаю его, бросаюсь влево по траншее, пробкой вылетаю из нее на бровку - и тягу!

- Ложись! - вижу лейтенанта пехоты в воронке, бухаюсь рядом, в другую воронку. Правее меня, за грудой земли, ефрейтор, я - в середине.

НП уже позади румын – вовремя я проскочил! Они идут неровной, разорванной цепью. Поспешно беру на мушку плечистого, короткой очередью сваливаю его. Не слышу звука автомата справа, бросаю взгляд - ефрейтор с отброшенной рукой лежит вниз лицом. Лбом чувствую взгляд, но не улавливаю, кто целится в меня. Фью-ить! - враг мажет. Лейтенант, стоя по грудь в воронке, бросает гранату, делает еще взмах и... Убит! Мечу глазами по небольшой кучке людей, вижу: румын присел, ставит локоть на колено. Вот он целится в меня, я - в него. Кто опередит? Он открыт - мишень большая, а ему надо поймать на мушку мою голову, она у меня едва поверх земли. Сердце хочет выскочить, ствол автомата ходит в руках, пересекая мушкой его туловище. У него, видно, тоже руки трясутся. Ощущаю его взгляд, как бегающий по голове солнечный зайчик, только не теплый - холодит то верхушку, то лоб. Палец инстинктивно нажимает спусковой крючок, и длинная очередь трассирующих пуль летит в него. Румын взмахивает руками и опрокидывается на спину. Вскакиваю, слышу шум «катюш». «Пропал!» Но мины пролетели мимо. Запинаюсь обо что-то мягкое, падаю. Извиваюсь от боли в колене, вижу убитого новичка в холщовой рубахе и штанах, изма-

занных в глине. Лицо его могильного цвета, от страха, видимо, каждый мускул дрожал, стягиваясь в желваки, так и застыл. Вот что страх с человеком делает. «Не-ет, лучше наступать, чем отступать! Лучше пулю в лоб, чем в затылок!» - лихорадочно думал я.

Скачу и слегка припадаю на ушибленную ногу, чтобы размять. Впереди - лощина, в ней густая дымка, и кто-то там есть, похоже на идущую рысцой кавалерию. Быстро приближаюсь. «Пехота! Кто это?!» Выбираются из дымки. «Репин!» - угадываю я его по короткой и плотной фигуре. Он ведет за собой поваров, писарей, штабников, радистов, ездовых, разведчиков полка в контратаку.

Прихрамывая, бегу навстречу, слышу его звонкий голос:

- Куда, паникер! - потрясает в воздухе пистолетом. - Куда-а! Назад!

- Я один, там никого!

Зло сверкая глазами, он кричит:

- Ранен?!

- Нет!

- За мной!

Цепь разношерстная - разведчики полка чумазые, усталые, в пропыленном обмундировании. Штабные офицеры и писаря - с незагоревшими лицами, в простиранных добела гимнастерках с непомятыми погонами. По легкому бегу и одежде их можно принять за подошедшее пополнение.

- За мной! Ура-а! - орал Репин.

Подхватываем крик и валом, дружно - на румын... Они вклинились густой массой между огневой батареей Мухина и бронебойщиками, а теперь небольшими группами драпают, как наши новички...

Положение на нашем участке восстановлено. По всей полосе обороны дивизии атаки отбиты. Грохот орудий притих. Час дня - у немцев обед. У нас другой распорядок. Едим два раза ночью, когда надо спать мертвым сном, восстанавливать утраченные за день силы. Ужин где-то в полночь, когда стрельба утихает. Разоспишься - тут тебя и поднимают: «Вставайте, кок приехал!»

С обеда немцы возобновили атаку, но были отбиты... Наутро бой снова ожесточился. И так - до 10 июня.

Шесть часов утра. Из-за северо-западных скатов высоты 165 выдвинулись фашистские танки. Выдвинулись и застыли на месте. Такое впечатление, что у них не хватает мужества атаковать. Наконец они открыли бешеный огонь. Небо усыпано самолетами противника, даже «рамы» летят строем! Полетели бомбы, и мы с Генкой нырнули в блиндаж. Под нами припадочно забилась земля, содрогнулся потолок.

- Раскатятся бревна и задавит нас! - кричит Генка. - Давай отсюда!

Выползаем в траншею. Тут связисты, комвзвода Лялин. Одни лежат, другие смотрят из траншей на танки...

Шквальный артогонь, бомбежка длится час, другой...

- Да хоть бы, гады, пообедали! - кричит Генка. - Передохнуть бы дали! К-хы, к-хы! - захлебнулся дымом.

Уже час дня, а бомбежка и артобстрел ни на минуту не утихают. Все в глотке пересохло, выело глаза, щиплет в носу. Румынские «костыли» сделали заход с северо-запада и двигают на нашу батарею. Головной «костыль» пролетает, не опрокидываясь. Другой, третий - вся эскадрилья минует батарею.

- Бог пронес, - говорит Генка, размазывая кулаком под носом кровь. - Хватит, сосуды полопались.

Генка ошибся. Они опять заходят.

Летчики в шлемах и очках, переваливая головы с боку на бок, смотрят вниз. Ведущий «костыль», словно приостанавливаясь, кувыркнулся.

- Ложись! - кричу и валю Генку.

После бомбежки самолеты снова прошли тем же маршрутом, разглядывая нас. Наверное, думали: вот теперь-то уж все, последних прикончили.

Оглядываем полосу обороны нашей дивизии: нигде ни единого человека.

- Неужто всех побило? – не верится мне.

- Похоже, - ответил Генка. И тут же крикнул: - Танки двинули!

Та вражеская колонна, которая утром немного продвинулась вперед, и та, что стояла на месте, тронулись. Следом поднялась пехота.

И тут на нашей стороне, как из глубин недр, вынырнули серые фигурки, шевельнулись и застыли. Чем меньше оставалось людей на батареях, тем сильнее они маскировались. Их земельный вид сливался с запыленными и прокопчен-

ными орудиями. Артиллеристы еще ближе подпускали к себе танки противника, чтобы бить наверняка.

Власов съежился за панорамой пушки так, что сразу и не понять, человек это или какая-то серая глыба на станине. Противнику, по-видимому, действительно казалось, что теперь-то, после одиннадцатичасовой трамбовки бомбами и снарядами, русские вдолблены до единого солдата в землю. Танки прибавили скорость, чтобы маршем проскочить до реки Прут, а там - в Молдавию. И покатились с кручи кургана Вултурул. Курган крутой, даже башенные люки видны. А наши батарейцы молчат. И вдруг раздался дружный грохот! Северный скат кургана «закострил». Танки затормозили, пошли юзом.

- Огонь, огонь! - надрывно кричал комбат. - Огонь! - согнувшись, он бегал позади пушек. - Огонь!

Заряжающие вьются между станин, хватают снаряды, вгоняют их в замки пушек, тут же раздаются выстрелы. Зашипели милые «катюши». Пехота противника бросилась назад. Танки бешено, кажется, бесприцельно отстреливаясь, дают задний ход. Батарейцы с яростью настигают их снарядами. Танки загораются, другие с подбитыми гусеницами, разворачиваясь, чуть не опрокидываются под кручу.

На этом кровопролитные бои под Яссами заканчивались. Немцы торопливо отходили. Ох, не дай боже, если бы на каком-то участке колебнулись артиллеристы. Пропало бы все! Враг столкнул бы нас с занимаемых высот в долину, на которой и зацепиться-то было не за что. Прямой наводкой артиллерии, самолетами вдребезги разнес бы нас, вдавил бы гусеницами танков в землю. Не случилось такого.

Командующий артиллерией Фаустов разрешил снять с мертвой точки 6-ю гаубичную батарею. У лейтенанта Дмитрия Зверева в густой черной шевелюре появилась седина. Солдаты похудели до неузнаваемости.

Поле битвы будто на сто рядов перебуровлено, усыпано горелыми и подбитыми танками. Глаз устал от всего черного и серого. Когда 6-я батарея остановилась у речушки Жижия, солдаты с машин прыгали в зеленую траву, валялись по ней, гладили ее, сжимали в горсти и тут же засыпали. Сутки спали! Девушка-фельдшер время от времени ходила и проверяла пульс на их обессиленных руках.

Двадцатого августа 1944 года, в пять часов сорок пять минут, в момент яркого восхода солнца, грохнула наша артиллерия и два часа молотила передовую и тылы противника.

Тучами пошли наши самолеты. Мощным потоком двинули танки, пехота...

К вечеру мы были в Яссах. Подошел Зверев:

- Ребята, убит командир дивизиона Иван Кузьмич Колаев, два связиста, разведчик. Почтим их минутой молчания, - снял пилотку. - Пока не назначен новый командир дивизиона, прошу выполнять мою команду. Северо-восточнее нас часть квартала не отбита у противника. Пехота ведет бой без артиллерии. Идти в обход нет времени. Кратчайший путь - район хлебозавода. Задача разведчикам батарей и дивизиона: с одним пушечным расчетом на «студебеккере» Исаича подавить автоматами огневые точки на чердаках!

Командир 6-й батареи Григорьев, такой же высокий и стройный, как Зверев, провожая его до машины, говорил:

- С богом, Дима! - Нам, разведчикам, облепившим кузов, махнул рукой: - Ни пуха ни пера, ребята!

- Пошел к черту, - пробурчал кто-то.

- Громче!

- Пошел к черту! - разом прокричали мы.

- Вот так! - усмехнулся Григорьев, отступил от машины, которая с ходу набрала скорость.

...Черная полоса асфальта полетела нам навстречу, перед глазами мелькали тополя. Впереди, поперек и наискосок улицы, роем летели трассирующие пули. Там - немцы. Зверев, выскочив из кабины на подножку, подал команду:

- По окнам чердаков... огонь!

Мы дружно застрочили. С левой стороны из-за угла красного здания вынырнул танк с белой свастикой на борту.

- Орудия... к бою!

Завизжали тормоза «студебеккера», и мы гурьбой слетели к кабине. Встречные выстрел и взрыв впереди оглушили. С чердака ударил пулемет. Вспыхнул передок автомашины, мы спешно повалились из кузова.

- Оцепить дом! Пушку вправо!

Бросаемся к двухэтажному дому. Дверь заперта, вышибаем оконную раму... Открываем крышку чердака, бросаем туда одну за другой гранаты. Раздаются взрывы, и мы наверху.

- Вот он! - кричит Гена Тарасов. - Гражданский!

Хватаем румына.

- Вниз головой паразита!

- А-а-а! - враг глухо приземлился внизу.

Смотрим с чердака. Водитель Исаич огнетушителем тушит горящий «студебеккер». Сержант Шевелев в огне, выбрасывает из кузова упаковку за упаковкой рации Р-Б. Лейтенант Зверев на лету ловит упаковки.

Пушка разбита, кто-то убит - лежит на асфальте.

- Харин! - сразу узнал я.

Сбегаем вниз, выскакиваем из окна во двор. Разведчики 4-й батареи выводят из дверей подвала неимоверной толщины женщину и худощавого старика в соломенной шляпе. Я бегу к телу Харина.

Лихорадочно ощупываю крутой, без единой морщинки, лоб. Волоку тело... И только я в ограду - взорвался бензобак.

- Ложись! - крикнул Зверев. Взрывы снарядов в кузове потрясли все вокруг. Забрякал люк на водостоке, обратив на себя наше внимание. Нет, люк не от встряски забрякал! Он... приподнялся!

- Кто-то в колодце! – догадались мы.

- Взять! - рявкнул Зверев.

Гриша Квашнин поднял люк, из колодца вынырнула плешивая голова... Гриша рывком вырвал наверх старика с козьей бородкой.

- Не шевелите меня, не шевелите! Я из Бессарабии, - трясясь и захлебываясь, говорил пленник. - Я Варфоломей!

- Хрен с тобой, что ты Варфоломей! - заявил Зверев. - Почему прячешься?!

- Я... я не от вас, я от господского сына! - кивнул головой в сторону старика и старухи, трусливо прижавшихся к стене дома. - Он у них, господин ахфицер! Он где-то тут, в простой одеже.

- Показать ему того! - махнул рукой на ворота Зверев.

Квашнин вывел Варфоломея из ограды, и он, увидев на тротуаре труп в гражданской одежде, крикнул:

- Вот он! Свернул шею. А грозился: «Мы вам, русским!»

- Похорони русского солдата! – в приказном порядке попросил Зверев, указывая на безжизненное тело Харина. - По русскому обычаю похорони! Гроб сделай!

Тот ободрился, залопотал:

- Сделаю! По нашенскому обряду похороню! Позвольте, я сейчас...

- По-румынски говорить умеешь?

- Как же!..

- Переведи своим господам, что я приказываю похоронить нашего солдата в саду. Только в саду! Сейчас же приступайте рыть могилу!

- Господин ахфицер, я сам, по-русски, а они пускай своему копают. Я сейчас лопаты принесу...

Когда Варфоломей появился с лопатами и, раздавая их хозяину и хозяйке, что-то сказал по-румынски, госпожа вдруг вцепилась в свои полуседые волосы и заголосила.

- Что с ней?!

- Я сказал, чтобы они сами копали могилу сыну, вона и заверещала.

- Жа-алко убийцу! А как его матери? - указал лейтенант на лежавшее тело Харина. - Как?!

Господин, не понимая вопроса, взглянул на Варфоломея, тот перевел ему, и он низко опустил голову.

- За мной! - приказал Зверев.

...Город Яссы освободили, жмем немцев вглубь Румынии. Против нас 4-й армейский корпус генерала Мита, того самого, который хотел утопить нас в реке Прут. Теперь остатки его войск драпали, мы их преследовали. Овладели городом Васлуй. Пошли на Хуши... 23 августа сообщение: войска 2-го Украинского фронта соединились с войсками 3-го Украинского.

И вдруг вечером немцы вонзились в боевой порядок нашего 406-го артполка.

- Откуда фрицы взялись? - спрашивали мы офицеров.

- На стыке фронтов образовалась брешь, через нее просачивается враг, - пояснили нам.

На окраине города Хуши оглашенный голос комбата:

- Батарея, к бою!

Батареи - 6-я гаубичная комбата Григорьева и 4-я пушечная Мухина - развернули орудия к бою на кольце улиц, расходившихся в разные стороны. И по ним красиво, как в кино, с обнаженными клинками яростно неслась к площади вражеская кавалерия.

- Огонь!

Раздался грохот, и тут же впереди, и в гуще конницы последовали взрывы. Лошади, то взмывали свечой, то с ходу втыкались головами в булыжник, кувыркались. Батарея прямой наводкой лупила по румынам. Из дыма, смешанного с пылью, совсем недалеко от расположения батареи, выскочил всадник с поблескивающей от лучей солнца саблей. Его лошадь с высоко поднятой головой резво и напористо скакала на крайнюю гаубицу Михаила Ларионова.

- Руманешти! - крикнул появившийся на огневой комартполка Репин, выхватил из кобуры пистолет и, прицелившись, выстрелил. Всадник уткнулся головой в гриву лошади. От залпа гаубиц она шарахнулась, румын вывалился из седла, сверкнув нарядными сапогами такого же красного цвета, как и седло.

- Ребята, седла на сапоги! - прокричал Ларионов.

- Огонь! - раздался грохот. И опять его голос: - Седла на сапоги!

Черный, как цыган, иркутянин Харитонов улыбнулся, резко шагнул к расчету.

- Огонь! Седла на сапоги! - начались выкрики, которые в грохоте улавливались отрывками: «На сапоги!» - «Седла!..» - «Огонь!..»

Артиллеристы как будто были озабочены лишь тем, что после боя сдерут кожу с седел на сапоги. Под выстрелы орудий они продолжали выкрикивать «инициативу» Ларионова. А Миша даже во время боя не мог обойтись без смеха и шуток:

- Румын на сапоги! - кричал он и хохотал.

С юго-западной стороны площади прямой наводкой вела беглый огонь по кавалерии 4-я пушечная батарея. Головные конники, оказавшиеся в перекрестном огне, вдруг осадили лошадей. Те вставали на дыбы, винтом разворачивались, а задние, на всем скаку налетая на них, падали.

Между выстрелами и гулкими взрывами снарядов раздавались пронзительные голоса, ржание, звон, гогот, дробный топот копыт.

- Огонь, огонь! - взмахивая рукой, командовал Григорьев.

Батарея Мухина била шрапнельными снарядами. Искристым каскадом они рвались над головами всадников. Взрывные волны поднимали булыжник с землей, лохмотья разлетавшейся одежды, куски седел. Воздух стал непроглядным, мечущиеся в артогне всадники угадывались лишь по сверканию сабель. Кое-кому удалось выйти из-под обстрела батарей. Внезапная атака кавалерии была отбита.

Здоровые и легко раненные кони, потерявшие своих хозяев, носились по площади и протяжно ржали. 4-я батарея, что стояла юго-западнее 6-й, была на конной тяге, поэтому солдаты стали вылавливать лошадей, а гаубичники собирались снимать обещанные седла, чтобы потом содрать с них кожу на сапоги. Но снова раздалось:

- К бою!

Орудийные расчеты заняли свои места.

...Подошли отставшие при наступлении стрелковые полки, и командир дивизии генерал Смирнов дал команду идти в наступление. После мощного артогня пехота и танки 18-го корпуса пошли по улицам города Хуши.

Темной ночью куда-то двигаемся и мы с Генкой Тарасовым. Держась за пушку, спим на ходу. Ноги то и дело подсекаются. Крадучись от ездовых, забираюсь на ствол пушки, оплетаю его ногами и руками, укладываю голову и вмиг засыпаю. Слышу крик, не пойму, во сне или наяву. Чувствую, как онемели ноги и руки. Вдруг показалось, что я за пушку держусь, отталкиваюсь от нее и словно оступаюсь, с замиранием сердца лечу, ударяюсь о землю, надо мной - серая морда лошади.

- Ва-а! Немцы!

- Орудия к бою!

- Отставить! Что за паника?! Какие немцы?

- Вон! Вон! - орал ездовой.

Позади серой кобыленки пара лошадей бельгийской породы с фургоном.

- Когда примкнули в наш хвост?! - спрашивал ездового комбат Троколь.

- Я спал, не знаю! Чую, теребит меня: «Комрад, комрад!» Я глянь - надо мной немец, я заорал, а он - тягу.

- Засоня! «Ва-а-а!» Как резаный! - злился комбат. - Садись на трофеи! Да не усни… чучело!

Опять берусь за щит пушки, чтобы вздремнуть. «Уши и у сонного всегда на мази, в случае чего, проснусь», - думаю. Под ногами похрустывают пересохшие комочки земли, шуршат орудийные колеса…

Вдруг слева вспышка, пушечный грохот… Взрыв! Кто-то из ездовых валится с лошади, серая кобыленка тычется мордой в дорогу.

- Орудия к бою!

Мы с Генкой бросаемся к трофейному фургону, из автоматов строчим туда, где вспышки орудий…

- Осколочным… огонь!

- Огонь! - кричали комбаты.

Неровная артиллерийско-орудийная дуэль длилась не больше пяти-семи минут.

- Разведать, не своих ли побили! – скомандовал Зверев.

После ослепительного артогня наступила такая темень, что хоть глаз коли. Петляем между орудий, запинаемся о трупы, натыкаемся на лошадей в упряжке, пустые ящики. Понемногу пригляделись.

- Немцы были!

- Лошади добрые! Такие же, как те, что пристали к нам, - переговаривались мы.

Подводим лошадей к батареям, тут раненых грузят в фургон, что пристал к нашей колонне.

- Разведчики! - окликнул комбат Троколь. - Быстро в санбат!

- Почему мы? Раненые не из нашего взвода! - возразил Гена Тарасов.

- Мол-л-чать! - отбил дробь зубами комбат.

- Чтоб тебя затрясла малярия! - тихо проворчал я. - Мы не знаем, где санбат!

- Разворачивайтесь и по этой же дороге следуйте обратно до своротки. Вправо идите, вдоль берега речушки, до деревни Урлаци, там увидите палатки.

- Вдруг немцы?

- У вас оружие! Трогайте!

Ночами наши и вражеские части просто, можно сказать, переплетались между собой. Полки 116-й дивизии и 18-го

танкового корпуса оборонялись на тридцатикилометровом участке и сумели создать узлы сопротивления лишь на основных дорогах. Немцы, пользуясь отсутствием сплошного фронта, нередко обходили наши передовые части и, появляясь на флангах, завязывали бой. Сил в дивизии не хватало, и наш медсанбат был никем и ничем не прикрыт.

И только мы с Геной Тарасовым успели сдать раненых в перевязочно-операционную палату, как ведущий хирург Василий Иванович Парменов объявил:

- Товарищи!.. Медсестры, хирурги, кто оперирует, быть на месте! Раненым, больным, кто может выползти из палатки, встать в оборону! Оружие выдадим! - перевел дыхание. - Немцы идут на нас!

Поднялся вой, стон, выкрики:

- Доктор, пристрели, убей!

- Без паники, товарищи! - успокаивал Парменов. - Без паники! Немцев всего небольшая кучка, а нас наберется сто человек!

Из палат выскакивали, выползали солдаты, им раздавали винтовки, автоматы, раненые офицеры расставили их в оборону на плоском холме - расположении медсанбата.

Мы с Геной оглядываем местность вокруг себя: справа холм, поросший мелким лесом, переходил к нашему холму равномерно и некруто. Слева, глубоко внизу холма, деревня Урлаци, позади речка. Впереди - крутой лысый скат, у подножия - проселочная дорога, идущая к добротному дому. На его чердаке установлен станковый пулемет. Немцы нестроевой колонной быстро шагали по дороге, прямо на пулемет.

- Огонь!

Слева и справа от нас с Геной затрещали пулеметы Дегтярева. Дробно бухнули винтовки. Немцы - врассыпную, заметались. А бежать некуда. Прямо в лоб бьет «максим», по ходу колонны слева холм с крутым и голым подъемом, назад - ни в коем случае. Они бегут со стороны Кишинева, один выход - идти на нас, наш холм положе противоположного. И немцы дугообразной цепью, такой же, как наша оборонительная, полезли наверх, огибая с трех сторон расположение медсанбата.

- Огонь! Огонь! - вырывались из трескотни пулеметов команды раненых офицеров.

Немцы залегли, развернулись и, дрыгая ногами, поползли вниз, а мы стреляли по ним, заставляя одного за другим застывать на скате холма. Немногие, добравшись до дороги, залегли в кюветах.

Лежим час, другой, противник головы не поднимает. День жаркий, хочется пить, давит дремота.

- Давай спать! - сказал Гена. - Стрельба начнется, разбудимся.

И мы уснули. И лишь утром узнали, что при наступлении темноты недобитые немцы куда-то исчезли. Парменов снял с обороны медсестер, врачей, хирургов, затем ползающих раненых и тех, кто до боя не успел пройти медобработку.

За время этого боя было убито восемь раненых солдат и повторно ранено тринадцать. Немецкие трупы валялись по всему склону холма и особенно много - на дороге.

Нашей пары трофейных лошадей не оказалось на месте.

...28 августа, в середине дня, мы нашли свою батарею.

Перед нами крутая лесная гора. На ее голом скате хутор Шишкани. Только что палившее солнце оказалось за скалами. Стало прохладней.

- Прива-ал, - усталым голосом скомандовал Зверев.

Солдаты, пользуясь передышкой, сдирали кожу с трофейных седел. Рыжий сапожник шил сапоги.

Офицеры дивизиона стояли над обрывом в долину.

- Смотрите, там пыль, гул, - забеспокоился комбат 6-й батареи Григорьев. - Давайте трогайте, а я повременю. Возможно, они по долине хотят пройти. Ну а если нет, догоню вас.

Наш командир батареи Троколь заболел малярией, его обязанности исполнял Зверев и тоже уже клацал зубами от начавшегося приступа. Посеревшее до синевы лицо его лихорадочно вздрагивало.

- Подъем! Вперед! - подал он команду и лег на лафет пушки.

У меня опять открылась рана на ноге, и я обратился к нему:

- Товарищ лейтенант, разрешите остаться с 6-й батареей? Старая рана разболелась, идти не могу.

- И мне разрешите, - сказал Генка, - пятки потер. Они на машинах, мы вмиг догоним вас.

Зверев, выглядывая из воротника шинели, кивнул головой.

Расчет за расчетом исчезал из виду. С северо-востока усиливался непонятный шум, и над батареей взлетел голос комбата Григорьева:

- Орудия к бою! Замаскировать машины!

Через несколько секунд гаубицы были приведены в боевую готовность.

Из-за крутого изгиба долины выползли четыре танка, за ними - пехота. Григорьев стоял у крайнего орудия, откинув назад красиво сидевшую над крутыми плечами голову.

- Подпустить ближе!.. Взять на прицел!..

Наводчики, прильнув к панорамам, ждали команды «огонь!» Но Григорьев медлил, хотя глаза его горели. «Тигры» фронтом шли на средней скорости, чтобы поспевала пехота, которая плотной массой тянулась за ними.

Командир поднял руку. Все приготовились, а он опять медлил. Ждал, когда «тигры» повернутся боком, чтобы ударить наверняка и затем прямой наводкой в упор расстреливать колонну пехоты, которая от изгиба во всю ширину заполняла долину.

- Вот прорва так прорва! - говорил он. - Со стороны Кишинева наши долбанули. Прут форсировали кто как мог, много полуголых в колонне, безоружных... Приготовиться!

Смотрю на «тигра», идущего первым справа, - в него прицелился Вася Дегтяренко, солдатский поэт.

- Огонь!

Орудийный грохот - и у первого танка откинулся люк башни. «Попал! - ликую в душе. - Горит, горит! Молодец, Вася!»

Между танками вынырнули немцы, оголтело шумя, бросились вдоль долины. Наши гаубичники прямой наводкой давали залп за залпом, и колонна врага поредела, раскололась надвое. Одна половина хлынула к обрыву, с высоты которого мы вели огонь, другая, охваченная паникой, бежала по долине.

Григорьев, расстреливая обойму за обоймой, выкрикивал:

- По офицерам лупите! По офицерам!

Часть немцев продвинулась вперед, минуя наш левый фланг.

- Ого-онь! Очередью... огонь!

Немцы прижались к нашему обрыву. Орудия заглохли, прицел не позволял вести огонь. Пустили в ход гранаты. Фрицы полезли из низины в расположение наших огневых позиций. Но это не так уж было страшно. Головы их показывались поверх обрыва и тут же исчезали от удара прикладом или от пули в лоб.

- Огонь! Огонь! - орал комбат и бил из пистолета по тем, кто пытался забраться на обрыв. - Огонь!

И тут случилось то, что должно было случиться. Артиллеристы патронов при себе имели не больше, чем входило в подсумок, гранат - одну-две. Кто-то из батарейцев крикнул:

- Патроны кончились!

Григорьев в бешеном порыве отскочил от дуба за гаубицу Ларионова.

- Врукопашную! – закричал он, потрясая кулаками.- Врукопашную!

Кто-то из солдат искал патроны в машине. Это было не так-то просто сделать, и он стал выкидывать из кузова лопаты, топоры, ломы.

Миша Ларионов бросился к машине, схватил два лома и, пулей несясь обратно, окликнул Исаича:

- Лихач, лихач! Исаич!

Исаич резко обернулся, Михаил на ходу бросил ему лом. Рыжее худощавое лицо Исаича исказилось в страшной улыбке, он поймал лом и помчался к огневой, где шла рукопашная схватка.

Из долины, как морской волной, выбросило новую группу немцев, среди которых был коренастый офицер.

- Гад! - комбат из пистолета в упор всадил в него пулю.

У третьего орудия противник оттеснял наших от огневой.

- Ни шагу наза-ад! - и Григорьев бросился туда.

- В бога ма-ать! - отбиваясь ломом, орал Ларионов.

Здоровенный немец в очках, столкнувшись с ним, упал на колени, пополз под станину орудия.

- Куда-а, паникер?! - Михаил содрал с него каску и ударил ломом по косматой голове. Резко обернувшись, огрел каской другого. С искаженным от испуга лицом немец поднял руки. - На кой ты нужен! - и каской его!

На правом фланге противник теснил солдат лейтенанта Стеблюка к расчету четвертого орудия. Оттуда доносилась ругань шофера Мурусидзе. Над стрижеными и лохматыми, рыжими и русыми головами взлетали карабины, винтовки, ломы, кулаки, лопаты. Звон, треск, предсмертные крики. Убиты лейтенанты Макаров и Белокобыльский, рядовой Обухов. Кто-то еще из наших, взмахнув руками, рухнул навзничь...

Со стороны крутого изгиба долины опять вынырнула разношерстная колонна противника.

- Разведчики! - крикнул Григорьев.

Широкоплечий, рослый сержант Квашнин бросился к нему.

- Разведчики пятой батареи!

Мы с Тарасовым встали перед комбатом. На нем лица не было. Глаза горели.

- Догнать батарею. Вернуть! - приказал он и метнулся к гаубице. - Зарядить орудие!

С гранатой Ф-1, что осталась у меня на поясном ремне, угорело несемся по поляне, с шумом врезаемся в кустарник, бежим в гору, которую по времени не должны были перевалить наши батареи.

- Вон дорога! - крикнул Тарасов.

Выходившая из хутора Шишкани дорога, раздваиваясь, шла над обрывом долины и поднималась между деревьями в гору, из-за которой выступали более высокие горы и скалы.

В лесу - безмолвие. В ушах хлещущие, свистящие звуки, грохот и стоны раненых, мат...

Отыскиваем глазами след Ландыша, на его ноге отлетела половинка подковы. Находим в колее оттиск полуподковы, идущей в гору, бежим... Слева от нас, по ходу, за глубокой промоиной в лесу небольшая группа немцев. Пригибаясь, сворачиваем с дороги, углубляемся в кустарник. Впереди - автоматная трескотня, пушечное буханье.

- Наши! - кричит Тарасов.

Снова выбегаем на дорогу. Встречные залпы оглушают. За промоиной совсем близко рвутся снаряды, от взрывов трещат лесины.

«Немцы!» - их уже не группа, что мы видели, а целая прорва, усыпавшая лесную гору.

- Наши! - опять кричит Гена, указывая в промоину стволом автомата. По низу промоины, увешанные гранатами, бегут вниз разведчики, офицеры штаба 400-го артполка. Растянувшись по низине, они карабкаются наверх, занимают оборону.

- Репина не вижу! - кричу Гене.

- Давай к ним, спросим! - и мы летим вниз...

- На батарее Мухина! - отвечает чернявый Гоша Измайлов.

Три пушки комбата Мухина, стоя на лесной плешине, в упор расстреливали деревья. Те вздрагивают, трещат, подламываются, валятся.

- Правее 0,02 десять беглых - огонь! - стоя у орудия, командует Репин.

- Товарищ командир! - окликает его Тарасов. - Батарею Григорьева немцы давят!

- Как давят?! Где давят?

- В Шишканях! Врукопашную дерутся!

- Врукопашную?! Радист, Зуева мне!

Русоволосый сержант, пригнувшись над упаковкой рации Р-Б, вызывал командира артдивизиона Зуева. Тот, видно, тут же попросил помощи у Репина, и у него болезненно исказилось лицо:

- М-м-м...- промычал он. И машинально втаптывая что-то в землю, закричал в трубку: - Не смогу! Не смогу! Не надейся! Держись, держись, не давай им уйти!

Нам с Тарасовым было понятно, что 1-й дивизион находится под натиском врага и, не дожидаясь конца разговора, мы бросились к Мухину, чтобы спросить, куда ушла наша 5-я батарея. Одна надежда - догнать ее и вернуть в хутор Шишкани.

Мухин, вертясь между орудий, прокричал:

- Дуйте к селу, нагоните!

...Уже стемнело. Повлажнела трава от росы. Пересекая виноградник, на ходу срываем кисть за кистью. Песок хрустит на зубах. Бежим на резкие звуки выстрелов 76-миллиметровых пушек.

Пятая батарея стояла в саду, вела огонь в сторону северо-востока. Лейтенант Зверев с перевязанной полотенцем головой, держась за ствол сливового дерева, командовал:

- По пехоте шрапнелью!.. Цель номер 1 правее 0-10... Прицел 102, трубка 109. Взводом... огонь!

Шрапнельные снаряды искристыми букетами рвались над землей за селом на противоположном скате низины. В вечерней серости едва угадывались разбегавшиеся люди.

- Уровень больше 0-02... Пять беглых... Батареей... огонь!

Многие солдаты, как и Зверев, болели малярией. Находясь в приступе, валялись кто где, и у орудия порой оставалось по два человека.

Сибиряк Василий Власов стрелял один - то заряжал, то хватался за панораму, то наводил и лишь на какие-то доли секунды отставал от своих коллег с выстрелами. Тарасов бросился ему на помощь.

Я доложил Звереву о приказе комбата Григорьева, а он, сжимая виски, выдавил:

- Заберись на дерево... посмотри... не обошли бы нас немцы.

Совсем обессиленный, едва карабкаюсь на толстое ореховое дерево... Вспышки. Грохот орудий вокруг батареи, по звуку не понять - чьих. Лезу выше. С трудом примостившись между суком и стволом, гляжу в бинокль. Купол церкви приблизился так, что хоть рукой хватай. Взрывы совсем близко. Спускаюсь взглядом по склону к огородам села. И тут, кроме чернеющих столбиков, кольев изгороди, ничего не замечаю. Вдоль пади нескончаемо тянутся в два ряда хатенки. Улица пуста. Опять огороды, голый западный скат и наша батарея.

- Вроде никого впереди! - кричу вниз.

- Не вроде, хорошенько смотри! - откликается белобрысый лейтенант Акимов.

- И так смотрю! Я не филин, чтобы в ночи все видеть, - спускаюсь с дерева.

Зверев, по-прежнему держась за дерево, небольшой кучке людей давал распоряжения:

- Снаряды снести... наводчику Власову... Всем, кто здоров и кто еще может ползать, стать в дозоры... В случае чего, стоять до последнего дыхания! Где радисты?

- Под телегой. Температура выше сорока, - ответил лейтенант Акимов.

Рация была моей мечтой, и я сказал, что могу работать на ней...

- Хорошо... Помоги... добраться до кустов, - отрывисто проговорил Зверев.

Я обхватил его туловище и почувствовал жар под рукой. После лихорадочного малярийного озноба он страшно горел.

...Ночь. На земле и в воздухе черным-черно до самого звездного неба. Лежим у кустов сирени. Упаковки раций Р-Б между нами. Вызвать на связь я никого не смог, и Зверев сказал:

- Периодически включай, может, кто подаст голос. Будь начеку, прислушивайся, я не могу... – и прилег, разбросив руки.

Ложусь на живот, держа слух наостре. Автомат перед глазами, теперь он у меня с полным диском патронов. Хватит на десять минут боя в ночное время. Вглядываюсь в темноту, вижу очертание пушки и на станине сгорбившуюся фигуру Власова.

Тихо свистнул ему, мысленно уговаривая: «Не усни, Вася, не усни, в тебе вся сила, у тебя все снаряды (их было семь на батарею). Есть ли у тебя патроны? Наверное, как всегда, только подсумок». Вспомнились его слова: «Почо они, у меня пушка».

В селе завизжала, залаяла собака. Зверев сбросил с лица полу шинели:

- Что там?!

- Видно, кто-то наступил, она и всполошилась, - прошептал я.

Собачья брехня разнеслась по всему селу.

- Кто-то бродит, - забеспокоился Зверев. - Разведай, кто там?

Пушки наши стоят над склоном оврага. Притаившихся где-то дозорных не вижу. Спускаюсь наискосок к высокому булыжному забору церкви. Пробираюсь к улице села, высовываю голову из-за угла, гляжу вдоль стены, идущей к арке. Никого... Впереди еще спуск, тополя, за ними дорога. Слышу топот. Кто же идет? Хоть бы матюгнулись! Вспоминаю, как приходилось ночами различать, кто идет. Немцы всегда в касках, с ранцами, черт знает, чем они набиты. Наши не любят касок, вещмешки пустые. У немцев тяжелый шаг. Сапоги окованы, по булыжной дороге раздается лязг, высекаются искры. У нас обувь с резиновой подошвой, шаг мягче и легче.

Трава на косогоре ощипана телятами, мелкая, росистая. Юзом качусь вниз, вскакиваю - и к дереву. Выглядываю: винтовки на плечах, за спинами пусто. Вроде наши!

Колонна обрывается, за ней что-то волочится по дороге. «Максимы!» С облегчением на душе окликаю:

- Пехота! Я свой! Не стреляйте! - перепрыгиваю кювет, оказываюсь позади «максимов». - Вы какой дивизии?

Солдаты завертелись, оглядывая меня, с левой стороны колонны вышел кто-то, встал передо мной:

- Кто, откуда?

- С пятой батареи, разведываю, кто идет.

В колонне приглушенные голоса:

- Колодец! Колодец!

Строй изогнулся, головные повернули влево. Бегу, чтобы опередить их, но не успеваю! Протискиваюсь к срубу колодца. Солдат уже спустил бадью, из глубины доносится плеск воды. «Не дадут, пока не напьются, а их не переждать, - пронеслась мысль. – Черпануть - и драпу!» - срываю с головы пилотку и - бух руками в бадью, вырываю из нее воду. Тычусь головой в плотное кольцо солдат, а они вполголоса, скрипуче:

- Кто это?!

- Гад! - кто-то пинает меня. Успеваю пить, пока не выбили из рук. Дают по шее затрещину, и я вырываюсь из толпы, отбегаю, беззвучно хохочу: «Пехо-о-та, обмотошники!..» В ягодице боль – напинали...

Вернувшись в батарею, докладываю обо всем Звереву. Включаю радиостанцию, слышу:

- Айн, цвай, драй!.. Драй, цвай, айн! - И опять: - Айн, цвай, драй... - Потом голос затих, послышалась отдаленная морзянка, выговаривающая: «Тетя Катя, тетя Катя». Укрываюсь плащ-палаткой, вызываю штаб полка: - «Дуб», «Дуб», почему молчишь, почему молчишь! Я - «Серебро-один», прием... - Перехожу на другую волну, вызываю 6-ю батарею - никто не отзывается. Выключив рацию, сбрасываю с себя плащ-палатку. Зверев сидит по пояс голый с закинутой назад головой. - Что с вами?! – обеспокоился я. Он не ответил. Не шелохнулся. Его вытянутые ноги едва не касались меня, и я, трогая их, испуганно спрашивал: - Вы живой?!

Послышался треск. Ничего не видя, кроме чернеющих деревьев, я затаил дыхание, чтоб лучше прислушаться. Тишина. Только стоны малярийных. Опять треск. «Неужто кто крадется?» - хватаю автомат, смутно вижу фигуру человека, узнаю лейтенанта Акимова. Он осторожно подходит к нам:

- Еще троих свалила малярия.

- Смотри, - говорю. - Не умер?

Акимов с маху хватанулся за голое, тускло белеющее в темноте плечо Зверева, и тот бессильно повалился.

- Горит! - едва не закричал Акимов.

Я вскочил:

- Воды?!

- Где она?

- В деревне!

- Дуй!..

Температура у малярийных доходила до сорока и выше, они теряли сознание. И умирали от свертывания крови...

Когда я прибежал в расположение батареи с водой, принесенной в пилотке, Акимов упрекнул:

- Надо было ведро взять!

- Когда! Где искать его?

- Лей на грудь!

Я плеснул. Зверев содрогнулся и пришел в себя.

Наступил рассвет, порождая новый тревожный день. В селе - оружейная стрельба. Слева и справа от нашего расположения слышится орудийный грохот.

- Малярийных... кто мало-мало шевелится... ставь в оборону, - лежа на земле плашмя, приказывал Акимову Зверев.

- «Серебро», «Серебро», я - «Серебро-один», - вызываю по рации 6-ю батарею.

И вдруг в наушниках голос лейтенанта Стеблюка:

- «Серебро-один», «Серебро-один». Я - «Серебро»...

- «Серебро», я - «Серебро-один», слышу тебя хорошо, с вами будет говорить... - сую трубку Звереву.

- Стеблюк... Вы где? Говори быстро, прием. Карту! - крикнул мне.

Вырываю из его планшетки карту, расстилаю перед ним. Слушая Стеблюка, он торопливо наносит на карту координаты.

- «Серебро», тебя хорошо понял. Понял! Что с шестой? Прием.

Хватаю наушники.

- Не знаю, не знаю, - слышу Стеблюка. - Прием.

- Будьте на месте, - говорит Зверев, - перерыв десять минут. - Сует мне трубку: - Вызывай «Дуб».

- «Дуб»! «Дуб»! - вызываю штаб артполка.

- Немцы! - кричит Акимов, подбегая к нам. - Идут к селу!

- Перетаскать... всех малярийных... в оборону! - Зверев пытается подняться.

- Они еле живые!

- Ничего... оживут... если жить... хотят.

- Власов, Старкин! Помогите... - окликая наводчиков, Акимов бросился к пушечному передку, у которого валялись малярийные. Зверев повернулся ко мне - лицо землисто-серое.

- Патроны есть? – спросил командир.

- Полтора диска, две гранаты Ф-1, - отвечаю. И снова вызываю: - «Дуб», «Дуб», «Дуб», я - «Серебро-один»... прием!

В трубке глухо. В селе оружейная перестрелка. Зверев хлопает по траве рукой:

- Положи гранату. В случае чего... Немцы расстреливают коммунистов.

Тело мое охватило ознобом. Смерть не выходила из головы, но о самоубийстве я никогда не думал.

- «Дуб», «Дуб», «Дуб»! - ору.

- Тише!.. Не прозевай Стеблюка. - Зверев смотрит на ручные часы.

- «Дуб», «Дуб», «Дуб», - вызывая, смотрю, как лейтенант Акимов под руки ведет в оборону малярийных, - старшего радиста Мишку Шевелева и связиста Пашку Задороженко. Из-под передка пушки с винтовкой в руках выползает Семен Судьин. Зверев, покачиваясь из стороны в сторону, идет к орудию Власова, там семь снарядов.

- «Дуб», «Дуб», «Дуб»! - кричу.

- Огонь! - раздается голос Зверева...

- «Дуб», «Дуб», я - «Серебро-один», «Серебро-один»! Как слышишь? Прием! - вызываю и мысленно считаю выстрелы пушки Власова. Четыре, пять! Еще два снаряда - и все! - «Дуб», «Дуб»... Семь! - невольно выкрикиваю я под звук последнего выстрела.

- «Дуб», «Дуб», я - «Серебро-один», как слышишь? Прием!

В наушниках треск, писк морзянки и едва слышный голос:

- «Серебро-один», я - «Дуб», я - «Дуб», «Дуб»! Тебя слышу плохо, плохо, но понять можно. Говори, говори, прием!

- Товарищ лейтенант! - кричу Звереву. И опять: - «Дуб», «Дуб», давай первого, давай первого, быстро! Прием!

Качаясь, как пьяный, Зверев торопится к рации.

- Быстрей, быстрей, - кричу ему и от нетерпения чуть не приплясываю. Он берет трубку и со стоном мне:

- Бегом в оборону!

Хватаю автомат, спешу к батарейцам, падаю в кустарник между Тарасовым и Старкиным. В селе - бой. Немцы зашли в тыл батальона 548-го полка и, укрываясь за углами домов и зарослей огородов, оружейным огнем пробивают себе путь на запад.

- Огонь! Огонь! - лежа между малярийными, надрывным голосом кричит лейтенант Акимов.

Из карабинов и автоматов бьем в спину противника.

- Немцы! - крикнул Старкин, глядя раскосыми глазами на противоположную высоту. - Туча немцев! - он сжал свой подсумок. - У меня патронов только обойма! - И вдруг заорал: - Наши! Наши пленных ведут!

От радости екнуло сердце. Смотрю через низину на тучу людей, идущих к селу. Впереди и по бокам следует конвой. «Не дай бог, пленные увидят своих в селе! Подавят конвой и хлынут на нас, как на 6-ю батарею». Об этом, видимо, подумал и Акимов.

- Ходячие, за мной! - и побежал под гору. - Ура-а!

- Ура-а!.. - подхватили шестеро здоровых и кинулись за ним. Немцы, не отстреливаясь от нас, ринулись на встречный хлещущий огонь «максима» и дробные выстрелы винтовок.

- Ура-а! - кричали мы и били по ним, невольно бросая взгляды влево на приближавшуюся к селу колонну пленных...

«Не дай бог, не дай бог, немцы увидят друг друга!» - на бегу молился я.

Но все обошлось... Ограду церкви забили пленными.

...Идем с Геной Тарасовым по вчерашнему маршруту - в хутор Шишкани. В прогалине леса стояла батарея Мухина. Теперь это место завалено ящиками из-под снарядов и гильзами. Свежий холмик братской могилы. Никакого колышка, неизвестно, кто погиб... Спускаясь с горы, опять видим в прогалине разведчиков артполка. Вчера они со штабными офицерами преграждали здесь путь немцам, теперь что-то искали.

- Тут убило Бобровского и Шевцова, - говорил конопатый Алешка Лапшин. - Тут обвалилась земля, тут должен быть Каменский.

Володя Каменский, неподвижный, немой, бездыханный, в глухой темноте, отделенный от всего мира, лежал под землей. Но не суждено ему было навеки остаться в Румынии. Алеша Лапшин наткнулся на клочок оторванной ткани от гимнастерки, стал рыть землю. И вдруг открылась рука, плечо и залитое кровью лицо.

- Живой!

Идем дальше. На развилке дорог прислушиваемся. За кустами слышим карканье вороны. Оттуда же доносило запах крови, ее там пролито море... Через прогалины леса видны поле битвы, в хуторе Шишкани - дымок над крышами. У загороди стоят замаскированные гаубицы с низко опущенными стволами. У четвертого орудия рядом с трупами в зеленых мундирах - защитные гимнастерки. Узнаю замполита Шевченко, рядового Никифорова. Максимов, Обухов, Петренко...

- Григорьев! - крикнул Тарасов.

У меня словно оборвалось сердце, подсеклись ноги. На станине гаубицы лежало строго вытянувшееся тело командира батареи Василия Игнатьевича Григорьева. Черные брови сведены к переносице, в прищуре глаз взгляд остался презрительным. В последнюю долю секунды он, видимо, смотрел на убийцу.

Появился командир полка со штабными офицерами. В маленьких глазах Репина сверкали слезы.

- Прости, не смог я тебе помочь... поверь, не смог, - голос его был слаб и звучал точно из-под одеяла. Так я в госпитале перед обмороком слышал голос медсестры.

Горячий воздух насыщен запахом крови, от которого ломило виски, словно от угара в сибирской бане.

- Кто же положил Григорьева на станину? – оглядываясь, спросил Репин. Потом крикнул: - Кто живой?! - Голос его взлетел над батареей, понесся в гору, и гора переспросила: «Кто живой?!»

- Кхы, кхы! - закашлял кто-то. Из-под кузова крайней машины высунулась большая рыжая голова сапожника.

- Орел! - обрадовался Репин и едва не бегом зашагал навстречу ему, широко разводя руки, чтобы с ходу схватить в объятия.

Мешковатый сапожник, будто испугавшись его, резко остановился и на попятную:

- Нет, нет! - выставил руки вперед. - Я не воевал. Нет, нет! Они под машиной!

...Под кузовом «студебеккера», распластавшись на земле, мертвецким сном спали батарейцы. Обмундирование на них окровавлено, изорвано.

- Вот это солдаты! Это львы-ы! Проснитесь, я расцелую вас!

Но никто не шелохнулся. Даже храп не утих. У одних спущена ногтями кожа с лица, у других уже посиневшие фингалы, глубокие шрамы, кровь, опухоли.

- Вот это дрались так дрались! Это все, что остались живы? - повернулся к сапожнику. Тот пожал плечами.

- Ты, говоришь, не воевал?

- Нет! Я под машиной сапоги шил. Старшина приказал шить, потом и комбат сказал: «Иди шей!»

- И ты шил? Во время драки шил?! - едва не тыча носом в осыпанное веснушками лицо сапожника, спрашивал Репин. - Ты, значит, все видел?!

- Поначалу, когда гаубицы стреляли, никуда не смотрел. Кожу раскраивал. А когда уже начали драться на батарее, страшно было, кое-что видел. Командир носился от орудия к орудию, командовал и стрелял из пистолета в немцев. Потом уж, видно, патроны кончились, - потряс кулаком в воздухе, - рукояткой наворачивал! Немцы прорвой лезли из низины! Взвод Стеблюка вот так теснили в гору, - махнул рукой в сторону леса. - Взвод управления батареи был на левом фланге, его туда, - махнул рукой в край хутора. - А расчеты все дрались, всяк у своего орудия, потом уже одной кучей тут вот, на дороге...

- А Григорьев с ними был? - спросил Репин.

Сапожник уткнулся подбородком в грудь, помолчал.

- Нет, кажись, я его тут не видел... Кажись... в последний раз видел, когда он уже из немецкой винтовки стрелял. Мелькал среди всех. С кинжалом винтовка была, потому я и узнал, что немецкая, кинжал шибко блестел. Тут, видно, его и убили.

- Ну, а как с сапогами? Сшил?

Сапожник стеснительно усмехнулся:

- Швы шибко неровные, руки тряслись. За такое шитье хоть загодя на «губу» садись. Старшина ругаться будет, если где живой.

Тридцатого августа 1944 года Ясско-Кишиневская битва закончилась. Группировка врага окончательно разбита. Война уходила на юго-запад - мы возвращались на восток. Еще где-то далеко, в другом краю света, находился рубеж, с которого нам предстояло снова вступить в бой.

...Я в 6-й гаубичной батарее лейтенанта Зверева. После гибели Григорьева его назначили комбатом, и он взял меня к себе. А когда мы прибыли в Польшу, сказал: «Из тебя должен получиться хороший радист. При штабе полка в селе Холупки есть курсы, иди учись».

И я каждое утро ходил в село на занятия, вечером возвращался. А тут вдруг преподаватель объявил: «Идем на суд!»

Стоял ясный день. Сосновый бор заливался косыми лучами солнца. Сделанные из консервных банок трубы на землянках пускали солнечные зайчики, ослепляя подсудимых, сидевших на чурках перед самодельным длинным столом.

Василий Харитонов был старше других. Может, поэтому душа его наполнялась стыдом за свой проступок. Опустив низко черноволосую голову, он смотрел в землю.

Белокурый Гена Бураков еще не придавал значения совершенному. И по молодости, и по крепости нервов не успел ни испугаться, ни устыдиться, оглядывался по сторонам, где толпами стояли артиллеристы, улыбался им.

Рыжелицый Соколовский виделся законченным трусом - плакал, содрогаясь всем телом, не вызывая никакого сочувствия.

Рассматривая подсудимых, я не заметил, как секретарь суда Аня Богданова появилась за столом. Окинув взглядом солдат и подсудимых, звучным голосом произнесла: «Встать, суд идет!»

Соколовский, будто ошпаренный, вскочил. Харитонов и Бураков без малейшей растерянности одновременно встали.

Коренастый прокурор в надвинутой на лоб фуражке, сверкая глазами из-под козырька, подошел к левому торцу стола, тяжело опустился на чурку. Судья в чине старшего офицера, заседатели - два младших лейтенанта, сели рядом на скамейку, сделанную из березовых жердей. Майор - общественный защитник от нашего артполка - последним занял свободное место с левой стороны стола. Позади его стояла бортовая автомашина, на ее подножке сидел пузатый поляк в гражданской одежде.

Что случилось? За что наши однополчане сели на скамью подсудимых?

...В момент передвижения частей дивизии по территории Польши у орудийного расчета старшего сержанта Василия Харитонова изломалась автомашина. С трудом добравшись до населенного пункта, артиллеристы приступили к ремонту. Голодая вторые сутки, расчет собрал солдатские гроши, и Харитонов зашел в один из ближайших домов селения, чтобы купить картошки. Хозяин, отрицательно мотая головой, сказал: «Советский рупь не добже», затребовав с Харитонова злоты. Харитонов объяснил, что они пока еще не получали злотыми и что русский рубль можно обменять на злоты. Однако поляк категорически отказал ему. Харитонов обошел все село, но не смог купить котелок картошки. Один из зажиточных поляков, толстяк, ради показа своей неприязни к русским, потребовал с Харитонова немецкие марки...

На исходе третьих суток голодный расчет Харитонова, устранив поломку, готов был тронуться в путь, как к ним подошел тщедушный поляк и на ломаном украинском языке заговорил. Мол, толстяк, пан его, с радостью встречал немцев, когда они появились в селе, приглашал офицеров к себе в дом, угощал их жареными цыплятами и водкой. «И вы потеребите у него кур, он их счета не знает, да и пересчитывать не станет», - надоумил пришлый старик.

Наши ребята, не заподозрив провокации, решили проучить пана и, совершив проступок, тут же попались.

- Поясните суду, как все это произошло? - спрашивал судья Харитонова. - Говорите только правду. Чистосердечное признание облегчит ваше положение. Кто из вас намекнул идти воровать кур?

- Чо тут было намекать, намекнул нам длинный поляк, - отвечал Харитонов. - Мы вот трое и пошли.

- Вы знали, что закон за мародерство строго наказывает?

- Знали.

- Знали и пошли?

- Да... Есть шибко хотели! И не пошли бы ...тощий поляк направил. Мы в злобе на того пана, что марки запросил у меня, решили проучить его.

Судья тихим голосом спросил о чем-то одного и другого заседателей, а они отрицательно помотали головами. Тогда судья сказал насупившемуся прокурору:

- У вас есть вопросы к подсудимому?

- Есть! - громко ответил тот и глазами впился в лицо Харитонова.

- Так кто же из вас первым подал идею отомстить тому толстому поляку?!

Харитонов, стыдливо теребя пилотку, молчал.

- Я тебя, мародер, спрашиваю! - хриплым голосом спросил обвинитель.

- Никто... мы трое разом пошли.

- И никто из расчета не отговаривал вас?

- Нет, все есть шибко хотели.

- Нет вопросов! - сказал прокурор судье.

Судья спросил адвоката, есть ли у него вопросы - тот отрицательно помотал головой.

Мы, солдаты, понимали, что членам суда, прокурору и даже защитнику хотелось знать, кто из этой тройки подал мысль пойти за курами, чтобы затем вынести ему более тяжкую меру наказания. Конечно, все они хотели, чтобы им оказался Харитонов и его, командира орудийного расчета, коммуниста-соблазнителя можно было подвести под показательный расстрел, который ударил бы бичом по мародерству.

Судья, глядя на сгорбившегося чуть не до земли Соколовского, строго произнес:

- Встаньте!

Тот едва оторвался от чурбака, а когда последовал тот же вопрос: «Кто намекнул идти за курами?» по-детски всхлипнул. Через слезы, глотая звуки, выжал:

- Ха-Харитонов!

- Врешь! - вскочил Гена Бураков. - Он от трусости чокнулся, не помнит. Я первым пошел!

- Сядьте, - стукнул кулаком по столу судья. - Сядьте! - Судья, бледнея и краснея, кричал и стучал по столу, но не смог посадить Буракова. Тогда крикнул плачущему Соколовскому: - Садись! - И обратился к Буракову: - Значит, ты спровоцировал Соколовского, Харитонова?

- Да, я. Взял карабин и пошел, - взглянул на Харитонова, затем на Соколовского, - они - за мной.

- Не обмолвились словом, не мигнули, не кивнули друг другу?

- А чо тут перемигиваться, да кивать головой, без того понятно - жрать хотелось и пошли.

- А зачем карабин взял?!

- В случае чего хозяина припугнуть.

- Значит, ты готов был совершить еще одно, более тяжкое преступление?

Бураков, пожал плечами:

- Не знаю, может и хряпнул бы, чтобы он навсегда забыл фашистские марки и не хаял советские деньги.

Судья опять неслышным для нас голосом обратился к заседателям. У них и на этот раз не оказалось вопросов. А прокурор уже ерзал на чурке. Судья представил ему возможность задавать вопросы и расспрашивать подсудимого Буракова:

- Так, значит, ты спровоцировал Харитонова и Соколовского на мародерство?

- Сколько можно говорить одно и то же!

- Столько, сколько буду спрашивать! Откуда пришел в 406-й артполк?

- Из бригады Рыбалко!

- Почему ушел из бригады?

- Танк в бою подбили.

- Сколько танков потерял?

- Три!

- Подбил?

- Не считал!

Может быть, Гена рассчитывал, что суд учтет его молодость и не накажет так сурово, как уже зрелого человека, притом командира. К тому же Гена холостяк и, возможно, готов был принять смерть вместо семейного Харитонова.

Судья поднял Соколовского:

- Так кто спровоцировал на кражу?

- Харитонов, - поняв, куда клонит судья, ответил Соколовский.

- Харитонов, встаньте! - тут же приказал судья. - Признаете свою вину?

- Я во всем виноват! - твердо проговорил Харитонов. - Иуда только ушел, я спросил всех: «Кто смелый, кто пойдет за мной?» И-и-и вот Бураков, Соколовский отозвались...

Прокурор со злостью говорил о тяжести преступления этой тройки, ссылаясь на статьи советского закона, просил суд приговорить Харитонова к высшей мере наказания - расстрелу.

Солдаты ахнули. Прокурор продолжал:

- Буракова и Соколовского приговорить к десяти годам лишения свободы с отправкой их в штрафную часть для искупления вины кровью, - захлопнув папку с бумагами, он опустил свое тело на чурбак.

Судья представил слово общественному защитнику. Мы, солдаты, в надежде, что он отстоит Харитонова, затаили дыхание. Вялым голосом тот дал ему такую характеристику:

- Подсудимый Харитонов является ветераном 6-й батареи, прославился бесстрашием и мужеством в боях на Западном фронте, под Сталинградом, на Орловско-Курской дуге, Украине, Молдавии и особенно в последнем рукопашном бою с врагом в деревне Шишкини Ясско-Кишиневского котла в Румынии... Награжден орденами и медалями, прошу не оставить без внимания - у него двое детей, оставшихся без матери, старуха-мать.

Судья предоставил Харитонову последнее слово. Тот, не переставая теребить руками пилотку, просил:

- Двое маленьких дочек у меня, мать старенькая... Ради их смилуйтесь немного... Не давайте мне расстрел... Дайте самый большой срок и штрафную... Пусть меня вражеская пуля убьет. Страшно принимать смерть от рук своих товарищей, своей пули. Пожалейте детишек!

- Надо было подумать о них, когда за курами шел, - отрезал прокурор.

Харитонов больше ничего не сказал, сел.

Слово предоставили Буракову:

- Я - преступник, но как человек прошу вас, ради детей, пощадите Харитонова, пощадите! О себе, чего говорить, не прошу милости...

Соколовский, овладев собой, членораздельно произнес:

- Товарищи судьи! Голод - не тетка. Это впервой так случилось. Мы воюем давно, учтите...

Суд ушел на совещание. В лесу загалдели солдаты.

- Тому живоглоту быка отдали за десять кур, а он опять появился у нас!

- Дураку понятно, почему он тут, - говорил другой солдат. - Его кто-то из «смершев» пригласил. Я как глянул на состав суда с общественным защитником, так сразу понял - показательный расстрел будет, чтоб этот поляк рассказал своим в деревне, как русские судят за мародерство.

Я давно знал секретаря суда Аню Богданову, с тревогой на душе думал: «Имеет ли она голос в определении меры наказания подсудимым? Если имеет, то как девушка с нежным сердцем может отстоять Харитонова от смерти?»

Гадать, рассуждать долго не пришлось. Аня вышла из-за кузова машины, торопливо подошла к столу. Смуглое лицо ее было бледным и я понял, что решение суда тяжкое. Шум вокруг мгновенно затих.

- Встать, суд идет! - прерывисто, даже раздраженно, прозвучал голос Ани.

Обвиняемые порывисто поднялись. Судья уткнулся в бумагу, которую держал в руках, огласил приговор суда:

- Харитонова Василия Николаевича подвергнуть высшей мере наказания - расстрелу! Буракова Геннадия, Соколовского Ивана - к 10 годам лишения свободы каждого с искуплением вины кровью.

Конвойные тут же увели Буракова и Соколовского, даже не допустив нас попрощаться с ними.

Офицер особого отдела вынул из кармана брюк перочинный нож и приказал Харитонову:

- Встань! Расстегни штаны, кальсоны!

Тот послушно поднялся, выполнил приказ. Особист со злорадной усмешкой на угристом лице обрезал пуговицы на брюках, кальсонах и, вроде по секрету, но громко, сказал на ухо Харитонову:

- Если побежишь, штаны, кальсоны спадут и ты в них запутаешься, упадешь...

Через несколько минут 406-й артполк и 250-й саперный батальон 116-й дивизии выстроились в п-образный строй на лужайке. Наша батарея оказалась спиной к сосновому бору, в котором по-прежнему блестели трубы на землянках. Перед глазами оказалась только что вырытая могила для Харитонова, на ее бровке желтела свежая песчаная земля.

Грозный прокурор, как всегда в нахлобученной на глаза фуражке, шел впереди конвоя, ведшего на расстрел иркутянина Василия Харитонова - с распахнутой полой шинели, потому что он рукой держал опушку брюк с обрезанными пуговицами.

Подойдя к своей могиле, фронтовик осмотрел ее, встал лицом к строю однополчан. Лучи солнца ударили в его посеревшее лицо и он, сделав ладонь козырьком, смотрел прямо на стоявших в одну шеренгу солдат и офицеров батареи, в которой осталось теперь четыре человека из орудийного расчета. Они подняли кверху руки и прощально помахали.

И тут прокурора озарила мысль. Он приказал вывести их из общего строя для расстрела своего бывшего командира Харитонова.

- Снять шинель! - скомандовал прокурор.

Харитонов, словно продлевая жизнь, не спеша снял шинель, аккуратно сложил ее и, будто больной радикулитом, с трудом согнувшись, положил рядышком. И снова прокурорский голос расколол тишину:

- Снять гимнастерку! Живее, живее!

Харитонов не торопился, не мог торопиться. Тело его онемело, руки не слушались. Он с трудом расстегнул пуговицы, снял гимнастерку, прижал ее к груди, затем аккуратно сложил и осторожно положил на изрядно поношенную шинель.

Дело дошло до сапог, которые были сшиты из темно-коричневой кожи, снятой с седел кавалерийского эскадрона румын, разгромленного нашей 6-й батареей в районе города Хуши. И мне невольно вспомнился тот бой: Харитонов, командуя орудийным расчетом, задорно выкрикивал: «Бей румын на сапоги! Седла - на сапоги!» Теперь безжалостный прокурор приказывал ему снять их... снять и нательную рубашку... А когда бедняга оказался в одних кальсонах, зябко вздрагивая мускулистым телом, прокурор отступил от осужденного, поднял руку кверху и скомандовал:

- Зарядить!

Глядя на своих ребят, передергивающих затворы карабинов, Харитонов принял стойку «смирно». И вдруг к расстрельной команде пристроился новичок - старшина нашей батареи.

Поднялся галдеж, выкрики артиллеристов:

- Прохвост! Су-ка! Козел кривоногий!

Прокурорская рука взлетела в воздух:

- По мародеру-у... залпом... огонь!

Недружно прогремели выстрелы. Последний грохнул тогда, когда Харитонов упал на колени. Парни из его расчета выстрелили мимо. Выскочка-старшина стрелял дважды, попав в верх левого плеча и правый бок. Из ран несчастного лилась кровь... Харитонов, упираясь рукой о землю, тяжело поднялся на ноги! И опять замер...

- Какое мужество! - громко прокричал наш комбат Дмитрий Зверев. Выступив из строя, он сделал несколько шагов в сторону прокурора: - Надо бы прекратить расстрел! Он уже искупил вину кровью! Таких нельзя расстреливать!

Прокурор из-под козырька фуражки, оглядев стройного и красивого Зверева, неторопливо вынул из кобуры трофейный пистолет, наставил дуло в лоб Харитонову и проговорил в тишине:

- Ты хотел умереть от немецкой пули - вот она, - и в упор выстрелил в голову Харитонова.

Тело иркутянина рухнуло. У меня выступили слезы. А выстрелы раздавались один за другим... Я торопливо протер кулаком глаза, увидел - прокурор продолжал стрелять в голову уже мертвого Харитонова...

...Два солдата из роты особого отдела зарыли тело нашего земляка.

По приказу комбата Зверева мы выкопали другую могилу - в расположении своей, 6-й батареи, в сосновом лесу, чтобы перезахоронить тело боевого друга.

Михаил Ларионов и Вася Исаич принесли его на носилках - оно было без головы: прокурор всадил в нее всю обойму, и она вдребезги разлетелась, лишь небольшая часть подбородка держалась на шее.

Комбат принес чистое белье, новую гимнастерку, брюки, положил на голое, окровавленное тело Харитонова:

- В мешках прохвоста-старшины нашел. Выгнал его из батареи.

- Зачем поторопился?! Надо было придушить его, суку! - сожалел Вася Исаич.

- Чего я и боялся за вас! Не дай бог, под конец войны так бесславно погибнуть! Получить пулю в лоб от своего прокурора... - Он склонился над выкопанной могилой: - Дно застелить сухой хвоей. Гроба не будет. Как не было ни для кого, похороненного раньше. Из жердей сделаем полати – по сибирскому обычаю.

Все делалось с душой, быстро. И вскоре между низкорослых косматых сосен появилась засыпанная сверху сухой рыжей хвоей вперемешку с шишками могила Василия Харитонова.

После салюта из карабинов, комбат присел у могилы, наваливаясь спиной на сосну:

- Садитесь, передохнем, покурим, чтобы Василий всегда ощущал здесь запах русской махорки.

Уставшие солдаты, сержанты, лейтенанты батареи расселись вокруг холмика, непохожего на могилу. И тут кто-то вдруг хватился политрука:

- А почему нет капитана Повченко?

- Он был против перехорон «мародера». Так он сказал мне, - пояснил Зверев. - Я его попросил, чтобы он побыл у гаубиц за часового.

- Почему поляки ненавидят нас, русских? - спросил наш солдатский поэт Вася Дегтяренко. - Их фашисты в печах Майданека живьем жгли - на пепел для удобрения пашни в Германии, а они у нас за котелок картошки просят немецкие марки. Русский рубль, говорят, «не добже».

И тут все как один оживленно заерзали на сухой хвое, выражая свое возмущение в адрес поляков.

- Мера наказания Харитонова была заранее предопределена, - был уверен Дегтяренко, - согласована судом ревтрибунала с политотделом дивизии.

- Ты говоришь так, будто кто-то проинформировал тебя, - сказал комбат.

- Это мое предположение. Гена Бураков готов был подставить свой лоб за Харитонова, грубил суду, буквально напрашивался на расстрел... Но он новичок в нашем полку и кроме нас его никто не знает, расстрелять его - эффект не тот. Сейчас во всех батареях рассуждают: «Даже с Харитоновым не посчитались, расстреляли. Не-ет, буду с голоду подыхать, а воровать не пойду». - Василий тяжело вздохнул. - Что ж он, бедняга, думал в последние секунды своей

жизни, когда мы, его боевые друзья, по команде прокурора целились в него? С какими мыслями ушел на тот свет?

- Харитонов психологически настроил себя принять смерть достойно и о другом вряд ли думал, - сказал комбат. - Когда он был ранен, кровь текла по телу, можно было прекратить расстрел. Я и закричал прокурору. Хорошо, что вы не заорали батареей в поддержку меня. А если бы заорали - это походило бы на бунт, и прокурор вполне мог тут же пристрелить меня как главаря бунтовщиков!

Потом комбат говорил, почему так недружелюбно относятся к русским поляки и как мы должны вести себя.

- После четырехсот лет бессмысленной вражды между нами должны установиться добрососедские отношения. Есть хорошее начало. Польская армия, сформированная в Советском Союзе, плечом к плечу с нашими частями сражается с войсками фашистской Германии. Западу это не по нутру, особенно Англии. Сейчас идет международная политическая возня о будущем Польши, то есть какой она должна быть после освобождения. В Польше уйма корреспондентов капиталистического строя, и они что только не плетут на Советский Союз. А глава иммигрировавшего правительства Польши Миколайчук даже обвиняет нас в трагедии Варшавы. Чтобы не усугублять положения важных политических дел с Польшей, мы должны, как подобает советскому воину, быть тише воды, ниже травы. Мародерство в рядах Красной Армии недопустимо и строго наказуемо, в чем мы наглядно убедились. Мы не должны быть похожими на гитлеровских головорезов. Ни в коем случае ничего не трогайте у поляков! Они не меньше нас пострадали за годы гитлеровской оккупации...

- А почему же они стреляют в нас? - недоумевал Дегтяренко. - Мы освобождаем их от фашистского гнета, а они то с чердака, то из-за угла убивают наших солдат, офицеров... Такова их цена за свободу?

- Это делают профашистские элементы, предатели Украины, бандеры, - ответил комбат. И, словно от усталости, закрыл глаза, спиной и затылком привалившись к сосне. Вася Дегтяренко умолк. Никто из солдат и офицеров не пытался заговорить или спросить о чем-то Зверева. В потемневшем лесу наступила тишина...

- Кто из вас смог бы так мужественно принять смерть, как Харитонов? - вдруг спросил, не открывая глаз, комбат.

Ответа не последовало. Даже хвастунишки как в рот воды набрали. Зверев раскрыл глаза. Я сидел напротив через могилку и, наверное, потому он спросил меня:

- А ты чего молчишь, разведчик?

У меня от неожиданности екнуло сердце. В 6-й батареи я был новичком и прослыть трусом, конечно же, не хотелось, но я сказал правду:

- Как только бы судья прочитал: «Черемных приговорить к смертной казни!» - я тут же бы врезал в лес! Не один бы «смерш» не догнал меня. - Под полутихий хохот батарейцев продолжал: - Мне бы как трусу всадили пулю промеж лопаток, но я бы избавился от издевательства садиста-прокурора. Такая вот думка родилась у меня при расстреле Васи Харитонова.

- А я только сейчас подумал о себе, - сказал Дегтяренко. - Не знаю, хватило бы у меня мужества не заплакать после приговора суда, дойти до своей могилы... Но выполнять команду прокурора: «Снять шинель, снять гимнастерку, брюки!» - я бы не стал, а-а... может быть, и не смог бы. Василий смог. А как он ласково разглаживал ладонью шинель, свертывая ее...

И тут я невольно вспомнил стихотворение, написанное Васей Дегтяренко:

Когда-то лютая метель,
Визжа, снежинками играла,
Простая серая шинель –
Спасибо ей - обогревала.
В суровой жизни фронтовой
И в трудных длительных походах
Хранила ветреной порой
От лютой зимней непогоды.
Простая, серая шинель,
Когда настанет ночь с привалом,
Она нам служит за постель
И в то же время одеялом.
Как ей спасибо не сказать,
Хоть и считают это странным,

Но прежде чем ложиться спать,
Ей объявляют благодарность -
За все. И как служить могу,
Служу, не чувствуя усталость,
С любовью в сердце берегу
Ее поношенную старость.
И вот, когда пройдет война,
Умолкнут гулы роковые,
Шинель из серого сукна
Напомнит годы боевые.
И первый пенистый бокал
Поднимем мы на самом деле
За тех, кто славно воевал
В простой и серенькой шинели.

...Прошло трое суток после того рокового дня. И опять для нас, солдат, большая потеря: комбата Дмитрия Васильевича Зверева вызвали в штаб полка, и он как сквозь землю провалился. И теперь у меня образы командира и Харитонова, чередуясь, заслоняли все происходящее вокруг.

В голову лезла всякая чушь, предположения. Вспомнился командир 5-й батареи Кузьмин, по национальности цыган. Его во время жаркого боя под Яссами вызвали куда-то: больше мы его никогда не видели и ничего о нем не слышали. Куда он делся?!

Кузьмину на партийных собраниях всегда указывали на панибратство с подчиненными. Я в то время не понимал, что такое панибратство и однажды, находясь с ним в одной наблюдательной ячейке, спросил:

- Товарищ комбат, что такое панибратство? На всех собраниях вам говорят одно и то же...

Он отвел от глаз бинокль, помолчал, думая о чем-то, потом объяснил:

- Мне надо бы иметь свой блиндаж, как все командиры батарей, а я нахожусь вместе с вами, валяюсь на земляных нарах, ем из одного ведра, вечерами по-цыгански деру глотку, пляшу, веселю вас, сам веселюсь, не кричу, не приказываю, а просто так, по-человечески, говорю, и вы меня понимаете. Вот это все, что я тебе сказал, называют панибратством.

«Но за это же не мог комбат исчезнуть бесследно, - думал я. - Вот и Зверева с батареи убрали за крик прокурору: «Таких нельзя расстреливать!» Где он теперь, почему нам, солдатам, никто не объяснит, куда его дели?»

По вечерам было еще мучительнее. Раньше всегда звенели шутки, смех, теперь стояло невыносимое молчание. Казалось, никакой солдатской дружбы не существовало между нами. Мы будто чуждались друг друга. Одни, глядя в котелки, торопливо ели, другие с трудом ворочали челюстями. После ужина расположение батареи пустело. Ни из одной землянки не вырывался говор. По утрам только раздавался голос дежурного по части:

- Подъем! Подъем! – и снова тишина.

Завтра наступит новый, 1945 год. Мы на Сандомирском плацдарме. Морозец тридцать градусов. Перед нами снежное, черно-пятнистое от воронок поле. Траншеи нашей пехоты, как никогда, мелкие, и солдаты, чтобы хоть немного согреться, расхаживали в полусогнутом положении. Для пехотинцев, по-видимому, в воинском уставе не предусматривались блиндажи. Траншеи, ровики - их постоянное жилье. За три прошедшие военные зимы редко приходилось забредать в блиндаж, который опять же нечем было топить. Дров никогда и никто не подвозил, а самим невозможно этим заниматься - передовую не бросишь. Пехотинцы будто суетились на какой-то работе - то, приседая, утопали с головой в траншее, то, вынырнув, бегали по ней туда-сюда.

Пехотинцы совсем близко от нашего НП, да плюс шестикратный бинокль приближал их, и я отчетливо видел обожженные морозом лица. Один, неуклюжий, в шапке с опущенными ушами, то ли заметил блеск моего бинокля, то ли от постоянного приседания устал, навалился на кромку траншеи и смотрел в нашу сторону. Усы и брови солдата заиндевели. Не желая злить его тем, что у нас из трубы печурки вылетают искры, отвожу бинокль, смотрю на нейтральную полосу. На ней - с красными звездочками и черными крестами на башнях - подбитые танки, запорошенные снегом трупы. Вдоль западного склона возвышенности - чужие траншеи; нескончаемо тянутся проволочные заграждения в два кола. По рассказам тех, кого мы сменили, немцы тут

в течение четырех месяцев с сумасшедшей поспешностью строили укрепления. Глубина обороны достигает ста восьмидесяти километров. Передний край - три линии траншей полного профиля. Дальше, казалось, конец земли сливался с голубым небом.

...12 января 1945 года наши войска прорвали линию обороны, пошли вглубь Германии, а мы - с востока на запад, вдоль польско-немецкой границы.

- Когда же в Германию? – нетерпеливо говорили солдаты. - Тут пусть поляки очищают свою землю!

С первых дней войны мы, сибиряки, думали: «Скорей, скорей бы на фронт!» И все эти годы горели одним желанием - вышибить врага из деревни, города! Тысячи кровавых боев на своей родине, теперь бои за Польшу! Немецкая земля рядом, а мы никак не повернем к ней, все очищаем леса от противника. Отступая, он делал на дорогах, проселках завалы, выставляя заслоны из автоматчиков, танков, бронетранспортеров. Словом, оказывал яростное сопротивление. Но гайка на долгий бой у него уже была слабая. Немец бежал, мы все же переступили границу Германии!

- Ну держись теперь, вражина! - грозили мы.

Навстречу по обочине дороги шли разведчики, пехотинцы с группами пленных. Фома Петров, едва не переваливаясь через борт кузова автомашины, кричал:

- Чо, пари, комрады, на хаус?! Куда вы? Ваши киндрики, муттеры там живут! - показывал на запад.

За день наступления наших войск мы продвинулись на двадцать километров. Потом ежедневно стали продвигаться по тридцать километров.

Каждое утро для нас было радостным.

- Товарищи! Войска Рокоссовского вошли в Данциг! - стоя в кузове, выкрикивал политрук батареи.

- Наши коневцы освободили Краков!

- Третий Белорусский фронт вклинился в Восточную Пруссию! Жуков идет к сердцу Германии! Вперед, товарищи, до полной победы!

...Впереди нас, за пригорком, полощутся языки огня, горит село. Колонной автомашин с пушками подъезжаем к окраине, здесь усадьбы еще не охвачены пожаром.

- Вот так, гори, гори, Германия, - злорадно говорил Фома. - Гори, как Полтавщина горела.

Дома тут не походили ни на украинские хаты, ни на сибирские избы. По обе стороны узкой улицы особняки с мансардами. Крыши высокие, с крутыми скатами. Добротные конюшни, коровники с продолговатыми окнами в побеленных стенах. В глубине села из пожарища тянулся к небу шпиль церкви. Нигде ни единого человека.

Головные автомашины колонны скрываются в дыму. Нас осыпает искрами, хлопьями пепла. Огнем ожигает лица, прогревает через полушубки озябшее на ходу тело.

В пожаре - треск, грохот, рушатся стены, оседают стропила. С правой стороны из сплошного огня с ревом набежало стадо пестро-черных коров, вклинилось между машин, запрудило улицу.

- Собака, собака в огне! - кричал кто-то. - У нее в зубах ребенок!

По телу пробежали холодные мурашки. Вглядываюсь в ослепляющий, жгучий огонь, вижу мечущуюся высокую овчарку. У нее в пасти кукла!

- Фу ты, черт, испугался!

- Чо остановился? - кричит Фома высунувшемуся из кабины Васе Исаичу.

- Боров не дает ходу! - отозвался тот. - Помогите комбату!

На дороге перед «студебеккером» здоровенный, с припаленной щетиной ушастый хряк.

- Вот это да-а! - удивились мы с Фомой. - Он и в кузов полуторки не войдет!

- Прикладом его! - кричит нам комбат, пиная борова.

Бьем его по аршинной спине, тычем под бока карабинами:

- Усь, усь, скотина!

Наши удары ему - как слону дробина. Изгибаясь, он зло озирается то на меня, то на Фому, клацает клыками, хрюкает.

- Пристрелить его! - говорю комбату.

- А потом что?! Его взводом с дороги не стянешь! Исаич, буфером столкни в кювет!

Заревел мотор, машина буфером двинула хряка в зад, и тот, упираясь, визжа и хрюкая, забороздил ногами по асфальту и свалился в кювет.

- На машину! - скомандовал комбат.

Хватаясь за кромку борта кузова, обжигаем руки.

- Бензобак вспыхнет! - крикнул Фома. И разведчики батареи, свесив брезент с кузова, прикрыли бензобак.

Населенному пункту, объятому пожаром, казалось, не будет конца. С обеих сторон узкой улицы полыхает огонь. Снова раздалось мычание коров.

- Имение горит! - прикрывая воротником полушубка раскрасневшееся от жары лицо, крикнул лейтенант Воронов. - Видно, скотники с хозяевами убежали, ворота открыть некому, скот живьем горит.

- Наши коровы так же горели, - сказал радист.

Воронов косо посмотрел в рыжее лицо радиста:

- Открыть ворота!

Тот бросился к воротам...

Наконец-то выехали из деревни. Стадо коров, что врезалось в нашу колонну, рассыпалось в разные стороны на волю.

На белом поле чернели наши обгоревшие танки. Дальше - небольшой городок, часть домов в нем с провалами окон и пробоинами на крышах. Из одной трубы тянулся дымок.

- Ночлег! - объявил комбат.

Мы с Фомой Петровым направились к покрашенному зеленой краской дому. Обшитая дерматином дверь закрыта на внутренний замок.

- Убежали, закрыли, - с силой дергая за ручку, ворчал Фома. - Хрен с ним, пошли в другой.

В соседнем доме дверь оказалась не на замке. Внутри тепло. Из коридора ходы в комнаты, кухню. Заходим в спальню. Две спаренные под цвет дуба кровати аккуратно прибраны. Впервой видим такие кровати, они установлены не вплотную к стенам, как у нас, а посреди комнаты. Кружимся вокруг них, рассуждая:

- Видно, семья большая, поперек спали.

- Ага, поперек, - и Петров в шубе, с заснеженными валенками улегся поперек, переваливаясь с боку на бок то к одной спинке, то к другой:

- Видал, какие ушлые? Ишь, как спят, чтоб дети не свалились на пол. А вот упереться не обо что. Неудобно с бабой спать. Одеяло лохматое, теплое... Давай разорвем на онучи!

И мы, содрав с кровати верблюжье одеяло, с хохотом его дергаем, а оно крепкое, не рвется. Упираясь один другому в ногу, будто отбирая друг у друга, с силой рвем. Треск тупой, неровный.

- Как некорошо, - вроде почудилось мне. Я обернулся и увидел женщину с мальчишкой, пугливо выглядывающего из-за ее бока.

- Некорошо, - качая полуседой головой, говорила она. - Некорошо, рус зольдат.

Мы оторопело переглянулись с Фомкой, пряча за спину разорванное одеяло.

- Ты вроде полурусская? - спрашиваю ее.

Она помотала головой.

- Откуда по-нашенски знаешь?

- Папа научиль. Он в плену России биль, - посиневшие тонкие губы растянулись в улыбке. - Русска народ корош...

- Когда он был, в эту войну?

- Ту-у-у! - махнула она рукой.

- Где он? - спросил Фома.

Немка полуповернулась к его портрету на стене, и я выпустил из рук оторванную полосу одеяла. Это не ускользнуло от нее, она горько усмехнулась:

- Папа моя помираль.

- Одеяло мы на портянки, - говорю, - ноги сырые, мерзнут. У вас холодно, как у нас в Сибири.

- О-о, - свела ладони, - вы с Сибиру? Я вам, - взяла синеглазого мальчонку за руку, шагнула к шифоньеру, а он, боясь проходить мимо нас, исказил личико, завыл, выдергивая из материнской руки свою ручонку. Фрау, оглаживая его русые волосенки, говорила по-своему и по-русски:

- Рус зольдат гут! Корош, не тронет.

- Не боись, не боись! - заторопились мы успокоить парнишку.

Тот, кулачком протирая глаз и косо взглядывая на нас другим глазом, потянулся за матерью.

- Отец-то где его, ишо воюет или капут ему?

- Под Сталинградом, - тихим голосом ответила хозяйка.

- Ишь куда дошел. Немало наделал делов у нас!

Немка торопливо распахнула дверки гардероба, зарылась в белье на полках, выдернула байку. Резко обернулась и, неестественно улыбаясь, залопотала:

- Корош, теплий, теплий!

В дверь влетел Ларионов, сделав пальцами рога, дурачился:

- Му-у-у, му-у-у! Млеко, млеко, - хватал воздух в щепотку, будто доя корову, просил, - млеко, млеко давай! Рус солдат ись хоти! Яйки давай! Куд-кудах, куд-кудах, - сделал пальцами кружок, сунул в него указательный палец, как бы щупая курицу. - Яйки, яйки!

Немка рассмеялась, кивая головой:

- Понимаю, понимаю!

- О-о-о! - удивился Ларионов. - По-русски говоришь?

- Плехо, плехо!

- Так вот ваши солдаты просили у наших баб, - сказал Фома. - А он шутник, просто дурочку порет. Ему ни молоко, ни яйки, а шнапса надо.

- Шнапс! - выкрикнула немка. - Шнапс идем столовая.

Она с парнишкой вышла из дома, а мы топтались возле серванта с множеством хрустальной и фарфоровой посуды.

- Ишь как жили! Чуманы стеклянны, - удивляясь, показываем пальцем на розетки и фарфоровые соусницы. - А вот с носочком, с ручкой чуманы.

- А рюмки-то, рюмки какие, больше наших! Они, видать, жаднее нас водку лопают.

Немка вернулась откуда-то с бутылкой шнапса и, видимо, зная, как пьют русские, поставила на стол стаканы, поспешно отойдя к двери. Не успела она захлопнуть ее за мальчишкой, не отстававшим от нее ни на шаг, раздался грохот орудий, с дребезгом зазвенели стекла.

- А-а-а! - испуганно закричали немка с сыном и бросились к нам.

- Расчеты, по местам! - в открытую дверь влетел голос комбата.

Ларионов выбежал из дома. И опять выстрелы, будто кто-то с неимоверной силой лупил колотушкой по огромному кожаному барабану. Черное полотно занавески задралось до потолка, забрякали сервизы в шкафу. Немка с перекошенным от страха лицом бросилась к окнам, схватилась за занавеску, чтобы задернуть ее.

- А-а! - пронзительным голосом верещал парнишка, вцепившись в обезумевшую от страха мать.

- Ложись! - крикнул Фома и, обхватив их, подмял под себя.

Я, боясь осколков, опрокинулся со стулом навзничь.

- В погреб, в погреб надо! Где погреб?

Но у немки то ли от испуга отнялся язык, то ли она не понимала, что такое погреб. Она тряслась будто в малярийном ознобе, прижимая к себе сынишку.

Фома, лежа с ней рядом, бормотал:

- Поймете, что такое война. Всю жизнь на чужой земле воюете. Теперь и вы понюхаете пороха...

Сотрясая дом, рвались снаряды. Сжатый воздух влетал в разбитые окна, рвал к потолку занавески, а Фома все бурчал:

- Моли бога, что война хватила краешек вашей деревни. А ежели бы мы дивизионом трахнули?..

Обстрел прекратился, и мы поднялись.

- Ну-у, напугалась? - глядя в посиневшее, нервно передергивающееся лицо немки, спросил Петров. - А ежели бы мы вот с ним, - кивнул он на меня, - как твои немцы у нас, заколотили бы окна, двери и живьем сожгли бы тебя с парнишкой?

Вздрагивая, немка замотала головой:

- Никс, никс!

- Не «никс»! Накажи сыну, чтобы он не забывал этот страх! - грозяще затряс пальцем. - Не забыва-ал! А то, чего доброго, подрастет и на Русь захочет, как его дед и отец. Смотри-ка, каждое поколение на нас с войной! Чо вам надо от нас, а? - окинул взглядом добротную обстановку: мягкие кресла, стулья, трельяж, сервант, уставленный хрусталем и фарфором. - Хватит вам! Всех соседей взяли под лапу, всех ограбили, - шагнул к столу, взял бутылку со шнапсом, и мы вышли.

Идем на город Эльс. Вечером едва не у стен домов занимаем оборону. Ни единого выстрела. Ночь спим спокойно. Утром входим в город. Улицы узкие. Во все глаза смотрю - окна наглухо зашторены. В магазины хоть на машине заезжай, грузи товар, в них ни одного человека.

- Чего б не остановиться?! - кричу лейтенанту Воронову. - Колбасы, гусятины взять!

Выходим из города. Лишь один Миша Ларионов умудрился как-то на ходу заскочить в магазин и прихватить окорок.

- Когда, где ты успел взять? - спрашиваю.

- В сельпе! - шутил Миша. - Смотрю, вывеска по-русски «Тайшетский райпотребсоюз!» А я полнопайщик, прямо с машины - жух во дверь! И мне вне очереди! - и закатился в хохоте.

Вечером собрание на батарее.

- Чтоб это было в первый и последний раз! - отчитывал Ларионова политрук Повченко.

- Ка-ак?! Это же не Польша, а Германия! Немцы у нас все могли, а мы у них нет!? - шумели солдаты.

- Мы - не они!..

- Они у нас все пожралы! - заглушил голос политрука новичок батареи Ганзюк. - А мы шо, к ним пришлы худобу ихню стеречь?! Они мою маты, дида убилы, а я должен ихню муттер целовать!

- Мы пришли сюда не грабить, а освобождать немцев от фашизма, - объяснял политрук батареи.

«Вот те на! Наелся гусятины! - злился я. - И тут, как мышь, сиди на крупе».

Командир гаубичного орудия Вася Дегтяренко успокаивал нас стихами:

Вперед, друзья, вперед!
Победа будет скоро.
Еще удар и русский победит,
Гони и бей, как бить учил Суворов
Былого героический старик!

Гони и бей, коли
И никакой пощады!
Пускай вся злость в тебе заговорит,
Последний натиск и погибнут гады.
Вперед, друзья, вперед, сибиряки!

Февраль. Погода промозглая. Ночью снег, днем дождь. Лужи, ручьи, озера покрыли поля Нижней Силезии. Реки вскрылись. Грязь непролазная.

Я со своим напарником Кимом Обязовым на НП командира батареи. В затишье включаю рацию, слушаю Москву и раньше политрука рассказываю ребятам новости... Теперь я в курсе едва не всех событий на фронте и вижу, что делается впереди нас. По рации узнаю о делах соседей.

«Разведчики взяли «языка» - курсанта Берлинского офицерского училища, - говорил кто-то, - Они превратили дома Диттерсбаха в доты, кирпичный завод - в крепость».

На крышке радиопередатчика написано: «Держи язык за зубами». А офицеры говорили как по телефону - без кода, во время боя матерились:

- В душу мать! Колесами поддерживай пехоту! Прямой наводкой бей врага!

Я узнавал по голосу многих командиров нашего артполка:

- Табакарь ранен! Принимай артдивизион, командуй, - приказывал подполковник Репин капитану Алексею Васильеву. - Капралов, ты почему не с командиром роты?!

- От него ничего не видно!

- Заставь его сесть туда, откуда все будет видно!

Два часа «молотили» мы укрепления противника в Диттерсбахе. И курсанты Берлинского офицерского училища драпанули.

Опять идем по лесным массивам. Идем долго, скрытно и вечером с ходу врываемся в населенный пункт Китлицтребен с древним замком, выходим к реке Бобер. Немцы взорвали мост.

На душе потяжелело: водная преграда во сто раз хуже всяких дзотов, дотов. Ракеты взлетают одна за другой, в глади воды отражаются как в зеркале, высвечивают амбразуры дзотов, чернеющих в обрывах берега. Освещают дома населенного пункта Луизенталь. Оттуда с визгом летят мины, а наши пехотинцы под грохот взрывов несут на себе лодки, опускают их в воду. Сюда же подтаскивают маленькие плотики, связанные деревянные бочки.

- Бог ты мой! - вглядываясь в темноту, взмолился я. - Как на Днепре! - перед глазами всплыло село Келеберда. Тогда была осень, вода еще не совсем похолодела, сейчас февраль - попробуй окунись!

Плеск воды. Пехота отплывает. У меня бухало сердце так, будто я сам в лодке и немцы вот-вот встретят ураганным огнем. Они у самой воды, там и на землю не ступишь, врукопашную пойдут.

- Рус, ру-ус! - оглушенно заорал на той стороне немец, и тут же все одновременно разразилось - застрочили пулеме-

ты, осветился Бобер, усыпанный во всю его небольшую ширину лодками, плотами с людьми. В воду врезались мины противника, унося на тот свет наших солдат.

Трахнул взрыв у самого левого берега. Водяной столб, оседая, окатил нас в ровиках.

- Включай рацию! - крикнул мне в затылок Фома Петров и бросился исправлять порыв телефонного кабеля.

В наушниках - скрип, морзянка. Настраивая приемник, улавливаю чей-то радостный голос: «Молодец, молодец, Крахмалев! Штурмуй!»

Командир батальона 656-го полка Крахмалев, воспользовавшись шумихой на нашем участке, вплавь форсировал Бобер и штурмом овладел населенным пунктом Урбанстребен - отвлек немцев от пехоты, что были впереди нас, и от взорванного моста. Саперы соорудили настил через мост, пушкари ринулись на правый берег. Появились бомбардировщики и наши «Илы» - одни выше, другие ниже. Истребители схлестнулись перекрестно-пулеметным огнем. В воздухе три яруса самолетов. Бомбардировщики, сделав круг, пошли в пике на артиллерию. «Илы», едва не хватая колесами танки противника, сыпят на них бомбы, как будто хотят таранить Луизенталь. Левый берег бьет из «катюш», пушек. Напротив нас «тигры» - прижимают к берегу искупавшуюся пехоту, она пятится с занятого небольшого плацдарма; в грохоте еле-еле пробивается голос нашего комбата:

- По танкам... огонь!

Выстрелов гаубиц не слышно, на огневой рвутся бомбы. И тут в рев сирен, грохот моторов звучно врезаются резкие залпы 76-миллиметровых пушек - наши танки подошли к берегу, а переправа для них не готова, мост под минометным огнем, и они, выручая пехоту, бьют по танкам противника. Разрыв небольшой - всего лишь река Бобер с полосками берегов и «Т-34» стреляют по «тиграм» без промаха. Два танка уже загорелись.

Самолеты противника и наши «Илы», сделав свое дело, разлетелись в разные стороны. Истребители, забравшись в небеса, продолжали драться. На земле - дуэль танков, шипение появившихся «катюш». Теперь наш перевес в силе - правый берег в сплошных взрывах. Наступил перелом...

За рекой в дымно-искрящем воздухе горели танки, тут и там мелькали фигурки отступающих вражеских солдат, и за ними реденькой цепью пошла наша пехота. Многие, кто первым вступил на правый берег реки Бобер, лежали в сереньких шинелях мертвыми, дальше, в порубленном осколками кустарнике, валялись в зеленых шинелях убитые немцы...

В Луизенталь не въехать. В нем всего две прямых улицы, и они в сплошных завалах. Стены домов с такими проломами, что танк проскочит. В провалах между зданиями - искореженные снарядами орудия, автомашины. С трудом пробираемся. На западной окраине батарею останавливает командир артполка Репин.

- Товарищи! - звучным голосом обращает он к нам. - Мы идем по дороге наших предков! Идем на город Бунцлау! В нем музей, бывшая штаб-квартира Кутузова! Без моей команды ни единого залпа по городу! - говоря, он резко взмахивал рукой. - Не стрелять! Без разрухи взять город!..

За город Бунцлау наша дивизия была награждена орденом Кутузова и стала 116-й Харьковской Краснознаменной ордена Кутузова стрелковой дивизией.

...Жмем немцев к реке Квейс. «Не дать взорвать мост!» - этого желали не только командиры, но и солдаты - кому еще, как не им, идти первыми вплавь через реку.

Широкая автострада Бреслау-Берлин несколько сужается перед мостом и на том берегу входит под виадук высокой железнодорожной насыпи. Отступающий противник скучивается перед мостом - лавиной машин с пушками, пехотой заполняет этот мост. Тут бы артиллеристам сделать из него «мясную кашу»... Увы! - нельзя мост разрушать.

Наша пехота стремительно влетела на мост, перемахнув реку, рассыпалась по берегу.

Командир 3-го дивизиона капитан Алексей Васильев встал на подножку «студебеккера» и рванул через мост с пушкой. За ним комбат седьмой батареи Михаил Капралов. Васильев свернул с шоссейной дороги влево, развернул орудие стволом в сторону виадука, Капралов свернул с шоссе вправо к роще у моста. И тут еще подкатила машина с орудием - ее установили слева от дороги за мостом, на просеке, перпендикулярно шоссе.

Мост через реку Квейс прикрыт надежно пехотой и артиллерией. Немцам, чтобы взорвать его, нужно пройти через виадук, а он на прицеле орудий, стоявших на прямой наводке. Остальные орудия дивизиона на восточном берегу с сектором обстрела вдоль шоссе и насыпи с железной дорогой, откуда могла высыпать пехота врага.

На восточном берегу, слева от моста, наш 2-й дивизион прикрывал дорогу, идущую куда-то вдоль просеки...

Ночь. Небо совершенно ясное. Удивительная тишина, и в ней едва-едва слышно что-то упорно урчащее, напоминающее звук приглушенно работающих моторов.

Включаю рацию. В наушниках голос капитана Васильева:

- Шум нарастает со стороны Берлина. Выходил за виадук. За ним слышнее лязг гусениц. Светлячки от фар взлетают в небо. Осмотрелся, за насыпью вроде нет фрицев. В кювете брошенная немцами легковая машина, пробовал завести, не смог. Прием!

- Ты, мальчишка! - слышу Репина. - За виадук выходил! У тебя что, разведчиков нет?! Где надо и не надо сам лезешь!.. Будьте начеку!

Лязг гусениц, гул моторов был где-то совсем близко, и вдруг резкие звуки выстрелов 76-миллиметровых пушек, гаубицы за мостом. Багровое пламя взлетело в небо, раздвинуло ночную темноту. И тут с треском разорвался снаряд. Ударная волна бросила меня на землю. Потемнело в глазах. Уши словно пронзило насквозь - невыносимая боль, шум, звон, стук в висках...

Меня отправили в санчасть, а там полковой врач говорит:

- Давай в медсанбат!

- Нет, нет! - отказываюсь. - Скоро конец войны, своих потеряю, - и возвращаюсь в батарею.

Артдивизион капитана Васильева не дал прорваться танкам противника к мосту.

Перебравшись через реку в Альт-Ольске, к вечеру мы овладели населенными пунктами Липшау, Хозенау, Шендорф, Лоренцдорф. В районе Хейличенце трое суток отбивали контратаки противника и, разбив его, двинулись дальше.

За сорок с лишним дней беспрерывных боев пройдено около семисот километров. Множество рек, речушек, болот форсировано. А перед нами опять водный барьер - река

Нейсе. За ней населенный пункт с одно- и двухэтажными кирпичными домами, и немцы, как и в Луизентале, превратили подвалы в дзоты, первые этажи - в огневые точки, чердаки - в пулеметные и снайперские гнезда. Но наша пехота все же захватила пять крайних домов в городке. Теперь к мосту через Нейсе не подступиться - сплошные взрывы. С домов слетают крыши, разваливаются кирпичные стены, гибнут бойцы, раненых не вывезти...

В боях за Нейсе дивизия совсем обескровилась, и ее отвели в оборону в район города Яуер.

...406-й артполк встал на прямую наводку. Два гаубичных расчета командира взвода нашей 6-й батареи лейтенанта Михаила Новосардяна окопались у имения на западной окраине деревни. Жить расположились в двухэтажном доме. Хозяева убежали.

- Снести все кровати в зал, - приказал Новосардян.

Превращаем зал в казарму. Днем тут чистота, порядок, кровати заправлены по-солдатски, аккуратно. Ночью спим, не раздеваясь, в сапогах. Простыни меняем каждое утро, выхлопываем одеяла.

На передовой - тишина, враг ведет себя спокойно. В деревне поют петухи, беспризорно бродят по улице коровы. Голодные куры перерыли весь навоз во дворе.

- Собрать яйца! - приказал Новосардян. - Каждый день собирать. И кормить кур - комбикорм в кладовой.

Собираем яйца, варим к ужину по десять штук на человека. Вечером в ограду собрались красно-пестрые коровы. У дойных набухшее вымя. И опять приказ лейтенанта:

- Дойных в стойло и отдоить. Ухаживать за ними и доить, пить молоко как воду!

С хохотом распределяемся по два человека на корову: один мнет, растирает загрубелое вымя, другой доит. Проходит неделя. Отелились три коровы.

- Покормим немного и на шашлык! - говорил Новосардян.

Впервые живем так за все годы на войне. Спим на перинах, чистых простынях. Только вот разуваться не разрешает лейтенант. Еды навалом: яйца всмятку, молоко свежее и квашеное. Творог, сметана! На поварскую еду неохота смотреть.

В марте сводки Совинформбюро были неважные, не то, что в январе, феврале, и это тревожило нас. Немцы на всех фронтах еще отчаяннее оказывали сопротивление, и наши войска только кое-где продвигались вперед. В апреле дела пошли лучше: освободили столицу Словакии Братиславу, заняли Вену. Началось наступление на Берлин.

Ночью 19 апреля поступил приказ: сняться с боевой позиции!

Делаем стремительный марш в сторону передовой. Ночь холодная. Ветер пронизывал нас в кузове едва не до костей.

Утром 20 апреля с марша вступаем в бой, занимаем населенные пункты Эдернитц, Вильгельминенталь, Энкендорф...

С комбатом забираемся на чердак высокого дома, и я тут же привожу в рабочее состояние рацию, связываюсь с батареей... Через пробоину в шиферной крыше смотрю в сторону переднего края.

В семистах метрах от нас, в пологой лощине, местечко Каны, с тремя трубами консервных заводов местного значения и с такой же, как в Энкендорфе, церковью, - там на колокольне блеск бинокля, враг ведет прицельный артогонь. Мы отвечаем - по кирпичной церкви, но снаряды высекают из ее стен только красную пыль!

Из-за домов вынырнули немецкие танки, следом за ними – пехота. Напролом идут по дороге, пытаются пробиться к городу Ниски, отрезать нам, вырвавшимся вперед, путь на Берлин.

Наша артиллерия ударила по противнику, ведет бешеный, беглый огонь. Танки, казалось, приостановились... Ан, нет! Они перешли на тихий ход, не обгоняя один другого, словно подкрадываясь к засадам наших орудий, рассыпанных по полю. Оно в сплошных воронках, того и смотри, что попадешь в какую-нибудь гусеницей, скособочишься, подставишь борт под снаряд. Каждая наша пушка вкопана в землю по ствол, на стволах давным-давно обгорела краска. Серые шинели солдат – закопченные и запыленные - под стать дымному воздуху. Попробуй, фриц, заметь Ивана, где он поджидает тебя. Танкисты стреляли на авось.

Эта картина походила на бои под Яссами в Румынии, когда немцы хотели передавить нас танками, и наши артиллеристы подпускали их совсем близко, а затем били наверняка.

В море грохота один за другим звучно раздавались выстрелы 76-миллиметровых пушек. Тут и там взлетали в небо черные купола взрывов. Из башни «королевского тигра» сифоном потянулся ввысь красный язык.

В наушниках голос Репина:

- Немцы теснят поляков! Перестраивай батарею, надо срочно помочь! Карта двадцать пять тысяч! У тебя такая же? Как понял? Прием!

- Все понял! - ответил Васильев. - Карта такая же.

...Отбиваем контратаку за контратакой день, другой, пятый, помогаем соседу - польской армии, не даем противнику прорвать оборону. Пятнадцать танков подбито на поле сражения, и опять атака - седьмая за день. Раскалились докрасна стволы орудий. Горы пустых ящиков, гильз, снаряды на исходе. Большие потери в пушечных батареях. «Сорокапятки», что были впереди нас, раздавлены гусеницами немецких танков.

По силе ярости атаки, казалось, что фрицы нисколько не выдохлись и могут воевать еще год-два.

Но и на этот раз мы выстояли. Двенадцать часов ночи. Включаю рацию, слышу раздирающий душу голос Левитана:

- Войска Первого Белорусского фронта взяли девять городов, ворвались в Берлин! Войска Первого Украинского фронта с юга зашли в Берлин!

Выскакиваю из ровика:

- Ура-а! Наши войска взяли девять городов!

Связисты, разведчики вынырнули из своих земляных щелей.

- Чего орешь?! Почему не позвал? - прервал меня политрук батареи.

Он злился, когда я без него прослушивал последние известия и, не позвав его, рассказывал солдатам... А тут такая радость, когда будить его.

- Наши в Берлине! - кричал я политруку. - Наш Первый Украинский с юга зашел в Берлин.

...Утром вышибаем немцев из Кан, Уллерсдорфа, Вильгельминенталя. Ведем ожесточенные бои в районе Райхенбаха...

Звездная ночь. Чернота асфальтовой дороги, разрезая серую степь, ведет нас в город Циттау. Едем на машине Исаича без света фар, лишь изредка вспыхивает и тут же

гаснет левый подфарник. Улавливал или нет Исаич, что на дороге в это мгновение после каждого мигания подфарника он давил на газ и несся на предельной скорости.

За годы войны шофера научились не пользоваться фарами, и глаза у них, как у разведчиков, были натренированы. Они редко когда залетали в колдобины и воронки на дороге. И мы, солдаты, веря в их мастерство, спали. На этот раз было не до сна. Мы обогнали шедшую на штурм Циттау пехоту.

- Куда же мы прем?! - спрашивал я Ларионова.

- Хрен знает! Может, опять, как в Румынии, воевать без пехоты.

Странная обстановка. Еще не бывало такого, чтобы лучи прожекторов не пестрели в небе. На земле - абсолютное спокойствие, тишина, слышно только рычание моторов нашей колонны.

Начинался рассвет. Впереди вырисовывались очертания города с торчащими шпилями церквей и заводских труб.

- Впереди что-то чернеет! - крикнул Ларионов.

В кузове завозились, беря наизготовку карабины. Наш «студебеккер» заметно приближался к стволу пушки, прицепленной к машине, и, едва не наскочив на орудие, резко отвернул влево, поравнялся с машиной, ринулся дальше... Впереди - никого... Влетаем в город. На домах - белые флаги. Впереди нас оказалась батарея Мухина, и солдаты бежали нам навстречу:

- Победа! Победа! Ура-а!

Мы, веря и не веря им, попрыгали с машины, обнимали, целовали друг друга, кричали...

Подъехал полковник Репин и с ним его заместитель по политчасти майор Масленников. Хватаем Репина и давай его качать. Масленников забрался в кузов, орал:

- Сюда, сюда, солдаты!

Но уже всем было понятно, что долгожданный час победы настал, и мы, слушая его и ничего не слыша, кричали «ура-а!», подбрасывая вверх Репина. Масленникову ничего не оставалось, как дать салют из пистолета. Началась пальба из карабинов и автоматов!..

Жители Циттау выбрасывали и выбрасывали из окон белые полотнища, но нигде не высовывались человеческие головы. А нам, признаться, хотелось, чтобы немцы вышли

на балконы и разделили с нами эту общую радость. Только с наступлением дня на балконах стали появляться старики и старухи.

- Старина! Мать! Муттер! Война капут! - кричали мы им.

Кое-кто, нехотя помахав нам рукой, тут же исчезал, будто так просто вышел и безразлично смотрел на происходившее у его окон, кое-кто бросал нам скупые, неестественные усмешки.

- Видал ты, недовольны!..

- Ага-а! Обидно, что победили их. А ну, ближе к домам! Пускай выходят!

- Ура-а! Капут Гитлеру! Ура-а, победа! - орали мы в завешанные чем-то черным окна. Занавески колыхались, немцы через щелки смотрели на нас и, видимо, убедившись, что на наших лицах нет злости, а лишь одна радость выпирает наружу, выходили из квартир на балконы. Глядя на нас, они тоже стали кричать:

- Капут Гитлер! Капут Гитлер!

Мы, победно задрав головы, орали:

- Ура-а! Ура Сталину! - Протягивали девчонкам руки, звали: - Иди ко мне, иди, фрау, иди!

Немки подкупающе улыбались:

- Рус зольдат гут! Рус корош!

- Ходи за меня замуж! – нарочно коверкали мы слова. - Иди, моя на тебе женись будет! Поедем в Сибирь!

- Айда в Сибирь!..

Те отрицательно мотали головами и, будто выпуская изо рта пар, дули, дескать, там холодно.

- Не хошь в Сибирь - айда в Тайшет! - звал Ларионов.

- Айда в Заярск! - кричал Вася Исаич. - Заярск, я тя там в Ангару буль-буль... купаться!

В ответ нам летели не только обескураживающие девичьи улыбки и выкрики: «Рус гут! Рус зольдат корош!», но и враждебные взгляды. Мы не обращали на них внимания.

А парни с Украины, испытавшие во время оккупации фашистские зверства, злились:

- Бачив, як косятся?! У-у, кровопивцы! Як воны, сволочи, нас из хат пинкарями выгоняли та в Германию?! «У-у, шайзе! У-у, свинья!» - тильки так и называлы. А мы, бачив, як сватаем ихних дивок.

Все можно было видеть и слышать в этот радостный для нас, победителей, день. И сколько бы еще перекликались мы с девчонками, не знаю, но послышалась команда:

- По машинам!

Уезжая с этой улицы, на которой протолкались несколько часов, мы махали пилотками, а нам - платочками, словно мы были закадычными друзьями, никогда не враждовавшими между собой. Насколько же мы, русские, незлопамятные люди! Как будто сыновья, женихи, братья, отцы этих глазеющих с балконов людей не убивали у нас старых и малых, не сжигали села и города. Будто мы и не слышали о душегубках Майданека. А мы, хоть и шутя, сватали немецких невест, любезно приглашали в Сибирь, от которой так далеко увела нас война...

* * *

Дорогой читатель!

Вот и прочитана последняя страница повести, про которую можно сказать, что это яркий документ Великой Отечественной войны.

Не торопись, читатель, ставить эту книгу на полку. Дай прочитать ее сыну, дочери, внукам, правнукам, другу, соседу. А если ты к тому же окажешься учителем, то представь это произведение своим ученикам, настоятельно порекомендуй прочесть повесть «Разведчики». Пусть в память каждого из них крепко западет, что перенесло на своих плечах легендарное поколение сороковых.

Если в наших сердцах сохранится трепет перед подвигом своего народа, то и Россия сохранится как великая страна.

Оргкомитет

Основные награды писателя-фронтовика

Медаль «За отвагу»
(удостоен дважды)

Медаль «За боевые заслуги»
(удостоен дважды)

Медаль «За оборону
Сталинграда»

Медаль «За победу
над Германией»

Орден Отечественной войны
I степени

Орден Отечественной войны
II степени

Орден
«Знак Почета»

Медаль
«Ветеран труда»

* Снимки из военных архивов РФ

Воевал, строил Братскую ГЭС, писал...

В декабре 2004 года, не дожив всего несколько дней до своего 82-летия, ушел из жизни наш земляк, фронтовик, первостроитель г. Братска, член Союза писателей России Иннокентий Захарович ЧЕРЕМНЫХ.

Родился он 14 декабря 1922 года в крестьянской семье в деревне Паберега Братского района, которую его дед с несколькими другими семьями основал на берегу реки Оки. В семье Захара Максимовича и Марии Степановны Черемных родилось семеро детей: Матрена, Кеша, Миша, два Коли и Шура, до войны выжило четверо. На сегодняшний день осталось двое – Александра Захаровна (живет в Братске) и Николай Захарович (живет в деревне Танино Ершичского района Смоленской области).

Здравствуют также и прямые потомки писателя: внуки Яна и Дмитрий (дети дочери Тамары) – преданные своему делу старшие офицеры полиции, правнук Арсений (сын Яны), правнучки Анастасия, Анна и Александра (дочери Дмитрия).

Еще в детстве Иннокентий Захарович испытал на себе все тяготы того времени: нищету, неурожаи. С ранних лет трудился, помогал отцу. Перед Великой Отечественной войной выучился на тракториста, проработал несколько месяцев в Шамановской МТС.

В день своего 19-летия был призван в действующую армию, стал разведчиком. Призыв ребят 1922 года рождения в Братском районе начался в декабре 1941 года. Большинство, как и И.Черемных, попали в 116-ю стрелковую дивизию, которая формировалась под Иркутском. Сибирская дивизия состояла из иркутян, читинцев, братчан. В 178-й отдельной разведывательной роте из 113 разведчиков - 70 из Братского района.

Боевое крещение Иннокентий принял под Калугой. Участвовал в боях под Сталинградом, на Курской дуге, прошел Украину, с товарищами форсировал Днепр, освобождал Румынию, Польшу. После упорных боев на Сандомирском плацдарме победу встретил в немецком городе Циттау, а закончил войну в Чехословакии, в составе 406-го артполка в качестве командира радиоотделения. В боевых действиях был четырежды ранен, дважды тяжело, контужен, но каждый раз добровольно возвращался в строй. Награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону

Сталинграда», «За победу над Германией», орденами Отечественной войны I и II степени. Был представлен к ордену Славы III степени (ходатайство о награждении ефрейтора Черемных находится в архивах Министерства обороны), но заслуженную награду так и не получил.

После победного мая 1945 года участвовал в разгроме бандеровских банд на территории Западной Украины. И только летом 1946 года в звании старшины его демобилизовали.

Будущий писатель вернулся к родным, жившим в то время в Иркутске, на съемной квартире в предместье Марата. Здесь он работал токарем на автосборочном заводе им. Куйбышева. А вскоре встретил свою будущую жену - Евдокию Арсентьевну.

После смерти близких Иннокентия Захаровича – отца и сестры Моти - молодожены переехали в Бохан, где жили родственники Евдокии Арсентьевны, они-то и позвали их к себе. Недавний фронтовик был назначен на должность технического секретаря райкома партии, затем стал председателем сельпо - сам грузил кули с солью и сахаром, ремонтировал лошадиную сбрую, словом, мало походил на «начальника». В 1948 году у супругов Черемных родилась дочь Тамара, через два года - сын Игорь.

Однажды услышал по радио сообщение о строительстве Братской ГЭС и в июле 1955 года отправился на место стройки в числе 500 коммунистов (240-м подал заявление).

Валил лес для просеки от Тещиного языка до Братска, работал помощником машиниста-экскаваторщика, молотобойцем. По воспоминаниям внука писателя Дмитрия Владимировича Бибанаева, однажды в кузницу, где работал его дед, зашел И.И.Наймушин и залюбовался умелыми действиями бывшего отважного разведчика. Между ними завязался разговор по душам и вскоре Иван Иванович, прекрасно разбиравшийся в людях, вызвал Иннокентия Захаровича к себе в кабинет: «...думаю из тебя начальника сделать...поедешь заместителем начальника ЖКК левого берега». Эта сцена, а также дальнейшие карьерные перипетии на ниве создававшегося в строящемся городе жилищно-коммунального хозяйства описаны в автобиографическом романе Черемных «Лихолетье», вышедшем в центральном издательстве «Советский писатель» в 1989 году, а также в последующих изданиях.

Летом 1958 года в Братске-1 организовывалась объединенная ЖКК для эксплуатации временного жилья, общежитий, бань, детский садов. Ее руководителем был назначен уже хорошо зарекомендовавший себя И.З.Черемных. На этой хлопотной должности он проработал 11 лет. Затем в его биографии был отдел рабочего снабжения УС БЛПК, руководство гостиницей «Тайга». По словам родной сестры писателя Александры Захаровны Черемных, свою трудовую деятельность ее брат заканчивал в ЖКК (на улице Подбельского), откуда и ушел на заслуженный отдых в 1977 году.

За добросовестный труд в мирное время он награжден орденом «Знак почета» и медалью «Ветеран труда».

В 90-е лихие писатель переехал с семьей в поселок Ключи-Булак Братского района, пытался стать «фермером», но не получилось. В эти годы он проводил в последний путь свою верную спутницу жизни - Евдокию Арсентьевну. Снова вернулся в Братск.

К несчастью, по драматическому сценарию развивались судьбы его детей - Игоря и Тамары, а также внука Захара (сына Игоря), что привело к преждевременному завершению ими своего земного пути.

По словам внука Д.В.Бибанаева, дед был главой многочисленной родни Черемных, за всех переживал. Родственники часто обращались к нему за помощью, нередко останавливались у него дома, пока тот решал их вопросы.

Война оставила в душе фронтовика глубокий след. Иннокентий Захарович очень хотел, чтобы все узнали о его боевых товарищах. Каждый отпуск он ездил на могилы друзей-разведчиков, встречался с однополчанами и вел с ними активную переписку. В фондах Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары хранится более двухсот писем.

Был у Иннокентия Захаровича друг Василий Дегтяренко, фронтовой поэт. Он мечтал написать книгу о солдатской дружбе, но трагически погиб в 1959 году. На его могиле Черемных поклялся найти писателя, рассказать ему обо всем, а тот напишет. Писателя не нашел, решился самостоятельно взяться за перо. Помогли сибирский характер, фамильное упрямство, цепкая память разведчика, природные способности, которыми щедро был наделен этот человек, а главное - чувство долга. Писатель часто сокрушался:

«Не хватает грамотешки! Ох как не хватает!» Иннокентий Захарович пишет в свободное от работы время. По воспоминаниям внука Д.В.Бибанаева, в выходные и праздничные дни дед закрывался в своей комнате и писал, писал... Иногда его рукописи помогала перепечатывать жена. «Порой по пятнадцать часов не выхожу из-за пишущей машинки», - признавался писатель своим друзьям-журналистам из редакции газеты «Знамя» Евгению Урукову, Леониду Войлошникову (именно они редактировали его первые литературные опыты, и оба много писали об Иннокентии Захаровиче), Виктору Степанову, Александру Силивончику, Юрию Подскочину и др.

Перед первой своей книгой «Разведчики», в выпусках газеты «Красное знамя», И.З. Черемных опубликовал ряд рассказов и очерков о войне. Они сразу же были замечены читателями, затем и критикой, и привлекли к себе внимание ярким жизненным материалом, предельной искренностью автора, сочным народным языком. Главы его документальной повести «Разведчики» увидели свет и на страницах иркутского альманаха «Ангара», а в 1970 году книга, уже в полном объеме, была выпущена Восточно-Сибирским издательством.

В 70-е годы рассказать полную правду было невозможно, многие темы были под запретом. О плохом оснащении советской армии; о массовых самострелах, случаях дезертирства в рядах нашей армии; о преступных приказах командования, в результате которых незначительные успехи достигались неимоверными потерями личного состава; о штрафных батальонах и заградительных отрядах; о скоропалительных военных судах; о расстрелах солдат и командиров, не сумевших выполнить приказ.... Обо всем этом предпочитали умалчивать и поэтому многие эпизоды военной биографии писателя, о которых он хотел рассказать читателям, были вырезаны цензурой. Не случайно до последних дней своей жизни Иннокентий Захарович дорабатывал свои книги. К сожалению, не сохранился обширный литературный архив писателя: после его кончины, по недомыслию или роковому стечению обстоятельств, он попросту был выброшен как бытовой хлам.

В 1980 году появляется новая книга писателя - «Однополчане». Через два года И.З.Черемных был принят в Союз писателей СССР.

В 1984 году появляется новая повесть «После войны», а через пять лет в центральном издательстве «Советский писатель» вышел в свет роман «Лихолетье». Автор сводит в единое целое три эпохи в жизни страны: коллективизацию и предвоенный период, войну 1941 – 1945 годов, послевоенные годы, строительство Братской ГЭС. Роман включил в себя многое из того, что было уже ранее опубликовано, внесены дополнения, уточнения, поправки. Заключительная часть представляет собой основательно переработанную повесть «После войны».

В 1998 году Иннокентий Захарович представил читателям повесть «Моя деревня Паберега». «В книге истинная правда, ничего нет надуманного. Действующие лица с подлинными именами», - пишет автор в предисловии. А через год типография «Издательский дом «Братск» издает книгу «Солдаты войны», и вот теперь – «Разведчики», с авторскими дополнениями и изменениями, которые он внес незадолго до своей смерти в ранее изданную книгу и успел передать коренной землячке, члену Союза журналистов России М.М.Исаковой.

В заключение добавим, что 14 декабря 2012 года, в день 90-летия со дня рождения писателя-фронтовика, при большом стечении общественности, на здании центральной городской библиотеки, носящей его имя с 2008 года, была установлена мемориальная доска в его честь.

Материал подготовлен по опубликованным статьям и очеркам Евгения УРУКОВА, Сергея КИРИЛОВА, Марины ТИМОХИНОЙ, Любови ШЕВГЕНИНОЙ, а также на основе документов и бесед Маргариты ИСАКОВОЙ с родственниками писателя

Литературные мастера о творчестве нашего земляка

Из рецензии на повесть Иннокентия Черемных «Разведчики», написанной известным сибирским писателем Дмитрием СЕРГЕЕВЫМ в конце 60-х годов, когда в Восточно-Сибирском издательстве готовилась к изданию самая первая книга писателя-братчанина.

В четвертой главе «Встречи» автор рассказывает о том, как возник замысел повести: «Иногда до слез, до комка в горле одолевают воспоминания. Я перебираю в памяти друзей по оружию, и душу словно кошки скребут. Я поднимаю их на ноги, они встают живыми, такими, какими были - молодые, краснощекие, веселые, доверчивые парни. Порой так хочется рассказать о них! И я рассказываю: в школах, пионерских комнатах, выступал по телевидению в Братске, перед допризывниками в военкомате...»

Так зародилась мысль написать книгу воспоминаний. Черемных отдает себе отчет, насколько это трудная задача. Возникают сомнения: а справится ли он, напишет ли книгу? Писательский труд ему незнаком, да и образования маловато – пять классов до войны, пять после. Иннокентий Захарович посылает запрос в кадры Министерства обороны с просьбой сообщить адреса однополчан. Ответ получен. Будущий писатель берет отпуск и едет встречаться с фронтовыми товарищами.

«Утром проводник вернул мне проездной билет. Осталось двадцать минут. С чемоданом вышел в тамбур. Не пойму, что со мною творится, трясет. В открытую дверь донесся голос дежурного по вокзалу. Вижу людей, снующих по перрону. Двадцать три года минуло, как расстались. Узнаем ли друг друга?»

Так описана первая послевоенная встреча автора с одним из героев будущей книги. Время не стерло из памяти боевого прошлого - друзья узнали друг друга. Разные судьбы у людей, по-разному и происходят встречи! Всякое было. Чаще искренняя радость, объятия, разговоры – нынешняя сегодняшняя жизнь переплетается с воспоминаниями из фронтового прошлого бывших рядовых разведчиков.

Для тех, кто прошел войну, кто пережил ее в окопах под пулями и минными осколками – прошлое невозможно вычеркнуть из памяти. Об этом написана книга Иннокентия Черемных.

В повести нет выдуманной фабулы, острых сюжетных поворотов, но читается она с интересом и волнением. Судьбы вчерашних мальчишек – восемнадцатилетних пареньков из Сибири, попавших на передовую в разведроту, невольно захватывают достоверностью, подлинностью происходящих событий. Автор в солдатской шинели и кирзовых сапогах стоял в одном ряду со своими героями, спал рядом с ними на нарах во фронтовой землянке, ел из одного котелка, ежеминутно рискуя жизнью, ползал в разведку за «языком», радовался первым удачам, переживал потери, приобретал опыт, закалялся...

Обо всем этом рассказано без книжного пафоса, искренне и откровенно. В книге писателя суровая и трудная правда, какою она была на самом деле. Можно сказать, что автор, рассказывая правду, раскрывает перед читателем секрет того, как обыкновенные парни становятся героями, не хвалясь и не кичась этим, не замалчивая неудач и трудностей. И, может быть, именно поэтому начинаешь верить в них – да, такие способны были выиграть войну. И они выиграли ее!

Отдельные герои выписаны очень ярко. Хорошо запоминается Борис Леготин - удалой, бесшабашный парень, весельчак и балагур, «душа роты». Он из тех, про которых в армии обыкновенно говорят: у него сильно хромает дисциплина. Но он показал себя в деле, и мы верим, что Борис - настоящий человек. Такой не струсит, не покинет друга в беде.

Принципиальных замечаний по повести нет. Она нуждается лишь в незначительной доработке. Уверен, что книга получится интересная, нужная и не останется незамеченной. Мне кажется, книга Черемных может послужить прекрасным материалом для киносценария.

Иннокентий Черемных вступил на нелегкий писательский труд. Но упорство и стойкость былого разведчика и здесь помогают ему...

* * *

Из опубликованной в альманахе «Сибирь» рецензии профессора филологического факультета Иркутского госуниверситета, маститого литературного критика Надежды ТЕНДИТНИК.

Беспокойная память изменила жизнь Иннокентия Черемных. Около десяти лет подряд тратил он отпуск и личные сбережения на поездки к месту жительства дру-

зей-однополчан. Сколько жарких встреч было пережито! А сколько бессонных ночей окрашено было вопросом: «А помнишь?» Было, что и не узнавали поначалу боевые друзья, и горько ворочался он в постели от неловкости. Но зато как дороги были слова: «А ведь я вспомнил тебя, Кеша».

Так родилась документальная повесть Иннокентия Черемных «Разведчики». Ее документализм — особенный. Он сродни самой главной особенности современной прозы с ее пафосом доверия, уважения к жизненному факту. И не придется ветерану войны опускать глаза перед боевыми друзьями. И. Черемных выполнил их наказ: «Напиши о нас, Кеша, истинную правду, какой она была».

Автор не задавался целью раскрыть в повести историю войны. Его задача была куда более скромная — рассказать о друзьях-разведчиках, с которыми пройдены нелегкие пути горьких утрат, временных поражений и радость побед. Но война, ее важнейшие этапы, не могли не выступить в повести на первый план. Иначе и не могло быть, либо Иннокентий Черемных провел войну на передовой линии, побывал в самых жарких местах боев.

Но при этом нельзя не отметить, что фигура рассказчика в повести нигде не заслонила собою других героев. Более того, автору отведено в повествовании самое скромное место. Гораздо чаще мы встречаемся с замечаниями «мы, братчане».

Чувство скромности и такта нигде не изменили автору. И если он самолично будет появляться на страницах повести, то лишь затем, чтобы бросить где-то важное замечание, выразить мнение своих боевых товарищей, промелькнуть в иронически окрашенной сценке, вносящей разрядку в полные драматизма и риска будни разведчика.

...Великолепно выписаны батальные сцены (если можно назвать таковыми схватки разведчиков обеих сторон в борьбе за «язык»), выразительные, полные юмора и скрытого драматизма эпизоды солдатской дружбы, оборванной войной, нерушимой солдатской верности. Нередко привлекают внимание отлично написанные и прекрасно «вписывающиеся» в повесть картины природы.

«Землю, словно сверкающим гребнем, прочесывали трассирующие пули. Земля была мерзлая, усыпанная чугунными, железными, свинцовыми осколками, остроту которых мы ощущали своими исшарканными до болячек телами. Ночь стояла тихая, безветренная, но стонала вместе с землей от взрывов, заглушая наше движение». Земля стонет, она исстрадалась вместе с людьми, она протестует, она помогает. Этот образ - символ нередко возникает в повести как аккомпанемент величайшей в истории битвы - Сталинградской. Ее исход дан также глазами разведчика - выразительно, масштабно.

Сибиряки прославили себя в Великой Отечественной войне беззаветным мужеством. Сибирякам есть, что рассказать о ней.

* * *

Сведения, предоставленные для этой книги членом Союза писателей России Владимиром КОРНИЛОВЫМ.

Литературный критик В. В. Михальский отмечал в повести И. Черемных «После войны» следующее: «Я хочу порадоваться за издателей, выпустивших достойную книгу бывалого человека, к тому же еще и, безусловно, одаренного, яркого писателя».

А вот что говорит в статье о его романе «Однополчане» критик Москов: «И. Черемных написал прямую и честную книгу, дополнив в меру своих сил картину Великой Отечественной, создаваемую общими усилиями и писателей, и военачальников, и историков, и непосредственных участников сражения.

Среди авторов мемуаров почти нет рядовых или младших офицеров, это еще больше повышает значение книги «Однополчане».

Но наиболее дорогим и памятным, по словам Иннокентия Черемных, из всех отзывов о его творчестве являлся отзыв писателя Семена Шуртакова, лауреата государственной премии СССР: «Однополчане» я читал не только с нарастающим интересом, но и с глубоким волнением. Это - суровое свидетельство очевидца, беспощадная, голая, ничем, никакими литературными приправами неподслащенная и неприукрашенная правда о великой и страшной войне. Правда о великом, нечеловечески трудном подвиге нашего советского солдата...

Весь страшный в своей обнаженности и, вместе с тем, очеловеченный, согретый живым солдатским дыханием быт войны воспроизведен в книге в зримой наглядности, во множестве непридуманных, несочиненных, а лично увиденных и потому неотразимых в своей правдивости деталей...»

* Снимки из военных архивов РФ

Переписка с однополчанами

Из фондов Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары

Работа писателя И.З.Черемных над своими военными произведениями продолжалась долгие годы. В частности, он вел переписку с однополчанами, просил их присылать свои воспоминания, которые могли в дальнейшем пригодиться ему в творчестве.

* * *

Воспоминания начальника разведки 116-й стрелковой Белгородско-Харьковской дивизии подполковника в отставке Филиппа Ивановича БАРАНОВА, написанные им в начале марта 1975 года.

Летом 1943 года немецкие стратеги и военные тактики во главе с их бандитом Гитлером намеревались дать советским войскам реванш за крупное поражение под Сталинградом. Местом для предстоявших боев был выбран выступ в оборонительной линии нашего фронта, в дальнейшем получивший название «Орловско-Курская дуга». Именно сюда фашисты сосредоточили свои отборные войска с новой боевой техникой - танками «тигр» и самоходными установками «пантера».

К месту предстоящих боев наша 116-я стрелковая дивизия в апреле 1943 года прибыла из-под Сталинграда и расположилась на берегу Дона в 12 километрах западнее г.Лиски.

На пополнение нашей дивизии личным составом, боевой техникой и обучению личного состава было отведено около двух месяцев. В начале июня 1943 года нам была дана команда срочно форсировать Дон и подтянуться к линии фронта.

После сосредоточения на новом месте наш командир дивизии генерал-майор И.М.Макаров приказал мне ежедневно бывать на командном пункте передовых частей той дивизии, которую мы должны были сменить в первой оборонительной линии, что проходила восточнее станции Прохоровка и точно знать, что там за противник и что он собирается делать. Всеми способами разведки было установлено, что гитлеровцы готовят крупное наступление.

5 июля 1943 года немецко-фашистские войска перешли в наступление с районов Сумы - Белгород в направлении станции Прохоровка. В начальный период боев я находился на КП

сменяемой нами дивизии и был свидетелем того, как наши обороняющие войска героически отражали атаки фашистов. Правда, немцам ценой больших потерь в живой силе и технике удалось на отдельных участках прорвать нашу оборону от 8 до 30 километров.

10 июля 1943 года наша 116-я стрелковая дивизия перешла в наступление, не дав закрепиться немцам на новых рубежах. Сбив передовые части немецко-фашистских войск, в частности 87-й пехотной дивизии, стали их преследовать. Во время первого боя разведчики - рядовые В.Карпенко, И.Черемных, Л.Зернин, Ивлев, Кузнецов и Корнев под командованием командира взвода В.Рубанова - захватили 12 пленных, среди них одного офицера, одного унтер-офицера и 10 рядовых.

Другая разведгруппа - Мельников, Громов, Аксененко, Доброхотов, Леготин и Данилов под командованием старшего сержанта Сидорова - захватила семь пленных, среди них одного офицера с ценными документами.

С момента вступления в бой под Прохоровкой 116-й с.д. пришлось непрерывно вести бои с обороняющими и отходящими частями фашистских войск.

В ночь на 5 августа 1943 года разведчики разведроты под командованием лейтенанта В.Рубанова проникли на окраину Белгорода, захватила пленного, который показал, что моральный дух немецких солдат сильно упал, они больше не верят в победу Германии, им говорят, что немцы дальше Днепра отходить не будут, а они оставлены для прикрытия отходящих войск в сторону Харькова.

5 августа войска нашей дивизии с другими частями 53-й армии освободили от немецких оккупантов Белгород и стали с боями упорно продвигаться в направлении Харькова.

22 августа 1943 года части нашей дивизии совместно с другими частями подошли к Харькову, а 23 августа с боями овладели этим городом, и наш штаб разместился юго-западнее Харькова в помещениях бывшей детской колонии им.Горького в Куряже.

В боях за Харьков особо проявили себя мои помощники старший лейтенант Г.Ромазанов (погиб под Песочином), командир взвода разведки лейтенант В.Рубанов (погиб на правом берегу Днепра), сержант Сидоров и рядовые Доброхотов, Леготин, Зернин и Карпенко.

Заслуга всех разведчиков в этот период заключается в том, что они, рискуя каждый день жизнью, брали вовремя пленных, чем помогали командованию в принятии правильных решений.

Расположившись в Куряже, части нашей дивизии имели задачу перерезать шоссе из Харькова на Полтаву, по которому немцы отходили за Днепр. Это шоссе и подступы к нему немцы ожесточенно обороняли.

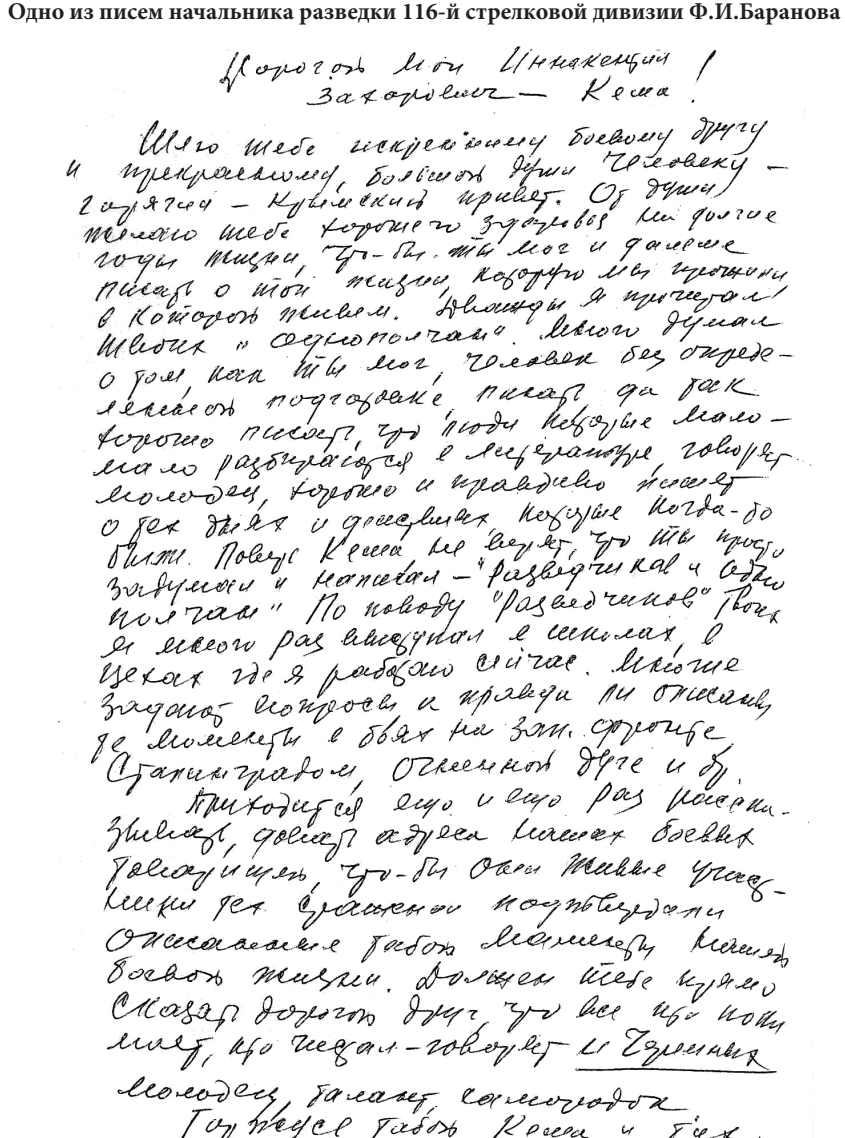
Нашим войскам после взятия г.Люботина и Гавриловки немцы сильно преградили путь к дальнейшему наступлению, ибо южнее Люботина имелись озера и холмисто-лесистая полоса в районе сел Корован и Огольцы, где противник сильно укрепился и без хорошей разведки разбить его было нелегко.

И вот в этой обстановке разведчики дивизии привели в штаб местного жителя Люботина Ивана Мамонтова. В беседе со мной он рассказал, что хорошо знает всю местность вокруг, хорошо говорит по-немецки, готов служить советскому народу и пойти с разведчиками дивизии в тыл к немцам и разведать их оборону.

Трое суток тов.Мамонтов с разведчиками Доброхотовым, Кузнецовым, Бухаровым и Черемных находился в тылу немцев и за это время разведывал все главное, на чем держались фашисты.

Получив ценные данные от разведчиков, 53-я армия нанесла такой удар по немецкой обороне, что они в спешном порядке стали отходить на Валки, Полтаву, а потом к Днепру и дальше.

Одно из писем начальника разведки 116-й стрелковой дивизии Ф.И.Баранова



Дорогой мой Иннакентий Захарович — Кеша!

Шлю тебе искренному боевому другу и прекрасному, большой души человеку — горячий — курский привет. От души желаю тебе хорошего здоровья на долгие годы жизни, чтобы ты мог и дальше писать о той жизни, которую мы прожили в которой живем. Иногда я прочитал твоих „однополчан". Много думал о том, как ты мог, человек без определенного подготовке, писать да так хорошо писать, что люди незнакомые мало-мало разбирающиеся в литературе говорят молодец, хорошо и правдиво пишет о тех днях и событиях которые когда-то были. Повезло Кеша, не верят, что ты просто завмаг и начал — „разведчиком" и „однополчан". По поводу „разведчиков" твоих я много раз выступал в школах, в цехах где я работаю сейчас. Многие задают вопросы и правда ли описанные тобой моменты в боях на зап. фронте Сталинградом, Орловской дуге и др.

Приходится его и его раз повторять, давать адреса моих боевых товарищей, что-бы они живые участники тех сражений подтвердили описанные тобой моменты моей боевой жизни. Должен тебе кстати сказать дорогой друг, что все кто читает, что читал-говорят и старшие молодец, талант самородок.

Горжусь тобой Кеша и тем что знаком тебя, но больше горжусь тобой, что ты один

Из Ленинского Обкома партии сегодня
пришел адрес долг и дань всем боевым
друзьям за их подвиг в Великой Отч. В.
Киева! С 5/5 по 10/5 81г. Я ежедневно
не выстоял? Уважаемые. Из 80 приглашенных
прибыло 28. Работа в основном проводилась
в школах. Из разведчиков нас пока немного.
Больше из прибывших выяснилось, что
они уже получили "Одно письмо"
Спрашивали мало лежение о технической
книге. Разные мнения, но все говорят одно —
молодец И. Черных. Но под обаяние
момента он упустил ш-е напомнить хотя-бы
что-бы мы о нем что-то знали.
Доклад этим "Крепким" адрес я мы
с Казан. Попробуйте напишите хотя адрес
черезчур часть того, что написал И. Черных
мне обычно, что я мог не писать а когда
я им читал, что И. Черных отложил 5 дн. вочны
5 после вчера этот бредн, он тоже солдат
такой как и мы, он не писатель профессиональ
а рядовой — разведчик. Тогда чешу
голову и подумав обычно — И. Черных
молодец. Сумел найти в
себя способность писать и писать
правильно и хорошо. Почему и благо
ему. Вот так дорогой мой Киева
Как твои дела, как здоровье
Когда будешь в Крыму. Хочу
очень хочу тебя видеть
Пишем крепко целую
твой Евгений Ш.
Привет твоей семье
27/5.81 Ленинград

4580/25
СФ
к-1-25

Письмо Иннокентия Черемных к однополчанке Любови Введенской

Л Ю Б А !

Ради своей сестрички Оли напиши – о чем я тебя сто раз просил!!!

О расстреле красавца шофера! Надо же о нем сказать, что он ни за что был без суда расстрелян! У него же наверняка, как и у нас с тобой есть родственники и они должны знать, что он не был трусом, дезертиром, тем более предателем Родины!!!

Пиши! Пиши, быть может, встряхнешь лень, распишешься и что-нибудь доброе скажешь о Саше Куприянове и о Лене Гаврилюке- они же поклонники твои! Я же знал, как Саша и Леня втихаря один от другого – молча любили тебя! Отзовись через сорок с лишним лет, скажи прямо, как дороги они были для тебя в те суровые военные дни, как они оберегали тебя от нападения штабных щеголей офицеров.

А о нашей разведроте почему бы не сказать хоть что-нибудь? Ты же многих разведчиков знала, а мы все знали тебя. Знали потому, что ты у нас спасалась от "ястребов". Присутствовала на похоронах моего земляка, друга Лени Крамынина и многих других парней – вспомни, пророни слезу!

Садись пиши! Не напишешь!.. Это мое письмо будет последним.

Теперь немного о моей поездки в марте с/года в Волгоград.

В гостиницу меня, как защитника Сталинграда ни где не поселили. Ответ был один " Обком партии проводит большое совещание и мы по ихнему списку расселяем людей". В очередях стояли секретари горкомов, райкомов, парткомов и другие партийные работники и никто из них, как бы не слышал и не видел удостоверение в моей руке. Наоборот, кое у кого в глазах вкражалась неприязнь " Чего лескать лезешь, не мешай".

Звонил Гошке, Вам!. Звонил до темноты – не дозвонился. Но мне повезло. Старушка сторож детского сада пустила, накормила, уложила спать на мягкий диван в кабинете заведующего д. сада. Так, что у Вас в Волгограде есть добрые люди.

В книжном издательстве все за один день сделал и уехал в Москву. Приехал домой, сломал ногу. Недавно сняли гипс. На удивление кость срослась, как бывало в войну – на ходу, как на собаке.

Все Люба! Большой поклон твоему супругу Володе. Будьте здоровы. Пиши!!!

И. Черемных
20.06.87г.

Дорогой наш однополчанин! Иннокентий Захарович!

Сердечно поздравляем тебя нашего боевого ветерана IIб Краснознаменной Ордена Кутузова Харьковской стелковой дивизии, твою семью и родных с Великим праздником 50-летия Победы над фашистской Германией.

Много бед, горечи и радости мы испытали в годы войны защищая Советскую Родину СССР. Мы достойно выполнили возложенную на нас историей освободительную миссию и передали новому поколению могучую, непобедимую Державу.

В этом наша гордость, честь, достоинство и слава солдат Отечественной войны.

Желаем Вам, Вашей семье и родным крепкого здоровья и благополучия в жизни.

Крепись наш боевой друг, ведь ты солдат Отечественной войны.

Председатель Иркутской секции ветеранов IIб с.д. и
его заместители В.Д. Федосеенко , М.А. Петухов,
А.И. Ефимов

Иннокентий Захарович!

На наши письма и приглашение тоже не так частые что не откликаешься. видимо занят творческой работой. Сообщаю Вам из 95 человек однополчан в живых осталось 17, меньше взвода, а с нами уходит живая история дивизии, Отечественной войны.

Желаем Тебе, семье здоровья и долгих лет жизни.

адрес мой прежний.

Судьба в документах и фотографиях

Из фондов Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары и центральной городской библиотеки им. И.З. Черемных

Семья Черемных в Пабереге, справа стоит Кеша, конец 20-х годов

Разведчик И. Черемных 30 июля 1946 года

С боевыми друзьями в 1946 году, И.Черемных стоит справа

Красноармейскую книжку иметь всегда при себе. Не имеющих книжек — задерживать

1. Фамилия Черемных
2. Имя и отчество Инокентий Захарович
3. Звание и должность Мл. сержант Радиотелеграфист старший
4. Наименование части (учреждения) 406 артиллерийский полк
5. Наименование подразделения (батальон, рота) 3 батарея
6. № личного знака Черемных

Личная подпись владельца книжки

Место для фотокарточки владельца книжки

Командир роты

«30» июля 1946 г.

(Место печати части)

I. Общие сведения

1. Номер военно-учетной специальности ВУС-45
2. Грамотность и общее образование (если окончил техникум, рабфак или ВУЗ, то указать его название) 6 классов
3. Национальность Русский
4. Год рождения 1922
5. Год призыва (указать также — нормальный или досрочный призыв) 1941 год
6. Каким военкоматом призван Братским РВК, Иркутской обл.
7. Специальность до призыва трактористка

3

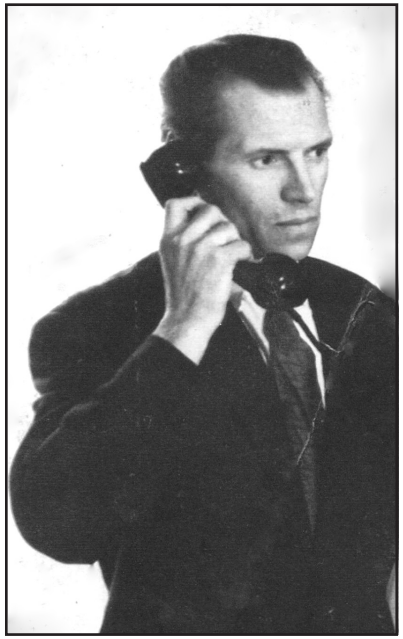
Красноармейская книжка И.З.Черемных, выданная ему перед демобилизацией в июле 1946 году взамен прежней

Молодожены Черемных

Супруги Евдокия и Иннокентий Черемных с дочкой Тамарой и сыном Игорем

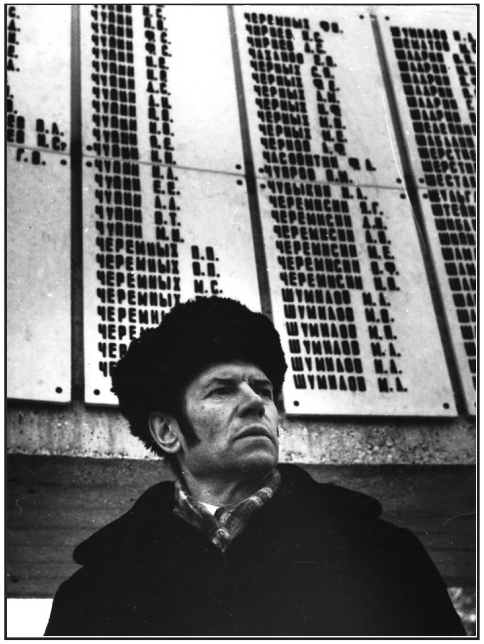
Евдокия Арсентьевна Черемных с детьми

Супруги Черемных с сыном Игорем



И. З. Черемных в должности начальника ЖКК Братскгэсстроя

Сибиряк И. З. Черемных у Братского меморила Славы, 1975 год



Писатель у плиты с именами погибших родственников и земляков

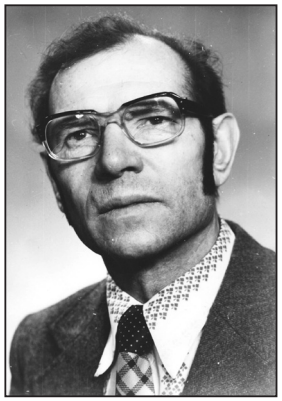
ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ
№ 05061528

Фамилия Черемных
Имя Иннокентий
Отчество Захарович
Год рождения 1922
Время вступления в партию Май 1944 г
Наименование партийного органа, выдавшего билет
Партком спецуправления Братскгэсстроя Иркутской обл
(личная подпись)
М. П. Секретарь выборного комитета
Дата выдачи „15" октября 1973 г.

УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ
1973 год

Месяц	Месячный заработок	Сумма взноса	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь	285	7 13	
Октябрь	425	12 75	
Ноябрь	285	7 13	
Декабрь	285	7 13	

А первый партбилет И. З. Черемных получил на фронте



И. З. Черемных в середине 70-х годов

Время выдачи билета
„10" января 1983 г.
(личная подпись)
МПФ Гознака. 1978. Зак. 78-5708.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ № 04779
Фамилия Черемных
Имя Иннокентий
Отчество Захарович
(литературный псевдоним)
Время вступления в СП 2. XII. 1982 г.
Секретарь Правления Союза писателей СССР

Первая после войны встреча однополчан 116-й с. д., Москва, 1974 год: слева направо сидят - Заваленко, Баранов, Горностаев, Ульченко, Арушанов; стоят - Овчинников, Зернин, Макаров, Олейник, Немцев, Самсонв, Никифоров, Скобелев, Деменский, Аксененко, Билас, Черногорова (Гусева), Ципалов, Николайчук (Филиппова), Черемных, Морозов

И. З. Черемных (в очках) с однополчанами в Москве, на первом плане в центре бывший командир 116-й стрелковой дивизии генерал-майор И. М. Макаров (один из неоднозначных персонажей повести «Разведчики»)

С ветеранами Братска, третий слева сидит И. З. Черемных

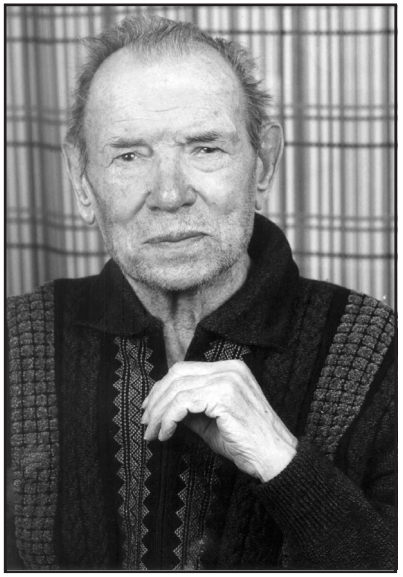
В гуще общественной жизни Братска

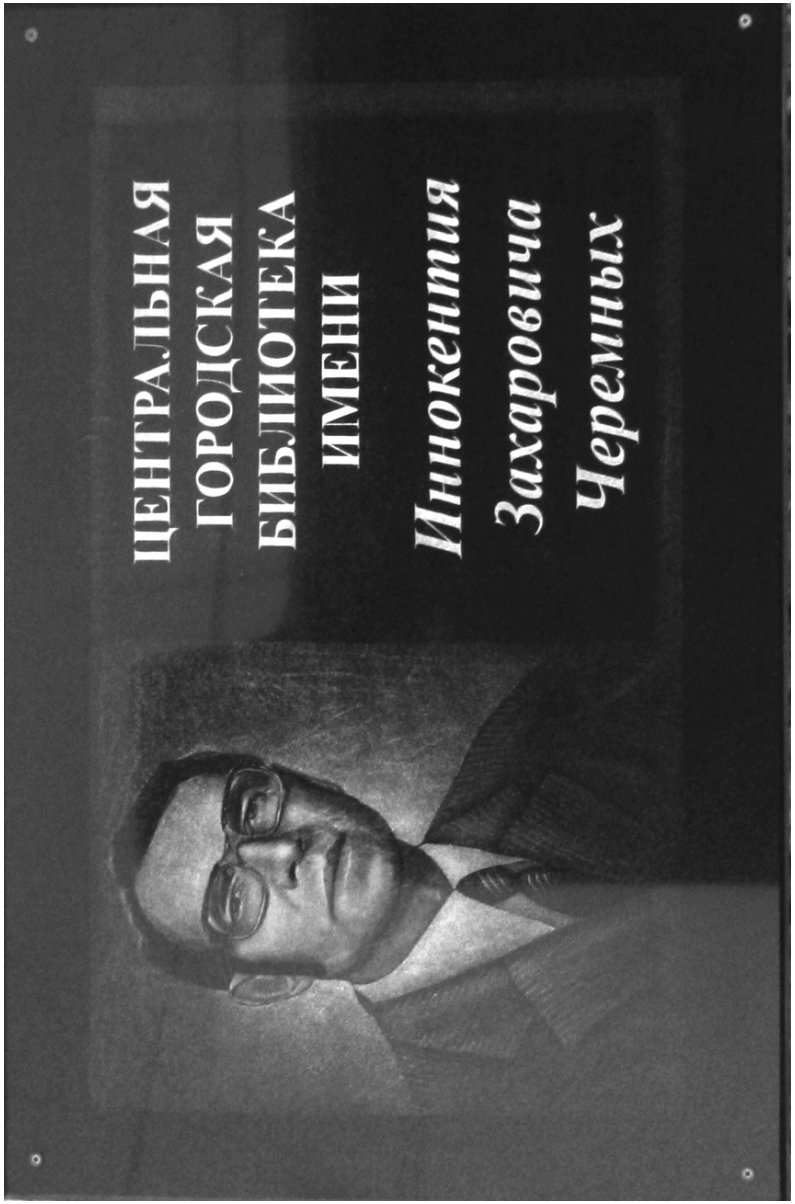
И. З. Черемных на одном из чествований ветеранов Великой Отечественной войны

В день своего 80-летия И. З. Черемных с братскими журналистами М. М. Исаковой, Г. Ф. Мироновой и членом Союза писателей Россиии, поэтом В. В. Корниловым

На встрече в центральной городской библиотеке

В конце жизни Иннокентия Захаровича одолевали болезни, но он крепился.... (последний снимок, сделанный братским фотографом Валерием Демидовым)

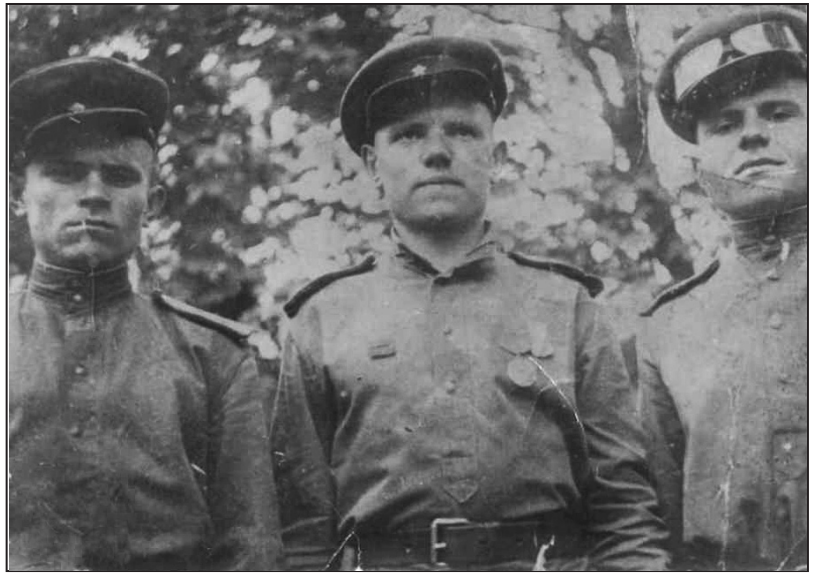




Мемориальная доска, открытая 14 декабря 2012 года

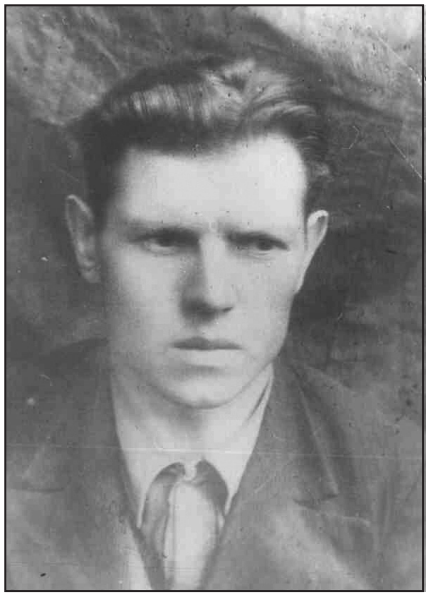
Из личного архива внука писателя Д. В. Бибанаева

Эту фотокарточку И. З. Черемных бережно хранил всю жизнь: друг-разведчик под Сталинградом 3 декабря 1942 года



И. Черемных (в центре) с боевыми товарищами

Вернулся солдат домой, в Иркутске его ждали мама, сестры, отец прибыл с фронта чуть позже...

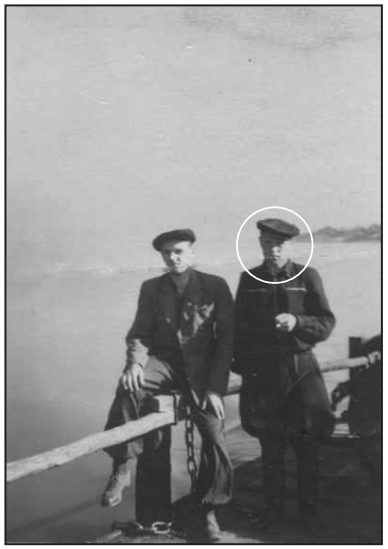


И. Черемных в начале мирной жизни

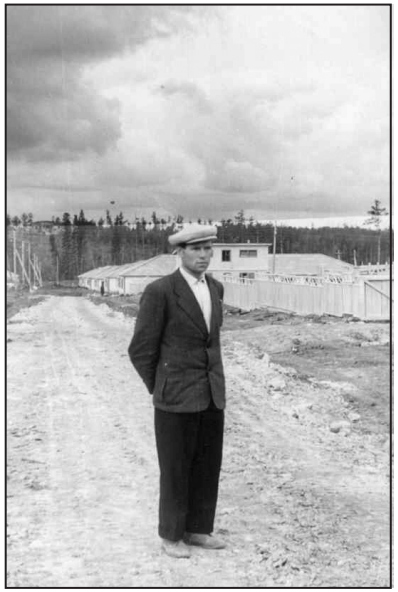
И. З. Черемных в конце 40-х годов

С сыном Игорем

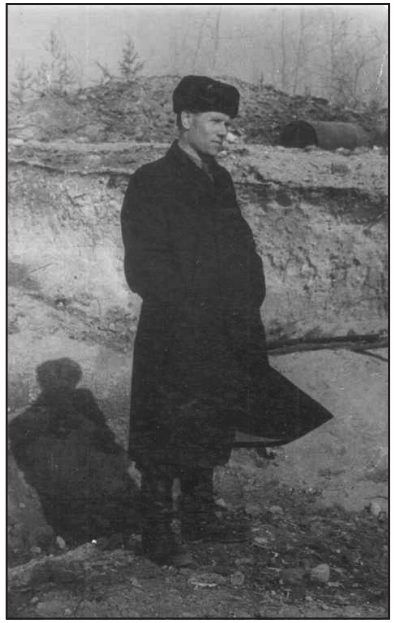
В кругу друзей



И. З. Черемных с земляком



Молодой начальник ЖКК
И. З. Черемных



Дружеская компания любителей пива

В Гудауте, 1959 год

С женой Евдокией Арсентьевной и коллегами по работе

С женой и работниками ЖКК

Иннокентий Захарович увлекался лыжами

С друзьями и женой на улице Мира

Родной брат Николай с семьей (живет в Смоленской области)

С детьми и родственницей возле своего дома на ул. Комсомольской, 5

И. З. Черемных в командировке

С однополчанином, на обороте фотографии надпись...

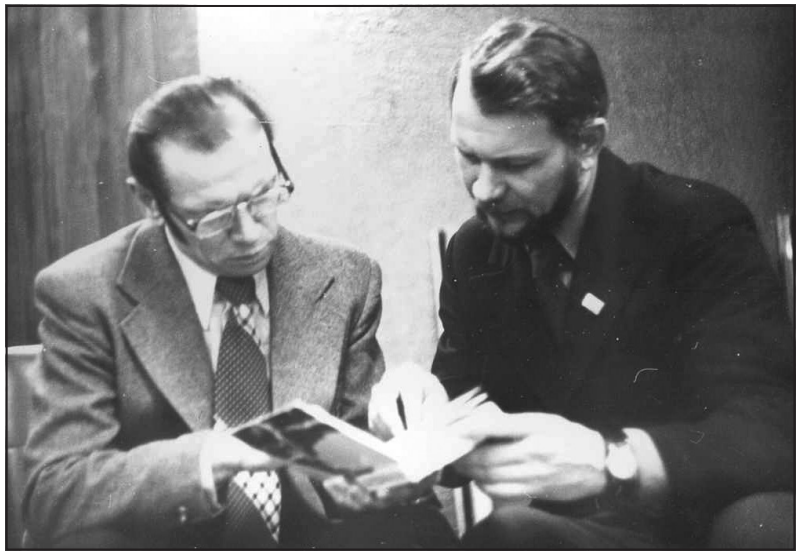
На отдыхе

И. З. Черемных на могиле фронтового друга Василия Дегтяренко с сыном Игорем

С друзьями, на руках И. З. Черемных внучка Яна

В Риге с внуком Димой, 1977 год

Внуки писателя Яна и Дима, ныне старшие офицеры полиции



На творческой встрече

УДОСТОВЕРЕНИЕ УЧАСТНИКА ВОЙНЫ ВРУЧЕНО

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ

НЧ № 0087233

Фамилия Черемных
Имя Иннокентий
Отчество Захарович
Число, месяц и год рождения 7 декабря 1922 г.
Личная подпись владельца
Выдан Братский горвоенкомат Иркутской области (республики)
"" 19 г.
ВОЕННЫЙ КОМИССАР
М. П.
(звание, подпись)

Место для фотокарточки

НЧ № 0087233

1

Общие сведения

1. Место рождения д. Шаберога Братского р-на Иркутской обл.
2. Национальность Русский
3. Партийность (с какого года) член КПСС с 1944 г.
4. Состоял ли в ВЛКСМ (с какого года) состоял
5. Образование 10 классов с 1960 г.
6. Основная гражданская специальность товаровед
7. Семейное положение женат - Черемных Евдокия Ермоловна Арсеньевна

Диплом

ИРКУТСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ ВЛКСМ

н а г р а ж д а е т

ЧЕРЕМНЫХ ИННОКЕНТИЯ ЗАХАРОВИЧА-

участника У областной традиционной конференции "Молодость, творчество, современность" за цикл документальных очерков о войне.

Секретарь Иркутского обкома ВЛКСМ

г. Ангарск, 1968 г.

Из личного архива внучки писателя Я. В. Хариной

И. З. Черемных с внучкой Яной, 1969 год

Супруги Черемных с внучкой Яной, 1970 год

Супруги Черемных с внуками Яной, Димой и зятем Владимиром Бибанаевым у родственников в Риге, 1977 год

Евдокия Арсентьевна и Иннокентий Захарович в семье сына Игоря и его жены Людмилы, дети - Яна, Захар, Лена, конец 70-х годов

И. З. Черемных в начале-середине 80-х годов

Стихи братских поэтов в честь И. З. Черемных

СО СМЕРТЬЮ НА «ТЫ»

От грозных лет до юбилея
Пронес он сердце, не жалея...
Пройдя все адовы круги,
С друзьями съев по пуду соли,
Вдрызг поистер он сапоги –
И не один на бранном поле.
...И сам со смертью был на «ты»:
Она вблизи его держала.
Но каждый раз из темноты,
Как светлый луч небытия, звала держава.
И он, поднявшись в полный рост,
Шел в рукопашную без страха.
И лишь в груди стоял мороз,
Да сердце билось в ней, как птаха.
...Познав свинцовую пургу
И свыкшись с огненной страдою,
Солдат жестоко мстил врагу,
Что к нам на Русь пришел с враждою...
Терял друзей-однополчан
Под Курском, Прагой, под Лозанью...
И снилось сердцу по ночам,
Как плачут вдовы их слезами.
...Пройдя тот жуткий перевал
Войны длиной в четыре года,
Не раз вопрос он задавал:
«А как на родине погода?..
Поди, намаялась земля
- От рук мужских совсем отбилась?
...Ужель, где хлебные поля,
Там сорняком все всколосилось?»
И, взяв в ладони горсть земли,
Понюхал жадно и ноздристо...
И померещилось вдали,
Что пашут землю трактористы.
...«Скорей бы дембель - и домой!
А там... Эх-ма! Держитесь, бабы!..
Да и земле, поди, самой
Пора родить и славить свадьбы!»

Владимир КОРНИЛОВ

ЗА ПИШУЩЕЙ МАШИНКОЙ

Кружатся мысли тонкой паутинкой,
И на исходе ночь давно уже,
А ты сидишь за пишущей машинкой,
Как за пулеметом в блиндаже.
Строчишь, строчишь до самого рассвета,
И все: то – перелет, то – недолет.
Простое слово вроде рядом где-то,
А вот, подишь ты, – в строчку не идет.
Как ни дави от злости на гашетку,
А боль терпеть становится невмочь…
Да лучше б десять раз сходить в разведку
И «языка» оттуда приволочь!
Ты брал не раз их в дзоте и траншее
И хорошо усвоил их язык,
Разок-другой ударишь их по шее.
Глядишь – притих, скорючился и сник.
А тут хоть плачь, ну не дается строчка,
Попробуй сладить с русским языком…
Как не крути, не те слова - и точка!
А немец что? Он нам с тобой знаком.
Его нам бить пришлось без сожаленья,
Как он в окоп не заползал хитро…
Теперь у нас другое направленье –
Сменили мы винтовку на перо.
Ты не Толстой и я не Марков,
Куда тянуться нам с тобой до них,
Но ты всегда гори светло и ярко,
Наш дорогой товарищ Черемных!
И пусть ничто не явится помехой
В твоем нелегком творческом труде.
От всей души – больших тебе успехов!
Больших удач в писательской судьбе!
В твой юбилей, в день твоего рожденья.
Прими, товарищ, этот скромный стих.
Здоровья крепкого тебе и вдохновенья!
Будь счастлив, Иннокентий Черемных!

Николай СНЕГОВ (ПИСКУНОВ)

***Стихотворение написано в 1982 году к 60-летию И.З.Черемных**

В ЗАДЫМЛЕННЫХ ОКОПАХ СТАЛИНГРАДА…

В задымленных окопах Сталинграда
С фашистской нечистью лицом к лицу
Он делал на войне все так, как надо,
И был обычным, рядовым бойцом.
Свистели мимо пули и снаряды...
Во имя и за честь родной страны,
Не требуя ни славы, ни награды,
Бил немцев Иннокентий Черемных.
Хлебнувши лиха всякого без меры,
В назначенный судьбой военной срок,
Приспешником предателя Бандеры
Был дважды ранен - в шею, правый бок.
Но пол-Европы прошагав с боями
За солнцем от восхода на закат,
Живет сегодня в Братске рядом с нами
Иннокентий Черемных – писатель и солдат.

Виктор СМИРНОВ

*** Стихотворение написано к 75-летию И.З.Черемных, опубликовано в газете «Знамя» в 1997 году**

ЧЕРЕМНЫХ

С сорок первого по сорок пятый
Бил врага то штыком, то лопатой,
Поглощая солдатский прострелянный харч,
Наш земляк Черемных Иннокентий Захарыч,
Не вылазя, естественно, с передовой,
Не поймешь - полумертвый или полуживой.
Но а чаще - в тылу, у врага, разумеется.
Эх, разведчику б два, безотказных два сердца!
Пусть одно бы - для боя, для всех, напоказ,
А второе - себе, для любви, про запас!
Но одно оно, бедное, и его, видит бог,
Черемных, кроме боя, ни на что не берег!
И уж так получилось, как в победном кино,-
Будто заговоренное, уцелело оно.
Хоть измятый, потрепанный долгой войной,
Но вернулся везучий братчанин домой.
И в себя не ушел, не зачах, не затих,
Впрягся в жизнь он опять, шебутной Черемных.

Что он только ни делал, кем он только ни был!
Он, разделавшись с фронтом, переделывал тыл.
Было в жизни смешно, было в жизни печально,
Был то просто рабочий, то высокий начальник.
Как-то раз на досуге обнаружил вдруг он:
Есть на свете невзятый еще бастион,
Под ознобным названием - литература,
И взыграла опять боевая натура,
Позвала его в строй поредевшая рать.
«Надо брать! Надо выслать разведку и брать!»
И он, с детства привыкший к земле и назьму,
Усомнился впервые: «Неужель не возьму?
Да ведь я же настырный! Я всякое брал!'
И он стал суматошно копить арсенал.
«А не сдастся добром - завладею силком!»
Решено! И отправился за «языком»!
А куда? Ну, конечно же, в библиотеку,
Может быть, своим детям и жене на потеху.
Где же в мирное время достанешь «язык»?
Только там, в мире вечных, нечитанных книг!
И вот он, говоря не «хотя», а «хоша»,
Полез на пик Толстого, сермяжная душа!
И ведь долез, взметнув победный стяг,
Тот, что недавно осенял рейхстаг.
Четыре книги вышли по стране,
Классически - о мире и войне.
И снова передышка у него,
И снова копит силы... Для чего?
Как бы затишье перед боем... Ну,
Еще кому объявит он войну?!
И на какой занозистый забор
Подымет свой иззубренный топор
Сей богатырь, железный дровосек,
Писатель-воин-чудо-человек?
Предчувствие такое, что вот-вот
Он выскочит на бруствер - и вперед!
Ой, уносите поскорее ноги,
Зеваки, с Иннокентьевой дороги!
Ох, даст сейчас кому-нибудь под дых,
Почуя вдохновенье, Черемных!

Геннадий МИХАСЕНКО

ЛИХОЛЕТЬЕ

Как по затылку топором,
Как по спине хлыстом иль плетью
Нас оглушило « Лихолетье»,
Твоим открытое пером.
Я на войне не воевал,
Был в оккупации мальчишкой.
Войны крутой девятый вал
Меня накрыл всего, как мышку.
И ты не упрекнешь меня,
Тобою я горжусь без меры.
Я не вписался в пионеры,
По рынку шастал и менял,
Менял на сало карандаш,
На корку хлеба папиросы,
Не задавал дурных вопросов
И, как огня, боялся краж.
Играл в «орлянку» и в «буру»,
Гонял тряпичный мяч по полю,
А в 45- м на миру
Был приобщен я к алкоголю.
Хмель испарился в тот же час,
Была его сильнее радость.
Еще задолго до парада
Она в тот год вселилась в нас.
А дальше все известно нам.
Мы в судьбах были так едины.
Уже согнуло время спины,
И седина не по годам.
С тобой мы ровня - от сохи,
И оба мы пенсионеры.
Я вдохновлен твоим примером,
Кропаю прозу и стихи…

Анатолий ЛИСИЦА

Запах русской махорки…

Киносценарий
по мотивам документального рассказа
Иннокентия Черемных «Военный суд»

Осень. Передвижение советских войск времен Великой Отечественной войны. По проселочной дороге автомашины и тягачи тянут тяжелые артиллерийские орудия. В кузовах машин сидят уставшие артрасчеты.

Мужской молодой голос за кадром: Эта трагедия произошла с моим прадедом в 1944 году во время освобождения Польши от фашистских захватчиков.

В кабине медленно движущегося «студебеккера» двое – пожилой водитель и командир артрасчета старший сержант Василий Харитонов; на вид ему лет 30-33, правильные черты лица, из-под пилотки видны светлые с проседью волосы.

Харитонов (глядя на дорогу): Только бы дожди не зарядили.

Водитель (охотно подхватывает): Может, тут, в Польше, и не такие дожди, как у нас в Рязани.

Харитонов: Дожди они везде одинаковые – что у нас в Сибири, что у вас, что тут.

Водитель молчит, привычно крутит «баранку». Потом снова начинает разговор.

Водитель: Только бы доехать без приключений.

Харитонов: Доедем, какой разговор, минут через двадцать прибудем на батарею.

Водитель (чуть наклонив голову вниз, будто что слушает): «Студебеккер» – машина, конечно, хорошая. Но в прошлом месяце я с ней намучился – видно с заводским браком попалась.

И только он это проговорил, как «студебеккер» задергался и остановился.

Харитонов (беззлобно): Накаркал, рязанская твоя душа.

Оба выходят из машины. Мимо проезжают другие расчеты.

Харитонов (кричит вдогонку последним проезжающим): Скоро будем!

Из кузова «студебеккера» выглядывают бойцы-артиллеристы, беспокоятся.

Боец Бураков: Что? Осечка вышла, командир?

Боец Соколовский (устало): Опять на руках орудие потащим…

Харитонов (глядя на удаляющиеся расчеты): Интересно, сколько здесь до ближайшего населенного пункта осталось?

Водитель: Да километра два, не больше.

Водитель залезает на крыло машины, открывает капот, внимательно осматривает «внутренности», тяжело вздыхает.

Водитель: Опять такая же петрушка. Провозимся тут до вечера – как пить дать.

Из кузова спрыгивают на дорогу бойцы орудийного расчета. Поправляют бушлаты, карабины.

Харитонов залезает на другое крыло автомашины, тоже смотрит на «внутренности» «студебеккера».

Харитонов (озабоченно): Надолго?

Водитель: Да кто его знает… В прошлый раз, считай, сутки провозился с мотором.

Харитонов (показывая взглядом на своих бойцов): Вторые сутки голодаем. Как из боев вышли, так еще кухню и близко не видели. Сухари хоть грызли, у кого в карманах завалялись, да и те кончились.

Разговор Харитонова и водителя слышат бойцы. Они стоят возле машины и не знают, что делать.

Соколовский (обращаясь к Харитонову): Командир, пока вы тут с машиной возитесь, мы с Генкой (показывает на Буракова) разведаем: что за село, может, кто из местных жителей харчишки подбросит - как освободителям, а?

Харитонов слушает предложение Соколовского неодобрительно, снимает пилотку с головы, чешет в затылке.

Харитонов: Подбросят – жди, догонят и еще дадут. Забыл, как на Украине встречали?

Соколовский: Так то ж Западная Украина была.

Бураков: Вася, разреши, мы только туда и обратно.

Другие бойцы (вразнобой): Пусть сходят, узнают обстановку. Этих поваров сроду не дождешься…

Харитонов, видя такое настроение солдат, машет рукой: Черт с вами, идите! Только поосторожней там…

Окраина польского села. Бураков с Соколовским осторожно идут вдоль плетня, карабины у обоих на груди, пальцы в любую минуту готовы взяться за пусковой крючок.

Останавливаются возле одной из добротных хат, осторожно открывают калитку, входят в ограду. Никто их не окликает, тогда Соколовский заглядывает в окно и стучит в стекло. Гена Бураков в это время смотрит на висящие на веревках чистые рушники.

Открывается входная дверь. На крыльцо выходит толстый поляк лет 60-ти. Он прилично одет, лицо холеное.

Поляк: Шо трэба, пани?

Соколовский (просит): Отец, у нас машина сломалась – тут, недалеко (показывает назад рукой). Бойцы вторые сутки ничего не ели, не поможешь с едой, а?

Толстяк брезгливо смотрит на заляпанные грязью кирзовые сапоги, грязные галифе и ватные телогрейки русских.

Поляк (произносит медленно на ломаном русском языке): Ваши уже были, все забрали.

Бураков (Соколовскому): Давай, какие гроши тебе ребята собрали, купим пожрать – раз такое дело.

Соколовский выгребает из кармана галифе советские деньги, подает их поляку, а тот морду воротит, рукой их отстраняет.

Бураков (еще миролюбиво): Бери. И картошки нам хоть котелок нагреби.

Поляк: Советский рупь не добже, злоты, злоты...

Соколовский: Какие злоты? Нам пока рубли на злоты не меняли. Сам потом поменяешь.

Бураков (нетерпеливо): Картошки нам хоть котелок!..

Но поляк, отмахиваясь от денег, отступает к двери...

Поляк: Злоты, дойче марки.

Бураков (обращаясь к Соколовскому): Нет, ты слышал, немецкие марки ему подавай, а вот это не хочешь (выразительно показывает ему карабин).

Соколовский (делает отмашку рукой): Ладно, хрен с ним, пойдем в другие хаты.

Артиллеристы выходят за плетень неприветливого дома, устало идут вдоль улицы дальше. Рассуждают.

Соколовский: Другой бы на нашем месте молился , что после таких боев живым остался, а мы все про еду да про еду.

Бураков: Под смертью ходил, а живой остался – опять жрать охота.

Соколовский: Верно говорят: живой думает о живом.

Бойцы стучатся в окна хат, на порог выходят хозяева, и все, как сговорившись, отрицательно машут головой. Это немые сцены.

Тот же голос за кадром: Как сговорившись, поляки не были расположены помочь советским бойцам с продовольствием.

Василий Харитонов и водитель с грязной ветошью в руках почти одновременно спрыгивают с крыльев автомашины.

Водитель (вытирая руки о ветошь): Давай перекурим это дело.

Харитонов: Чо, труба дело?

Водитель: Форсунки «полетели», надо менять.

Оба подсаживаются к бойцам на бровку дороги. Закуривают.

Водитель: Надо кого-то в автобат отправлять. Не-е, кого отправлять, самому надо идти, недалеко от вашей батареи стоит. Туда и обратно – немного времени займет, а вы пока тут переждете.

В этот момент артиллеристы видят, как к ним бредут Соколовский и Бураков. Харитонов по их невеселому виду понимает, что идут ни с чем.

Харитонов (кричит им): Ну чо – с пустыми руками идете?

Бураков (в тон ему): Нет, с полными!

Харитонов (устало): Вас только за смертью посылать ...

Водитель тем временем ищет что-то в кабине под сиденьем, достает тощий вещмешок, набрасывает через плечо.

Водитель: Я быстро, только от студерка никуда не отходите. Надеюсь на тебя, Василий Николаевич.

Харитонов: Да куда ж мы двинем? У меня самого вот пушка (показывает) – ее ить тоже не бросишь. Кому же охота под трибунал, да еще в конце войны? Садовая ты голова...

Бураков: Ты, Иваныч, только не задерживайся там шибко. Быстрее до своих доберемся – быстрее пожрем (поглаживает себя по животу).

Бойцы пытаются смеяться, но с голодухи не получается. Водитель удаляется, видно его сгорбленную спину.

Один из бойцов (обращаясь к рядом сидящему и подставляя развернутый клочок газеты): Насыпь махорки чуток.

А тот ему (похлопывая по карману галифе): Все, кончилась райская житуха, махры нэма (разводит руками).

Моросит осенний холодный дождь. Артиллеристы расположились под бортами и кузовом машины, укрываются плащ-палатками. Но капли все равно попадают на лицо и одежду. Изо рта идет пар. Настроение пакостное.

На дороге показывается прихрамывающий старик, издали он машет белым платком. Бойцы ждут, пока он подойдет, затем один за другим вылезают из укрытия.

Старик (взволнованно говорит с акцентом на русском): Я из села, где вы недавно были. Пан Войцек - мой хозяин - вам картошку не дал, а сам немцев угощал жареными цыплятами.

Бойцы настороженно слушают.

Старик (еще больше распаляется): И вы потеребите у него кур, он их счета не знает, да и пересчитывать не станет. Пойдемте, я покажу вам курятник.

Харитонов подозрительно смотрит на тщедушного поляка, но Бураков с Соколовским уже стали уговаривать его.

Бураков: Вася, пару кур по-тихому прихватим, костерок разведем, хоть поедим по-человечески. Кто нас накормит, в части сейчас не до нас...

Соколовский: Холод собачий, сколько здесь еще просидим... Может, только утром вернемся.

Харитонов (сдается): Ладно, черти, кто пойдет со мной?

Бураков с Соколовским (дружно): Мы!

Харитонов: Как стемнеет – пойдем.

Старик (заискивающе): Проше, пани, проше..

Ночное село, тихо. Бойцы вдоль плетня пробираются к дому поляка-толстяка. Входят во двор, где их встречает уже старик. Он указывает рукой на низкое строение за домом. Бойцы послушно направляются туда, и когда исчезают из поля зрения, старик оглядывается и осторожно стучит в окошко хозяина. В это время из темноты раздается

испуганное кудахтанье кур. Из темноты один за другим появляются артиллеристы. В руке каждого по курице, Соколовский прихватил сразу двух.

Вдруг на крыльцо быстро выходит поляк-толстяк.

Поляк (освещает солдат фонариком): Это мародерство, пани, буду жаловаться вашему начальству.

Соколовский (взяв в одну руку двух кур сразу, а другой, приблизив карабин к лицу пана): Только пикни, курва немецкая - дом сожгу!

И бойцы спешат со двора.

Поляк-толстяк с ненавистью, а старик испуганно смотрят им вслед.

Возле костра у дороги сидят артиллеристы расчета Василия Харитонова, жадно уплетают жареную курятину.

Харитонов: Быстро так не ешьте, а то как бы заворот кишок не случился.

Один боец: Эх, хлебушка бы еще, хоть корочку какую.

Туманное утро. Бойцы крепко спят в кузове. Только Харитонов похаживает возле орудия. Тяжело вздыхает.

Из тумана показывается водитель, предупредительно поднимает руку: свои.

Подходит к Харитонову, снимает с одного плеча термос с едой, ставит на землю.

Водитель: Принимай, небось совсем оголодали.

Харитонов угрюмо молчит. С другого плеча водитель снимает вещмешок.

Водитель: Сейчас форсунки поменяю и тронемся.

Ясный день. Сосновый бор. На жердях возле одной из землянок сидят трое - Харитонов, Бураков, Соколовский. Они без ремней, на гимнастерках нет погонов. Перед ними стоит самодельный длинный стол. Сделанные из консервных банок трубы на землянках пускают солнечные зайчики и слепят глаза всем троим.

Вокруг собрались бойцы батареи. Они перешептываются и с сочувствием смотрят на троицу. Иногда поглядывают в сторону, где на подножке «студебеккера» сидит толстый

поляк, тот самый, у которого голодные артиллеристы позаимствовали кур.

Один из бойцов говорит другому вполголоса: Суд, вишь, будет показательный.

Выходит секретарь суда Аня Богданова, в руках у нее какие-то бумаги.

Богданова (зычным голосом): Встать! Суд идет!

Соколовский вскакивает быстрее всех. Харитонов и Бураков встают не спеша. За длинный стол садится на чурки средних лет коренастый прокурор в надвинутой на лоб фуражке, из-под козырька зло сверкают глаза; за ним рассаживаются с серым невыразительным лицом судья в чине подполковника, заседатели – два молоденьким младших лейтенанта, майор – общественный защитник от артиллеристов - садится на свободную чурку с торца стола последним.

Судья: Заседание военного суда объявляю открытым. Подсудимые Харитонов, Бураков и Соколовский, встаньте!

Троица и так стоит, переминаясь с ног на ноги, руки все держат по швам.

Судья: Харитонов, поясните суду, как все произошло? Говорите только правду. Чистосердечное признание облегчит ваше положение.

Харитонов: Что тут объяснять...

Судья (перебивая): Кто из вас троих намекнул идти воровать кур?

Харитонов: Что тут было намекать, намекнул нам батрак этого пана Войцека. Мы вот трое и пошли. Этот пан (кивает в сторону толстого поляка) немцев жареной курицей и водкой привечал, а нам котелка картошки пожалел. Вот мы и решили его малость проучить.

Судья: Это к делу не относится. Вы знали, что закон за мародерство наказывает?

Харитонов: Знали.

Судья: Знали и пошли?

Харитонов: Да... Есть шибко хотели! И не пошли бы, да батрак душу растравил на этого поляка – фашистского прихвостня.

Бойцы, собравшиеся вокруг, стали одобрительно шуметь при таких словах Харитонова.

Судья: Со словами поосторожней, Харитонов. Отвечайте по существу.

Харитонов пожимает плечами, мол, чего тогда спрашиваете.

Судья тихо обращается к заседателям, те отрицательно мотают головами.

Тогда судья уже громче спрашивает прокурора: У вас есть вопросы к подсудимому?

Прокурор (громко, будто давно ожидал своей очереди): Есть! Так кто же из вас первым подал идею отомстить этому (кивает головой) поляку?

Харитонов молчит, только легкий ветерок колышет его светлый волнистый чуб.

Вокруг наступает тишина. Все ждут, что скажет Харитонов.

Прокурор (переходит на крик): Я тебя, мародер, спрашиваю!

Харитонов: Никто... мы трое разом пошли.

Прокурор: И никто из расчета не отговаривал вас?

Харитонов: А кто будет отговаривать? Двое суток без крошки во рту, только из боев вышли...

Прокурор: Нет вопросов.

Судья: Садитесь пока, Харитонов.

Харитонов садится, опускает голову, его уши багровеют, на лице застывают стыд и унижение.

Солдаты вокруг еще с большим сочувствием и жалостью смотрят на Харитонова.

Судья: Продолжаем заседание. Подозреваемый Соколовский, встаньте. К вам тот же вопрос: кто первый намекнул идти за курами?

Высокий Соколовский встает, плечи опущены, молчит.

Судья: Что, повторить вопрос?

Соколовский: Не надо, я не глухой, хоть и контуженный. Ха-Харитонов...

Бураков (возмущенно): Врешь! Граждане судьи, это он от страха чокнулся. Не помнит ничего. Боится, что невесту свою не увидит. Я первый пошел! Я! Харитонов даже был против...

Судья (стукнув по столу): Сядьте оба!

Соколовский опускается на чурку, по его щекам текут слезы.

Судья: Ладно, Бураков, продолжайте.

Бураков: А что продолжать... Спрашивайте.

Судья (уже нетерпеливо): Значит, это ты спровоцировал Соколовского и Харитонова?

Бураков: Да, я! Взял карабин и пошел в село, они (поворачивается к Соколовскому и Харитонову) - за мной.

Соколовский и Харитонов попеременно бросают внимательные взгляды на Буракова.

Судья: И что: не обмолвились ни словом, не мигнули, не кивнули друг другу?

Бураков: А что перемигиваться. Без того все было понятно, голод не тетка.

Судья: А зачем карабин взял?

Бураков: В случае чего хозяина припугнуть.

Судья: Значит, ты готов был совершить еще одно, более тяжкое преступление?!

Бураков (пожав плечами): Не знаю, может, и хряпнул бы, чтобы он (кивает на толстого поляка) забыл фашистские марки и не хаял советские деньги.

Судья советуется с заседателями, те снова отрицательно мотают головами. А прокурор в это время нетерпеливо ерзает на чурке. Судья замечает это.

Судья (громко обращается к прокурору): У вас есть вопросы к Буракову?

Прокурор (встает): Есть. Бураков, значит, ты спровоцировал Харитонова и Соколовского на мародерство?

Бураков: Сколько можно говорить одно и то же?

Прокурор: Столько, сколько буду спрашивать! Откуда пришел в 406-й артполк?

Бураков: Из бригады Рыбалко.

Прокурор: Почему ушел из бригады?

Бураков: Наш танк в бою подбили.

Прокурор: Сколько танков потерял?

Бураков: Три!

Прокурор: Подбил?

Бураков (дерзко): Не считал!

Прокурор: У меня нет больше вопросов.

Судья снова тихо совещается с заседателями, те пожимают плечами. А прокурор понимающе кивает головой.

Судья (снова обращается к Соколовскому): Встаньте, Соколовский. Еще раз уточните суду: кто все-таки спровоцировал вас на кражу?

Соколовский (не своим голосом): Харитонов.

Судья: Харитонов, встаньте! Признаете свою вину?

Харитонов встает и глубоко набирает соснового воздуха в легкие.

Харитонов (говорит виновато, но твердо): Я виноват. Мои солдаты ни при чем. Я старший, с меня и спрос. Когда Иуда-батрак подбил нас, я спросил свой расчет: мол, кто смелый, кто пойдет со мной? И вот Бураков и Соколовский отозвались...

Судья: Все сказали?

Харитонов (разводит руками): Чо еще говорить?

Судья (немного устало): Садитесь.

Сосновый бор с высоты птичьего полета.

Прокурор (слышится окончание его речи): ...По закону военного времени предлагаю Буракова и Соколовского приговорить к 10 годам лишения свободы с отправкой в штрафную часть для искупления своей вины кровью. Харитонова, обвинение на этом настаивает, приговорить к высшей мере наказания – расстрелу.

Солдаты взбудоражены, поднимается шум, слышатся выкрики: «За что? За трех кур?»

Судья: Всем замолчать!

Снова посовещавшись, судья кивает на общественного защитника.

Судья: Слово предоставляется общественному защитнику. Говорите!

Солдаты затаив дыхание, напрягаются.

Общественный защитник (взволнованно): Подсудимый Харитонов является ветераном 6-й батареи, прославился бесстрашием и мужеством в боях на Западном фронте, под Сталинградом, на Орловско-Курской дуге, Украине, Молдавии и особенно в последнем рукопашном бою, когда отстаивали свое орудие, в деревне Шишкани Ясско-Кишиневского котла, в Румынии.

Харитонов немного приободряется, слегка расправляет плечи, внимательно слушает дальше.

Общественный защитник: Василий Николаевич Харитонов - сибиряк, иркутянин, награжден боевыми орденами и медалями. Прошу не оставлять без внимания – у него двое детей, жена умерла, осталась старуха-мать.

Прокурор, когда говорит общественный защитник, недовольно кривит тонкие губы.

Тот же сосновый бор. Щебет птиц. Солдаты в ожидании приговора еле слышно переговариваются. Подсудимые сидят, опустив головы, друг на друга не смотрят. За столом совещаются.

Судья: Харитонов, встаньте, вам предоставляется последнее слово.

Харитонов тяжело поднимается, оглядывает собравшихся вокруг.

Харитонов (изо всех сил старается говорить ровно): Двое дочек у меня, мать старенькая... Ради их смилуйтесь немного... Не давайте мне расстрел... Дайте самый большой срок и штрафную... Пусть меня вражеская пуля убьет. Страшно принимать смерть от рук своих товарищей, своей пули. Пожалейте детишек!

Прокурор (зло): Надо было думать о них, когда за курами шел!

Харитонов молчит.

Судья: Садитесь, Харитонов. Слово предоставляется Буракову.

Бураков (говорит горячо): Я преступник, но как человек прошу вас: ради детей, пощадите Харитонова, пощадите! О себе чего говорить, не прошу милости...

Судья: А вы что скажите, Соколовский?

Соколовский (уже овладев собой): Товарищи судьи. Это впервой так случилось. Мы воюем давно, учтите это...

Суд удаляется на совещание. Солдаты возмущаются.

Один солдат: Этому польскому живоглоту быка отдали за несколько кур, а он опять появился у нас!

Другой солдат: Дураку понятно, почему он тут. Его кто-то из смершев пригласил. Я как увидел его, так сразу понял – показательный расстрел будет, чтоб этот поляк рассказал своим в деревне, как русские судят своих солдат за мародерство.

Как по команде они поворачивают головы в сторону поляка, а его след простыл.

Один солдат: Чует кошка, чье мясо съела – сбежал, сучья порода!

Харитонов (говорит вполголоса солдатам, стоящим не так далеко от него): Ребята, в случае чего, моим ничего не пишите, пусть думают, что пропал без вести...

Солдаты (успокаивают Харитонова): Да ты что, Василий Николаевич, обойдется. Раз поляк сбежал – так перед кем тогда комедию-то ломать? Все свои остались. Должны расстрел на штрафбат заменить.

Бураков (Соколовскому): Эх, тебя дома ждут, а у меня никого нет – детдомовский!

Соколовский молчит, смотрит на кроны высоких сосен.

Снова секретарь суда: Встать! Суд идет!

Судья (читает по бумажке): Харитонова Василия Николаевича подвергнуть высшей мере наказания – расстрелу! Буракова Геннадия Петровича и Соколовского Ивана Георгиевича – к 10 годам лишения свободы каждого с искуплением вины кровью.

Солдаты еще пуще прежнего гудят.

Харитонов (кладет руки на плечи своих бойцов): Прощай, Генка, прощай, Ванька. Теперь уж на том свете свидимся...

Соколовский: Если можешь, прости, Василий…

Харитонов: Что теперь говорить…

Конвойные грубо расталкивают их и уводят Буракова и Соколовского.

Офицер средних лет подходит к Харитонову, вынимает из кармана брюк перочинный ножик...

Солдаты (друг другу): Особист... особист...

Особист (резко): Встань! Расстегни брюки, кальсоны!

Харитонов делает, что приказывает особист. А тот со злорадной улыбкой обрезает пуговицы на брюках, кальсонах...

Особист (на ухо осужденному, как бы по секрету, но так, чтобы все вокруг слышали): В случае, если побежишь, штаны, кальсоны спадут и ты в них запутаешься, упадешь.

Харитонов (все происходящее воспринимает как сон и простодушно замечает): Куда я побегу... Я ж не заяц...

Артполк строится на лужайке буквой «П». Перед глазами артиллеристов оказывается вырытая могила, на бровке которой желтеет свежая песчаная земля.

Грозный прокурор идет к этой могиле в нахлобученной на глаза фуражке, за ним следует конвой, ведущий на расстрел Василия Харитонова. Тот одной рукой поддерживает спадающие с него брюки.

Подойдя к своей могиле, Харитонов встает лицом к строю однополчан. Лучи солнца бьют ему прямо в глаза, он жмурится, прикрывает глаза ладонью. Бойцы его расчета машут ему на прощанье, подняв кверху руки. Прокурор замечает это.

Прокурор: Бойцам из расчета Харитонова выйти из строя.

Те выходят, еще не поняв, зачем.

А когда догадываются, то один дает задний ход, но поздно, прокурор замечает.

Прокурор: Куда! Стоять, а то сейчас рядом с Харитоновым встанешь. Передать карабины бойцам!

Харитонов наблюдает, как его бойцам особисты насильно всучивают в руки оружие для расстрела своего командира.

Прокурор (командует Харитонову): Снять гимнастерку!

Харитонов цепенеет. Со стороны кажется, что он не торопится. Руки не слушаются, и он с трудом расстегивает пуговицы гимнастерки, медленно снимает ее, аккуратно складывает, бережно кладет на бровку могилы, разглаживает поровнее.

Прокурор (раздраженно): Не тяни! Живее, живее! Снять сапоги!

И вот Харитонов стоит в одних кальсонах, босой. Мускулистое тело слегка подрагивает от осенней прохлады.

Прокурор: Зарядить!

Харитонов принимает стойку «смирно», глядит на ребят, передергивающих затворы карабинов.

Харитонов (как можно спокойнее): Цельтесь сразу в сердце. Не бойтесь, я на вас не в обиде.

Вдруг к расстрельной команде присоединяется новенький старшина батареи.

Солдаты (выкрикивают): Прохвост! Козел кривоногий!..

Прокурорская рука взлетает в воздух: По мародеру-у... залпом... огонь!

Недружно гремят выстрелы. Последний звучит тогда, когда Харитонов уже падает на колени. Из ран на левом плече и правом боку течет кровь.

Прокурор (поняв ситуацию): Вздумали мимо стрелять?!

Бойцы расчета молча отступают к строю.

Старшина-выскочка: Это я дважды стрелял, а они – в воздух...

Харитонов, упираясь рукой о землю, тяжело поднимается на ноги. И снова замирает по стойке «смирно».

Комбат артполка Зверев (восхищенно): Какое мужество!

Он выходит из строя, делает несколько шагов в сторону прокурора и старшины.

Зверев (кричит прокурору): Надо бы прекратить расстрел! Он уже искупил свою вину кровью! Таких нельзя расстреливать!

Прокурор, оглядев стройного и красивого Зверева, вынимает из кобуры трофейный пистолет и приставляет дуло ко лбу Харитонова.

Прокурор (говорит в полной тишине): Ты предпочел от немецкой пули умереть – вот она.

Он в упор стреляет в лоб Харитонова. Тот падает в могилу.

Прокурор еще несколько раз остервенело стреляет в него уже мертвого.

Солдаты в строю плачут: кто украдкой смахивает слезы, кто плачет открыто, никого не стесняясь.

Ночь. Но месяц светит ярко и потому все вокруг видно. Возле вырытой могилы стоят артиллеристы.

Один заглядывает в могилу и кому-то говорит: Хорош, и так глубокую вырыли.

Подходит комбат Зверев, тоже заглядывает в свежевырытую могилу.

Зверев: Несите Харитонова, похороним с почестями в расположении своей батареи. Да тихонько там, не шумите.

На носилках подносят Харитонова, тело прикрыто плащ-палаткой, опускают возле бровки новой могилы.

Зверев: Бойцы! Знайте, что так стойко мог умереть только настоящий солдат. А сволочи, всякие прихвостни, садисты-прокуроры еще свое получат.

Один из артиллеристов хотел отогнуть плащ-палатку и посмотреть на Харитонова.

Зверев (горестно вздохнув): Не надо. Прокурор в его голову всю обойму всадил...Там ничего не осталось, только часть подбородка на шее висит.

Подходит тот самый водитель «студебеккера», кладет на плащ-палатку чистое нательное белье: Вот, в мешках старшины нашел. Надо бы надеть.

Зверев: Я этого гада – старшину – выгнал с батареи.

Пожилой боец (сожалея): Зачем поторопился? Надо было придушить его, суку!

Зверев: Чего я и боялся за вас... Не дай Бог, под конец войны и вам под трибунал попасть из-за какой-то гниды. И при расстреле, когда я выступил вперед, требуя прекратить расстрел, тоже боялся, чтобы вы не заорали в поддержку меня, а то посчитали бы как солдатский бунт. (Прыгает на дно могилы.) Давайте лапник, будем стелить вечную постель нашему Василию.

Те же бойцы и комбат сидят у холмика, прислонившись спинами к соснам.

Зверев: Покурим, братья по оружию, пусть Василий всегда ощущает здесь, на польской земле, запах русской махорки...

Наутро снова передвижение артполка по проселочной дороге.

Знакомый мужской голос за кадром: Так погиб мой прадед – Харитонов Василий Николаевич. Уже в 60-е годы его старшей дочери, моей бабушке, пришло письмо от однополчанина Геннадия Буракова. Он воевал в штрафбате, дошел до Праги. А вот Соколовский в первом же бою был убит. Комбат Зверев погиб на улицах Берлина. Геннадий Петрович Бураков приглашал дочерей своего фронтового друга погостить в Севастополь, где он обосновался с семьей после войны... Но из Иркутска до Севастополя долго добираться, объяснила мне бабушка, поэтому встреча так и не состоялась.

Маргарита ИСАКОВА
ВГИК, 2009 год

*** Документальный рассказ «Военный суд» вошел как один из эпизодов в публикуемую повесть «Разведчики».**

Библиография

Список произведений И.З.Черемных и публикаций о нем

Книги

1. Черемных И. Разведчики: повесть / И. Черемных; предисл. авт.; худож. Г.Г. Леви. – Иркутск: Вост. – Сиб. кн. изд-во, 1970. – 222 с.: ил.
2. Черемных И. Однополчане: роман / И. Черемных. – Иркутск: Вост. – Сиб. кн. изд-во, 1981. – 367 с.
3. Черемных И. После войны: повесть / И. Черемных; послесл. Ю. Самсонова. – Иркутск: Вост. – Сиб. кн. изд-во, 1986. – 208 с.
4. Черемных И. Однополчане: роман / И. Черемных. – 2-е изд., доп. – Иркутск: Вост. – Сиб. кн. изд-во, 1989. – 384 с. – (Сов. сиб. роман).
5. Черемных И. Лихолетье: роман / И. Черемных.– М.: Сов. писатель, 1989. – 560 с.
6. Черемных И. Моя деревня Паберега / И. Черемных.– Братск: Брат. гор. типография, 1998. – 165 с.
7. Черемных И. Солдаты войны. В 2 ч. / И. Черемных. – Братск: Брат. гор. типография, 1999.

Произведения в сборниках и периодических изданиях

1. Черемных И. 10 славных лет: [воспоминания] // Крас. знамя. – 1965. – 3, 5, 12, 13, 16 нояб.
2. Черемных И. Поиск: [воспоминания] // Крас. знамя. – 1966. – 11 мая.
3. Черемных И. Война: [воспоминания] // Крас. знамя. – 1966. – 8 июня.
4. Черемных И. Дорога на фронт: [воспоминания] // Крас. знамя. – 1966. –11 июня.
5. Черемных И. Боевое крещение: [воспоминания] // Крас. знамя. – 1966. – 15 июня.
6. Черемных И. Первый поиск: [воспоминания] // Крас. знамя. – 1966. – 18 июня.
7. Черемных И. В разведке: [воспоминания] // Крас. знамя. – 1966. – 22 июня.
8. Черемных И. Фронтовые будни: [воспоминания] // Крас. знамя. – 1966. – 25, 28 июня; 1, 9 июля.

9. Черемных И. Под Сталинградом: [воспоминания] // Крас. знамя. – 1966. – 5, 13, 19, 20 июня.
10. Черемных И. Час расплаты: [воспоминания] // Крас. знамя. – 1966. – 26 июля.
11. Черемных И. В тылу врага: [воспоминания] // Крас. знамя. – 1966. – 3, 5, 12, 17 авг.
12. Черемных И. За Днепром: [воспоминания] // Крас. знамя. – 1966. – 13, 27, 28, 30 сент.; 4, 5, окт.
13. Черемных И. Кого нет в строю: [воспоминания] // Крас. знамя. – 1966. – 7 окт.
14. Черемных И. Душевное решение: [воспоминания] // Крас. знамя. – 1966. – 8, 11, 18, 19 окт.
15. Черемных И. Родная кровь: [воспоминания] // Крас. знамя. – 1966. – 19, 22, 23 нояб.
16. Черемных И. Зенитчица: [воспоминания] // Крас. знамя. – 1966. – 25, 29, 30 нояб.
17. Черемных И. Поединок: [воспоминания] // Крас. знамя. – 1966. – 7, 8, 13, 14 дек.
18. Черемных И. Борис Леготин: [воспоминания] // Крас. знамя. – 1966. – 17, 20, 21, 22, 27, 28 дек.
19. Черемных И. Дзот: очерк // Крас. знамя. – 1968. – 15, 16, 20 янв.
20. Черемных И. Друзья мои, однополчане // Крас. знамя. – 1968. – 13, 19, 20 мая.
21. Черемных И. Разведчики: отрывок из одноименной повести // Крас. знамя. – 1971. – 11, 12, 23, 24 июня; 16, 17 ,20, 27 июля; 7, 11, 13, 17 авг.
22. Черемных И. Братск – Циттау: очерк // Крас. знамя. – 1975. – 14, 15, 18, 25 марта; 1, 29 апр.
23. Черемных И. О стройке и о себе: Отрывки из романа о строителях Братской ГЭС // Огни Ангары. – 1980. – 15 марта.
24. Черемных И. О стройке и о себе: [отрывок из нового романа] // Огни Ангары. – 1980. – 15 марта.
25. Черемных И. Однополчане: [роман] // Крас. знамя. – 1980. – 1, 2, 3, 4 апр.
26. Черемных И. После войны: Отрывок из повести // Крас. знамя. – 1982. – 9 янв.
27. Черемных И. Веселый разговор // Крас. знамя. – 1982. – 5 мая.

28. Черемных И. После войны: повесть / с крат справкой. об авт. // Сибирь. – 1984. – № 5. – с. 18-43; № 6. – с. 29-49.
29. Черемных И. Статья в коллект. сб. Через войну, к 40-летию Победы. – 1985.
30. Черемных И. Под Сталинградом: отрывок из мемуаров // Крас. знамя. – 1987. – 17 февр.
31. Черемных И. Окопная правда: [письма с фронта] // Сибирь. – 1988. – №3. – с. 74 – 86.
32. Черемных И. Война как она есть...: главы из повести // Крас. знамя. – 1988. – 26, 27, 28 апр.; 6, 11 мая.
33. Черемных И. 116-я стрелковая: [военные мемуары] // Знамя. – 1991. – 19 июня.
34. Черемных И. На румынском фаэтоне в немецкой колонне: [воспоминания о войне] // Знамя. – 1994. – 26 окт. – с.3.
35. Черемных И. В гостях у комдива: [отрывок из повести] // Братчанка. – 1995. – 14 апр.
36. Черемных И. Военный суд: [док. рассказ] // сб. Братчане на фронте и в тылу. – Братск, 1995.
37. Черемных И. Жестокий год: [глава из романа «Однополчане», не вошедшая в книгу] // Знамя. – 1996. – 22 июня.
38. Черемных И. Куда пойти, кого спросить?: [размышления писателя-фронтовика об отношении к ветеранам Великой Отечественной войны] // Знамя. – 1996. – 16 июля. – с.3.
39. Черемных И. Судьба победителя: Встреча фронтовых разведчиков // Знамя. – 1996. – 30 июля. – с.3.
40. Черемных И. По дороге с войны: воспоминания // Сибирь. – 1999. – №1. – с. 104-117.
41. Черемных И. Разведчики // Знамя. – 2000. – 4 мая. – с.4.
42. Черемных И. Моя деревня Паберега: отрывок из повести // Эхо прошедшей войны / сост. А.В. Лисица, Е.А. Уруков. – Братск, 2005. – с. 4-11.
43. Черемных И. На войне и после войны: (из неопубликованного) // Сибирь. – 2007. – № 6. – с. 75-88. – (К 85-летию со дня рождения).

Статьи о жизни и творчестве

1. Игнатьев С. Книга нашего земляка: [рецензия на книгу И.З. Черемных «Разведчики»] // Крас. знамя. – 1971. – 23 янв.

2. Совенко М. Книга о товарищах: [рецензия на книгу И.З. Черемных «Разведчики»] // Вост. – Сиб. правда. – 1971. – 20 марта.
3. Самсонов Ю. Война глазами солдата // Крас. знамя. – 1975. – 14 марта.
4. Михасенко Г. Писатель – солдат // Огни Ангары. – 1980. – 15 марта; Крас. знамя. – 1980. – 1 апр.
5. Маркинцевич И. Перо приравнялось к штыку // Вост. – Сиб. правда. – 1981. – 21 июня.
6. Мостков Ю. Слово солдата – ветерана: [рецензия на книгу И. Черемных «Однополчане»] // Сиб. огни. – 1982. – №7. – с. 194-198.
7. Секерина В. Открытое сердце // Сибирь. – 1984. – №3. – с. 96-102.
8. Забелло В. Сибиряк, труженик, солдат. // Вост. – Сиб. правда. – 1985. – 31 марта.
9. Писатели – о своих книгах: [в числе других И. Черемных о книге «После войны»] // Вос. – Сиб. правда. – 1986. – 30 янв.
10. Уруков Е. После войны: [рецензия на книгу «После войны»] // Крас. знамя. – 1987. – 22 янв.
11. Иванова В. Премьера книги: [о книге писателя «После войны»] // Крас. знамя. – 1987. – 7 февр.
12. Повесть о сибиряках: [о повести «После войны»] // Вост. – Сиб. правда. – 1987. – 15 февр.
13. Тендитник Н. Солдат России: [о книгах И. З. Черемных] // Сибирь. – 1987. – № 1. – с. 99-106.
14. Силина Л. Правдой жив человек // Крас. знамя. – 1990. – 1 янв.
15. Силина Л. Не расти, трава забвения // Крас. знамя. – 1990. – 6 апр.
16. Монахов В. Солдатские мемуары Иннокентия Черемных. // Вост. – Сиб. правда. – 1990. – 9 мая.
17. Как коровушек доили: [отклики фронтовиков на книгу писателя «Однополчане» и «После войны»] // Знамя. – 1994. – 16 нояб.
18. Алексеев В. Пятнадцать лет спустя: [стихотворение, посвященное И.З. Черемных] // Знамя. – 1995. – 8 февр.
19. Парень из Пабереги: [опубликован документ из архива МО СССР, ходатайство о награждении ефрейтора Черемных И.З. орденом Славы III степени] // Знамя. – 1995. – 8 февр.

20. Алексеев В. В Братске: [стихотворение, посвященное И.З. Черемных] // Знамя. – 1995. – 8 февр. – с.2; Вост. – Сиб. правда. – 1995. – 17 марта. – с.6.
21. Монахов В. Летописец солдатской войны // Братчанка. – 1995. – 14 апр.
22. Уруков Е. Сердцу праздника хочется: [размышления о писательской судьбе после празднования Дня Иркутской области] // Знамя. – 1995. – 19 окт.
23. Корнилов В. От грозных лет до юбилея пронес он сердце, не жалея // Педагогический вестник Братска. – 1997. – 5 дек.; Не жалея сердца своего… // Знамя. – 1997. – 13 дек. – с.3.
24. Житов К. Напиши, Кеша, правду…// Вост. – Сиб. правда. – 1997. – 20 дек. – с.13.
25. И Паберега «всплыла» со дня // Знамя. – 1998. – 4 сент. – с.1.
26. Монахов В. Где русский дух – там Русью пахнет // Знамя. – 1998. – 13 нояб. – с. 3.
27. Корнилов В. Память сердца: (размышления о книге И. Черемных «Моя деревня Паберега») // Педагогический вестник Братска. – 1998. – 26 сент. – с.3.; Сибирь. – 1999. – № 1. – с. 172-174; Твоя газета. – 2001. – 6 дек.
28. Алексеев Е. Его «деревня» останется: встречи с писателем: [о выпуске 3-томного издания произведений И. Черемных] // Знамя. – 1999. – 10 авг.
29. Уруков Е. Жив, курилка! // Знамя. – 2000. – 26 дек. – с.5.
30. Алексеев В. Давным-давно я не был в Братске: [стихотворение, посвященное И.З. Черемных] // Знамя. – 2000. – 26 дек. – с.5.
31. Корнилов В. Память сердца: Размышления о книге И. Черемных «Моя деревня «Паберега» // Корнилов В. Верю, боль моя в храмы войдет. – Иркутск, 2004. – с.361-371; Сибирь. – 1999. – №1. – с. 172-174; Твоя газета. – 2001. – 6 дек.
32.Уруков Е. Храню автографы друга: Иннокентию Черемных исполнилось 80 лет // Знамя. – 2002. – 20 дек.
33. Корнилов В. Стихи о грозных днях минувших: Иннокентию Черемных // Корнилов В. Верю, боль моя в храмы войдет. – Иркутск, 2004. – с. 277-278.
34. Ерошина Н. Творчество писателя – братчанина И.З. Черемных: реферат по литературному краеведению // Архив МБО ЦБС, 2004 г.

35. Памяти писателя Иннокентия Черемных: [некролог] // Брат. университет. – 2004. – №41.
36. Черемных Иннокентий Захарович: Памяти писателя-фронтовика // Вост-Сиб. правда. – 2004. – 18 дек.
37. Лисица А. Лихолетье: И.С. Черемных, писателю, ветерану Великой Отечественной войны // Лисица А. Опять звонят колокола. – М., 2005. – с. 41.
38. Михасенко Г. Черемных: (из книги «Азбука Братска): [стихотворение] // Эхо прошедшей войны / сост. А.В. Лисица, Е.А. Уруков. – Братск, 2005. – с. 17-25.
39.Уруков Е. После войны, Его «деревня» останется… //Сб. Хлеб души. – Братск, 2007.
40.Шевгенина Л. Здравствуй, дорогой боевой друг Кеша…// Знамя. – 2012. – 7 дек. – с.3.
41. Тимохина М. «Ушел еще один солдат…»: памяти И.З. Черемных //http//vihbiblioteka.narod.ru/USHELESHEODINSOLDAT.htm.

Источники: Мини-справочник «Писатели и поэты г. Братска» (составитель – гл. библиограф ЦБС О.П.Гапоненко). Материалы, предоставленные Г.Е. Ступак, ныне возглавляющей Братское отделение ВООПИК.

**** В библиографическом списке не хватает указаний на публикации друга писателя Леонида Войлошникова, опытного журналиста газеты «Знамя», который тоже писал о нем и помогал в литературном творчестве.***

Низкий поклон спонсорам проекта

Эта книга вышла в свет благодаря неравнодушным братчанам и мудрым руководителям организаций и предприятий г.Братска, оказавшим финансовую поддержку проекту.

Это ООО «Нефтепровод» - 50 тыс. руб.; ФГБОУ ВПО «БрГУ», ЗАО «Гелиос», гендиректор В.И.Смирнов, А.В.Смирнов, В.В.Смирнов, Д.В.Бибанаев, В.С.Петров (участник ВОв), М.М.Исакова – по 10 тыс. руб.; городской департамент культуры, С.А.Смолина – 7 тыс. 100 руб.; профкомы работников и студентов ФГБОУ ВПО «БрГУ», В.П. Голубева - по 5 тыс. руб.; администрация Падунского округа, А.Л.Казанцев – 3 тыс. 750 руб.; А.З.Черемных, В.Н.Горчаков, С.И.Ишков, С.А.Кострулев – по 3 тыс. руб.; М.Г.Чупин, Э.Ю.Демин, музей им. В.И. Мокровицкого из Правобережного округа – по 2 тыс. руб.; Э.П.Зачиняева, Н.В.Дубровин, М.И.Верещагина, С.М.Чулков, В.А.Коваленко, Л.Ю.Воронцов, А.В.Лапин, Р.И.Хайбуллин, Д.А.Кириченко, С.Г.Кирилов, Р.И.Кучмук, Л.С.Бушманова, Н.В.Бабин, Л.С.Дементьева, А.Я. Русанов - по 1 тыс. руб.

В поселке Ключи-Булак библиотекарь А.К.Вотякова обратилась к землякам писателя, откликнулись работники и главный врач больницы В.Н.Сутырина, коллектив школы и ее директор Е.Д.Рябцева, ООО «Фортуна» - В.В.Григорьев, Л.И.Верпета, В.Бухтиярова, Л.И.Спицина, Е.Мосенко, Г.И.Глухих, Т.Н.Галац, Е.А.Григорьева, А.К.Вотякова, В.И.Белецкая, О.П.Шаманская – 5 тысяч 100 руб.

По 500 рублей и менее внесли Н.И.Кривенко, Л.К.Нефедьева, Г.Е.Ступак, С.К.Игнатьев, С.К.Ильинский, С.М.Арбатский, О.Ю.Артюхова, В.Л.Командина, Н.А.Артеменко, В.В.Шпак, Л.А.Карпович, Л.П.Высокина, А.Н.Киселев, А.Г.Дементьева, А.В.Рыбников, В.Ф.Грищенко, В.П.Юращук, Н.Н.Чупина, А.В.Казаков, Т.Н.Яроцкая, З.Ф.Бушуева, В.А.Скробот и др.

Список составила сопредседатель проекта,
председатель Братского городского отделения ВООПИиК
Галина СТУПАК

Содержание

Разведчики, повесть ……..... 3
Основные награды писателя-фронтовика ...……..... 281
Воевал, строил Братскую ГЭС, писал ……..... 285
Литературные мастера о творчестве нашего земляка ….....… 291
Переписка с однополчанами …….....…. 297
Судьба в документах и фотографиях ……..... 305
Стихи братских поэтов в честь И.З.Черемных …….....… 335
Запах русской махорки, киносценарий …….....….... 341
Библиография…….....……..... 357
Благодарность спонсорам проекта ……..... 364

И. З. Черемных

Разведчики

Повесть

Компьютерный набор, сканирование, техническая подготовка материалов – С.Д.Степыко

Дизайн обложки - Н. Б. Грачева

Дизайн и верстка книги - Н.В. Подымахина

Корректура – М.М.Исакова

В дизайне обложки и в самой книге использованы снимки из военных архивов РФ

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 04998 от 04.06.2001 г.

Сдано в набор 18.12.2012 г.. Подписано в печать 17.02.2013 г.
Формат бумаги 60x84 1/16. Бумага писчая. Гарнитура SchoolBookC.
Печать офсетная. Объем п. л. 23,75. Заказ 7160. Тираж 1200 экз.

ООО «Издательский дом «Братск»
665717 г. Братск, ул. Янгеля, 122